8р 604019
К 903

Кулиш. П. А

Записки о жизни Н. В. Гоголя.

ФОНД

Пр. 2010

604019

пр.

Андрея Евдокимова
МОСКВА.

ЗАПИСКИ О ЖИЗНИ

Николая Васильевича Гоголя.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Андрей Евлокимовичъ
Москва.
Ф. Ф. Ф.

Научная библиотека
Уральского
Госуниверситета
г. Свердловск

Fosombo.

Кулиш, П. А

ЗАПИСКИ О ЖИЗНИ

Николая Васильевича

ГОГОЛЯ,

составленныя изъ воспоминаній его друзей и знакомыхъ и изъ его собственныхъ писемъ.

Андрій Єпископ

Въ двухъ томахъ.

Съ портретомъ Н. В. Гоголя.

Томъ первый.

С.-Петербургъ.
Въ типографіи Александра Якобсона.
1856.

8Р
К 903

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 15 Января 1856 года.

Цензоръ *Фонъ Крузе.*

Научная библиотека
Уральского
Госуниверситета
г. Свердловск
60409

Нѣсколько предварительныхъ словъ.

Въ этихъ »Запискахъ« повторено все, что напечатано въ моемъ »Опытѣ Біографіи Гоголя«, кромѣ мѣстъ, потребовавшихъ исключенія, или замѣны новыми, вслѣдствіе точнѣйшаго изученія предмета и вновь открытыхъ матеріаловъ.

Считаю нужнымъ объяснить причины, по которымъ я назвалъ свою книгу не *вторымъ, пополненнымъ изданіемъ* »Опыта«, а »Записками«. Во первыхъ, это послѣднее заглавіе показалось мнѣ болѣе удобнымъ для будущихъ ссылокъ на мою книгу. Во вторыхъ, здѣсь такъ много передѣлокъ и дополненій противъ »Опыта«, что я считаю »Записки о Жизни Гоголя« новымъ своимъ трудомъ. Въ третьихъ, самое количество писемъ и другихъ документовъ, далеко превосходящее то, которое включено въ »Опытъ«, должно дать этой книгѣ особое значеніе въ глазахъ читателей. Наконецъ, въ четвертыхъ — и это самое главное — обширность предпринятой мною работы, обнятая мною полнѣе при ближайшемъ знакомствѣ съ дѣломъ, заставила меня пріостановиться съ дальнѣйшими біографическими выводами и обратить свою книгу въ простой сборникъ извѣстій о Гоголѣ, — сборникъ, который можетъ еще пополниться новыми записками и изустными разсказами знавшихъ Гоголя лично и по которому со временемъ можно будетъ написать его біографію.

Николай М.*

ЗАПИСКИ О ЖИЗНИ

Николая Васильевича Гоголя.

Періодъ первый.

I.

Предки Гоголя. — Первыя поэтическія личности, напѣчатлѣвшіяся въ душѣ его. — Характерическія черты и литературныя способности его отца. — Первыя вліянія, которымъ подвергались способности Гоголя. — Отрывки изъ комедій его отца. — Воспоминанія его матери.

Въ малороссійскихъ лѣтописяхъ записано два лица, носившія имя Гоголя. Первый Гоголь, выдавшійся изъ толпы своихъ темныхъ однофамильцевъ, былъ Іоаннъ, епископъ пинскій. Онъ является въ числѣ провозвѣстниковъ той уніи, противъ которой воевалъ герой современнаго намъ Гоголя, Тарасъ Бульба. Не извѣстно, состояли ли предки поэта въ какомъ-нибудь родствѣ съ этимъ епископомъ; только Гоголи существовали съ давнихъ временъ на Украйнѣ. Доказательствомъ тому служитъ, между прочимъ, старинное сотенное село Гоголевъ, бывшее, вѣроятно, гнѣздомъ ихъ фамиліи, подобно тому какъ другія села, названныя по извѣстнымъ въ исторіи именамъ, указываютъ на домашній очагъ другихъ старинныхъ родовъ въ Малороссіи. Впрочемъ исторія молчитъ о Гоголяхъ во все продолженіе ожесточенныхъ войнъ за унію и только въ эпоху Богдана Хмельницкаго выноситъ изъ темной неизвѣстности од-

ного Гоголя. То былъ Остапъ Гоголь, полковникъ подольскій. О немъ говорится въ лѣтописяхъ при описаніи битвы на Дрижиполѣ (1655); потомъ его имя упоминается, въ перечисленіи отсутствующихъ полковниковъ, подъ »переяславскими статьями«; наконецъ, въ »Лѣтописи Самовидца« онъ является рядомъ съ Петромъ Дорошенкомъ, которому онъ одинъ изъ полковниковъ остался до конца вѣренъ и послѣ котораго еще нѣсколько времени отстаивалъ подвластную себѣ часть Украйны. Не больше пяти строкъ посвятилъ лѣтописецъ этому обращику козацкой неугомонности, но и изъ нихъ видно, какого сорта это былъ характеръ. Остапъ Гоголь ѣздилъ въ Турцію посломъ отъ Дорошенка, въ то время, когда уже всѣ другіе полковники вооружились противъ этой »вихреватой головы«, какъ называли пана Петра Запорожцы, и когда Дорошенко колебался между двумя мыслями: сѣсть ли ему на бочку пороху и взлетѣть на воздухъ, или отказаться отъ гетманства. Можетъ быть, только Остапъ Гоголь и поддерживалъ такъ долго его безразсудное упорство, — потому что, оставшись послѣ Дорошенка одинъ на опустѣломъ правомъ берегу Днѣпра, онъ не склонился, какъ другіе, на убѣжденія Самойловича, а пошелъ служить, съ горстью преданныхъ себѣ козаковъ, воинственному Яну Собѣскому и, разгромивъ съ нимъ подъ Вѣною Турокъ, принялъ отъ него опасный титулъ гетмана, который не подъ силу пришло носить самому Дорошенку. Что̀ было съ нимъ потомъ и какая смерть постигла этого, какъ по всему видно, энергическаго человѣка, лѣтописи молчатъ. Его боевая фигура, можно сказать, только выглянула изъ мрака, сгустившагося надъ украинскою стариною, освѣтилась на мгновеніе кровавымъ пламенемъ войны и утонула снова въ темнотѣ.

И какому лѣтописцу его времени было дѣло до Остапа Гоголя, полковника отдаленной наддністрянской Украйны и потомъ гетмана небольшой дружины козаковъ, обрывка грозной тучи, вызванной чародѣемъ Хмельницкимъ на бой съ громами польскихъ магнатовъ?... Но это имя, выброшенное волнами событій на широкій берегъ исторіи, до сихъ поръ отрѣшенное отъ живыхъ интересовъ нашего ума и чувства, вяжется теперь съ другимъ подобнымъ именемъ, которое отмѣчено въ лѣтописяхъ міра болѣе яркой и привѣтливо сіяющей звѣздой. Конечно, ни одинъ лучъ въ сіяніи этой звѣзды не зависитъ отъ зловѣщаго блеска, озарившаго

личность Остапа Гоголя; но любопытно, однакожъ, знать, въ какомъ разрядѣ людей, въ какомъ быту и при какихъ обстоятельствахъ вырабатывалась въ минувшіе вѣка жизненная сила, которой въ наши дни, дивной игрой природы, сообщился таинственный огонь поэзіи. Вотъ почему пишущій эти строки съ живѣйшимъ любопытствомъ прочиталъ сухой дворянскій протоколъ поэта, по которому родъ его восходитъ ко временамъ воинственнаго Остапа и въ которомъ упоминается еще двѣ старинныя, исторически извѣстныя фамиліи, бывшія въ близкомъ родствѣ съ поколѣніемъ Гоголей.

Странно, однакожъ, что въ этомъ документѣ полковникъ Гоголь названъ Андреемъ и получаетъ въ 1674 году привиллегію на владѣніе деревнею Ольховцемъ отъ польскаго Короля Яна Казиміра, который за шесть лѣтъ передъ тѣмъ отрекся отъ престола. Не зная, какъ объяснить такую несообразность, пишущій эти строки все-таки думаетъ, что это — преданіе о полковникѣ Остапѣ, искаженное въ канцеляріяхъ гетманской Малороссіи, ибо до сихъ поръ ни въ одномъ извѣстномъ документѣ не встрѣтилось не только полковника Андрея Гоголя, но и никакого другого полковника Гоголя, кромѣ Остапа. Далѣе въ протоколѣ говорится, что полковой писарь (1) Аоанасій Гоголь (дѣдъ нашего поэта), въ доказательство своихъ правъ на дворянство, представилъ документы на имѣнія, перешедшія къ нему отъ дѣда жены его, полковника Танскаго, и тестя, бунчуковаго товарища Семена Лизогуба. Не извѣстно, какъ велики были эти имѣнія, но въ протоколѣ говорится, что они находились въ мѣстечкахъ Липлявомъ, Бубновѣ, Келебердѣ и деревнѣ Рѣшоткахъ (2).

Что касается до предковъ Гоголя по женской линіи, то полковникъ переяславскій Василій Танскій происходилъ отъ извѣстной польской фамиліи этого имени и оставилъ Польшу въ то время, когда Петръ Великій вооружился противъ претендента на польскій престолъ, Лещинскаго. Онъ усердно служилъ Петру въ шведской войнѣ и занималъ всегда одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ между малороссійскою старшиною. Пра-

(1) Старинный малороссійскій чинъ, соотвѣтствовавшій майору.

(2) Все это въ Полтавской губерніи.

дѣдъ поэта, Семенъ Лизогубъ, происходилъ отъ генеральнаго обознаго Якова Лизогуба, извѣстнаго тоже въ царствованіе Петра Великаго и его преемниковъ; а его мать, Марья Ивановна, была дочь надворнаго совѣтника Косяровскаго, какъ это видно изъ его метрическаго свидѣтельства. Такимъ образомъ, Гоголь, по своей родословной, принадлежалъ къ высшему сословію въ Малороссіи и въ числѣ своихъ предковъ могъ считать нѣсколько личностей, хорошо памятныхъ исторіи.

Замѣтимъ, что полковникъ Останъ, игравшій роль посла въ Турцію, полковникъ Танскій, знатный шляхтичъ польскій, и Яковъ Лизогубъ, генеральный обозный (то есть генералъ-фельдъ-цехмейстеръ), — все это должны были быть образованнѣйшіе люди своего времени. Что̀ касается до дѣдушки поэта, полкового писаря ([1]), то уже одно это званіе показываетъ, что онъ могъ получить образованіе въ Кіевской духовной академіи, или по крайней мѣрѣ въ одной изъ семинарій, которыя занимали тогда мѣсто нынѣшнихъ гимназій, и кто знаетъ, не изъ его ли разсказовъ заимствовалъ Гоголь разныя обстоятельства жизни старинпаго бурсака, находимыя нами въ его повѣсти »Вій«? Если это и не такъ, то можно сказать почти навѣрное, что съ него онъ рисовалъ своего идиллическаго Аѳанасія Ивановича. Въ такомъ случаѣ, припомнимъ нѣсколько строкъ, обрисовывающихъ двѣ личности (Аѳанасія Ивановича и его жену), имѣвшія, такъ или иначе, вліяніе на образованіе души нашего поэта въ то время, когда она легко поддавалась всякому вліянію.

»Еслибы я былъ живописецъ и хотѣлъ изобразить на полотнѣ Филемона и Бавкиду, я бы никогда не избралъ другого оригинала, кромѣ ихъ. Аѳанасію Ивановичу было шестьдесятъ лѣтъ, Пульхеріи Ивановнѣ пятьдесятъ пять. Аѳанасій Ивановичъ былъ высокаго роста, ходилъ всегда въ бараньемъ тулупчикѣ, покрытомъ камлотомъ, сидѣлъ согнувшись и всегда почти улыбался, хотя бы разсказывалъ, или просто слушалъ. Пульхерія Ивановна была нѣсколько серьёзна, почти никогда не смѣялась; но на лицѣ и въ глазахъ ея было написано столько доброты, столько готовности угостить васъ всѣмъ, что̀ было у нихъ лучшаго, что вы, вѣрно, нашли бы улыбку уже черезъ-чуръ приторною для ея добраго

([1]) Въ метрическомъ свидѣтельствѣ Гоголя дѣдъ его уже названъ майоромъ.

лица. Легкія морщины на ихъ лицахъ были расположены съ такою пріятностностію, что художникъ, вѣрно бы, укралъ ихъ. По нимъ можно было, казалось, читать всю жизнь ихъ, ясную, спокойную жизнь, которую вели старыя національныя, простосердечныя и вмѣстѣ богатыя фамиліи.... Когда-то въ молодости Аѳанасій Ивановичъ служилъ въ компанейцахъ, былъ послѣ *секундъ-майоромъ;* но это было очень уже давно.... Онъ всегда слушалъ съ пріятною улыбкою гостей, пріѣзжавшихъ къ нему, иногда и самъ говорилъ, но болѣе разспрашивалъ. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ стариковъ, которые надоѣдаютъ вѣчными похвалами старому времени, или порицаніями новаго; онъ, напротивъ, распрашивая ихъ, показывалъ большое любопытство и участіе къ обстоятельствамъ вашей собственной жизни, удачамъ и неудачамъ, которыми обыкновенно интересуются всѣ добрые старики.... Тогда лицо его можно сказать, дышало добротою.... Они наперерывъ старались угостить васъ всѣмъ, что̀ только производило ихъ хозяйство. Но болѣе всего пріятно мнѣ было то̀, что во всей ихъ услужливости не было никакой притворности. Это радушіе и готовность такъ кротко выражались на ихъ лицахъ, такъ шли къ нимъ, что по неволѣ соглашался на ихъ просьбы. Онѣ были слѣдствіе чистой, ясной простоты ихъ добрыхъ, безхитростныхъ душъ.« (1)

Сынъ полкового писаря, Василій Аѳанасьевичъ Гоголь, отецъ поэта, былъ человѣкъ весьма замѣчательный. Онъ обладалъ даромъ разсказывать занимательно о чемъ бы ему ни вздумалось и приправлялъ свои разсказы врожденнымъ малороссійскимъ комизмомъ. Во время рожденія Николая Васильевича (2), онъ имѣлъ уже чинъ коллежскаго ассессора, что въ провинціи — и еще въ тогдашней провинціи — было рѣшительнымъ доказательствомъ, во первыхъ, умственныхъ достоинствъ, а во вторыхъ, бывалости и служебной дѣятельности. Это уже одно заставляетъ насъ предполагать въ немъ извѣстную степень образованности — теоретической, или практической, все равно; но, кромѣ того, мы имѣемъ еще

---

(1) »Старосвѣтскіе Помѣщики«, въ »Сочиненіяхъ Николая Гоголя«, т. II, стр. 13, 15, 29, 30.

(2) Онъ родился въ 1809 году, 19 марта, въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ. Можетъ

другое доказательство высшаго умственнаго его развитія, о чемъ будетъ сказано ниже. Такимъ образомъ занимательность его разсказовъ объясняется не однимъ врожденнымъ даромъ слова: онъ много зналъ, много видѣлъ и много испыталъ — это не подлежитъ сомнѣнію. Но какъ бы то ни было, только его небольшое наслѣдственное село Васильевка, или — какъ оно называется изстари — Яновщина, сдѣлалось центромъ общественности всего околотка. Гостепріимство, умъ и рѣдкій комизмъ хозяина привлекали туда близкихъ и далекихъ сосѣдей. Тутъ-то бывали настоящіе »вечера на хуторѣ«, которые Николай Васильевичъ, по особенному обстоятельству, помѣстилъ возлѣ Диканьки (¹); тутъ-то онъ видалъ этихъ неистощимыхъ балагуровъ, этихъ оригиналовъ и деревенскихъ франтовъ, которыхъ изобразилъ потомъ, нѣсколько окаррикатуря, въ своихъ несравненныхъ предисловіяхъ къ повѣстямъ Рудого Панька.

Надобно быть жителемъ Малороссіи, или, лучше сказать, малороссійскихъ захолустій, лѣтъ тридцать назадъ, чтобы постигнуть, до какой степени общій тонъ этихъ картинъ вѣренъ дѣйствительности. Читая эти предисловія, не только чуешь знакомый складъ рѣчей, слышишь родную интонацію разговоровъ, но видишь лица собесѣдниковъ и обоняешь напитанную запахомъ пироговъ со сметаною или благоуханіемъ сотовъ атмосферу, въ которой жили эти прототипы Гоголевой фантазіи.

Вообще въ первыхъ своихъ произведеніяхъ Гоголь нарисовалъ многое, что̀ окружало его въ дѣтствѣ, почти въ томъ видѣ, какъ оно представлялось глазамъ его. Тутъ еще не было художественнаго сліянія въ одно предметовъ, разбросанныхъ по цѣлому міру и набранныхъ поэтическою памятью въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена. Поэтому, его

быть, будущему біографу Гоголя полезно будетъ знать для какихъ-нибудь соображеній, что мать Гоголя имѣла двоихъ дѣтей до его рожденія, но они являлись на свѣтъ мертвыми. Поэтому, въ ожиданіи новыхъ родовъ, она переѣхала въ Сорочинцы, гдѣ жилъ знаменитый въ то время малороссійскій врачъ Трофимовскій. Между прочимъ она дала обѣтъ, если родится у нея сынъ, наименовать его Николаемъ, въ честь чудотворнаго образа, называвшагося Николаемъ Диканьскимъ. Родители Гоголя просили священника села Диканьки молиться до тѣхъ поръ, пока дадутъ ему знать о счастливомъ событіи и попросятъ отслужить благодарственный молебенъ.

(¹) Миргородскаго уѣзда Полтавской губерніи.

»Вечера на Хуторѣ« и нѣкоторыя пьесы въ »Миргородѣ« и въ »Арабескахъ«, при всей незрѣлости своей, имѣютъ для насъ теперь особенный интересъ. Тутъ изъ-за картинъ выглядываетъ самъ художникъ, тогда какъ въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ онъ, силою своего таланта, поставилъ изображенныя имъ лица, предметы и событія внѣ всякаго сближенія съ своею домашнею жизнью (¹). Здѣсь онъ дитя, невольно высказывающееся въ своей наивности; тамъ онъ мужъ, безпристрастно и вслѣдствіе высшихъ соображеній выражающій поэтическія истины. Малороссійскіе помѣщики прежняго времени жили въ деревняхъ своихъ весьма просто: ни въ устройствѣ домовъ, ни въ одеждѣ не было у нихъ большой заботы о красотѣ и комфортѣ. Ноющія двери, глиняные полы и экипажи, дающіе своимъ звяканьемъ знать прикащику о приближеніи господъ, — все это должно было быть такъ и въ дѣйствительности Гоголева дѣтства, какъ оно представлено имъ въ жизни старосвѣтскихъ помѣщиковъ. Это не кто другой, какъ *онъ самъ*, вбѣгалъ прозябнувъ въ сѣни, хлопалъ въ ладоши и слышалъ въ скрипѣніи двери: »батюшки, я зябну!« то *онъ* вперялъ глаза въ садъ, изъ котораго глядѣла сквозь растворенное окно майская темная ночь, когда на столѣ стоялъ горячій ужинъ и мелькала одинокая свѣча въ старинномъ подсвѣчникѣ. Покрытая зеленою плесенью крыша и крыльцо, лишенное штукатурки, представлялись *его* глазамъ, когда онъ, переѣхавъ пажити, лѣзущія въ экипажъ, приближался къ родному дому, и старосвѣтскіе помѣщики были портреты почтенной четы отходящихъ изъ нашего міра старичковъ, которые мирною жизнью, исполненною тихой любви и довольства, лелѣяли дѣтское сердце поэта, какъ теплая, свѣтлая осень лелѣетъ молодые посѣвы. И если онъ отъ своего отца и его досужихъ собесѣдниковъ позаимствовалъ оригинальную, истинно малороссійскую манеру балагурить, то, безъ сомнѣнія, охлажденныя старостью рѣчи прототиповъ Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны заронили въ его душу сѣмена серьёзныхъ убѣжденій религіи и нравственности, развивавшіяся въ немъ незримо для міра, наравнѣ съ даромъ овладѣвать разсѣяннымъ умомъ падкаго на смѣшное

(¹) Кромѣ развѣ оригинальныхъ украшеній языка, съ которыми онъ никогда не могъ разстаться.

читателя. Дѣтскія письма его покажутъ, какъ рано въ немъ скрывались высокія стремленія къ пользѣ ближняго, оказавшіяся впослѣдствіи подкладкою его юмористическихъ произведеній. Но не будемъ забѣгать впередъ и посмотримъ еще на обстановку дѣтскихъ лѣтъ поэта, поговоримъ о вліяніяхъ, содѣйствовавшихъ складу его ума и предначертавшихъ направленіе, по которому онъ долженъ былъ пойти въ зрѣломъ возрастѣ. При его впечатлительности, ничто не оставалось для него посторонним, до него некасающимся. Вотъ какъ разсказываетъ самъ онъ о своемъ жадномъ любопытствѣ, находившемъ пищу во всемъ, что̀ представлялось его взорамъ:

»Прежде, давно, въ лѣта моей юности, въ лѣта невозвратно мелькнувшаго моего дѣтства, мнѣ было весело подъѣзжать въ первый разъ къ незнакомому мѣсту: все равно, была ли то деревушка, бѣдный уѣздный городишко, село ли, слободка, любопытнаго много открывалъ въ немъ дѣтскій любопытный взглядъ. Всякое строеніе, все, что̀ носило только на себѣ напечатлѣнье какой-нибудь замѣтной особенности, все останавливало меня и поражало. Каменный ли казенный домъ, извѣстной архитектуры... круглый ли, правильный куполъ, весь обитый листовымъ желѣзомъ, вознесенный надъ выбѣленною какъ снѣгъ, новою церковью, рынокъ ли, франтъ ли уѣздный, попавшійся среди города — ничего не ускользало отъ свѣжаго, тонкаго вниманья, и, высунувши носъ изъ походной телеги своей, я глядѣлъ и на невиданный дотолѣ покрой какого-нибудь сюртука, и на деревянные ящики съ гвоздями, съ сѣрой, желтѣвшей вдали, съ изюмомъ и мыломъ, мелькавшіе изъ дверей овощной лавки вмѣстѣ съ банками высохшихъ московскихъ конфектъ, глядѣлъ и на шедшаго въ сторонѣ пѣхотнаго офицера, занесеннаго Богъ знаетъ изъ какой губерніи на уѣздную скуку, и на купца, мелькнувшаго въ сибиркѣ на бѣговыхъ дрожкахъ, и уносился мысленно за ними. Уѣздный чиновникъ пройди мимо — я уже и задумывался: Куда онъ идетъ? на вечеръ ли къ какому-нибудь своему брату, или прямо къ себѣ домой, чтобы, посидѣвши съ полчаса на крыльцѣ, пока не совсѣмъ еще сгустились сумерки, сѣсть за ранній ужинъ, съ матушкой, съ женой, съ сестрой жены и всей семьей, и о чемъ будетъ веденъ разговоръ у нихъ въ то время, когда дворовая дѣвка въ монистахъ, или мальчикъ въ толстой курткѣ,

принесетъ, уже послѣ супа, сальную свѣчу въ долговѣчномъ сальномъ подсвѣчникѣ. Подъѣзжая къ деревнѣ какого-нибудь помѣщика, я любопытно смотрѣлъ на высокую, узкую деревянную колокольню, или широкую, желтую, деревянную старую церковь. Заманчиво мелькали мнѣ издали, сквозь древесную зелень, красная крыша и бѣлыя трубы помѣщичьяго дома, и я ждалъ нетерпѣливо, покуда разойдутся по обѣ стороны заступавшіе его сады, и онъ покажется весь съ своею тогда, увы! вовсе не пошлою наружностью, и по немъ старался я угадать, кто таковъ самъ помѣщикъ, толстъ ли онъ, и сыновья ли у него, или цѣлыхъ шестеро дочерей съ звонкимъ дѣвическимъ смѣхомъ, играми и вѣчною красавицей меньшею сестрицей, и черноглазы ли онѣ, и весельчакъ ли онъ самъ, или хмуренъ какъ сентябрь въ послѣднихъ числахъ, глядитъ въ календарь, да говоритъ про скучную для юности рожь и пшеницу.« (¹)

Таковъ былъ Гоголь-ребенокъ. Еслибы судьба бросила его въ міръ круглымъ сиротою, то, съ этимъ инстинктомъ всматриваться во все его окружающее, съ этимъ даромъ по видѣнному угадывать невиданное и изъ отдѣльныхъ, несвязныхъ частицъ строить цѣлое, онъ во всякомъ случаѣ сдѣлался бы, такъ или иначе, художникомъ. Пускай бы онъ родился въ самомъ монотонномъ уголкѣ Россіи, посреди какихъ-нибудь Зырянъ, или Калмыковъ: онъ и тамъ высосалъ бы изъ родной почвы соки для цвѣтовъ воображенія и плодовъ мыслящаго духа. Но судьба назначила ему увидѣть свѣтъ въ странѣ, по замѣчанію Линнея, самой разнообразной естественными произведеніями, и посреди племени, одареннаго всѣми видоизмѣненіями чувствъ, отъ совершеннаго равнодушія къ житейскимъ выгодамъ и отсутствія всякой энергіи до неугомонной предпріимчивости и горячаго пристрастія къ любимой мечтѣ, — отъ беззаботнаго, лѣниваго смѣхотворства до глубочайшихъ, мрачныхъ, или торжественныхъ движеній сердца, — посреди племени, у котораго пѣсня звенитъ, вся отъ начала до конца, богатыми риѳмами — чистый, благородный металлъ поэзіи — и каждымъ почти словомъ питаетъ воображеніе. Небо сіяетъ въ ней мѣсяцемъ и звѣздами надъ дворомъ »красной дивчины«; роза плыветъ по водѣ, эмблематически выражая потерю цвѣтущей молодо-

(¹) »Мертвыя Души«, изд. 1846, стр. 207 — 9.

сти, отъ яркости нарядовъ красавицы вспыхиваетъ дуброва, черезъ которую она ѣдетъ къ суженому; влюбленная козачка молитъ Бога собрать ея вздохи, какъ цвѣты, и поставить у изголовья »милаго«, чтобъ онъ проснувшись вспомнилъ о ней. А пѣсни матерей и женъ бывшаго воинственнаго сословія! а мужественныя рапсодіи бандуристовъ, звучащія крѣпкою рѣчью, унылыя и вмѣстѣ торжественныя!... Каково такая поэзія должна была подѣйствовать на душу будущаго автора »Тараса Бульбы« и живописца украинской природы!

Этого мало. Онъ рождается въ семействѣ, отдѣленномъ только однимъ, или двумя поколѣніями отъ эпохи козацкихъ войнъ. Отъ своего дѣда онъ могъ слышать еще свѣжія, полныя живого интереса устныя преданія о томъ, что̀ записано въ лѣтописяхъ. И точно, слѣды этого сохранились въ повѣсти о »Пропавшей Грамотѣ«, разсказанной отъ лица балагура-дьячка. Авторъ, набросивъ на себя, по обыкновенію, покровъ шутливости, говоритъ съ чувствомъ, явно искреннимъ:

»Эхъ старина, старина! что̀ за радость, что̀ за разгулье падетъ на сердце, когда услышишь про то, что̀ давно-давно — и года ему, и мѣсяца нѣтъ — дѣялось на свѣтѣ! А какъ впутается еще какой-нибудь родичъ, дѣдъ, или прадѣдъ — ну, тогда и рукой махни. Чтобъ мнѣ поперхнулось за акаѳистомъ великомученицѣ Варварѣ, если не чудится, что вотъ-вотъ самъ все это дѣлаешь, какъ-будто залѣзъ въ прадѣдовскую душу, или прадѣдовская душа шалитъ въ тебѣ!«

Самыя легкія черты старинной Малороссіи, разбросанныя у него — не говорю уже въ »Тарасѣ Бульбѣ«, но и въ мелкихъ разсказахъ и отрывкахъ — дышутъ именно такимъ чувствомъ, »какъ-будто онъ залѣзъ въ прадѣдовскую душу« и видѣлъ сквозь нее собственными глазами своего предка, Остапа Гоголя. Въ немъ не замѣтно этого правильнаго, полнаго изученія старины, на которое опирается родственная ему фантазія Вальтера Скотта; онъ говоритъ вещи, извѣстныя и мнѣ, и другому, и десятому, но говоритъ ихъ такъ, что въ каждой ихъ фразѣ вѣетъ воздухъ не нашего времени и въ складѣ его рѣчи чуешь присутствіе отдаленной дѣйствительности. Видно, что онъ былъ пораженъ въ дѣтствѣ не событіями старины, о которыхъ случалось ему слышать, а общимъ характеромъ этихъ событій, и чувство, впечатлѣвшееся тогда въ его сердце,

сообщало потомъ всему, чего онъ ни касался своею кистью, тотъ свѣтъ, въ которомъ его дѣтскому воображенію представлялась старина. (1)

Такимъ образомъ, обстоятельства дѣтства поэта и первыя впечатлѣнія, которыя онъ долженъ былъ получить отъ окружающей его природы и людей, благопріятствовали будущему развитію его таланта, надѣляя его свѣжими, живыми, цвѣтистыми матеріалами. Довольно было работы для дѣтскаго ума, пока онъ вобралъ въ себя образы и впечатлѣнія, которые послѣ такъ свѣжо явились въ его картинахъ »буколической«, какъ онъ самъ называетъ, жизни малороссійскихъ помѣщиковъ и въ изображеніяхъ того, что́ онъ видѣлъ только духовными своими глазами въ дѣтствѣ. Впослѣдствіи сцена его наблюденій и воспріимчивости расширилась еще болѣе. Въ сосѣдствѣ села Васильевки, именно въ селѣ Кибинцахъ (2), поселился извѣстный Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій, геній своего рода, который изъ бѣднаго козачьяго мальчика умѣлъ своими способностями и заслугами возвыситься до степени министра юстиціи. Уставъ на долгомъ пути государственной службы, почтенный старецъ отдыхалъ въ сельскомъ уединеніи посреди близкихъ своихъ домашнихъ и земляковъ. Отецъ Гоголя былъ съ Трощинскимъ въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Такъ и должно было случиться неизбѣжно. Оригинальный умъ и рѣдкій даръ слова, какими обладалъ сосѣдъ, были оцѣнены вполнѣ воспитанникомъ высшаго столичнаго круга. Съ своей стороны, Василій Аѳанасьевичъ Гоголь не могъ найти ни лучшаго собесѣдника, какъ бывшій министръ, ни обширнѣйшаго и болѣе избраннаго круга слушателей, какъ тотъ, который собирался въ домѣ государственнаго человѣка, отдыхавшаго на родинѣ послѣ долгихъ трудовъ. Тотъ и другой открыли въ себѣ взаимно много родственнаго, много общаго, много одинаково интересующаго.

---

(1) Когда М. А. Максимовичъ говорилъ съ нимъ о томъ, что хорошо было бы, еслибъ онъ описалъ свое путешествіе въ Палестину, онъ отвѣчалъ: »Можетъ быть, я описалъ бы все на четырехъ листахъ, но я желалъ бы написать это такъ, чтобъ читающій *слышалъ*, что я былъ Палестинѣ«.

(2) Недалеко отъ знаменитаго мѣстечка *Сорочинцы*, сцены первой повѣсти Гоголя въ »Вечерахъ на Хуторѣ«.

Въ то время Котляревскій только что выступилъ на сцену съ своею »Наталкою Полтавкою« и »Москалемъ-Чаривныкомъ«, пьесами, до сихъ поръ неисключенными изъ репертуара провинціальныхъ и столичныхъ театровъ. Комедіи изъ родной сферы, послѣ переводовъ съ французскаго и нѣмецкаго, понравились Малороссіянамъ, и не одинъ богатый помѣщикъ устроивалъ для нихъ домашній театръ. То же сдѣлалъ и Трощинскій. Собственная ли это его была затѣя, или отецъ Гоголя придумалъ для своего патрона новую забаву — не знаемъ, только старикъ-Гоголь былъ дирижеромъ такого театра и главнымъ его актеромъ. Этого мало: онъ ставилъ на сцену пьесы собственнаго сочиненія, на малороссійскомъ языкѣ.

Къ сожалѣнію, все это считалось не болѣе, какъ шуткою, и никто не думалъ сберегать игравшіяся на кибинскомъ театрѣ комедіи. Единственные слѣды этой литературной дѣятельности мы находимъ въ эпиграфахъ къ »Сорочинской Ярмаркѣ« и къ »Майской Ночи«. Между этими эпиграфами есть нѣсколько стиховъ изъ Котляревскаго и Гулака-Артемовскаго, которыхъ имена подъ ними и подписаны. Подъ остальными сказано только; »Изъ малороссійской комедіи«. Сколько мнѣ извѣстна печатная и письменная малороссійская литература до появленія »Вечеровъ на Хуторѣ«, эпиграфы эти не принадлежатъ ни одной пьесѣ. То же самое должно сказать и о двухъ эпиграфахъ къ »Сорочинской Ярмаркѣ«, подъ которыми подписано: »Изъ старинной легенды« и »Изъ простонародной сказки«. Все ли это отрывки изъ сочиненій Гоголева отца, я не могу еще сказать. Можетъ быть, Гоголь сочинилъ самъ нѣкоторые изъ нихъ, подобно Вальтеру Скотту, который, затрудняясь иногда подобраніемъ эпиграфовъ къ многочисленнымъ главамъ своихъ романовъ, импровизировалъ нѣсколько стиховъ въ старинномъ, или простонародномъ вкусѣ и подписывалъ подъ ними: Old song (старинная пѣсня). По крайней мѣрѣ теперь я могу отчасти оправдать свою прежнюю догадку касательно этого обстоятельства, найдя въ числѣ упомянутыхъ эпиграфовъ одинъ несомнѣнный отрывокъ изъ комедіи Василія Гоголя. Этимъ я обязанъ достойной матери нашего поэта, которая часто видала двѣ комедіи своего покойнаго мужа на кибинскомъ театрѣ и помнитъ кое-что изъ разговоровъ дѣйствующихъ лицъ.

Первая изъ комедій Гоголева отца называлась двойнымъ титуломъ: »Романъ и Параска, или (другое названіе позабыто)«. Въ этой пьесѣ представлены мужъ и жена, жившіе въ домѣ Трощинскаго на жалованьи, или на другихъ условіяхъ« и принадлежавшіе, какъ видно, къ »высшему лакейству«. Они явились въ комедіи подъ настоящими именами, только въ простомъ крестьянткомъ быту, и хотя разыгривали почти то же, что случалось у нихъ въ дѣйствительной жизни, но не узнавали себя на сценѣ. Трощинскій былъ человѣкъ Екатерининскаго вѣка и любилъ держать при себѣ шутовъ; но этотъ Романъ былъ смѣшонъ только своимъ тупоумiемъ, которому бывшій министръ юстиціи не могъ достаточно надивиться. Что касается до жены Романа, то она была женщина довольно прыткая и умѣла водить мужа за носъ. Такою она представлена и въ комедіи.

Дѣйствіе происходитъ въ малороссійской хатѣ, убогой, но чистенькой. Параска сидитъ у печи и прядетъ. Входитъ мужикъ, хорошо одѣтый, и говоритъ:

— Здорова була́, ку́мо! А кумъ де?

Параска. — На печи.

Кумъ. — Упъя́ть на печи? Або, може, и не зла́зывъ сёго́дни?

Тутъ между кумомъ и кумою происходитъ секретный разговоръ. Она выпрашиваетъ у него зайца, чтобъ подурачить мужа и выжить его на время изъ хаты. Кумъ замѣчаетъ ей: »Ты, ку́мо, у лыха граешъ«, однакожъ отдаетъ ей свою добычу.

Когда гость удалился, Параска обращается къ мужу съ увѣщаніями:

— Ты бъ такы пишо́въ хоть зайця піймавъ, щобъ мы оскоро́мылысь хоть за́ячыною.

Романъ (громко съ печи). — Чимъ я ёго буду ловыть? У ме́не чортыма́ ни собакы, ни рушы́ци.

Параска. — Кумъ поросямъ за́йця ло́выть; а наше кова́не такѐ прудкѐ!

Романъ (радостно). — То-то й е! Я дывлюсь, а воно̀ такъ швы́дко побѝгло до коры́та!

Параска. — Отъ ба́чишъ! Уставай лышъ та убирайся.

Романъ. — Трѐба жъ посни́даты.

Параска. — Ты знаешъ, що у насъ ничо́го нема́. Я зроблю́ хыба́ росо́льцю та накрышу сухаривъ; ты и попонесы́.

Романъ садится посреди хаты и надѣваетъ *постолы* (лапти). Параска подаетъ ему *воло́ки* (оборы), но волоки рвутся у него въ рукахъ, и онъ въ отчаяньи:

Оттепѐръ такъ!

И принимается бранить жинку. Но та говоритъ:

— Возьмы́ вже хочъ поворо̀зку зъ очи́нка.

Потомъ надѣваетъ на него сѣрую свитку, шапку, подпоясываетъ и говоритъ:

— Оттепе́ръ зовсі́мъ мо́лодець: ти́льки въ копо́пли на опу́дало.

Романъ. — Колы бъ же поросѝ побѝгло за мною.

Параска. — Якъ же можно, щобъ порося за чоловикомъ бѝгло? Ты ёго положы въ то́рбу, накынь на плѐчи, а якъ побачишъ зайця, то й выпусты.

Выпроводивши его, она говоритъ:

—Де такы вы́дано, щобъ поросѝмъ зайця ловылы! А Романъ бидный и поня́въ виры. Іого недовго одурыты. Теперъ же буду выгляда́ты мого мылого дяка, Хому Грыгоровыча. Умене для ёго и варѐныки прыготовлени и курочка спѐчена, въ печи засу́пена.

Дьякъ является съ привѣтствіями на славянскомъ языкѣ, прибавляя къ каждой фразѣ *тее-то*, и называя хозяйку сладкоустою Парасковіею Охримовной. Онъ »отпускаетъ«, по словамъ почтенной разскащицы, »чудныя фразы«, но она ихъ перезабыла.

Параска ставитъ на столъ угощеніе, какъ въ это время раздается за наружною дверью стукъ. Параска смотритъ въ окно и произноситъ то, что̀ напечатано въ эпиграфѣ къ VI-й главѣ »Сорочинской Ярмарки«:

»Отъ бида, Романъ идѐ! Оттеперъ якъ разъ надсадыть менѝ бѐбехивъ, да и вамъ, па́не Хо́мо, не безъ лы́ха буде.«

Дьякъ проситъ спрятать его куда-нибудь. Она прячетъ куда попало, отворяетъ мужу дверь, и тотъ является съ бранью и упрекомъ,

что поросенокъ его убѣжалъ совсѣмъ въ другую сторону, увидя зайца.

Но Параска показываетъ ему зайца и увѣряетъ, что поросенокъ принесъ его домой.

Романъ (въ изумленьи). — Бачъ!... винъ бигъ навперѐймы!

Потомъ разсказываетъ, по какимъ мѣстамъ онъ искалъ своего поросенка и приводитъ странныя названія урочищъ, долинъ и косогоровъ. Пьеса оканчивается »очень смѣшнымъ« открытіемъ спрятаннаго дьяка; но гдѣ и какъ онъ былъ найденъ — позабыто.

Итакъ вотъ происхожденіе семинариста въ »Сорочинской Ярмаркѣ«, Ѳомы Григорьевича, героя предисловій къ »Вечерамъ на Хуторѣ«, дьяка и великолѣпной Солохи въ »Ночи передъ Рождествомъ«.

Другая комедія называлась: »Собака-Вивця́«. Вотъ ея содержаніе.

Солдатъ, квартируя у мужика, видѣлъ, какъ тотъ повелъ на ярмарку продавать овцу. Онъ условился съ товарищемъ овладѣть ею, и товарищъ явился навстрѣчу мужику.

— Ба, мужичокъ! сказалъ онъ: — Гдѣ ты ее нашелъ?

— Кого? отвѣчаетъ мужикъ: — вивцю́?

— Нѣтъ, собаку.

— Яку собаку?

— Нашего капитана. Сегодня сбѣжала у капитана собака, и вотъ она гдѣ! Гдѣ ты ее взялъ? Вотъ ужъ обрадуется капитанъ!

— Та се, моска́лю, вивця́, говоритъ мужикъ.

— Богъ съ тобою! какая вивца́?

— Та щò бо ты кажешъ! А клычъ же: чы пи́де вона до тебе?

Солдатъ, показывая сѣно изъ-подъ полы, говоритъ:

— Цуцу! цуцу!

Овца начала рваться отъ хозяина къ солдату.

Мужикъ колеблется. А солдатъ началъ представлять ему такіе доводы, что разувѣрилъ его окончательно. Мало того: онъ обвинилъ его въ воровствѣ, и тотъ, чтобъ только отвязаться, отдалъ солдату овцу и еще *копу грóшей*.

— Будь ласковъ, служба, просилъ онъ солдата: — не кажы, що вона була у мене. Мабуть, зло́дій, укравшы ін, укынувъ мини въ за́городу. Я пиду́ додому та визьму зъ загороды спра́жню вже вивцю, та й поведу на торгъ.

Изъ этого видно, что Гоголь въ самомъ раннемъ возрастѣ былъ окруженъ литературною и театральною сферою, и такимъ образомъ тогда уже былъ для него намѣченъ предстоявшій ему путь. Онъ, можно сказать, подъ домашнимъ кровомъ получилъ первые уроки декламаціи и сценическихъ пріемовъ, которыми впослѣдствіи восхищалъ близкихъ своихъ пріятелей (¹). Пріѣзжая домой на вакаціи, онъ имѣлъ не одинъ случай, если не видѣть театръ Трощинскаго, то слышать о немъ и позаимствовать кое-что отъ своего отца. Какъ бы то ни было, только въ Нѣжинской гимназіи мы находимъ его не только писателемъ и журналистомъ, но и отличнымъ актеромъ.

Однакожъ, прежде, нежели разскажемъ, какъ все это было, мы должны, для порядка своего повѣствованія, упомянуть, что Гоголь получилъ первоначальное воспитаніе дома, отъ насмнаго семинариста; потомъ готовился къ поступленію въ Гимназію въ Полтавѣ, на дому у одного учителя гимназіи, вмѣстѣ съ младшимъ своимъ братомъ Иваномъ. Но когда ихъ взяли домой на каникулы и младшій братъ умеръ (9-ти лѣтъ отъ роду), Николай Васильевичъ (будучи старше его годомъ) оставался нѣкоторое время дома. Между тѣмъ тогдашній черниговскій губернскій прокуроръ Бажановъ увѣдомилъ Гоголева отца объ открытіи въ Нѣжинѣ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко и совѣтовалъ ему помѣстить сына въ находящійся при этой гимназіи пансіонъ, что́ и было сдѣлано въ маѣ мѣсяцѣ 1821 года. Гоголь вступилъ своекоштнымъ воспитанникомъ, а черезъ годъ зачисленъ казеннокоштнымъ.

(¹) Во время пребыванія Гоголя въ Римѣ, одинъ изъ русскихъ художниковъ, вслѣдствіе продолжительной болѣзни, впалъ въ крайне-затруднительныя обстоятельства. Гоголь, чтобъ сколько-нибудь помочь ему, пока подоспѣетъ пособіе изъ родины, читалъ за деньги, въ пользу его, своего »Ревизора«, для всѣхъ Русскихъ, находившихся тогда въ Римѣ.

Здѣсь мы оглянемся назадъ и вспомнимъ еще два обстоятельства, которыхъ біографъ не долженъ упускать изъ виду при наблюденіи дальнѣйшихъ психологическихъ явленій въ жизни Гоголя. Первое — его любовь къ товарищу первыхъ дѣтскихъ игръ, потерянному при самомъ вступленіи въ общество чужихъ людей. Онъ былъ нѣжно привязанъ къ брату и упоминалъ о немъ съ глубокимъ чувствомъ въ бесѣдахъ съ школьными своими друзьями. Изъ всѣхъ героевъ своихъ повѣстей ни о комъ не писалъ онъ съ такой любовью, чуждою комическаго покрова, какъ объ Андріѣ (¹) : можетъ быть его, прекраснаго и въ объятіяхъ смерти, оставилъ онъ намъ памятникомъ братской любви своей и долгихъ сожалѣній.

Второе обстоятельство — исторія знакомства его отца съ его матерью, сдѣлавшаяся, безъ сомнѣнія, ему извѣстною въ числѣ первыхъ узнанныхъ имъ семейныхъ преданій. Эта исторія сообщена мнѣ въ трехъ-четырехъ строкахъ самою Марьей Ивановной Гоголь и, съ ея позволенія, я приведу здѣсь эти строки.... Но, для большей ясности, я долженъ начать выписку изъ ея письма немного выше.

»Въ Малороссіи назадъ пятьдесятъ лѣтъ большая трудность была въ воспитаніи дѣтей небогатымъ людямъ, къ числу которыхъ принадлежали и мои родители; а женщинамъ не считали даже нужнымъ доставлять образованіе. Мои родители не были такихъ мыслей. Отецъ мой для того служилъ, чтобъ имѣть способъ образовать насъ и много трудился, прежде въ военной службѣ, которая была тогда очень тяжела, и когда потерялъ здоровье для той службы, то перешолъ въ штатскую, и тогда было началось мое воспитаніе, когда онъ былъ въ Харьковѣ губернскимъ почтмейстеромъ. И когда ему объявили доктора, что онъ лишится отъ излишняго прилежанія зрѣнія, то оставилъ службу и переѣхалъ въ свой маленькой хуторокъ, и окончилось мое воспитаніе, продолжавшееся всего 1 годъ. Потомъ выдали меня 14 лѣтъ за моего добраго мужа, въ 7 верстахъ живущаго отъ моихъ родителей. Ему указала меня Царица Небесная, во снѣ являясь ему. Онъ меня тогда увидалъ, неимѣющую году, и узналъ, когда нечаянно увидалъ меня въ томъ же самомъ возрастѣ, и слѣдилъ за мной во всѣ возрасты моего дѣтства«.

(¹) Въ »Тарасѣ Бульбѣ.«

Научная Б... Украи... Госу... в. С...

Мнѣ кажется, что эти послѣднія слова характеризуютъ сферу первыхъ понятій и вѣрованій Гоголя болѣе, нежели все, что было мною до сихъ поръ сказано, и потому совѣтую читателю обратить на ихъ особенное вниманіе.

II.

Пребываніе Гоголя въ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко. — Дѣтскія проказы его. — Первые признаки литературныхъ способностей и сатирическаго склада ума его. — Воспоминанія самаго Гоголя о его школьныхъ литературныхъ опытахъ. — Школьная журналистика. — Сценическія способности Гоголя въ дѣтствѣ. — Страсть къ книгамъ.

Теперь мы будемъ говорить о той порѣ жизни поэта, о которой воспоминанія его соучениковъ ясны и живы. Гоголь представляется намъ красивымъ бѣлокурымъ мальчикомъ, въ густой зелени сада Нѣжинской Гимназіи, у водъ поросшей камышемъ рѣчки, надъ которою взлетаютъ чайки, возбуждавшія въ немъ грёзы о родинѣ. Онъ — любимецъ своихъ товарищей, которыхъ привлекала къ нему его неистощимая шутливость, но между ними немногихъ только, и самыхъ лучшихъ по нравственности и способностямъ, онъ избираетъ въ товарищи своихъ ребяческихъ затѣй, прогулокъ и любимыхъ бесѣдъ, и эти немногіе пользовались только въ нѣкоторой степени его довѣріемъ. Онъ многое отъ нихъ скрывалъ, по видимому, безъ всякой причины, или облекалъ таинственнымъ покровомъ шутки. Рѣчь его отличалась словами малоупотребительными, старинными или насмѣшливыми ; но въ устахъ его все получало такія оригинальныя формы, которыми нельзя было не любоваться. У него все перерабатывалось въ горнилѣ юмора. Слово его было такъ мѣтко, что товарищи боялись вступать съ нимъ въ саркастическое состязаніе. Гоголь любилъ своихъ товарищей вообще, и до такой степени спутники первыхъ его лѣтъ были тѣсно связаны съ тѣмъ временемъ, о которомъ впослѣдствіи онъ изъ глубины души восклицалъ : »О моя юность! о моя свѣжесть!« (1), что даже школьные враги его, если только онъ имѣлъ

---

(1) »Мертвыя души«, стр. 209.

ихъ, были ему до конца жизни дороги. Ни объ одномъ изъ нихъ не отзывается онъ съ холодностью или непріязнью, и судьба каждаго интересовала его въ высшей степени.

Впрочемъ товарищи составляли только отраду его въ разлукѣ съ роднымъ семействомъ, но не могли замѣнять для него первыхъ сердечныхъ привязанностей. Побывавъ дома на каникулахъ 1821 года, онъ до такой степени вновь сжился съ отцомъ и матерью, что разлука съ ними довела его до болѣзненнаго раздраженія чувствъ.

»Ахъ, какъ бы я желалъ (писалъ онъ къ нимъ), еслибъ вы пріѣхали какъ можно поскорѣй и узнали бъ объ участи своего сына! Прежде каникулъ писалъ я, что мнѣ здѣсь хорошо, а теперь напротивъ того. О, если бы, дражайшіе родители, пріѣхали (вы) въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ! тогда бы вы услышали, что̀ со мною дѣлается! Мнѣ послѣ каникулъ сдѣлалось такъ грустно, что всякій Божій день слезы рѣкой льются, и самъ не знаю, отъ чего; а особливо, когда вспомню объ васъ, то градомъ такъ и льются. И теперь у меня грудь такъ болитъ, что даже не могу много писать. Простите мнѣ за мою дерзость, но нужда все заставитъ дѣлать. Прощайте, дражайшіе родители! Далѣе слезы мѣшаютъ мнѣ писать.

»Не забудьте также (продолжаетъ онъ) добраго моего Симона, который такъ старается обо мнѣ, что не прошло ни одной ночи, чтобы онъ не увѣщевалъ меня не плакать объ васъ, дражайшіе родители, и часто просиживаетъ по цѣлой ночи надо мною.«

Бывшіе наставники Гоголя аттестовали его, какъ мальчика скромнаго и »добронравнаго«; но это относится только къ благородству его натуры, чуждавшейся всего низкаго и коварнаго. Онъ дѣйствительно никому не сдѣлалъ зла, ни противъ кого не ощетинивался жосткою стороною своей души; за нимъ не водилось какихъ-нибудь дурныхъ привычекъ. Но никакъ не должно воображать его, что называется, »смирною овечкою«. Маленькія злыя, ребяческія проказы были въ его духѣ, и то, что̀ онъ разсказываетъ въ »Мертвыхъ Душахъ« о *гусарѣ*, списано имъ съ натуры. Подобныя затѣи были между его товарищами въ большомъ ходу. Но, можетъ быть, не всѣ такъ хорошо знакомы съ его произведеніями, какъ авторъ этихъ »Записокъ«; можетъ быть, немногіе помнятъ чудную картину, просвѣтлѣвшую въ воображеніи поэта при воспоминаніи

о гусарѣ; картина же эта живо рисуетъ и школу, въ которой онъ воспитывался, и ея мѣстоположеніе, а потому мы выпишемъ ее здѣсь цѣликомъ. Гоголь разсказываетъ о томъ, какъ дамы губернскаго города N, по случаю странныхъ подозрѣній насчетъ Чичикова, »умѣли напустить такого туману въ глаза всѣмъ, что всѣ нѣсколько времени оставались ошеломленными. Положеніе ихъ въ первую минуту (продолжаетъ онъ) было похоже на положеніе школьника, которому, сонному, товарищи, вставшіе поранѣе, засунули въ носъ гусара, то есть бумажку, наполненную табакомъ. Потянувши въ просонкахъ весь табакъ къ себѣ со всѣмъ усердіемъ спящаго, онъ пробуждается, вскакиваетъ, глядитъ, какъ дуракъ, выпучивъ глаза, во всѣ стороны, и не можетъ понять, гдѣ онъ, что́ съ нимъ было, и потомъ уже различаетъ озаренныя косвеннымъ лучемъ солнца стѣны, смѣхъ товарищей, скрывшихся по угламъ, и глядящее въ окно наступавшее утро съ проснувшимся лѣсомъ, звучащимъ тысячами птичьихъ голосовъ и съ освѣжившеюся рѣчкою, тамъ и тамъ пропадающею блещущими загогулинами между тонкихъ тростниковъ, всю усыпанную нагими ребятишками, зазывающими на купанье, и потомъ уже наконецъ чувствуетъ, что въ носу у него сидитъ гусаръ« (¹).

Эти »блестящія загогулины между тонкихъ тростниковъ« живо напоминаютъ тому, кто знаетъ мѣстность Нѣжинскаго Лицея, протекающую мимо него тихую, поросшую камышами рѣчку, а проснувшійся лѣсъ, звучащій тысячами птичьихъ голосовъ, есть не что иное, какъ тѣнистый обширный садъ Лицея, похожій на лѣсъ. Ссылаюсь на соучениковъ Гоголя, не помнятъ ли они при этомъ »косвенномъ лучѣ солнца« золотистыхъ кудрей дѣтской головы своего знаменитаго сверстника. Да, это одно изъ тѣхъ лѣтнихъ утръ, когда душа поэта, упиваясь новостью »всѣхъ наслажденій бытія«, набиралась (мы употребляемъ его слово) творческаго запаса на будущую дѣятельность; потому такъ и живо, такъ и тепло, и солнечно оно въ гоголевой картинѣ.

Можно сказать вообще, что Гоголь мало вынесъ познаній изъ Нѣжинской Гимназіи Высшихъ Наукъ, а между тѣмъ онъ развился въ ней необыкновенно. Онъ почти вовсе не занимался уроками. Обладая отлич-

---

(¹) «Мертвыя Души«, стр. 360 — 361.

ною памятью, онъ схватывалъ на лекціяхъ верхушки и, занявшись передъ экзаменомъ нѣсколько дней, переходилъ въ высшій классъ. Особенно не любилъ онъ математики. Въ языкахъ онъ тоже былъ очень слабъ, такъ что, до переѣзда въ Петербургъ, едва ли могъ понимать безъ пособія словаря книгу на французскомъ языкѣ (1). Къ нѣмецкому и англійскому языкамъ онъ и впослѣдствіи долго еще питалъ комическое отвращеніе (2). Онъ шутя говаривалъ, что онъ »не вѣритъ, чтобы Шил-

---

(1) Аттестатъ, полученный Гоголемъ при выпускѣ изъ Гимназіи, противорѣчитъ этому преданію его товарищей. Въ немъ сказано, что Гоголь окончилъ курсъ ученія съ *очень хорошими* успѣхами во французскомъ и съ *превосходными* въ нѣмецкомъ языкѣ. Но надобно знать, каково было тогда состояніе языкознанія въ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко. Этой части гимназическаго курса придавалось такъ мало важности, что рѣшительное незнаніе иностранныхъ языковъ не мѣшало воспитанникамъ переходить въ высшіе классы. По свидѣтельству знакомыхъ со мной лично соучениковъ Гоголя, онъ, находясь въ одномъ съ ними классѣ по наукамъ, отставалъ отъ нихъ постоянно двумя классами по языкамъ, и *превосходилъ* развѣ только тѣхъ, которые знали еще меньше его, то есть почти не умѣли читать нѣмецкой печати, при окончаніи курса, какъ это можно было встрѣтить въ малороссійскихъ гимназіяхъ и гораздо позже Гоголева времени. — Я видѣлъ книги Гоголя, по которымъ онъ обрабатывалъ свои лекціи, будучи адъюнктомъ въ С. Петербургскомъ Университетѣ. Всѣ онѣ на русскомъ и на французскомъ языкахъ; на нѣмецкомъ — ни одной. Гоголь любилъ читать Шекспира, но, не зная англійскаго языка (которому началъ учиться подъ конецъ жизни), не могъ пользоваться превосходнымъ переводомъ Шлегеля и читалъ обыкновенно по французски. Не мое дѣло догадываться, почему профессоръ нѣмецкой словесности аттестовалъ такъ высоко успѣхи Гоголя въ нѣмецкомъ языкѣ. Я только укажу на его же отмѣтку, сдѣланную въ общемъ выводѣ за 1828-й годъ. (См. въ приложеніяхъ.) Не говоря уже о томъ, что Гоголь въ этомъ году пребыванія своего въ Гимназіи Высшихъ Наукъ находился по языкамъ не въ шестомъ, высшемъ отдѣленіи, а въ четвертомъ отдѣленіи, онъ не могъ получить отмѣтки полныхъ баловъ 4, а получилъ только 2. Гдѣ же тутъ *превосходные* успѣхи? — Гоголь принялся за основательное изученіе языковъ только въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни и прибавилъ къ французскому знаніе языковъ итальянскаго, польскаго, нѣмецкаго, англійскаго, латинскаго и греческаго. Въ его бумагахъ сохранились слѣды занятій этими языками и кажется, что онъ читалъ книги на каждомъ изъ нихъ.

(2) Впослѣдствіи, во время неоднократнаго и продолжительнаго пребыванія своего въ Римѣ, онъ выучился итальянскому языку, такъ что могъ довольно

лерь и Гёте писали на нѣмецкомъ языкѣ : вѣрно на какомъ нибудь особенномъ, но быть не можетъ, чтобы на нѣмецкомъ«. — Вспомните слова его : »но англійски произнесутъ какъ слѣдуетъ птицѣ и даже физіономію сдѣлаютъ птичью, и даже посмѣются надъ тѣмъ, кто не съ умѣетъ сдѣлать птичьей физіономіи« (1). Эти слова написаны имъ не изъ одного только побужденія попрекнуть русскую публику равнодушіемъ къ родному языку.

За то въ рисованіи и въ русской словесности онъ сдѣлалъ большіе успѣхи. Въ Гимназіи было тогда, и до сихъ поръ (въ Лицеѣ) есть, нѣсколько хорошихъ пейзажей, историческаго стиля картинъ и портретовъ. Вслушиваясь въ сужденія о нихъ учителя рисованія, человѣка необыкновенно преданнаго своему искусству (2), и будучи приготовленъ къ этому практически, Гоголь уже въ школѣ получилъ основныя понятія объ изящныхъ искусствахъ, о которыхъ впослѣдствіи онъ такъ сильно, такъ пламенно писалъ въ разныхъ статьяхъ своихъ и уже съ того времени предметы стали обрисовываться для его глаза такъ опредѣлительно, какъ видятъ ихъ только люди, знакомые съ живописью (3).

свободно объясняться, даже писалъ иногда изъ Рима въ Петербургъ по итальянски. Разъ даже въ остеріи, въ обществѣ художниковъ, онъ произнесъ рѣчь на итальянскомъ языкѣ безъ приготовленія. Подъ конецъ жизни онъ учился и, можетъ быть, зналъ по англійски; а въ его бумагахъ найдено много тетрадей, исписанныхъ упражненіями въ греческомъ языкѣ.

(1) »Мертвыя Души«, стр. 313.

(2) Это былъ К. С. Павловъ, отъ котораго я многое узналъ о Гоголѣ.

(3) »Я всегда чувствовалъ маленькую страсть къ живописи«, говоритъ Гоголь въ статьѣ о Пушкинѣ (Арабески, часть I, стр. 221). И какъ рано пробудилась въ немъ эта страсть, видно изъ слѣдующаго за тѣмъ недосказанаго объясненія: »Меня много занималъ писанный мною пейзажъ, на первомъ планѣ котораго раскидывалось сухое дерево; знатоки и судьи мои были окружные сосѣди«. Эту картину показывали мнѣ въ Васильевскѣ. Она писана клеевыми красками на загрунтованномъ краснымъ грунтомъ холстѣ, длиною въ $1^1/_2$, а шириною въ 1 арш. Представляетъ она бесѣдку надъ прудомъ посреди высокихъ деревъ, между которыми одно — съ засохшими вѣтвями. Деревья, какъ видно, скопированы съ чего-нибудь, а бесѣдка сочинена вся или отчасти самимъ художникомъ. Замѣчательны въ ней рѣшетчатыя остроконечныя окна, подобныя тѣмъ, какія были въ старомъ домикѣ, нарисованномъ Гоголемъ. (О немъ будетъ сказано ниже.) Подобныя окна есть и теперь въ Васильевкѣ въ небольшомъ флигелькѣ, въ саду.

Что касается до литературныхъ успѣховъ, то пишущему эти строки случайно достались классныя упражненія на заданныя темы г-на Кукольника, покойнаго Гребенки и Гоголя, который назывался и подписывался, во время пребыванія своего въ Гимназіи, полнымъ своимъ именемъ: *Гоголь Яновскій* (1). О первыхъ мы молчимъ, такъ какъ не о томъ идетъ рѣчь; но сочиненія Гоголя на заданныя темы отличаются уже нѣкоторою опытностію, разумѣется, ученическаго пера, и силою слова, составляющею одно изъ существеннѣйшихъ достоинствъ его первоначальныхъ сочиненій. Литературныя занятія были его страстію. Слово въ эту эпоху вообще было какою-то новостію, къ которой не успѣли приглядѣться. Самый процессъ примѣненія его, какъ орудія, къ выраженію понятій, чувствъ и мыслей, казался тогда восхитительною забавою (2). Это было время появленія первыхъ главъ »Евгенія Онѣгина«, время, когда книги не читались, а выучивались наизусть. Въ этотъ-то трепетный жаръ къ поэзіи, который Пушкинъ и его блистательные спутники разнесли по всей Россіи, раскрылись первыя сѣмена творчества Гоголя, но выражались сперва, разумѣется, безцвѣтными и безплодными побѣгами, какъ и у всѣхъ дѣтей, которымъ предназначено быть замѣчательными писателями. Интересенъ разсказъ о Гоголѣ гимназистѣ, напечатанный однимъ изъ его наставниковъ, г. Кулжинскимъ въ 21 № »Москвитянина« 1854 года.

»Онъ учился у меня (говоритъ г. Кулжинскій) три года и ничему не научился, какъ только переводить первый параграфъ изъ христоматіи при латинской грамматикѣ Кошанскаго: Universus mundus plerumque distribuitur in duas partes, coelum et terram (за что и былъ прозванъ

---

(1) Впослѣдствіи онъ рѣшительно отрекся отъ второй половины своей двойной фамиліи и не позволялъ называть себя Яновскимъ. »Зачѣмъ называете вы меня Яновскимъ? (говорилъ онъ). Моя фамилія *Гоголь*, а *Яновскій* — только такъ, прибавка; ее Поляки выдумали. (Мих. Лонгиновъ: »Воспоминаніе о Гоголѣ, въ 3-й кн. »Современника« 1854).

(2) Я думаю, что еще въ ту свѣжую пору жизни Гоголь такъ пристально вглядѣлся въ неосязаемую механику слова, какъ это послѣ выражено имъ въ статьѣ о Пушкинѣ (Арабески, часть I. стр. 224). »Въ каждомъ словѣ — говоритъ онъ — бездна пространства; каждое слово необъятно, какъ поэтъ.«

вмѣстѣ съ другими латинистами Universus mundus). Во время лекцій, Гоголь всегда, бывало, подъ скамьею держитъ какую-нибудь книгу, не обращая вниманія ни на coelum, ни на terram. Надобно признаться, что не только у меня, но и у другихъ товарищей моихъ онъ, право, ничему не научился. Школа пріучила его только къ нѣкоторой логической формальности и послѣдовательности понятій и мыслей, а болѣе ничѣмъ онъ намъ не обязанъ. Это былъ талантъ, неузнанный школою и, ежели правду сказать, нехотѣвшій или неумѣвшій признаться школѣ. Между тогдашними наставниками Гоголя были такіе, которые могли бы приголубить и прилелѣять этотъ талантъ, но онъ никому не сказался своимъ настоящимъ именемъ. Гоголя знали только какъ лѣниваго, хотя, по видимому, не бездарнаго юношу, который не потрудился даже научиться русскому правописанію. Жаль, что не угадали его. А кто знаетъ? можетъ быть, и къ лучшему.«

По разсказу Г. И. Высоцкаго, соученика Гоголя и друга первой его юности, охота писать стихи высказалась впервые у Гоголя по случаю его нападокъ на товарища Б — на, котораго онъ преслѣдовалъ насмѣшками за низкую стрижку волосъ и прозвалъ Разстригою Спиридономъ. Вечеромъ, въ день имянинъ Б—на, 12-го декабря, Гоголь выставилъ въ гимназической залѣ транспарантъ собственнаго издѣлія, съ изображеніемъ чорта, стригущаго дервиша, и съ слѣдующимъ акростихомъ :

»Се образъ жизни нечестивой,
Пугалище (дервишей) всѣхъ,
И . . . . строптивой,
Разстрига, сотворившій грѣхъ.
И за сіе-то преступленье
Досталъ онъ титулъ сей.
О чтецъ ! имѣй терпѣнье,
Начальные слова въ устахъ запечатлѣй.«

Вскорѣ за тѣмъ (разсказываетъ г. Высоцкій) Гоголь написалъ сатиру на жителей города Нѣжина, подъ заглавіемъ : »Нѣчто о Нѣжинѣ, или Дуракамъ Законъ не писанъ«, и изобразилъ въ ней типическія лица разныхъ сословій. Для этого онъ взялъ нѣсколько торжественныхъ случаевъ, при которыхъ то или другое сословіе наиболѣе выказывало характеристическія черты свои, и по этимъ случаямъ раздѣлилъ свое сочиненіе на слѣдующіе отдѣлы: 1) »Освященіе Церкви на Греческомъ Клад-

бищѣ«; 2) »Выборъ въ Греческій Магистратъ«; 3) »Всеѣдная Ярмарка«; 4) Обѣдъ у Предводителя (Дворянства) П***«; 5) »Роспускъ и Съѣздъ Студентовъ«. Г. Высоцкій имѣлъ копію этого довольно обширнаго сочиненія, списанную съ автографа; но Гоголь, находясь еще въ Гимназіи, выписалъ ее отъ него изъ Петербурга, подъ предлогомъ, будто бы потерялъ подлинникъ, и уже не возвратилъ.

Другой соученикъ и другъ дѣтства и первой молодости Гоголя, Н. Я. Прокоповичъ, сохранилъ воспоминаніе о томъ, какъ Гоголь, бывши еще въ одномъ изъ первыхъ классовъ Гимназіи, читалъ ему наизусть свою стихотворную балладу, подъ заглавіемъ »Двѣ Рыбки.« Въ ней, подъ двумя рыбками, онъ изобразилъ судьбу свою и своего брата — очень трогательно, сколько припомнитъ г. Прокоповичъ тогдашнее свое впечатлѣніе.

Наконецъ сохранилось преданіе еще объ одномъ ученическомъ произведеніи Гоголя — о трагедіи »Разбойники«, написанной пятистопными ямбами.

Каковы бъ ни были эти первыя литературныя попытки, но они обнаруживали уже, къ чему былъ призванъ въ жизни даровитый юноша. Между тѣмъ Гоголь до конца жизни сомнѣвался (разумѣется, по временамъ), »точно ли поприще писателя есть его поприще«, и ему можно, по этому, вѣрить, что онъ не придавалъ большой важности своимъ первымъ опытамъ въ стихахъ и въ прозѣ. Вотъ какъ онъ самъ разсказываетъ объ этомъ въ безыменной запискѣ 1847 года.

» . . . . въ тѣ годы, когда я сталъ задумываться о моемъ будущемъ [а задумываться о будущемъ я началъ рано — въ ту пору, когда всѣ мои сверстники думали еще объ играхъ], мысль о писательствѣ мнѣ никогда не входила въ умъ, хотя мнѣ всегда казалось, что я сдѣлаюсь человѣкомъ извѣстнымъ, что меня ожидаетъ просторный кругъ дѣйствій и что я сдѣлаю даже что-то для общаго добра. Я думалъ просто, что я выслужусь, и все это доставитъ служба государственная. Отъ этого страсть служить была у меня въ юности очень сильна: она пребывала неотлучно въ моей головѣ, впереди всѣхъ моихъ дѣлъ и занятій. Первые мои опыты, первыя упражненія въ сочиненіяхъ, къ которымъ я

получилъ навыкъ въ послѣднее время пребыванія моего въ школѣ, были почти всѣ въ лирическомъ и серьезномъ родѣ. Ни я самъ, ни сотоварищи мои, упражнявшіеся вмѣстѣ со мной въ сочиненіяхъ, не думали, что мнѣ придется быть писателемъ комическимъ и сатирическимъ, хотя, не смотря на мой меланхолическій отъ природы характеръ, на меня часто находила охота шутить и даже надоѣдать другимъ моими шутками, хотя въ самыхъ раннихъ сужденіяхъ моихъ о людяхъ находили умѣнье замѣчать тѣ особенности, которыя ускользаютъ отъ вниманія другихъ людей, какъ крупныя, такъ мелкія и смѣшныя. Говорили, что́ я умѣю не то что передразнить, но угадать человѣка, то есть угадать, что̀ онъ долженъ въ такихъ и такихъ случаяхъ сказать съ удержаніемъ самаго склада и образа его мыслей и рѣчей. Но все это не переносилось на бумагу, и я даже вовсе не думалъ о томъ, что сдѣлаю со временемъ изъ этого употребленіе.«

Возвратимся къ устнымъ преданіямъ соучениковъ Гоголя.

Не ограничиваясь первыми успѣхами въ стихотворствѣ, Гоголь захотѣлъ быть журналистомъ, и это званіе стоило ему большихъ трудовъ. Нужно было написать самому статьи почти по всѣмъ отдѣламъ, потомъ переписать ихъ и, что̀ всего важнѣе, сдѣлать обертку на подобіе печатной. Гоголь хлопоталъ изо всѣхъ силъ, чтобъ придать своему изданію наружность печатной книги, и просиживалъ ночи, разрисовывая заглавный листокъ, на которомъ красовалось названіе журнала: »Звѣзда«. Все это дѣлалось, разумѣется, украдкою отъ товарищей, которые не прежде должны были узнать содержаніе книжки, какъ по ея выходѣ изъ редакціи. Наконецъ перваго числа мѣсяца книжка журнала выходила въ свѣтъ. Издатель бралъ иногда на себя трудъ читать вслухъ свои и чужія статьи. Все внимало и восхищалось. Въ »Звѣздѣ«, между прочимъ, помѣщена была повѣсть Гоголя: »Братья Твердиславичи« (подраженіе повѣстямъ, появлявшимся въ тогдашнихъ современныхъ альманахахъ), и разныя его стихотворенія. Все это написано было такъ называемымъ »высокимъ« слогомъ, изъ-за котораго бились и всѣ сотрудники редактора. Гоголь былъ комикомъ во время своего ученичества только на дѣлѣ: въ литературѣ онъ считалъ комическій элементъ слишкомъ низкимъ. Но журналъ его имѣетъ происхожденіе комическое.

Былъ въ Гимназіи одинъ ученикъ съ необыкновенною страстью къ стихотворству и съ отсутствіемъ всякаго таланта, — словомъ, маленькій Тредьяковскій. Гоголь собралъ его стихи, придалъ имъ названіе »Альманаха« и издалъ подъ заглавіемъ: »Парнасскій Навозъ«. Отъ этой шутки онъ перешелъ къ серьёзному подражанію журналамъ и работалъ надъ обертками очень усердно въ теченіе полугода или болѣе.

Новое литературное направленіе заставило его бросить журналистику. Воротясь однажды, послѣ каникулъ, въ гимназію, онъ привезъ на малороссійскомъ языкѣ комедію, которую играли на домашнемъ театрѣ Трощинскаго, и изъ журналиста сдѣлался директоромъ театра и актеромъ. Кулисами служили ему классныя доски, а недостатокъ въ костюмахъ дополняло воображеніе артистовъ и публики. Съ этого времени театръ сдѣлался страстью Гоголя и его товарищей, такъ что, послѣ предварительныхъ опытовъ, ученики сложились и устроили себѣ кулисы и костюмы, копируя, разумѣется, по указаніямъ Гоголя, театръ, на которомъ подвизался его отецъ: другого никто не видалъ (¹). Начальство Гимназіи воспользовалось этою страстью, чтобы заохотить воспитанниковъ къ изученію французскаго языка, и ввело въ репертуаръ гоголева театра французскія пьесы. Тутъ-то и Гоголю пришлось познакомиться съ французскимъ языкомъ, который вообще малороссіянамъ, непріученнымъ къ нему съ дѣтства, кажется гораздо труднѣе и, главное, противнѣе даже нѣмецкаго. Русскія пьесы, однакожъ, не выводились, и преданіе гласитъ, что Гоголь особенно отличался въ роляхъ старухъ. Театръ, основанный Гоголемъ въ Гимназіи, процвѣлъ наконецъ до того, что на представленія его съѣзжались и городскіе жители. Нѣкоторые изъ

(¹) Гоголь не только дирижировалъ плотниками, но самъ расписывалъ и декораціи. Ученики жертвовали въ театральный гардеробъ кто что̀ могъ. Между прочимъ, была пожертвована кѣмъ-то пара заржавѣвшихъ и обломанныхъ пистолетовъ, замѣчательная по слѣдующему случаю. Однажды, передъ самымъ представленіемъ »Недоросля«, Гоголь какъ-то задѣлъ своею шуткою одного изъ товарищей, Б. Тотъ вспыхнулъ и отказался играть, а онъ игралъ роль Стародума. Ну, какъ безъ Стародума приступить къ представленію? Гоголь сдѣлалъ видъ что вышелъ изъ себя; въ страшной мести онъ вызвалъ товарища на дуэль и подалъ ему театральные пистолеты безъ курковъ. Б. разсмѣялся и сталъ играть.

нихъ помнятъ его до сихъ поръ въ роли Простаковой и говорятъ, что онъ исполнялъ ее превосходно. Этому можно повѣрить. Кромѣ мимики, онъ умѣлъ перенимать и голосъ другихъ. Во время своего пребыванія въ Петербургѣ, онъ любилъ представлять одного старичка, Б., котораго онъ знавалъ въ Нѣжинѣ. Одинъ изъ его слушателей, никогда не видавшій этого Б., приходитъ разъ къ своему пріятелю и видитъ какого-то старичка, который играетъ на коврѣ съ дѣтьми. Голосъ и манеры этого старичка тотчасъ напомнили ему представленіе Гоголя. Онъ отводитъ хозяина въ сторону и спрашиваетъ, не Б. ли это. Дѣйствительно это былъ Б.

Еще мы знаемъ автора »Мертвыхъ Душъ« въ роли хранителя книгъ, которыя выписывались имъ на общую складчину. Складчина была не велика, но тогдашніе журналы и книги нетрудно было и при малыхъ средствахъ пріобрѣсть всѣ, сколько ихъ ни выходило. Важнѣйшую роль играли »Сѣверные Цвѣты«, издававшіеся барономъ Дельвигомъ; потомъ слѣдовали отдѣльно выходившія сочиненія Пушкина и Жуковскаго, далѣе — нѣкоторые журналы. Книги выдавались библіотекаремъ для чтенія по очереди. Получившій для прочтенія книгу долженъ былъ, въ присутствіи библіотекаря, усѣсться чинно на скамейку въ классной залѣ, на указанномъ ему мѣстѣ, и не вставать съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не возвратитъ книги. Этого мало: библіотекарь собственноручно завертывалъ въ бумажки большой и указательный пальцы каждому читателю, и тогда только ввѣрялъ ему книгу. Гоголь берегъ книги, какъ драгоцѣнность, и особенно любилъ миніатюрныя изданія. Страсть къ нимъ до того развилась въ немъ, что, не любя и не зная математики, онъ выписалъ »Математическую Энциклопедію« Перевощикова, на собственныя свои деньги, за то только, что она издана была въ шестнадцатую долю листа. Впослѣдствіи эта причуда миновалась въ немъ; но первое изданіе »Вечеровъ на Хуторѣ« еще отзывается ею.

III.

Переписка съ матерью во время пребыванія въ Гимназіи: нужда въ деньгахъ; — желаніе учиться музыкѣ и танцамъ; — участіе отца въ направленіи способностей Гоголя; — смерть отца; — отчаяніе Гоголя; — опасенія за здоровье матери; — сроки полученія денегъ изъ дому; — склонность къ сельскому хозяйству и садоводству; — ученическія сочиненія; — гимназическій театръ; — характеристика отца и горячая любовь къ нему; — страсть къ книгамъ; — заботы о костюмѣ; — высокія стремленія Гоголя - школьника. — Письма къ Г. И. Высоцкому: одиночество; сарказмы; мечты о будущемъ. — Письмо къ матери о страданіяхъ отъ людей и воздаяніи добромъ за зло. — Записная книга Гоголя-гимназиста.

Дополню изустныя преданія о Гоголѣ-школьникѣ выписками изъ его писемъ къ отцу и матери. Маленькій Гоголь нерѣдко терпѣлъ въ Нѣжинѣ нужду (это біографъ долженъ принять къ свѣдѣнію) не только въ деньгахъ, но и въ платьи. Въ письмѣ отъ 7 января 1822 года онъ говоритъ.

»Еще прошу васъ, пришлите мнѣ тулупъ, потому что намъ не даютъ казеннаго ни тулупа, ни шинели, а только въ однихъ мундирахъ, не смотря на стужу. И еще ежелибъ вы прислали жилетовъ хоть два. Здѣсь намъ даютъ по одному жилету.«

Въ октябрѣ того же года онъ писалъ:

»Прошу васъ, дражайшіе родители, прислать мнѣ сколько-нибудь денегъ, потому что у меня онѣ вовсе сошли, такъ что я найдусь принужденнымъ занять; да и взаймы достать негдѣ; а мнѣ надо ужасно, а особенно въ теперешнихъ моихъ обстоятельствахъ. Также ежелибъ еще прислали чего-нибудь изъ съѣстныхъ припасовъ, какъ маменька еще тогда обѣщалась прислать сушеныхъ вишенъ безъ косточекъ. По мнѣ хоть чего нибудь и похуже, а много, ежели это.«

Въ немъ рано обнаружилась страсть къ изящнымъ искусствамъ. Въ декабрѣ 1821 года онъ писалъ къ родителямъ:

»Ежели угодно вамъ будетъ, чтобъ я учился танцовать и играть на скрипкѣ и фортепіано, такъ извольте заплатить 10 рублей въ мѣсяцъ. Я уже подписался хотѣвшимъ учиться на сихъ инструментахъ, также и танцованію, но не знаю, какъ вамъ будетъ угодно.«

По недостатку денегъ на уплату танцмейстеру Гоголь долго не приступалъ къ танцованью. Въ октябрѣ 1823 года онъ пишетъ:

»Я еще не начиналъ учиться танцовать; однако время не уйдетъ. Ежели вы только пришлете деньги черезъ Ѳедьку, то я до Рождества еще буду уже совершенно умѣть танцовать.«

Гоголь и въ дѣтствѣ не отличался здоровьемъ. Онъ писалъ къ отцу, въ первое время своего пребыванія въ Нѣжинѣ, что пьетъ какую-то настойку, данную ему отцомъ для постояннаго употребленія, и потомъ часто упоминаетъ, что былъ боленъ, и иногда опасно.

Слѣдующая выписка изъ письма Гоголя къ отцу отъ 22 января 1824 года покажетъ, какое участіе принималъ отецъ въ образованіи его артистическихъ способностей.

»Скрипку и другія присланныя вами мнѣ вещи исправно получилъ. — — Извините, что я вамъ не посылаю картинъ. Вы, видно, не поняли, что̀ я вамъ говорилъ; потому что эти картины, которыя я вамъ хочу послать, были рисованы пастельными карандашами и не могутъ никакъ дня пробыть, чтобъ не потереться, ежели сейчасъ не вставить въ рамки. И для того прошу васъ и повторяю прислать мнѣ такой величины, какъ я вамъ писалъ, т. е двѣ такихъ, которыя бы имѣли $^3/_4$ аршина въ длину и $^1/_2$ аршина въ ширину, а одну такую, которая бы имѣла $1^1/_4$ длины и $^3/_4$ ширины, да еще маленькихъ двѣ $^1/_4$ и 2 вершка длины и $^1/_4$ ширины. Посылаю вамъ при семъ »Вѣстникъ Европы« въ цѣлости и прошу васъ покорнѣйше прислать мнѣ комедіи, какъ-то: »Бѣдность и Благородство Души«, »Ненависть къ Людямъ и Раскаяніе«, »Богатоновъ или Провинціалъ въ Столицѣ«, и еще ежели какихъ можно прислать другихъ, зачто я вамъ очень буду благодаренъ и возвращу въ цѣлости. Также, ежели можете, то пришлите мнѣ полотна и другихъ пособій для театра. Первая піеса у насъ будетъ представлена »Эдипъ въ Аѳинахъ«, трагедія Озерова. Я думаю, дражайшій папенька, вы не откажете мнѣ въ удовольствіи семъ и прислать нужныя пособія, такъ, ежели можно, прислать и сдѣлать нѣсколько костюмовъ, — сколько можно, даже хоть и одинъ; получше, ежели бы побольше; также хоть немного денегъ. Сдѣлайте только милость, не откажите мнѣ въ этой просьбѣ. Каждый изъ насъ уже пожертвовалъ что̀ могъ, а я еще только. Какъ же я сыграю

свою роль, о томъ я васъ извѣщу. — — — Я перемѣнился какъ въ нравственности, такъ и въ успѣхахъ. Ежели бы вы увидѣли, какъ я теперь рисую! [я говорю о себѣ безъ всякаго самолюбія].«

Изъ письма отъ 13 іюня 1824 года видно, что Гоголь былъ въ то время полонъ жажды впечатлѣній природы и поэзіи. Онъ мечтаетъ о поѣздкѣ на каникулы домой и проситъ прислать ему на дорогу нѣсколько книгъ изъ Кибинецъ, то есть изъ библіотеки Трощинскаго.

»Но вмѣсто повѣстей (говоритъ онъ), пришлите вы намъ (1) книгу подъ заглавіемъ: »Собраніе образцовыхъ Сочиненій въ Стихахъ«, съ портретами авторовъ, въ шести томахъ.«

Доказательствомъ, что Гоголь видалъ игру домашнихъ актеровъ въ Кибинцахъ или въ Васильевкѣ и пользовался уроками своего отца въ сценическомъ искусствѣ, можетъ служить слѣдующее мѣсто изъ письма его къ отцу:

»Сдѣлайте милость, объявите мнѣ: поѣду ли я домой на Рождество? то, по вашему обѣщанію, прошу мнѣ прислать роль. Будьте увѣрены, что я ее хорошо сыграю.«

Послѣ этого еще понятнѣе будетъ, какимъ ударомъ была для Гоголя смерть его отца. Чувства его выражены въ слѣдующемъ письмѣ къ матери (2).

»1825-го года, апрѣля 23 дня. Нѣжинъ.

»Не безпокойтесь, дражайшая маменька! я сей ударъ перенесъ съ твердостію истиннаго христіанина. Правда, я сперва былъ пораженъ ужасно симъ извѣстіемъ, однакожъ не далъ никому замѣтить, что я былъ опечаленъ; оставшись же наединѣ, я предался всей силѣ безумнаго отчаянія; хотѣлъ даже посягнуть на жизнь свою. Но Богъ удержалъ меня отъ сего, и къ вечеру примѣтилъ я въ себѣ только печаль, но уже не порывную, которая наконецъ превратилась въ легкую, едва примѣт-

---

(1) Онъ условился ѣхать домой съ двумя товарищами, Н. А. Барановымъ и А. С. Данилевскимъ. *П. М.*

(2) Г. Григорій Данилевскій, напечатавъ это письмо первый, въ 124 № »Московскихъ Вѣдомостей« 1852 года, позволилъ себѣ сдѣлать въ немъ нѣкоторыя переправки и опустилъ трогательное обращеніе Гоголя къ матери.

ную меланхолію, смѣшанную съ чувствомъ благоговѣнія ко Всевышнему. Благословляю тебя, священная вѣра! въ тебѣ только я нахожу источникъ утѣшенія и утоленія своей горести. Такъ, дражайшая маменька, я теперь спокоенъ, хотя не могу быть счастливъ, лишившись лучшаго отца, вѣрнѣйшаго друга, всего драгоцѣннаго моему сердцу. Но развѣ не осталось ничего, что̀ бъ меня привязывало къ жизни? развѣ я не имѣю еще чувствительнѣйшей, нѣжной, добродѣтельной матери, которая можетъ мнѣ замѣнить и отца, и друга и всего? Что̀ есть милѣе? что̀ есть драгоцѣннѣе? — — —.«

Во второй припискѣ къ этому письму, Гоголь проситъ прислать ему 10 рублей (ассигнаціями) для покупки книги »Курсъ Россійской Словесности« и прибавляетъ: »На свои нужды мнѣ ничего ненадобно.«

Мать подъ вліяніемъ горести долго не отвѣчала сыну на это, и еще на два письма. Онъ мучился опасеніями за ея жизнь и писалъ къ ней черезъ мѣсяцъ:

»Вы не знаете, что̀ причиняете мнѣ своимъ молчаніемъ; вы не знаете, что отравляете каждою минутою мою жизнь. Ежели бы вы меня увидѣли, вы бы согласились, что я совсѣмъ перемѣнился. Я теперь, можно сказать, совсѣмъ не свой: бѣгаю съ мѣста на мѣсто; не могу ничѣмъ утѣшиться, ничѣмъ заняться; считаю каждую минуту, каждое мгновеніе; бѣгаю на почту, спрашиваю, есть ли хоть малѣйшее извѣстіе, но вмѣсто отвѣта получаю — нѣтъ! и возвращаюсь съ печальнымъ видомъ въ свое ненавистное жилище, которое съ тѣхъ поръ мнѣ опротивѣло. Вы не знаете, что̀ это несносное *нѣтъ* наноситъ мнѣ боязнь неизъяснимую. Печальныя мысли наперерывъ тѣснятся въ моей головѣ и не даютъ мнѣ ни минуты насладиться спокойствіемъ. — — — Ежели же не получу отвѣта на это письмо, то сіе молчаніе будетъ самый ужасный для меня признакъ. Тогда-то я прибѣгну къ отчаянію, и оно-то дастъ мнѣ средство, какъ избавиться отъ сей мрачной неизвѣстности.«

Получивъ наконецъ успокоительное извѣстіе о матери, онъ пишетъ къ ней отъ 3-го іюня 1825 года о скоромъ свиданіи и прибавляетъ: »Я постараюсь къ вамъ привезть нѣсколько своихъ произведеній, также хорошенькихъ картинокъ своей работы.«

Въ одномъ письмѣ къ матери, отъ 30-го сентября 1825 года, обо-

значены сроки, въ которые обыкновенно Гоголь получалъ, еще по распредѣленію отца, деньги изъ дому, именно:

»Послѣ каникулъ	15	получилъ
Передъ Покровомъ Божіей Матери	10	
Передъ Рождествомъ	10	
Передъ масленой	10	
Передъ Воскресеніемъ Христовымъ	10	
Передъ Зеленою недѣлею	10	
Передъ каникулами	5	
Итого	70« (р. асс.)	

Замѣчательны, въ письмѣ отъ 17-го января 1836 года, слѣдующія слова:

»Я теперь сдѣлался большимъ хозяиномъ: умѣю различать хлѣба и на каникулахъ покажу вамъ, гдѣ сѣно, овесъ, жито и прочее.«

Послѣ этого онъ часто освѣдомлялся о хозяйственныхъ занятіяхъ матери и предлагалъ ей разные совѣты.

Родственникъ и сосѣдъ родителей Гоголя Д. П. Трощинскій очень интересовался имъ, читалъ его письма, дѣлалъ объ нихъ свои замѣчанія и вообще имѣлъ вліяніе на его понятія и чувства. Маленькой Гоголь проникнутъ былъ глубокимъ къ нему почтеніемъ и благодарностью, какъ это видно изъ слѣдующихъ мѣстъ переписки его съ матерью:

Сентября 10-го, 1826 года: »Увѣдомьте, когда его высокопревосходительство Дмитрій Прокофьевичъ будетъ у насъ (т. е. въ Васильевкѣ). Что̀ онъ найдетъ тамъ хорошаго? что̀ ему понравится? Мнѣ съ нетерпѣніемъ хочется знать мнѣніе великаго человѣка даже о самыхъ маловажностяхъ«.

Октября 15-го, 1826: »Писали вы, чтобы я прислалъ его высокопревосходительству какое-нибудь сочиненіе. Думалъ и я было сперва то сдѣлать, но послѣ разсудилъ, что поднесши какую-нибудь эфимерную мелочь, я мало принесу себѣ пользы и мало хорошаго дамъ о себѣ мнѣнія, рѣшился, что лучше пріуготовить себя къ занятіямъ гораздо важнѣйшимъ и сдѣлать что-нибудь достойное вниманія просвѣщеннаго вельможи, благодѣтеля Малороссіи... Не хочу, ежели благодарность моя

будетъ слаба и не покажетъ сердечныхъ моихъ чувствованій. Лучше пусть она будетъ сокрыта до времени и послѣ выявитъ сердце, чувствующее благодѣянія, средствомъ, хотя менѣе достойнымъ сихъ благодѣяній«.

Но не для представленія только Трощинскому желали дома видѣть сочиненія Гоголя-гимназиста: ими занимались съ особеннымъ вниманіемъ и придавали всю важность занятіямъ его словесностью. Въ одномъ письмѣ къ матери (отъ 10-го сентября, 1826 года) онъ говоритъ:

»Вы пишите, чтобы я вамъ къ Рождеству привезъ что-нибудь изъ сочиненій своихъ. Время еще далекое, однакожъ постараюсь заготовить«.

Въ другомъ (отъ 23-го октября, 1825):

»Въ разсужденіи же сочиненія скажу вамъ, что я его не бралъ (изъ дому), но оно осталось между книгами въ шкафу. Но это не большая бѣда, ежели оно и точно пропало: я постараюсь васъ вознаградить новымъ и гораздо лучшимъ«.

Въ третьемъ (отъ 23-го ноября, 1826):

»Думаю, удивитесь вы успѣхамъ моимъ, которыхъ доказательства вручу лично вамъ. Сочиненій моихъ вы не узнáете: новый переворотъ настигнулъ ихъ; родъ ихъ теперь совершенно особенный. Радъ буду, весьма радъ, когда принесу вамъ удовольствіе«.

Слѣдующее письмо было помѣщено въ »Опытѣ Біографіи Гоголя«, но въ него вкралось нѣсколько ошибокъ, произшедшихъ не отъ моей вины (¹). Теперь оно свѣрено, какъ и другія, съ подлинникомъ.

1827-го года, февраля 26. Нѣжинъ.

»Къ числу замѣчательностей своихъ, иногда желаю быть ясновидцемъ, знать, что̀ у васъ дѣлается, чѣмъ вы занимаетесь; и вѣрите ли, почтеннѣйшая маминька, съ какимъ удовольствіемъ я занимаюсь отгадываніемъ всего того, что̀ васъ занимаетъ. Какъ вы проводили масленую? весело ли? были ли у васъ собранія? Извините, что закидалъ васъ кучею

(¹) Онѣ произошли отъ передѣлокъ г-на Григорія Данилевскаго, который, первый, напечаталъ его, въ 124 № »Московскихъ Вѣдомостей« 1852 года.

вопросовъ. Обыкновенно человѣку, какъ говорятъ, порядкомъ повеселившемуся, всегда хочется сдѣлать участникомъ другихъ, особливо ближайшихъ къ нему. Кто жъ ближе къ моему сердцу, какъ не вы, почтеннѣйшая маминька? ваша радость, ваше удовольствіе — и я счастливъ.

»Посмотрите же, какъ я повеселился. Вы знаете, какой я охотникъ до всего радостнаго. Вы однѣ только видѣли, что подъ видомъ иногда для другихъ холоднымъ, угрюмымъ, таилось кипучее желаніе веселости [разумѣется не буйной], и часто, въ часы задумчивости, когда другимъ казался я печальнымъ, когда они видѣли или хотѣли видѣть во мнѣ признаки сентиментальной мечтательности, я разгадывалъ науку счастливой, веселой жизни, удивляяся, какъ люди, жадные счастья, немедленно убѣгаютъ его, встрѣтившись съ нимъ.

»Ежели объ чемъ я теперь думаю, такъ это все о будущей жизни моей. Во снѣ и на яву мнѣ грезится Петербургъ, съ нимъ вмѣстѣ и служба государству. До сихъ поръ я былъ счастливъ; но ежели счастіе состоитъ въ томъ, чтобы быть довольну своимъ состояніемъ, то не совсѣмъ, — не совсѣмъ, до вступленія въ службу, до пріобрѣтенія, можно сказать, собственнаго постояннаго мѣста.

»Масленицу, всю недѣлю, мы провели такъ, что желаю всякому ее провесть, какъ мы: всю недѣлю веселились безъ устали. Четыре дня съ ряду былъ у насъ театръ, и, къ чести нашей, признали единогласно, что изъ провинціальныхъ театровъ ни одинъ не годится противъ нашего. Правда, играли всѣ прекрасно. Двѣ французскія піесы, соч. Мольера и Флоріана, одну нѣмецкую, соч. Коцебу; русскія: »Недоросль«, соч. Фонъ-Визина; »Неудачный Примиритель«, Княжнина; »Лукавинъ«, Писарева, и »Береговое Право«, соч. Коцебу. Декораціи были отличныя, освѣщеніе великолѣпное, посѣтителей много, и всё пріѣзжіе, и всѣ съ отличнымъ вкусомъ. Музыка тоже состояла изъ нашихъ: восемнадцать увертюръ Россини, Вебера и другихъ были разыграны превосходно. Короче сказать, я не помню для себя никогда такого праздника, какой провелъ теперь. Дай Богъ, чтобъ вы провели его еще веселѣе. Ожидаютъ у насъ директора Ясновскаго со дня на день. Не знаемъ его характера. Говорятъ, что слишкомъ добръ, даже до слабости, чего мы боимся.

»Позвольте васъ, почтеннѣйшая маминька, потрудить одною просьбою: сдѣлайте милость, пришлите мнѣ холста самаго толстаго штуки двѣ и, ежели можно, болѣе. Намъ необходимо нуженъ (1). Вы этимъ много, много одолжите меня. А до того остаюсь съ сыновнимъ почтеніемъ и самою жаркою преданностью и любовью, остаюсь навсегда послушнѣйшимъ сыномъ

»Николаемъ Гоголемъ.«

Когда, въ эпоху своей литературной славы, Гоголю случалось написать задушевное слово о своихъ чистыхъ стремленіяхъ къ общему благу, или заговорить языкомъ юноши, идеально-великодушнаго, нѣкоторые изъ людей, весьма близкихъ къ нему, принимали его слова недовѣрчиво, считая ихъ аффектаціей. Но надобно знать исторію семьи, въ которой онъ родился и получилъ первыя понятія о жизни, чтобы повѣрить, какъ могъ образоваться въ немъ этотъ мечтательно-благородный характеръ, который выказывается въ его интимной перепискѣ и въ нѣкоторыхъ изъ его посмертныхъ сочиненій. Еще рано входить въ подробности семейной исторіи покойнаго поэта; но вотъ какъ онъ изображаетъ своего отца, въ письмѣ къ матери отъ 24-го марта 1827 года.

»Весна приближается — время самое веселое, когда весело можемъ провесть его. Это напоминаетъ мнѣ времена дѣтства, мою жаркую страсть къ садоводству. Это-то время было обширный кругъ моего дѣйствія. Живо помню, какъ было съ лопатою въ рукѣ глубокомысленно раздумываю надъ изломанною дорожкою... Признаюсь, я бы желалъ когда-нибудь быть дома; въ это время я и теперь такой же, какъ и прежде, жаркій охотникъ къ саду. Но мнѣ не удастся, я думаю, долго побывать въ это время. Не смотря на все, я никогда не оставлю сего изящнаго занятія, хотя бы вовсе не любилъ его. Оно было любимымъ упражненіемъ папиньки, моего друга, благодѣтеля, утѣшителя... не знаю, какъ назвать. Это небесный ангелъ, это чистое, высокое существо, которое одушевляетъ меня въ моемъ трудномъ пути, живитъ, даетъ даръ чувствовать самаго себя и часто въ минуты горя небеснымъ пламенемъ

---

(1) Для театра. *П. М.*

входитъ въ меня, разсвѣтляетъ сгустившіяся думы. Въ сіе время сладостно мнѣ быть съ нимъ, я заглядываю въ него, т. е. въ себя, какъ въ сердце друга, испытую свои силы для поднятія труда важнаго, благороднаго на пользу отечества, для счастія гражданъ, для блага жизни (себѣ) подобныхъ, и, дотолѣ нерѣшительный, неувѣренный [и справедливо] въ себѣ, я вспыхиваю огнемъ гордаго самосознанія, и душа моя будто видитъ этого незваннаго ангела, твердо и непреклонно все указующаго въ мѣту жаднаго исканія... Черезъ годъ вступлю я въ службу государственную.«

Помѣщу теперь два письма, уже извѣстныя читателямъ. Въ нихъ также вкралось было нѣсколько ошибокъ, по причинѣ, объясненной на стр. 34.

1.

1827 года, апрѣля 6-го дня. Нѣжинъ.

»Позвольте, во первыхъ, почтеннѣйшая маминька, поздравить васъ съ праздникомъ Воскресенія Христова. Думаю, что вы провели первые дни его хорошо; желаю и окончить его весело. Благодарю васъ за присылку денегъ, такъ же и почтеннѣйшаго дѣдушку (1). Въ это время онѣ бываютъ мнѣ очень нужны. Мой планъ жизни теперь удивительно строгъ и точенъ во всѣхъ отношеніяхъ; каждая копѣйка теперь имѣетъ у меня мѣсто. Я отказываю себѣ даже въ самыхъ крайнихъ нуждахъ, съ тѣмъ чтобы имѣть хотя малѣйшую возможность поддержать себя въ такомъ состояніи, въ какомъ нахожусь, чтобы имѣть возможность удовлетворить моей жаждѣ видѣть и чувствовать *прекрасное*. Для него-то я съ трудомъ величайшимъ собираю годовое свое жалованье, откладывая малую часть на нужнѣйшія издержки. За Шиллера, котораго я выписалъ изъ Лемберга, далъ я 40 рублей: деньги весьма немаловажныя по моему состоянію, но я награжденъ съ излишкомъ и теперь нѣсколько часовъ въ день провожу съ величайшею пріятностью (2). Не забываю

(1) По матери. *П. М.*

(2) Г. Прокоповичъ говорилъ мнѣ, что у Гоголя скоро не стало терпѣнія добиваться смысла въ языкѣ Шиллера, и что это было только минутное увлеченіе. *П. М.*

также и русскихъ и выписываю что только выходитъ самаго отличнаго. Разумѣется, что я ограничиваюсь однимъ только чѣмъ-либо; въ цѣлые полъ-года я не пріобрѣтаю болѣе одной книжки, и это меня крушитъ чрезвычайно. Удивительно, какъ сильно можетъ быть влеченіе къ хорошему. Иногда читаю объявленіе о выходѣ въ свѣтъ творенія прекраснаго; сильно бьется сердце и съ тяжкимъ вздохомъ роняю изъ рукъ газетный листокъ объявленія, вспомня невозможность имѣть его. Мечтаніе достать его смущаетъ сонъ мой, и въ это время полученію денегъ я радуюсь болѣе самаго жаркаго корыстолюбца. Не знаю, что бы было со мною, ежелибы я еще не могъ чувствовать отъ этого радости; я бы умеръ отъ тоски и скуки. Это услаждаетъ разлуку мою съ *вами*. *Вы* рисуетесь въ свѣтлыхъ мечтахъ моихъ, и душа моя разомъ обнимаетъ всю свою жизнь. — — —

»Давно ли я пріѣхалъ съ Рождества? а уже трехъ мѣсяцевъ какъ не бывало. Половина времени до каникулъ утекла; еще половина, и я опять съ вами, опять увижу васъ и снова развеселюсь во всю ивановскую. Не могу надивиться, какъ весела, какъ разнообразна жизнь наша. Одно имя каникулъ приводитъ меня въ восхищеніе. Какъ-бы то ни было, но цѣлый годъ бывши какъ-будто въ заключеніи и въ одно мгновеніе ока увидѣть всѣхъ родныхъ, все близкое сердцу... очаровательно! До слѣдующей почты.

»Любящій васъ болѣе всего въ мірѣ сынъ вашъ

»*Николай Гоголь*.«

2.

1827-й годъ, м. май, 20-е число.

»Получилъ ваше письмо сегодня и, къ моей горести, узналъ, что вы больны. Я уже это замѣтилъ бы изъ одной краткости письма вашего, которому видно мѣшала много болѣзнь. Всегда нужно проклятой судьбѣ на самомъ удовольствіи покоя, въ которомъ я уже находился, зачерпнуть начатокъ свѣтлыхъ дней ѣдкостью горя. Меня мучитъ ваша болѣзнь. — — Сдѣлайте милость, берегите себя. Въ это время, когда вы нездоровы,

я чувствую себя отъ того нездоровымъ. Вы сами знаете, что я еще драгоцѣннѣе васъ ничего не имѣю.

»Чѣмъ болѣе близится мѣсто свиданія, тѣмъ болѣе я опасаюсь невѣрности счастія. Дай Богъ, чтобъ я засталъ васъ въ здоровьи совершенномъ, въ счастіи, въ спокойствіи, окруженными всѣми возможными для васъ радостями. Не болѣе мѣсяца только осталось намъ жить въ разрозненіи; тогда я опять съ вами. —— Я не могу не радоваться, вспомнивъ, сколько меня ожидаетъ дома близкихъ моему сердцу, желая, чтобы этотъ годъ, какъ и всѣ будущіе, Богъ подарилъ намъ изобиліе, чтобы роскошь плодородія унитала счастливое наше жилище, чтобы всѣ крестьяне наши были награждены съ избыткомъ за годичные труды свои. У насъ здѣсь поговариваютъ объ плодородіи этого года. Я думаю, что и у васъ также. Желательно мнѣ бы узнать объ этомъ отъ васъ, маминька, также и водится ли что въ саду нашемъ. Здѣсь и на фрукты урожай. Что-то теперь дѣлаютъ пенаты мои? Я думаю, всѣ ожидаютъ меня съ нетерпѣніемъ.

»Позвольте поговорить съ вами теперь касательно платья. Ежели посылать деньги, то не тогда, когда будете присылать за мною: нужно гораздо прежде, а то экипажъ всегда дожидается, и тогда нужно метаться по всѣмъ портнымъ, и то еще ежели сыщешь, не смотря на дорогую плату. Я совѣтовалъ бы вамъ, милая маминька, деньги отправить тотчасъ по полученіи моего письма: оно какъ разъ и выдетъ, что ко времени моего отъѣзда платье поспѣетъ, для чего нужно по крайней мѣрѣ три недѣли, а то мнѣ всегда за скоростью шьютъ на живую нитку. Денегъ пришлите мнѣ 150, полтораста рублей, потому (что) мнѣ, кромѣ крупнаго платья, нужно еще до пропасти разныхъ бездѣлушекъ, какъ-то: галстухи, подтяжки, платочки. Хотѣлось бы также сертучекъ лѣтній, легенькій, простенькій, чтобы ходить дома. Казенныхъ намъ теперь не шили, и мы принуждены ходить въ суконныхъ.

»Дай Богъ, маминька, чтобъ я васъ засталъ совершенно здоровыми, совершенно веселыми. Меня крушитъ ужасно какъ болѣзнь ваша. Сто разъ цѣлуя заочно ручки ваши, остаюсь вашимъ послушнѣйшимъ, любящимъ васъ болѣе жизни сыномъ

»Николаемъ Гоголь-Яновскимъ.«

Такъ оканчивается это письмо. Г. Григорій Данилевскій, напечатавъ его первый въ »Московскихъ Вѣдомостяхъ« 1852, № 124, съ разными поправками, придѣлалъ къ нему слѣдующее окончаніе изъ письма отъ 7-го іюня 1826 года.

»Присылайте за мною экипажецъ умѣстительный, потому что я ѣду со всѣмъ богатствомъ вещественныхъ и умственныхъ имуществъ, и вы увидите труды мои. — — Теперь я оканчиваю посылать за себя представителей, т. е. письма. Но черезъ двѣ недѣли явится творецъ ихъ, никогда неизмѣнчивый въ своихъ чувствахъ, все тотъ же пламенный, признательный, никогда не загасившій вѣчнаго огня привязанности къ родинѣ и роднымъ« (¹).

Чѣмъ больше приближалось время окончанія гимназическаго курса, тѣмъ больше сознавалъ Гоголь недостаточность своихъ познаній, особенно въ языкахъ, для того, чтобы привесть въ исполненіе планы, строившіеся въ головѣ его. Въ концѣ 1827 года онъ писалъ къ матери:

»Я теперь совершенный затворникъ въ своихъ занятіяхъ. Цѣлый день съ утра до вечера ни одна праздная минута не прерываетъ моихъ глубокихъ занятій. Объ потерянномъ времени жалѣть нечего; нужно стараться вознаградить его; и въ короткіе эти полъ-года я хочу произвесть и произведу [я всегда достигалъ своихъ намѣреній] вдвое болѣе, нежели во все время моего здѣсь пребыванія, нежели въ цѣлые шесть лѣтъ. Мало я имѣю къ тому пособій, особливо при большомъ недостаткѣ въ нашемъ состояніи. На первый только случай, къ новому году только, мнѣ нужно по крайней мѣрѣ выслать 60 рублей на учебныя для меня книги, при которыхъ я еще буду терпѣть недостатокъ. Но при неусыпности, при моемъ желѣзномъ терпѣніи, я надѣюсь положить съ ними начало по крайней мѣрѣ, котораго уже невозможно бы было сдвинуть, начало великаго предначертаннаго мною зданія. Все это время я зани-

---

(¹) Разница въ нѣкоторыхъ словахъ этого отрывка противъ напечатаннаго въ »Опытѣ« произошла отъ того, что письмо было тамъ перепечатано изъ статьи г. Григорія Данилевскаго, помѣщенной въ 124 № »Московскихъ Вѣдомостей« 1852 года. *П. М.*

маюсь языками. Успѣхъ вѣнчаетъ, слава Богу, мои начинанія. Но это еще ничто съ предполагаемымъ: въ остальные полъ-года я положилъ себѣ за непремѣнное — окончить совершенно изученіе трехъ языковъ. На успѣхъ я не могу пожаловаться. Отъ него и отъ своего непоколебимаго намѣренія я много надѣюсь. Мнѣ жалко, мнѣ горестно только, что я принужденъ васъ разстроивать и безпокоить, зная наше слишкомъ небогатое состояніе, моими просьбами о деньгахъ, и сердце мое разрывается, когда подумаю, что я буду имѣть непріятную необходимость надоѣдать вамъ подобными просьбами чаще прежняго. Но, почтеннѣйшая маминька, вы, которая каждый часъ заставляетъ насъ удивляться высокой своей добродѣтели, своему великодушному самоотверженію единственно для нашего счастія, не старайтесь сохранять для меня имѣнія. Къ чему оно? Только развѣ на первые два или три года въ Петербургѣ мнѣ будетъ нужно вспоможеніе, а тамъ... развѣ я не умѣю трудиться? развѣ я не имѣю твердаго, неколебимаго намѣренія къ достиженію цѣли, съ которымъ можно будетъ все побѣждать? и эти деньги, которыя вы мнѣ будете теперь посылать, не значитъ ли это отдача въ ростъ, съ тѣмъ, чтобъ послѣ получить утроенный капиталъ съ великими процентами? Продайте тотъ лѣсъ большой, который мнѣ назначенъ. Деньгами, вырученными за него, можно не только сдѣлать вспоможеніе мнѣ, но и сестрѣ моей Машинькѣ (1). Я какъ подумаю, что ей бѣдной слишкомъ мало достается на часть, такъ не лучше ли будетъ, если раздѣлюсь всѣмъ своимъ имѣніемъ съ нею, особливо какъ буду въ Петербургѣ. Я бы оставилъ только домикъ для своего пріѣзду. Объ меньшихъ сестрахъ послѣ подумаемъ. А вы, маминька, осчастливите [чего я надѣюсь безъ сомнѣнія] меня своимъ пребываніемъ, и, спустя какихъ-нибудь года три послѣ своего бытія въ Петербургѣ, я пріѣду за вами. Вы тогда не оставите меня никогда. Тогда вы будете въ Петербургѣ моимъ ангеломъ-хранителемъ, и совѣты ваши, свято мною исполняемые, загладятъ прошлое легкомысліе моей юности, и тогда-то я буду совершенно счастливъ.«

---

(1) Она вышла замужъ въ 1832, овдовѣла въ 1836, скончалась въ 1844 году.

П. М.

Грустно читать эти мечты о внутреннемъ удовлетвореніи жизнью, о какихъ-то великодушныхъ предпріятіяхъ и о великихъ результатахъ безкорыстной дѣятельности, которыми Гоголь надѣялся наслаждаться, — грустно читать обо всемъ этомъ, зная, какая борьба предстояла ему въ водоворотѣ добра и зла, высокаго и низкаго, прекраснаго и отвратительнаго, въ который онъ бросился своими свѣжими силами. Но сколько поэзіи въ этой юношеской самоувѣренности, въ этой дерзости стремиться къ чрезвычайному, не имѣя еще силъ чрезвычайныхъ! Никто изъ нашихъ поэтовъ не задумывался такъ рано о великихъ подвигахъ для блага ближняго; ни у кого не было въ юности такъ широко любящей души; и никто не боролся такъ горячо съ равнодушіемъ массы ближнихъ къ добру. Читатель далѣе увидитъ, какъ ясно сознавалъ Гоголь свое призваніе еще до переѣзда въ Петербургъ. Теперь я помѣщу два письма къ Г. И. Высоцкому, писанныя въ 1827 году, и потомъ перейду снова къ перепискѣ его съ матерью.

Г. Высоцкій былъ соученикъ Гоголя по Гимназіи Высшихъ Наукъ и шелъ классомъ или двумя выше его.

Сходство вкусовъ сблизило ихъ, ибо тотъ и другой отличались мечтательностію и комизмомъ. Всѣ юмористическія прозвища, подъ которыми Гоголь упоминаетъ въ своихъ письмахъ о товарищахъ, принадлежатъ г. Высоцкому. Онъ имѣлъ сильное вліяніе на первоначальный характеръ гоголевыхъ сочиненій. Товарищи ихъ обоихъ, перечитывая »Вечера на Хуторѣ« и »Миргородъ«, на каждомъ шагу встрѣчаютъ слова, выраженія и анекдоты, которыми г. Высоцкій смѣшилъ ихъ еще въ Гимназіи.

Ученическія письма Гоголя отличаются отсутствіемъ всякихъ правилъ орѳографіи, что обнаруживаетъ поверхностность полученнаго поэтомъ въ дѣтствѣ воспитанія, а пожалуй также и его всегдашнюю небрежность въ литературной манипуляціи. Чтобъ сдѣлать ихъ болѣе ясными, я разставилъ какъ слѣдуетъ знаки препинанія, обратилъ прописныя буквы, на которыя онъ былъ тогда очень щедръ, въ строчныя и поправилъ неправильныя окончанія въ прилагательныхъ именахъ.

1.

»1827 года, генваря 17. Нѣжинъ.«

»Теперь только пріѣхалъ я изъ дому, гдѣ былъ всѣ праздники, и сегодня только получилъ твою записку отъ Шапалинскаго. Извини меня, безцѣнный другъ, что я такъ неблагодарно отплатилъ за твое дружеское расположеніе: на письмо твое не отвѣчалъ ни слова. Я знаю, что ты, зная меня, не подумаешь, чтобы это произошло отъ какого либо небреженія или холодности: нѣтъ, другъ! По крайнѣй мѣрѣ, позволь сказать, что ни къ кому сердце мое такъ не привязывалось, какъ къ тебѣ. Съ первоначальнаго нашего здѣсь пребыванія, уже мы поняли другъ друга, а глупости людскія уже рано сродпили насъ; вмѣстѣ мы осмѣивали ихъ и вмѣстѣ обдумывали планъ будущей нашей жизни. Половина нашихъ думъ сбылась: ты ужъ на мѣстѣ, уже имѣешь сладкую увѣренность, что существованіе твое не ничтожно, что тебя замѣтятъ, оцѣнятъ; а я... зачѣмъ намъ такъ хочется скоро видѣть наше счастіе? за чѣмъ намъ дано нетерпѣніе? мысль о немъ и днемъ и ночью мучитъ, тревожитъ мое сердце: душа моя хочетъ вырваться изъ тѣсной своей обители, и я весь — нетерпенье. Ты живешь уже въ Петербургѣ, уже веселишься жизнью, жадно торопишься пить наслажденія, а мнѣ еще не ближе полутора года видѣть тебя, и эти полтора года длятся для меня нескончаемымъ вѣкомъ... Много принесло мнѣ удовольствія письмо твое; жадно перечитывалъ я тобою писанное, ловилъ слова, и мнѣ казалось, будто я слышу изъ устъ твоихъ. И послѣ всего этого, послѣ всей радости, которую ты прислалъ ко мнѣ съ письмомъ, я ни слова не сказалъ тебѣ. Какая неблагодарность чернѣе этой? Но еще разъ прошу тебя, не вини меня: ты знаешь мою оплошность, которую теперь уже оставилъ, и принялъ твердое намѣреніе писать нарочно побольше писемъ въ разныя мѣста, чтобы тѣмъ пріучить себя къ исправности. Сдѣлай милость, Г. Ив., для нашей старой привязанности, для нашей дружбы не забудь меня, — пиши ко мнѣ разъ въ мѣсяцъ. Съ этой поры никогда письмо твое не будетъ оставлено безъ отвѣта.

»Пиши мнѣ объ своей жизни, о своихъ занятіяхъ, удовольствіяхъ, знакомствахъ, службѣ и обо всемъ, что только напоминаетъ прелесть

жизни петербургской. Это одно для меня развѣетъ горечь моего заточенія, сблизитъ урочное время и покажетъ мнѣ тебя въ твоемъ быту. Я знаю, что не оставишь меня, и уже съ восхищеніемъ въ мечтахъ читаю письмо, забывая и мѣстопребываніе свое, и весь міръ, выключая тебя съ Петербургомъ.

»Я здѣсь совершенно одинъ: почти всѣ оставили меня; не могу безъ сожалѣнія и вспомнить о вашемъ классѣ. Много и изъ моихъ товарищей удалилось. Л*** поѣхалъ въ Одессу, Д*** (1) тоже выбылъ. Не знаю, куда понесетъ его. Здѣсь онъ весьма худо велъ себя. Изъ старыхъ никого нѣтъ. Насъ теперь весьма мало; но мнѣ до ихъ дѣла нѣтъ: я совершенно позабылъ всѣхъ. Изрѣдка только здѣшнія происшествія трогаютъ меня; впрочемъ, я весь съ тобою въ столицѣ. Объ твоемъ аттестатѣ я всегда надоѣдалъ Шапалинскому, и теперь крѣпко настоялъ, чтобъ отсылать къ тебѣ. Онъ уже изготовленъ, и ты скоро получишь. Каково теперь у васъ? Какъ-то будете веселиться на масляницѣ? Ты мнѣ мало сказалъ про театръ, какъ онъ устроенъ, какъ отдѣланъ. Я думаю, ты дня не пропускаешь, — всякій вечеръ тамъ. Чья музыка? Что̀ тебѣ сказать объ нашихъ новостяхъ? здѣсь ихъ совершенно нѣтъ. Писать тебѣ про пансіонъ? онъ у насъ теперь въ самомъ лучшемъ, самомъ благородномъ состояніи, и всѣмъ этимъ мы одолжены нашему инспектору Бѣлоусову. Къ масленицѣ затѣваютъ театръ. Дураки всё такъ же глупы. Барончикъ, Доримончикъ, фонъ-Фонтикъ-Купидончикъ, Мишель Дюсенька, Хощики здравъ и не вредимъ, и часъ отъ часу глупѣетъ. Демировъ-Мишковскій, Батюшечка и Урсо кланяются по поясъ. Мыгалычъ чуть-чуть было не околѣлъ. Впрочемъ все благополучно. Бодянъ только проситъ у тебя на водку. Но прости: я болтаю пустяки и надоѣлъ уже, думаю, тебѣ до сна. По слѣдующей почтѣ я намѣренъ еще тебѣ сказать кое объ чемъ; а до того времени не забудь твоего вѣрнаго, всегда и вездѣ тебя любящаго стариннаго друга

»*Н. Гоголя.*«

---

(1) Имена, сокращенныя мною въ начальныя буквы, будутъ вездѣ отмѣчены тремя звѣздочками; начальныя же буквы, выставленныя вмѣсто именъ самимъ Гоголемъ, не будутъ имѣть при себѣ звѣздочекъ. *Н. М.*

»Божко и Миллеръ благодарятъ, что ты не забылъ ихъ.«

Отмѣтка г. Высоцкаго: »Получено отъ Николая Васильевича Гоголь-Яновскаго сіе письмо 9-го февраля 1827 г. *Въ С. Петербургѣ.*«

2.

»1827 годъ, м. іюнь, число 26. Нѣжинъ«.

»Пишу къ тебѣ таки изъ Нѣжина. Не думай, чтобы экзаменъ могъ помѣшать мнѣ писать къ тебѣ. Письмами твоими я уже болѣе сблизился съ тобою, и потому буду безпрестанно надоѣдать. Мнѣ представляется, что ты сидишь возлѣ меня, что я имѣю право поминутно тебя распрашивать. Милый, Герас. Иван., знаю привязанность твою: она вылилась вся въ письмѣ твоемъ. Она, кажется, ростетъ между нами болѣе и болѣе; и утверждается нашею разлукою. Люблю тебя еще болѣе, чѣмъ прежде, и спѣшу соединиться съ тобою, хотя ты меня ужаснулъ чудовищами великихъ препятствій. Но они безсильны; или — странное свойство человѣка! — чѣмъ болѣе трудностей, чѣмъ болѣе преградъ, тѣмъ болѣе онъ летитъ туда. Вмѣсто того, чтобы остановить меня, они еще болѣе разожгли во мнѣ желаніе. Меня восхищаетъ, когда я подумаю, что тамъ есть кому ждать меня, есть кому встрѣтить роднымъ привѣтствіемъ и облеснуть лицо свѣтлою радостью. Означились мнѣ на сердцѣ также и друзья-пріятели твои. Я не знаю ихъ, никогда не видалъ, но они друзья тебѣ, и я ихъ такъ же люблю, какъ и ты. Зачѣмъ ты не наименилъ ни одного изъ нихъ? Хотя имя не опредѣлитъ человѣка, не ознакомитъ съ нимъ, однако я все бы могъ изъ письма твоего узнать ихъ характеръ, свойство, съ кѣмъ ты болѣе друженъ, — особливо, когда они будутъ дѣйствующими лицами въ твоихъ письмахъ, чего мнѣ непремѣнно хочется. Уединясь совершенно отъ всѣхъ, не находя здѣсь ни одного, съ кѣмъ бы могъ слить долговременныя думы свои, кому бы могъ вывѣрить мышленія свои, я осиротѣлъ и сдѣлался чужимъ въ пустомъ Нѣжинѣ. Я иноземецъ, забредшій на чужбину искать того, что только находится въ одной роднѣ, и тайны сердца, вырывающіяся на лицѣ, жадныя откровенія, печально опускаются въ глубь его, гдѣ такое же мертвое безмол-

віе. Въ такомъ случаѣ я желаю знать тебя въ кругу твоихъ друзей, гдѣ не скрываешься и гдѣ ваши занятія всегда радостны; хочу даже, чтобы ты писалъ мнѣ ваши разговоры и цѣлыя происшествія замѣчательнаго дня. Можетъ быть, я требую многаго; но ты не откажешь въ этомъ тому, у котораго, кромѣ тебя, почти ничего не осталось и который только этимъ и бываетъ веселъ. И точно : я ничего теперь такъ не ожидаю, какъ твоихъ писемъ. Они — моя радость въ скучномъ уединеніи. Нѣсколько только я разгоняю его чтеніемъ новыхъ книгъ, для которыхъ берегу деньги, неоставляющія для меня ничего, кромѣ ихъ, и выписываніе ихъ составляетъ одно мое занятіе и одну мою корреспонденцію. Никогда еще экзаменъ для меня не былъ такъ несносенъ, какъ теперь. Я совершенно весь истомленъ, чуть движусь. Не знаю, что со мною будетъ далѣе. Только я и надѣюсь, что поѣздкою домой обновлю немного свои силы. Какъ чувствительно приближеніе выпуска, а съ нимъ и благодѣтельной свободы! Не знаю, какъ-то на слѣдующій годъ я перенесу это время!... Какъ тяжко быть зарыту вмѣстѣ съ созданьями низкой неизвѣстности въ безмолвіе мертвое! Ты знаешь всѣхъ нашихъ существователей, всѣхъ, населившихъ Нѣжинъ. Они задавили корою своей земности, ничтожнаго самодовольстія высокое назначеніе человѣка. И между этими существователями я долженъ пресмыкаться..... Изъ нихъ не исключаются и дорогіе наставники наши. Только между товарищами, и то не многими, нахожу иногда, кому бы сказать что-нибудь. Ты теперь въ зеркалѣ видишь меня. Пожалѣй обо мнѣ! Можетъ быть, слеза соучастія, отдавшаяся на твоихъ глазахъ, послышится и мнѣ.

»Ты уже и успѣлъ дать за меня слово объ моемъ согласіи на ваше намѣреніе отправиться за границу. Смотри только впередъ не раскаяться? можетъ быть, мнѣ жизнь петербургская такъ понравится, что я и поколеблюсь и вспомню поговорку : »не ищи того за моремъ, что сыщешь ближе«. Но уже такъ и быть; ты далъ слово—нужно мнѣ спустить твоей опрѣтчивости. Только когда это еще будетъ? Еще годъ мнѣ нужно здѣсь, да годъ, думаю, въ Петербургѣ; но, впрочемъ, я безъ тебя не останусь въ немъ : куда ты, туда и я. Только будто ли меня ожидаютъ? Меня это ужасть какъ приближаетъ къ Петербургу, — тѣмъ болѣе, что я внесенъ уже въ вашъ кругъ. Мое имя, я думаю, по-

минается между вами, и, можетъ быть, по какому-то тайному сочувствію, кто нибудь изъ друзей твоихъ наименитъ меня, какъ друга ихъ друга, предугадывая, что онъ также добръ. На дняхъ я получилъ письмо отъ Л***, не знаю по какой благодати. Чего только онъ въ немъ не наговорилъ! и каламбуровъ и стишковъ. Изо всего письма я только могъ замѣтить, что, увидѣвши мое письмо къ тебѣ, онъ загорѣлся воспоминаніемъ и рѣшился подкрѣпить его посланіемъ. На четырехъ страницахъ не сказалъ объ себѣ ни слова, даже не объявилъ при концѣ письма, что онъ Л***—Р***; а въ заключеніе просилъ меня извѣстить объ *Клароцкѣ* К***, объ которой ты, я думаю, самъ знаешь, какого я глубокаго свѣдѣнія: даже не видалъ ее сразу. Жалѣю, однакожь, что мнѣ нѣтъ времени писать, особливо теперь. Чтобъ онъ еще, однакожь, не почелъ за пренебреженіе. Извини меня какъ нибудь передъ нимъ.... Нѣтъ ли тамъ у васъ Николаевича-Кобеляцкаго? Мы уже годъ какъ его не видимъ. Сначала было навѣдывался къ намъ, а теперь пропалъ безъ вѣсти. У насъ теперь у Нѣжинѣ завелось сообщеніе съ Одессою посредствомъ парахода или брички Ваныкина. Этотъ пароходъ отправляется отсюда ежемѣсячно съ огурцами и пикулями и возвращается набитый маслинами, табакомъ и гальвою. Семеновичъ-Орлай, который теперь обрѣтается въ Одессѣ, подманилъ отсюда Д*** — М***, которому давно уже Гимназія открыла свободный, безпрепятствій пропускъ за пьянство; и по сему поводу пароходъ совершилъ седмую экспедицію для взятія въ пассажиры М***го, а на мѣсто его въ гувернеры высадилъ директорскую ключницу, ростомъ въ сажень съ половиною, которая привела было въ трепетъ всю челядь Гимназіи Высшихъ Наукъ К. Безбородко, пока одинъ Бодянъ не доказалъ, что русскій солдатъ чорта не боится, и въ славномъ сраженіи при Шуршѣ оборотилъ переднія ея челюсти на затылокъ. К*** къ намъ ходитъ теперь съ бритою головою [опасаясь, вѣрно, плотоядныхъ животныхъ]; но чтобы не выказать срамоты, заказалъ красную шапочку, и этимъ точно охарактеризовалъ себя. И дѣйствительно теперь онъ сдѣлался такимъ, что всякъ придетъ въ недоумѣніе, похожъ ли онъ на того человѣка, которому брѣютъ голову, или на того, который ходитъ въ красной шапочкѣ, и попеременно бѣсится, находясь то въ степени [употреблю твое слово] амуристики,

то въ степени, обладавшей знаменитымъ изгнанникомъ Д****мъ — М***мъ. Данилевскій находится теперь въ Москвѣ, — не могу навѣрно сказать гдѣ, но, кажется, въ пансіонѣ. Петръ Александровичъ Б***, наскуча недѣятельною жизнью, захотѣлъ отвѣдать трудностей воинскихъ, и, мѣсяцъ назадъ, я получилъ письмо, въ которомъ объявляетъ онъ о своемъ опредѣленіи въ Сѣверскій конно-егерскій полкъ. — —

»Теперь гимназія наша заселена всё семействами. Всѣмъ чиновникамъ пришла блажь жениться. Объ женитьбѣ Шапалинскаго и Самойленка, я думаю, (ты) слышалъ; кромѣ того, Лаура [Н***] совокупился законнымъ бракомъ съ дочерью Канетихи. В*** женится на Фелибертисѣ [онъ овдовѣлъ при тебѣ]; І*** — на базилёвой сестрицѣ, которая пріѣхала изъ Одессы; Л*** — на какой-то французской мамзели, которой имени ей-Богу я до сихъ поръ не знаю, хотя три мѣсяца уже прошло послѣ ихъ обрученія; и даже казакъ М*** намѣревается, *вѣроятно*, уничтожить одиночество своей жизни, хотя это и *кроется во мракѣ баснословія;* но доказательствомъ сему служитъ его покупка земли, на которой уже началъ домъ строить.

»Мишель нашъ, баронъ Кунжутъ-фонъ-Фонтикъ — радуйся — снова у насъ; а мы уже было думали, что онъ совсѣмъ насъ оставитъ. Уже подалъ было прошеніе о принятіи его въ драгунскій полкъ: но благоразумный отецъ, узнавъ объ этомъ, отеческою рукою расписалъ ему задній фасадъ, въ числѣ 150 ударовъ, и онъ, барончикъ Хонцики, обновленный, явился у насъ снова, празднуя свое перерожденіе. Но я, думаю, надоѣлъ тебѣ пустяками. Читая письмо мое, я думаю, ты почесываешь голову и частенько поглядываешь на часы, какъ на свидѣтелей теряемаго времени. Но неужели мы должны вѣкъ серьёзничать,— и отчего же изрѣдка не быть творителями пустяковъ, когда ими пестрится жизнь наша? Признаюсь, мнѣ наскучило горевать здѣсь, и, не могши ни съ кѣмъ развеселиться, мысли мои изливаются на письмѣ и, забывшись отъ радости, что есть съ кѣмъ поговорить, прогнавъ горе, садятся нестройными толпами въ видѣ буквъ на бумагу, и въ это время — вообрази — я на какую мысль набрёлъ. Уже ставлю мысленно себя въ Петербургѣ, въ той веселой комнаткѣ, окнами на Неву, такъ какъ я всегда думалъ найти себѣ такое мѣсто. Не знаю, сбудутся ли мои предполо-

женія, буду ли я точно живать въ этакомъ райскомъ мѣстѣ, или неумолимое веретено судьбы зашвиритъ меня съ толпою самодовольной черни — [мысль ужасная!] въ самую глушь ничтожности, отведетъ мнѣ черную квартиру неизвѣстности въ мірѣ.

»Но, покуда еще неизвѣстно намъ предопредѣленіе судьбы, ужели нельзя хотя помечтать о будущемъ? Этимъ богатствомъ я всегда буду надѣленъ. Оно не оставитъ меня во все дленіе жизни. Но слушай: будто ты сидишь у меня, будто говоримъ мы долго, будто смѣемся, и — вѣришь ли? — будто, забывшись, перо выпадало разъ двадцать на бумагу, разрушало мечтательныя думы и съ досады зачеркивало ничего ему несдѣлавшія слова. Ахъ, какъ въ это время хотѣлось бы мнѣ обнять тебя, увидѣть тебя! Не знаю, можетъ ли что̀ удержать меня ѣхать въ Петербургъ, хотя ты порядкомъ пугнулъ и пристращалъ меня необыкновенною дороговизною, особливо съѣстныхъ припасовъ. Болѣе всего удивило меня, что самые пустяки такъ дороги, какъ-то: манишки, платки, косынки и другія бездѣлушки. У насъ, въ доброй нашей Малороссіи, ужаснулись такихъ цѣнъ и убоялись, сравнивъ суровый климатъ вашъ, который еще нужно покупать необыкновенною дороговизною, и благословенный малороссійскій, который достается почти даромъ; а (1) потому многіе изъ самыхъ жаркихъ желателей уже навостряютъ лыжи обратно въ скромность своихъ недальнихъ чувствъ и удовольнились ничтожностью, почти вѣчною. Хорошо, ежели они обратятъ свои дѣла для пользы человѣчества. Хотя въ самой неизвѣстности пропадутъ ихъ имена, но благодѣтельныя намѣренія и дѣла освятятся благоговѣніемъ потомковъ.

»Какое теперь ужасное у насъ плодородіе, ты не повѣришь, — особливо фруктовъ! Деревья гнутся, ломятся отъ тяжести. Не знаемъ, дѣвать куда. Я воображаю объ необыкновенной роскоши, которою я буду пресыщаться, пріѣхавши домой. Уже два дни экипажъ стоитъ за мною. Съ нетерпѣніемъ лечу освѣжиться, ожить отъ мертваго усыпленія годичнаго въ Нѣжинѣ, отъ ядовитаго истомленія, вслѣдствіе нетерпѣнія и

---

(1) Съ этого мѣста перемѣнились чернилы и почеркъ сдѣлался небрежнѣе.

Н. М.

скуки. Возвратясь, начну живѣе и спокойнѣе носить иго школьнаго педантизма, пока уроченное время, со всѣми своими мучительными ожиданіями и нетерпѣніемъ, не предстанетъ снова истомленному. Какая у насъ засуха! болѣе полтора мѣсяца не шли дожди. Не знаю, что̀ будетъ далѣе. Лѣто вдругъ у насъ перемѣнилось: сдѣлалось вдругъ такъ холодно, что даже принуждены мерзнуть, особливо по утрамъ. Весна была нестерпимо жарка.

»Позволь еще тебя, единственный другъ Герас. Иван., попросить объ одномъ дѣлѣ... надѣюсь, что ты не откажешь... а именно: нельзя ли заказать у васъ въ Петербургѣ портному самому лучшему фракъ для меня? Мѣрку можетъ снять съ тебя, потому что мы одинакого росту и плотности съ тобой. А ежели ты разжирѣлъ, то можешь сказать, чтобы немного уже. Но объ этомъ послѣ, а теперь — главное — узнай, что̀ стоитъ пошитье самое отличное фрака по послѣдней модѣ, и цѣну выставь въ письмѣ, чтобы я могъ знать, сколько нужно посылать тебѣ денегъ. А сукно-то, я думаю, здѣсь купить, оттого, что ты говоришь — въ Петербургѣ дорого. Сдѣлай милость, извѣсти меня какъ можно поскорѣе, и я уже приготовлю все такъ, чтобы, по полученіи письма твоего, сейчасъ все тебѣ и отправить, потому что мнѣ хочется ужасно какъ, чтобы къ послѣднимъ числамъ или къ первому ноября я уже получилъ фракъ готовый. Напиши, пожалуста, какія модныя матеріи у васъ на жилеты, на панталоны, выставь ихъ цѣны и цѣну за пошитье. Извини, драгоцѣнный другъ, что я тебя затрудняю такъ; я знаю, что ты ни въ чемъ не откажешь мнѣ, и для того надѣюсь получить самый скорый отъ тебя отвѣтъ и увѣдомленіе. Какъ ты обяжешь только меня этимъ! Какой-то у васъ модный цвѣтъ на фраки? Мнѣ очень бы хотѣлось сдѣлать себѣ синій съ металлическими пуговицами (¹); а черныхъ фраковъ у меня много, и они мнѣ такъ надоѣли, что смотрѣть на нихъ не хочется. Съ нетерпѣніемъ жду отъ тебя отвѣта, милый, единственный, безцѣнный другъ.

(¹) Этотъ вкусъ сохранился у него до конца жизни. Между платьемъ его, послѣ смерти, остались синій фракъ съ металлическими пуговицами и нѣсколько синихъ жилетовъ. *П. М.*

»Письмо мое началъ укоризнами унынія и при концѣ развеселился. Тебѣ хочется знать причину? вотъ она: я началъ его въ Нѣжинѣ, а кончаю дома, въ своемъ владѣніи, гдѣ окруженъ почти съ утра до вечера веселіемъ. Желаю тебѣ вполнѣ имъ наслаждать(ся), и чтобы никогда минута горести не отравляла часовъ твоей радости. А я до гроба твой

»Неизмѣнный, вѣрный, всегда тебя любящій

»*Николай Гоголь.*

»Изъ Нѣжина къ тебѣ кланяются всѣ, — примѣчательнѣе: Лопушевскій, буфетчикъ Марко (прежній фаворитъ твой, съ своею красною жонкою), баронъ фонъ-Фонтикъ давнѣе (?), Гусь Евлампій (1), Григоровъ, Божко, Миллеръ и проч. и проч., а отсюдова одинъ только я привѣтствую тебя поклономъ заочно.« (2)

Судя по множеству черныхъ фраковъ, о которыхъ упоминаетъ Гоголь въ письмѣ къ г. Высоцкому и по его заботамъ о своемъ костюмѣ, выраженнымъ въ письмѣ къ матери, можно подумать, что онъ былъ франтъ между своими соучениками. Между тѣмъ они сохранили о немъ воспоминаніе, какъ о страшномъ неряхѣ. Онъ рѣшительно пренебрегалъ тогда своею внѣшностью и принаряжался только дома, гдѣ, видно, были люди, на которыхъ онъ особенно желалъ производить пріятное впечатленіе. (3)

»Окончивъ курсъ наукъ (говоритъ г. Кулжинскій), Гоголь прежде всѣхъ своихъ товарищей, кажется, одѣлся въ партикулярное платье. Какъ теперь вижу его, въ свѣтлокоричневомъ сюртукѣ, котораго полы подбиты были какою-то красною матеріей въ большихъ клѣткахъ. Такая подкладка почиталась тогда nec plus ultra молодаго щегольства, и Гоголь, идучи по гимназіи, безпрестанно обѣими руками, какъ будто не нарочно, раскидывалъ полы сюртука, чтобы показать подкладку.«

---

(1) Фельдшеръ при гимназическомъ лазаретѣ.

(2) За сообщеніе мнѣ этихъ документовъ я обязанъ глубокою благодарностью Н. Д. Юскевичу-Красковскому. *Н. М.*

(3) Въ письмѣ къ матери отъ 10-го іюня 1825 года онъ говоритъ: »Также я вамъ писалъ, чтобъ въ Кибинцы не заѣзжать, потому что у меня платья совсѣмъ нѣтъ, кромѣ того, въ которомъ хожу повседневно.«

Въ Петербургѣ нѣкоторые помнятъ его щеголемъ; было время, что онъ даже сбрилъ себя волосы, чтобы усилить ихъ густоту, и носилъ парикъ. Но тѣ же самыя лица разсказываютъ, что у него изъ подъ парика выглядывала иногда вата, которую онъ подкладывалъ подъ пружины, а изъ-за галстуха вѣчно торчали бѣлыя тесемки. А одинъ изъ его учениковъ (¹), описывая Гоголя въ эпоху 1831 года, говоритъ, что костюмъ его былъ составленъ изъ рѣзкихъ противоположностей щегольства и неряшества. Такимъ образомъ, Гоголь служитъ новымъ подтвержденіемъ мнѣнія, что поэтъ въ мелкихъ дѣлахъ общежитія непремѣнно долженъ имѣть какія-нибудь странности.

Слѣдующая выписка изъ письма Гоголя къ матери (отъ 1-го марта, 1828) представитъ изумительное явленіе: молодой школьникъ говоритъ о высокомъ христіянскомъ самосовершенствованіи посредствомъ нуждъ и страданій и характеризуетъ себя въ настоящемъ и будущемъ съ поразительною вѣрностью.

»Я не говорилъ (вамъ) никогда, что утерялъ цѣлые 6 лѣтъ даромъ. Скажу только, что нужно удивляться, что я въ этомъ глупомъ заведеніи могъ столько узнать еще. Вы изъявляли сожалѣніе, что меня въ началѣ не поручили кому; но знаете ли, что для этого нужны были тысячи? Да что̀ бы изъ этого было? Видѣлъ я здѣсь и тѣхъ, которые находились подъ особымъ покровительствомъ. Имъ только лучше ставили классные шары, а впрочемъ они были глупѣе прочихъ, потому что они совершенно ничѣмъ не занимались. Я не тревожилъ васъ увѣдомленіемъ объ этомъ, зная, что лучшаго воспитанія вы дать мнѣ были не въ состояніи и что не во всякое заведеніе можно было такъ счастливо на казенный счетъ попасть. Кромѣ неискусныхъ преподавателей наукъ, кромѣ великаго нерадѣнія и проч., здѣсь языкамъ совершенно не учатъ. Доказательствомъ сему служатъ тѣ, которые, пріѣхавши сюда съ нѣкоторыми познаніями въ языкахъ, выѣзжали, позабывши послѣднія. Ежели я что̀ знаю, то этимъ обязанъ совершенно одному себѣ. И потому не нужно удивляться, если надобились деньги иногда на мои учебныя пособія, если не совершенно достигъ того, что̀ мнѣ нужно. У меня не было другихъ путеводи-

(¹) М. Н. Лонгиновъ: »Воспоминанія о Гоголѣ«.

телей, кромѣ меня самаго, а можно ли самому, безъ помощи другихъ, совершенствоваться? Но времени для меня впереди еще много, силы и стараніе имѣю. Мои труды, хотя я ихъ теперь удвоилъ, мнѣ не тягостны ни мало; напротивъ, они не другимъ чѣмъ мнѣ служатъ, какъ развлеченіемъ, и будутъ также служить имъ и въ моей службѣ, въ часы, свободные отъ другихъ занятій. Что же касается до бережливости въ образѣ жизни, то будьте увѣрены, что я буду умѣть пользоваться малымъ. Я больше поиспыталъ горя и нуждъ, нежели вы думаете. Я нарочно старался у васъ, всегда когда бывалъ дома, показывать разсѣянность, своенравіе и проч., чтобы вы думали, что я мало обтерся, что мало былъ прижимаемъ зломъ. Но врядъ ли кто вынесъ столько неблагодарностей, несправедливостей, глупыхъ, смѣшныхъ притязаній, холоднаго презрѣнія и проч. Все выносилъ я безъ упрековъ, безъ роптанія; никто не слыхалъ моихъ жалобъ; я даже всегда хвалилъ виновниковъ моего горя. Правда, я почитаюсь загадкою для всѣхъ: никто не разгадалъ меня совершенно. У васъ почитаютъ меня своенравнымъ педантомъ, думающимъ, что онъ умнѣе всѣхъ, что онъ созданъ на другой ладъ отъ людей. (¹) Вѣрите ли, что я внутренно самъ смѣялся надъ собою вмѣстѣ съ вами? Здѣсь меня называютъ смиренникомъ, идеаломъ кротости и терпѣнія. Въ одномъ мѣстѣ я самый тихій, скромный, учтивый, въ другомъ — угрюмый, задумчивый, неотесанный и проч., у иныхъ уменъ, у другихъ глупъ. Какъ угодно почитайте меня, но только съ настоящаго моего поприща вы узнаете настоящій мой характеръ. Вѣрьте только, что всегда чувства благородныя наполняютъ меня, что никогда не унижался я въ душѣ и что я всю жизнь свою обрекъ благу. Вы меня называете мечтателемъ опрометчивымъ, какъ будто бы я внутри самъ не смѣялся надъ ними. Нѣтъ, я слишкомъ много знаю людей, чтобы быть мечтателемъ. Уроки, которые я отъ нихъ получилъ, останутся навѣки неизгладимыми, и они — вѣрная порука моего счастія. Вы увидите, что со временемъ за всѣ ихъ худыя дѣла я буду въ состояніи заплатить благодѣяніями, потому что зло ихъ мнѣ обратилось въ добро. Это непремѣнная истина, что ежели кто порядочно пообтерся, ежели кому всякой

(¹) Малороссіянизмъ; значитъ — созданъ иначе нежели люди. *Н. М.*

разъ давали чувствовать крѣпкій гнетъ несчастій, тотъ будетъ счастливѣйшій.«

Собранныя мною преданія о школьномъ ученіи Гоголя и его письма изъ Гимназіи достаточно показываютъ, каково было воспитаніе, полученное Гоголемъ въ Нѣжинѣ. Чтобъ еще ближе познакомить читателя со вкусомъ и наклонностями будущаго автора повѣстей и комедій, сдѣлаю описаніе записной книги его, заведенной въ 1826 году и въ которую онъ, по всѣмъ признакамъ, не вносилъ уже ничего, по окончаніи курса. Книга эта, судя по ея переплету, слишкомъ мастерскому для нѣжинской работы даже и въ наше время, была кѣмъ-то подарена Гоголю для того употребленія, которое онъ изъ нея сдѣлалъ. Разнообразіе внесенныхъ въ нее статей обнаруживаетъ въ молодомъ владѣльцѣ ея сильную жажду знанія, которой противодѣйствовала, можетъ быть, только поэтическая лѣнь, недававшая Гоголю привести въ исполненіе всѣхъ его намѣреній по предмету положительной эрудиціи.

Записная книга Гоголя сшита въ листъ изъ синеватой бумаги хорошаго, по своему времени, сорта и переплетена въ кожу; толщиной она въ вершокъ. На заглавномъ листѣ ея читаемъ: »Книга Всякой Всячины, или Подручная Энциклопедія. Составл. Н. Г. Нѣжинъ, 1826«. (1) Вотъ предметы, интересовавшіе по чему-либо Гоголя-школьника. Исчисляю ихъ въ томъ порядкѣ, какъ разбросаны они въ книгѣ, подѣленной на мелкія части алфавитомъ.

»Антекарскій вѣсъ«.

»Архитектурные чертежи«. (2)

»Лексиконъ малороссійскій«. (3)

---

(1) Она принадлежитъ теперь С. Т. Аксакову.

(2) Это части колоннъ разныхъ орденовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ вырѣзаны изъ гравированныхъ чертежей, другія прорисованы на прозрачной бумагѣ и всѣ наклеены на листахъ книги. Такихъ чертежей разбросано въ разныхъ мѣстахъ книги множество. Три полулиста тонкой бумаги съ чертежами вложено въ бумажный карманъ, сдѣланный между листами подъ буквою А.

(3) Онъ состоитъ изъ малороссійскихъ словъ съ русскими синонимами и вписанъ въ книгу въ разныхъ мѣстахъ ея, смотря по тому, на какую букву начинается слово.

»Вѣсъ въ разныхъ государствахъ«.

»Hauteurs des quelques monuments remarquables«.

»Древнее вооруженіе греческое«. (1)

»Вирша, говоренная гетману Потемкину Запорожцами«. (2)

»Деньги и монеты разныхъ государствъ«.

Выговоръ гетмана Скоропадскаго Василію Скалозубу. (3)

Декретъ Миргородской Ратуши 1702 года. (4)

»Распространеніе дикихъ деревъ и кустарниковъ въ Европѣ«.

---

(1) Чертежи.

(2) Она начинается такъ:

»Хрыстосъ воскресъ, радъ мыръ увесь, дождалыся Божои ласкы.«

(3) Это оффиціальная бумага старинной малороссійской канцеляріи, написанная видно въ особенно гнѣвномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ веселомъ расположеніи духа. Она не можетъ ни коимъ образомъ служить образцомъ, какъ писались встарину въ Малороссіи оффиціальныя бумаги: иначе она не ходила бы по рукамъ какъ рѣдкость. Вотъ этотъ документъ, съ необходимыми исключеніями:

»Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества Войска Запорожскаго Гетманъ Иванъ Скоропадскій.

»Тоби скурвому сыну Василію Салогубу нехай буде вѣдомо, нижъ доносилъ намъ жалобливе панъ Антонъ Трофимовичъ, сотникъ серебрянскій, же ты, съ твоей мужицкой глупости, поважившы сице намъ рейментарскій указъ, подъ зарукою тысячи талярей по жалобѣ его жъ сотника предъ симъ въ позовномъ листѣ до тебе выраженныхъ, не тилько овець ёму по уговору не отдалесь, але и подъ судъ войсковый енеральный до насъ въ обозъ не сталесь; зачимъ пакетъ умысльне посылаючи отъ боку нашего посланного, приказали ему конечне тебе якъ собаку зашію узяти и въ колодку забивши, примкнути до обозу, где, за таковую свою упорчивость и противъ зверхности нашей неповиновеніе, не тилько тую тысячу талярей безъ отпустка заплатишъ, але и знатного кіевого карання не увійдешъ, — декляруемъ непремѣнно. Данъ въ обозѣ подъ Самарью, августа 11, року VIII-го.«

(4) Этотъ декретъ былъ произнесенъ и записанъ въ книгу по случаю доноса Лаврина Федоренка и его жены на »закабаленную имъ« за деньги Вацьку Куликивну, которая »отважилась робити соромотизну и вельми нечестивое дѣло«. Члены ратуши (говорится въ декретѣ) позвали обвиненную къ допросу, и она созналась въ своихъ проступкахъ съ такою откровенностью, что они, »почувши сію лихую предъ Богомъ гадину, ажъ объ полы руками вдарились и приказали сію соромотизну добре барбарами вышмаровати и пану сотникови вѣчно (на вѣки) въ пекарню (на кухню) отдати«; а сами подписались подъ декретомъ »святыми крестами« (по незнанію грамотѣ).

Выписки изъ »Енеиды« Котляревскаго.

Чертежи сельскихъ заборовъ.

»Игры, увеселенія Малороссіянъ«.

»Имена, даваемыя при крещеніи«. (1)

»Нѣчто объ исторіи искусствъ«.

»Мысли объ исторіи вообще«. (2)

»Комерческій словарь«. (3)

Рисунки садовыхъ мостиковъ.

»Мѣра протяженія«.

»Малороссійскія загадки«.

»Малороссійскія преданія, обычаи, обряды«.

Чертежи музыкальныхъ инструментовъ древнихъ Грековъ.

»Нѣчто о русской старинной масленицѣ«.

Пѣсня:

»Ой пу, Юрку, продай курку,
А самъ прыстань до вербунку...«

»Объ одеждѣ и обычаяхъ Русскихъ XVII вѣка, изъ Мейсберга«. (1)

»Объ одеждѣ Персовъ«.

»Обычаи Малороссіянъ«.

---

(1) На малороссійскомъ языкѣ.

(2) Коротенькая выписка изъ Тьери на французскомъ языкѣ.

За этой статьей вложены въ книгу небольшіе листки съ стихотвореніями, напоминающими куплетъ въ любовномъ письмѣ къ Чичикову (»Мертвыя Души«, стр. 305). На примѣръ:

« Чѣмъ доказать тебѣ любовь
Свою, вовѣки неизмѣнну?
Чѣмъ взволновать застывшу кровь
Твою, ничѣмъ неповрежденну?
Скажи, небесный ангелъ мой,
Скажи, я братъ родимый твой.

»Иванъ Доп — левскій.

»1828-го, октября 1.
Городъ Нѣжинъ.«

(3) Выписка техническихъ словъ, употребляемыхъ въ торговыхъ дѣлахъ.

(4) Внизу статьи — рисунки перомъ.

»Пословицы, поговорки, приговорки и фразы малороссійскія«.

»Планетныя системы«. (1)

»Карта, сдѣланная барономъ Герберштейномъ во время пребыванія въ Россіи«. (2)

»О старинныхъ русскихъ свадьбахъ«. (3)

»Ключъ къ стенографіи Эрдмана«.

»О свадьбахъ Малороссіянъ«.

»Сравненіе садоваго года Франціи и Россіи«.

Чертежи садовыхъ скамеекъ.

»Объ архитектурѣ театровъ«. (4)

»Списокъ россійской и балетной труппы С. Петербургскаго театра артистовъ. (Изъ Р. Т. 1825 года)«.

»Pieces de M. Scribe«.

Рисунки бесѣдокъ.

»Передній фасадъ (прежній) дома въ д. Васильевкѣ, въ готическомъ вкусѣ«.

»Задній фасадъ того же дома«. (5)

»Славянскія цифры«.

Вотъ все, что можно было до сихъ поръ собрать о первомъ періодѣ жизни Гоголя. Другой бы, можетъ быть, представилъ это въ болѣе выразительномъ видѣ и слилъ бы разныя мелочи въ болѣе стройную картину; я представляю факты въ томъ простомъ видѣ и почти въ томъ сцѣпленіи ихъ между собою, въ какомъ они были открываемы мною, будучи убѣжденъ, что это только абрисъ, по которому впослѣдствіи пане-

---

(1) Чертежи.

(2) Гравированная; наклеена на одинъ изъ листовъ книги.

(3) За этой статьей вложенъ въ книгу полулистъ синей бумаги, въ который вклеенъ длинный, узкій печатный списокъ именъ и обведенъ черною рамочкою. Сверху надпись рукою Гоголя: »Воспитанницы и пансіонерки, назначенныя къ выпуску 1832 года«. Этотъ документъ говоритъ уже о другомъ періодѣ его жизни.

(4) Нѣсколько строкъ.

(5) Это два рисунка акварелью, сдѣланные очень старательно самимъ Гоголемъ. Домики обрѣзаны и наклеены на синюю бумагу, которая и составляетъ ихъ фонъ; а синяя бумага вклеена въ одинъ изъ листовъ книги.

сутся цвѣты и тѣни, и что если послѣдующая внутренняя жизнь Гоголя была столь разнообразна въ своихъ движеніяхъ, столь богата умственными представленіями, столь благоуханна цвѣтами сердца, то корней всего этого надобно искать въ темной и таинственной почвѣ дѣтства, ибо въ »организмѣ ребенка скрывается уже человѣкъ« (1), и первыя движенія дѣтскаго ума нерѣдко проявляютъ тѣ идеи, для распространенія которыхъ геніальная натура призвана въ міръ. (2) Какъ ни много, на первый разъ, собрано у меня матеріаловъ для каждаго изъ трехъ періодовъ жизни поэта, но изъ этого не слѣдуетъ еще строить исторіи его жизни такъ систематически, такъ послѣдовательно и заключительно, какъ развивается романъ или поэма. Я только покажу читателю разныя положенія Гоголя въ жизни и въ литературѣ, разныя стороны его житейскаго и поэтическаго характера, сколько это раскрылось для самого меня изъ извѣстныхъ доселѣ фактовъ и письменныхъ документовъ, но далеко еще то время, когда можно будетъ въ заглавіи подобнаго сочиненія написать: »Полная Біографія«. Что̀ касается до перваго періода жизни Гоголя, то онъ, сравнительно съ прочими, оказывается самымъ скуднымъ свѣдѣніями и требуетъ много труда для наполненія всѣхъ своихъ пробѣловъ. Не знаю, кто будетъ имѣть возможность, желаніе или умѣнье заняться этимъ дѣломъ; но важность подобнаго занятія, какъ для исторіи русской словесности, такъ и для психологіи вобще должна быть очевидна для каждаго.

---

(1) Слова Альфьери.

(2) Замѣчаніе д'Израэли.

Періодъ второй.

IV.

Переѣздъ въ Петербургъ. — Инстинктъ таланта. — Письмо къ матери о петербургской жизни. — Значеніе матери въ жизни Гоголя. — Просьбы къ ней о матеріалахъ для сочиненій. — Первыя попытки въ стремленіи къ извѣстности. — Сожженіе поэмы въ стихахъ. — Выписки изъ нея. — Неудавшееся желаніе поступить въ число актеровъ. — Первая любовь. — Поѣздка за море. — Гоголь-юноша характеризуетъ самого себя. — Пребываніе въ Любекѣ и Травемундѣ. — Воспоминанія Гоголя объ этой поѣздкѣ въ 1847 году.

Гоголь окончилъ курсъ наукъ въ 1828 году, съ правомъ на чинъ четырнадцатаго класса (отличные воспитанники выпускались съ правомъ на чинъ двѣнадцатаго класса), и уѣхалъ на родину, а оттуда, въ концѣ 1828 года въ Петербургъ. Съ переселеніемъ его съ юга на сѣверъ начинается новый періодъ его существованія, столь рѣзко отличный отъ предшествовавшаго, какъ отличается у птицъ время опереннаго состоянія отъ времени неподвижнаго сидѣнья въ родномъ гнѣздѣ. Изъ его писемъ мы уже знаемъ, что его привлекали въ Петербургъ служба, театръ и поѣздка за границу. Какъ ни разнородны были эти влеченія, но каждое изъ нихъ брало свое начало въ чувствахъ, общихъ всѣмъ геніальнымъ людямъ — въ сознаніи внутреннихъ силъ, въ стремленіи проявить ихъ и въ жаждѣ славы. Гоголь не зналъ, какимъ путемъ выйти ему изъ неизвѣстности. Всѣ пути къ общей пользѣ были для него равны, и потому его мечты о службѣ были такъ же теплы, такъ же нетерпѣливы, какъ и мечты о духовныхъ наслажденіяхъ столичной жизни. Неопытному мальчику столица представлялась какимъ то эдемомъ, гдѣ его ожидаютъ однѣ радости. »Зачѣмъ намъ такъ хочется видѣть наше счастіе? (говоритъ онъ) Мысль о немъ и днемъ и ночью мучитъ, тревожитъ мое сердце; душа моя хочетъ вырваться изъ тѣсной своей обители, и я весь — нетерпѣнье«.

Наконецъ ожиданіе его исполняется: онъ въ Петербургѣ.

Будучи однимъ изъ слабѣйшихъ воспитанниковъ въ Гимназіи, не обладая даже и умѣреннымъ запасомъ свѣдѣній по какой бы то ни было отрасли знанія, не умѣя даже написать безъ орѳографическихъ ошибокъ страницы, на чемъ онъ могъ основывать свою надежду на успѣхи въ столицѣ? Приведенныя выше письма его доказываютъ, что онъ чуялъ въ себѣ врожденный всѣмъ талантамъ инстинктъ, устремляющій юношу къ великому, и, по темному внушенію этого инстинкта, искалъ себѣ поприща для дѣятельности. Въ успѣхѣ онъ не сомнѣвался: скрытыя въ немъ силы говорили ему, что онъ назначенъ къ чему-то необыкновенному, а высокія стремленія къ пользѣ ближняго для его неопытнаго ума были тому ручательствомъ.

Но людямъ, съ которыми онъ соприкоснулся впервые въ столицѣ, не было никакого дѣла до его высокихъ стремленій. Его, безъ сомнѣнія, приняли вездѣ съ тою холодностью, которая такъ непріятно поражаетъ здѣсь всякаго новичка изъ провинціи, и которая есть не что иное, какъ усвоенная опытомъ осторожность столичнаго жителя въ выборѣ себѣ сотрудниковъ по службѣ, въ литературѣ, или въ какой бы то ни было сферѣ дѣятельности. Каково долженъ былъ подѣйствовать на пламеннаго мечтателя такой пріемъ, предоставляю судить каждому, кто находился когда-либо въ его положеніи. Впрочемъ Гоголь передалъ отчасти исторію тогдашнихъ своихъ впечатлѣній въ письмахъ къ матери, изъ которыхъ я помѣщаю здѣсь выписки.

3-го января 1829 года, онъ писалъ къ ней, что на него »напала хандра или другое подобное« и что онъ »уже около недѣли сидитъ поджавши руки и ничего не дѣлаетъ. Не отъ неудачъ ли это (продолжаетъ онъ), которыя меня совершенно обравнодушили ко всему? — — — Петербургъ мнѣ показался вовсе не такимъ, какъ я думалъ. Я его воображалъ гораздо красивѣе, великолѣпнѣе, и слухи, которые распустили другіе о немъ, также лживы. Жить здѣсь не совсѣмъ посвински, т. е. имѣть разъ въ день щи да кашу несравненно дороже, нежели думали. За квартиру мы платимъ восемдесятъ рублей (ассигнаціями) въ мѣсяцъ за одни стѣны, дрова и воду. Она состоитъ изъ двухъ небольшихъ комнатъ и права — пользоваться на хозяйской кухнѣ. Съѣстные припасы также не дешевы, выключая одной только дичи [которая, разумѣется, лаком-

ство не для нашего брата]; картофель продается десятками; десятокъ луковицъ рѣпы стоитъ 30 коп. (асс.). Это все заставляетъ меня жить какъ въ пустынѣ. Я принужденъ отказаться отъ лучшаго своего удовольствія — видѣть театръ. Если я пойду разъ, то уже буду ходить часто, а это для меня накладно, т. е. для моего неплотнаго кармана.«

Иногда нужда въ деньгахъ доходила у него до крайности. »Но впрочемъ (пишетъ онъ отъ 30-го апрѣля, 1829) это все пустое. Что за бѣда посидѣть какую-нибудь недѣлю безъ обѣда? Того ли еще будетъ на жизненномъ пути? всего понаберешься. Знаю только, что если бы втрое, вчетверо, всотеро разъ было болѣе нуждъ, и тогда онѣ бы не поколебали меня и не остановили меня на моей дорогѣ. Вы не повѣрите, какъ много въ Петербургѣ издерживается денегъ. Не смотря на то, что я отказываюсь почти отъ всѣхъ удовольствій, что уже не франчу платьемъ, какъ было дома, имѣю только пару чистаго платья для праздника или для выхода и халатъ для будня, что я тоже обѣдаю и питаюсь не слишкомъ роскошно, и не смотря на это все порасчету менѣе 120 рублей (асс.) никогда мнѣ не обходится въ мѣсяцъ. Какъ въ этакомъ случаѣ не приняться за умъ, за вымыселъ, какъ бы добыть этихъ проклятыхъ, подлыхъ денегъ, которыхъ хуже я ничего не знаю въ мірѣ? Вотъ я и рѣшился...«

Этими словами оправдываются слѣдующія весьма важныя слова Гоголя въ его безыменной запискѣ 1847 года:

»Въ тѣ годы, когда я сталъ задумываться о моемъ будущемъ, мысль о писательствѣ мнѣ никогда не входила въ умъ, хотя мнѣ всегда казалось, что я сдѣлаюсь человѣкомъ извѣстнымъ, что меня ожидаетъ просторный кругъ дѣйствій и что я сдѣлаю даже что-то для общаго добра«.

Далѣе онъ описываетъ своей матери Петербургъ, и здѣсь уже замѣтна наблюдательность будущаго автора »Портрета«, »Невскаго Проспекта«, «Шинели« и другихъ пьесъ, въ которыхъ отразился Петербургъ, какъ въ зеркалѣ.

»Петербургъ (говоритъ онъ) вовсе не похожъ на прочія столицы европейскія, или на Москву. Каждая столица вообще характеризуется своимъ народомъ, набрасывающимъ на нее печать національности; на Петербургѣ же нѣтъ никакого характера: иностранцы, которые посели-

лись сюда, обжились и вовсе непохожи на иностранцевъ, а Русскіе, въ свою очередь, объиностранились и сдѣлались ни тѣмъ, ни другимъ. Тишина въ немъ необыкновенная; никакой духъ не блеститъ въ народѣ; всё служащіе да должностные, всѣ толкуютъ о своихъ департаментахъ да коллегіяхъ — — Забавна очень встрѣча съ ними на проспектахъ, тротуарахъ. Они до того бываютъ заняты мыслями, что, поравнявшись съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ, слышишь, какъ онъ бранится и разговариваетъ самъ съ собою; иной приправляетъ тѣлодвиженіями и размашками рукъ. — — — Домъ, въ которомъ обрѣтаюсь я, содержитъ въ себѣ 2-хъ портныхъ, одну маршандъ-де-модъ, сапожника, чулочнаго фабриканта, склеивающаго битую посуду, декатировщика и красильщика, кондитерскую, мѣлочную лавку, магазинъ сбереженія зимняго платья, табачную лавку и наконецъ привиллегированную повивальную бабку. Натурально, что этотъ домъ долженъ быть весь облѣпленъ золотыми вывѣсками.

»Я живу на четвертомъ этажѣ (¹), но чувствую, что и здѣсь мнѣ не очень выгодно. Когда еще стоялъ я вмѣстѣ съ (А. С.) Данилевскимъ, тогда ничего, а теперь очень ощутительно для кармана; что̀ тогда платили пополамъ, за то самое я плачу теперь одинъ. Но впрочемъ мои работы повернулись, и я, наблюдая внимательно за ними, надѣюсь въ недолгомъ времени добыть же что̀-нибудь. Если получу вѣрный и несомнѣнный успѣхъ, напишу къ вамъ объ этомъ подробнѣе.«

Далѣе онъ описываетъ петербургскія гулянья, но говоритъ, что всѣ они для него »несносны, особливо екатерингофское первое мая. Все удовольствіе состоитъ въ томъ, что прогуливающіеся садятся въ кареты, которыхъ рядъ тянется болѣе нежели на 10 верстъ, и притомъ такъ тѣсно, что лошадиныя морды задней кареты дружески цѣлуются съ богато-убранными, длинными гайдуками«.

Это ужъ черта, что называется, *гоголевская*!

Всего замѣчательнѣе въ перепискѣ Гоголя-юноши съ матерью — нравственная зависимость его отъ нея. Для Гоголя мать, въ началѣ жизни, была все: повѣренная сокровеннѣйшихъ движеній души его, утѣ-

(¹) Въ Большой мѣщанской, въ домѣ каретника Іохима. *П. М.*

шительница и наставница, слушательница и, вѣроятно, критикъ первыхъ его опытовъ вѣ стихахъ и въ прозѣ, помощница во всѣхъ его предпріятіяхъ, и, наконецъ, опора его душевной чистоты. Все это я, по возможности, докажу выписками изъ его писемъ къ ней.

»Теперь вы, почтенѣйшая маминька (говоритъ онъ во второмъ письмѣ къ ней изъ Петербурга), мой добрый ангелъ-хранитель, теперь васъ прошу, въ свою очередь, сдѣлать для меня величайшее изъ одолженій. Вы имѣете тонкій, наблюдательный умъ, вы знаете обычаи и нравы Малороссіянъ нашихъ, и потому, я знаю, вы не откажитесь сообщать мнѣ ихъ въ нашей перепискѣ. Въ слѣдующемъ письмѣ я ожидаю отъ васъ описанія полнаго наряда сельскаго дьячка отъ верхняго платья до самихъ сапоговъ, съ поименованіемъ, какъ все это называлось у самыхъ закоренѣлыхъ, самыхъ древнихъ, самыхъ наименѣе перемѣнившихся Малороссіянъ, — равнымъ образомъ названія платья, носимаго нашими крестьянскими дѣвками до послѣдней ленты, также нынѣшними замужними и мужиками. Вторая статья: названіе точное и вѣрное платья, носимаго до временъ гетманскихъ. Вы помните? разъ мы видѣли въ нашей церкви одну дѣвку, одѣтую такимъ образомъ. Объ этомъ можно будетъ распросить старожиловъ. Я думаю, Анна Матвѣевна или Агафія Матвѣевна (¹) много знаютъ кое-чего изъ давнихъ годовъ. Еще — обстоятельное описаніе свадьбы, не упуская наималѣйшихъ подробностей. Объ этомъ можно распросить Демьяна [кажется, такъ его зовутъ; прозванія не вспомню], котораго мы видѣли учредителемъ свадебъ и который зналъ, по видимому, всѣ возможныя повѣрья и обычаи. Еще нѣсколько словъ о колядкахъ, о Иванѣ Купалѣ, о русалкахъ. Если есть кромѣ того какіе-либо духи или домовые, то о нихъ подробнѣе, съ ихъ названіями и дѣлами. Множество носится между простымъ народомъ повѣрій, страшныхъ сказаній, преданій, разныхъ анекдотовъ и проч., и проч., и проч. Все это будетъ для меня чрезвычайно занимательно. На этотъ случай и чтобы вамъ не было тягостно, великодушная, добрая моя маминька, совѣтую имѣть корреспондентовъ въ разныхъ мѣстахъ нашего повѣта. Але-

---

(¹) Тетки матери Гоголя. *Н. М.*

ксандра Ѳедоровна, которой смѣтливости и тонкимъ замѣчаніямъ я всегда удивлялся, можетъ въ этомъ случаѣ оказать намъ очень большую помощь. — — — Еще прошу васъ выслать мнѣ двѣ папинькины малороссійскія комедіи: »Овца-Собака« и »Романа съ Парасскою«. Здѣсь такъ занимаетъ всѣхъ все малороссійское, что я постараюсь попробовать, нельзя ли одну изъ нихъ поставить на здѣшній театръ. За это по крайней мѣрѣ достался бы мнѣ хотя небольшой сборъ. А по моему мнѣнію, ничего не должно пренебрегать, на все нужно обращать вниманіе. Если въ одномъ неудача, можно прибѣгнуть къ другому, въ другомъ — къ третьему и такъ далѣе. Самая малость иногда служитъ большою помощью.«

Въ это время Гоголю представился прекрасный случай съѣздить съ кѣмъ-то за границу; но тотъ, кто долженъ былъ это устроить, вдругъ умеръ. Гоголь называетъ его своимъ »великодушнымъ другомъ« и говоритъ, что это было »одно существо, къ которому онъ истинно привязался было навсегда«. Вступить въ службу обыкновеннымъ порядкомъ онъ не рѣшался, пугаясь механической канцелярской работы и, по его выраженію, »стоялъ въ раздумьи на жизненномъ пути, ожидая рѣшенія еще нѣкоторымъ своимъ ожиданіямъ«. Между тѣмъ онъ опять просилъ у матери (въ письмѣ отъ 22-го мая, 1829) свѣдѣній о малороссійскихъ обычаяхъ.

»Время свое (писалъ онъ) я такъ расположилъ, что и самое отдохновеніе, если не теперь, то вскорости, принесетъ мнѣ существенную пользу. Между прочимъ, я прошу васъ, почтеннѣйшая маминька, узнать теперь о нѣкоторыхъ играхъ изъ карточныхъ: у *Панхвиля* какъ играть и въ чемъ состоитъ онъ? равнымъ образомъ что за игра *Пашокъ, семь листовъ?* изъ хороводныхъ въ *хрещика,* въ *журавля.* Если знаете другія какія, то не премините. У насъ есть повѣрья въ нѣкоторыхъ нашихъ хуторахъ, разныя повѣсти, разсказываемыя простолюдинами, въ которыхъ участвуютъ духи и нечистые. Сдѣлайте милость удружите мнѣ которою-нибудь изъ нихъ.«

Очевидно, что онъ собиралъ матеріалы для повѣстей, которыя составили »Вечера на Хуторѣ близъ Диканьки«. Но прежде нежели онъ обратился къ родной еще нетронутой почти никѣмъ почвѣ поэзіи, его

фантазія сдѣлала нѣсколько попытокъ въ подражаніе читанному имъ въ книгахъ. Не многіе могли бы по нимъ угадать, что можетъ выдти со временемъ изъ начинающаго писателя. Способности будущаго знаменитаго поэта не получили еще тѣхъ граней, которыми они сверкаютъ въ глаза каждому, и нужно было ему встрѣтиться развѣ съ глубокимъ знатокомъ талантовъ, чтобъ обратить на себя особенное вниманіе. Ничего подобнаго, покамѣсть, не случилось, тѣмъ болѣе, что Гоголь самъ боялся гласности и прокладывалъ себѣ дорогу къ литературнымъ успѣхамъ тайкомъ даже отъ ближайшихъ друзей своихъ. Онъ написалъ стихотвореніе »Италія« и отправилъ его incognito къ издателю »Сына Отечества«, можетъ быть для того только, чтобъ узнать, удостоятся ли его стихи печати. Стихи *были* напечатаны (¹), и вотъ эти первые черты пера, которому предстояло столь высокое развитіе.

ИТАЛІЯ.

»Италія — роскошная страна!
По ней душа и стонетъ и тоскуетъ.
Она вся рай, вся радости полна,
И въ ней любовь роскошная веснуетъ:
Бѣжитъ, шумитъ задумчиво волна
И берега чудесные цалуетъ;
Въ ней небеса прекрасныя блестятъ;
Лимонъ горитъ и вѣетъ ароматъ.

»И всю страну объемлетъ вдохновенье,
На всемъ печать протекшаго лежитъ;
И путникъ зрѣть великое творенье,
Самъ пламенный, изъ снѣжныхъ странъ спѣшитъ,
Душа кипитъ, и весь онъ — умиленье,
Въ очахъ слеза невольная дрожитъ;
Онъ погруженъ въ мечтательную думу,
Внимаетъ дѣлъ давно минувшихъ шуму.

»Здѣсь низокъ міръ холодной суеты,
Здѣсь гордый умъ съ природы глазъ не сводитъ;
И радужной въ сіяньи красоты

(¹) Въ 12-мъ № »Сына Отечества и Сѣвернаго Архива« 1829 года.

И жарче и яснѣй по небу солнце ходитъ.
И чудный шумъ и чудныя мечты
Здѣсь море вдругъ спокойное наводитъ.
Въ немъ облаковъ мелькаетъ рѣзвый ходъ,
Зеленый лѣсъ и синій неба сводъ.

»А ночь, а ночь вся вдохновеньемъ дышетъ.
Какъ спитъ земля, красой упоена!
И страстно миртъ надъ ней главой колышетъ,
Среди небесъ, въ сіяніи луна
Глядитъ на міръ, задумалась, и слышитъ,
Какъ подъ весломъ проговоритъ волна;
Какъ черезъ садъ октавы пронесутся,
Плѣнительно вдали звучатъ и льются.

»Земля любви и море чарованій!
Блистательный мірской пустыни садъ!
Тотъ садъ, гдѣ въ облакѣ мечтаній
Еще живутъ Рафаэль и Торкватъ!
Узрю ль тебя я, полный ожиданій?
Душа въ лучахъ, и думы говорятъ,
Меня влечетъ и жжетъ твое дыханье,
Я въ небесахъ весь звукъ и трепетанье!..«

Между тѣмъ у Гоголя была въ запасѣ поэма »Ганцъ Кюхельгартенъ«, написанная, какъ сказано на заглавномъ листкѣ, въ 1827 году (¹). Не довѣряя своимъ силамъ и боясь критики, Гоголь скрылъ это раннее произведеніе свое подъ псевдонимомъ В. Алова. Онъ напечаталъ его на собственный счетъ, вслѣдъ за стихотвореніемъ »Италія«, и роздалъ экземпляры книгопродавцамъ на коммисію. Въ это время онъ жилъ вмѣстѣ съ своимъ землякомъ и соученикомъ по Гимназіи П. Я. Прокоповичемъ,

(¹) Г. Прокоповичъ думаетъ, что это мистификація. »Если бы Гоголь написалъ свою поэму въ Гимназіи — говоритъ онъ — то хоть отрывокъ изъ нея былъ бы извѣстенъ кому нибудь изъ тогдашней его публики. Нѣтъ, эта поэма была написана именно въ то время, когда онъ проживалъ безъ дѣла въ Петербургѣ.« Полное заглавіе этой рѣдкой книги таково: »Ганцъ Кюхельгартенъ. Идиллія въ картинахъ. Соч. В. Алова (писано въ 1827 году). Спб. 1829. Въ тип. А. Плюшара«. (Въ 12 д. л. 71 стр.) Одинъ экземпляръ ея находится въ библіотекѣ П. А. Плетнева, другой принадлежитъ М. П. Погодину, третій Н. С. Тихонравову.

который по этому-то и зналъ, откуда выпорхнулъ »Ганцъ Кюхельгартенъ«. Для всѣхъ прочихъ знакомыхъ Гоголя это оставалось непроницаемою тайною. Нѣкоторые изъ нихъ — и въ томъ числѣ П. А. Плетневъ, котораго Гоголь зналъ тогда еще только по имени, и М. П. Погодинъ получили incognito по экземпляру его поэмы; но авторъ никогда ни однимъ словомъ не далъ имъ понять, отъ кого была прислана книжка. Онъ притаился за своимъ псевдонимомъ и ждалъ, что̀ будутъ говорить о его поэмѣ. Ожиданія его не оправдались. Знакомые молчали или отзывались о »Ганцѣ« равнодушно, а между тѣмъ Н. Полевой прихлопнулъ ее въ своемъ журналѣ насмѣшкою, отъ которой сердце юноши-поэта сжалось болѣзненною скорбью. »Имъ овладѣла (скажемъ его словами) та разборчивая, мнительная боязнь за свое непорочное имя, которая чувствуется юношею, носящимъ въ душѣ благородство таланта, которая заставляетъ если не истреблять, то по крайней мѣрѣ скрывать отъ свѣта тѣ произведенія, въ которыхъ онъ самъ видитъ несовершенство«. (1) Онъ бросился съ своимъ вѣрнымъ слугой Якимомъ по книжнымъ лавкамъ, отобралъ у книгопродавцевъ экземпляры, нанялъ нумеръ въ гостинницѣ (2), и сжегъ всѣ до одного. (3)

---

(1) »Арабески«, т. I, стр. 132.

(2) Эта гостинница, по указанію г. Прокоповича, находилась въ Вознесенской улицѣ, на углу, у Вознесенскаго моста.

(3) Вотъ критика Г. Полевого (»Московскій Телеграфъ«, 1829, № 12, іюнь, стр. 515), бывшая, по всей вѣроятности, причиною сожженія »Ганца Кюхельгартена«.

»Издатель сей книжки говоритъ, что сочиненіе Г-на Алова не было предназначено для печати, но что *важныя для одного автора* причины побудили его перемѣнить свое намѣреніе. Мы думаемъ, что еще важнѣйшія причины имѣлъ онъ не издавать своей Идилліи. Достоинство слѣдующихъ стиховъ укажетъ на одну изъ сихъ причинъ:

Мнѣ лютыя дѣла не новость;
Но демона отрекся я,
И остальная жизнь моя —
Заплата малая моя
За остальную жизни повѣсть.

»Заплатою такихъ стиховъ должно бы быть сбереженіе оныхъ подъ спудомъ.«

Гоголь, по видимому, не подозрѣвалъ, что Прокоповичъ зналъ, кто авторъ »Ганца Кюхельгартена«, — иначе онъ, дорожа своей литературной тайною, просилъ бы пріятеля не разглашать ея. Что́ касается до слуги малороссіянина, то онъ былъ неграмотенъ и разсказывалъ впослѣдствіи одному изъ моихъ друзей только о сожженіи какой-то книги, — но какая то была книга, объ этомъ г. Прокоповичъ объявилъ мнѣ только послѣ смерти поэта. Ему же обязанъ я бо́льшею частью свѣдѣній о первомъ періодѣ жизни Гоголя. Прокоповичъ былъ неразлучнымъ спутникомъ поэта отъ самаго вступленія его въ Гимназію Князя Безбородко до выѣзда за границу. Ни о комъ Гоголь не отзывался впослѣдствіи съ такимъ братскимъ чувствомъ, какъ объ этомъ свидѣтелѣ его первыхъ усилій проложить себѣ дорогу въ жизни, и никто не зналъ такъ Гоголя-юноши, какъ Прокоповичъ.

Считаю нелишнимъ познакомить читателей съ »Ганцомъ Кюхельгартеномъ«, чтобъ показать, съ чего можетъ начинать такой писатель, какъ Гоголь, и въ какихъ потемкахъ блуждаетъ иногда талантъ, отыскивая свой истинный путь. Прежде всего обратите вниманіе на предисловіе: какъ ребячески авторъ ухищряется заинтересовать въ свою пользу публику.

»Предлагаемое сочиненіе никогда бы не увидѣло свѣта, еслибъ обстоятельства, важныя для одного только автора, не побудили его къ тому. Это произведеніе его восемнадцатилѣтней юности. Не принимаясь судить ни о достоинствѣ, ни о недостаткахъ его, и предоставляя это просвѣщенной публикѣ, скажемъ только то, что многія изъ картинъ сей идилліи, къ сожалѣнію, не уцѣлѣли; онѣ, вѣроятно, связывали болѣе нынѣ разрозненные отрывки и дорисовывали изображеніе главнаго характера. По крайней мѣрѣ мы гордимся тѣмъ, что по возможности споспѣшествовали свѣту ознакомиться съ созданьемъ юнаго таланта.«

Что́ касается до самой поэмы, то она, очевидно, была внушена неопытному школьнику чтеніемъ »Луизы«, Фосса, въ переводѣ Теряева; (¹) даже героиня поэмы называется Луизою, — а пасторъ, ея отецъ, списанъ

(¹) С.-Петербургъ. 1820

довольно рабски съ фоссова »добросердаго пастора Гринарскаго« (¹). Дѣйствіе вертится на борьбѣ Ганса между любовью къ простенькой деревенской дѣвушкѣ и жаждою славы. Онъ покидаетъ свою возлюбленную, пускается въ широкій свѣтъ, узнаетъ, что люди холодны, и возвращается къ своей Луизѣ. Авторъ не напрасно оговорился въ предисловіи касательно несвязности этого »созданія юнаго таланта«, будто бы спасеннаго какъ-то отъ утраты. Оно состоитъ изъ кусковъ, которые едва кой-какъ держатся вмѣстѣ. Силы поэта были еще слишкомъ слабы для произведенія чего-нибудь стройнаго цѣлаго. Онъ былъ способенъ вдохновляться только отрывочными представленіями и извлекалъ поэзію не изъ жизни, а изъ того, что поражало его воображеніе въ наукѣ и литературѣ. Замѣтно, что классическій міръ возбудилъ въ немъ особенное сочувствіе. Вотъ какъ онъ передаетъ, въ одномъ изъ многочисленныхъ своихъ эпизодовъ, представленія свои о древней Греціи:

»Земля классическихъ, прекрасныхъ созданій,
И славныхъ дѣлъ и вольности земля,
Аѳины! къ вамъ, въ жару чудесныхъ трепетаній,
Душой приковываюсь я!
Вотъ отъ треножниковъ до самаго Пирея
Кипитъ, волнуется торжественный народъ;
Гдѣ рѣчь Эсхинова, гремя и пламенѣя,
Все своенравно вслѣдъ влечетъ,
Какъ воды шумныя прозрачнаго Иллиса.
Великъ сей мраморный изящный Парѳенонъ!
Колоннъ дорическихъ онъ рядомъ обнесенъ;
Минерву Фидій въ немъ переселилъ рѣзцомъ,
И блещетъ кисть Парразія, Зевксиса.
Подъ портикомъ мудрецъ
Ведетъ высокое о дольнемъ мірѣ слово:
Кому за доблести безсмертіе готово,
Кому позоръ, кому вѣнецъ.
Фонтановъ стройныхъ шумъ, нестройныхъ пѣсней клики;

(¹) Странно, что даже въ предисловіи употреблена та же замашка вызвать участіе публики, что и у Теряева; ибо и Теряевъ говоритъ отомъ, что это только »первый шагъ на поприщѣ словестности«.

Съ восходомъ дня толпа въ амфитеатръ валитъ,
Персидскій Кандисъ весь испещренный блеститъ,
И вьются легкія туники.
Стихи Софокловы порывисто звучатъ;
Вѣнки лавровые торжественно летятъ;
Съ медоточивыхъ устъ любимца Эпикура
Архонты, воины, служители Амура
Спѣшатъ прекрасную науку изучить:
Какъ жизнью жить, какъ наслажденье пить.
Но вотъ Аспазія; не смѣетъ и дохнуть
Смятенный юноша, при черныхъ глазъ ея встрѣчѣ.
Какъ жарки тѣ уста! какъ пламенны тѣ рѣчи!
И, темныя какъ ночь, тѣ кудри какъ нибудь
Волнуясь, падаютъ на грудь,
На бѣломраморныя плечи.
Но что, при звукѣ чашъ, тимпановъ дикій вой?
Плющемъ увѣнчаны вакхическія дѣвы,
Бѣгутъ нестройною, неистовой толпой
Въ священный лѣсъ; все скрылось... что вы? гдѣ вы?...
Но вы пропали, я одинъ.
Опять тоска, опять досада;
Хотя бы Фавнъ пришелъ съ долинъ,
Хотя бъ прекрасная Дріада
Мнѣ показалась въ мракѣ сада.
О какъ чудесно вы свой міръ
Мечтою Греки населили!
Какъ вы его обворожили!
А нашъ — и бѣденъ онъ и сиръ,
И расквадраченъ весь на мили.»

А вотъ картина падшей Греціи.

»Печальны древности Аѳинъ.
Колонъ, статуй рядъ обветшалый
Среди глухихъ стоитъ равнинъ.
Печаленъ слѣдъ вѣковъ усталыхъ:
Изящный памятникъ разбитъ;
Изломленъ немощный гранитъ;
Одни обломки уцѣлѣли.
Еще донынѣ величавъ
Чернѣетъ дряхлый архитравъ
И вьется плющъ по капители;
Упалъ разщепленный карнизъ
Въ давно заглохшіе окопы.

Еще блеститъ сей дивный фризъ,
Сіи рельефные метопы;
Еще донынѣ здѣсь груститъ
Коринѳскій орденъ многолѣтній;
Рой ящерицъ по немъ скользитъ.
На міръ съ презрѣньемъ онъ глядитъ.
Всё тотъ же онъ великолѣпный,
Временъ минувшихъ вдавленъ въ тму
И безъ вниманья ко всему.

»Печальны древности Аѳинъ.
Туманенъ рядъ былыхъ картинъ.
Облокотясь на мраморъ хладный,
Напрасно путникъ алчетъ жадный
Въ душѣ былое воскресить,
Напрасно силится развить
Протекшихъ дѣлъ истлѣвшій свитокъ.
Ничтоженъ трудъ безсильныхъ пытокъ.
Вездѣ читаетъ смутный взоръ
И разушенье и позоръ.
Промежъ колонъ чалма блистаетъ,
И мусульманинъ по стѣнамъ,
По симъ обломкамъ, камнямъ, рвамъ
Коня свирѣпо напираетъ,
Останки съ воплемъ разоряетъ.«

Востокъ, съ своими фантастическими вѣрованіями и яркими картинами природы, также плѣнялъ въ то время молодое воображеніе поэта, и онъ возсоздалъ читанное о Востокѣ въ слѣдующей формѣ.

»Въ странѣ, гдѣ сверкаютъ живые ключи
Гдѣ, чудно сіяя, блистаютъ лучи,
Дыханіе амры и розы ночной
Роскошно объемлетъ эфиръ голубой,
И въ воздухѣ тучи куреній висятъ;
Плоды Мангустана златые горятъ;
Луговъ Кандагарскихъ сверкаетъ коверъ,
И смѣло накинутъ небесный шатеръ;
Роскошно валится дождь яркій цвѣтовъ —
То блещутъ, трепещутъ рои мотыльковъ.
Я вижу тамъ пери. Въ забвеньи, она
Не видитъ, не внемлетъ, мечтаній полна.

Какъ солнца два, очи небесно горятъ;
Какъ Гемасагара, такъ кудри блестятъ;
Дыханіе лилій серебряныхъ чадъ,
Когда засыпаетъ истомленный садъ,
И вѣтеръ ихъ вздохи развѣетъ порой,
А голосъ — какъ звуки сиринды ночной,
Или трепетанье серебренныхъ крылъ,
Когда ими звукнетъ рѣзвясь Исразилъ,
Иль плески Хиндары таинственныхъ струнъ.
А что же улыбка? а что жъ поцѣлуй?
Но вижу, какъ воздухъ, она ужъ летитъ,
Въ края поднебесны, къ родимымъ спѣшитъ.
Постой, оглянися? — Не внемлетъ она
И въ радугѣ тонетъ, и вотъ невидна.
Но воспоминанье міръ долго хранитъ,
И благоуханьемъ весь воздухъ обвитъ«.

Вся поэма Гоголя состоитъ большею частію изъ описаній. Въ нихъ уже видѣнъ мѣстами ходъ кисти, которая въ послѣдствіи написала столько несравненныхъ пейзажей. Вотъ одно изъ такихъ мѣстъ:

»Ужъ издали бѣлѣетъ скромный домикъ
Вильгельма Бауха, мызника. Давно
Женившися на дочери пастора,
Его состроилъ онъ. Веселый домикъ!
Онъ выкрашенъ зеленой краской; крытъ
Красивою и звонкой черепицей.
Вокругъ каштаны старые стоятъ,
Нависши вѣтвями, какъ будто въ окна
Хотятъ продраться; изъ-за нихъ мелькаетъ
Рѣшетка изъ прекрасныхъ лозъ, красиво
И хитро сдѣлана самимъ Вильгельмомъ.
По ней виситъ и змѣйкой вьется хмѣль.
Съ окна протянутъ шестъ; на немъ бѣлье
Блистаетъ бѣлое предъ солнцемъ. Вотъ
Въ проломъ на чердакѣ толпится стая
Мохнатыхъ голубей; протяжно клохчутъ
Индѣйки; хлопая встрѣчаетъ день
Крикунъ пѣтухъ и по двору вотъ важно,
Межъ пестрыхъ куръ, онъ кучи разгребаетъ
Зернистыя; гуляютъ тутъ же двѣ
Ручныя козы и рѣзвяся щиплютъ

Душистую траву. Давно курился
Ужъ дымъ изъ бѣлыхъ трубъ; курчаво онъ
Вился и облака пріумножалъ.
Съ той стороны, гдѣ съ стѣнъ валилась краска
И сѣрые торчали кирпичи,
Гдѣ древніе каштаны стлали тѣнь,
Которую перебѣгало солнце,
Когда вершину ихъ вѣтръ рѣзво колыхалъ, —
Подъ тѣнью тѣхъ деревьевъ, вѣчно милыхъ,
Стоялъ съ утра дубовый столъ...« и проч.

Приведу, далѣе, картину невидѣннаго тогда еще авторомъ моря.

»Съ прохладою, спокойный, тихій вечеръ
Спускается; прощальные лучи
Цѣлуютъ гдѣ-гдѣ сумрачное море,
И искрами живыми, золотыми
Деревья тронуты, и вдалекѣ
Виднѣютъ сквозь туманъ морской утесы
Всѣ разноцвѣтные. Спокойно все.
Пастушьихъ лишь рожковъ унывный голосъ
Несется вдаль съ веселыхъ береговъ,
Да тихій шумъ въ водѣ всплеснувшей рыбы
Чуть пробѣжитъ и вздернетъ море рябью,
Да ласточка, крыломъ черкнувши моря,
Круги по воздуху скользя даетъ...«

Слѣдующее мѣсто въ эпилогѣ къ поэмѣ замѣчательно по контрасту съ тѣмъ, что писалъ Гоголь о Германіи лѣтъ черезъ десять въ письмахъ къ своей ученицѣ (читатель найдетъ ихъ впереди).

»Веду съ невольнымъ умиленьемъ
Я пѣсню тихую мою
И съ неразгаданнымъ волненьемъ
Свою Германію пою.
Страна высокихъ помышленій!
Воздушныхъ призраковъ страна!
О, какъ тобой душа полна:
Тебя обнявъ, какъ нѣкій геній,
Великій Гёте бережетъ
И чуднымъ строемъ пѣснопѣній
Свѣваетъ облака заботъ.«

Не снискавъ извѣстности на поприщѣ литературномъ, Гоголь обратился къ театру. Успѣхи его на гимназической сценѣ внушали ему надежду, что здѣсь онъ будетъ въ своей стихіи. Онъ изъявилъ желаніе вступить въ число актеровъ и подвергнуться испытанію. Неизвѣстно, какую роль долженъ былъ онъ играть на пробномъ представленіи, только игру его забраковали начисто, и я не знаю, приписать ли это робости молодого человѣка, невидавшаго свѣта. Какъ бы то ни было, но Гоголь долженъ былъ отказаться отъ театра послѣ первой неудачной репетиціи (¹) и оставался нѣсколько времени въ самомъ непріятномъ положеніи — въ положеніи басеннаго муравья, въѣхавшаго въ городъ на возу съ сѣномъ.

Къ неудачамъ въ литературѣ и на сценѣ присоединилось еще одно горе, тяжелѣе всего налегающее на молодое сердце. Онъ влюбился въ какую-то дѣвушку или даму, недоступную для него въ его положеніи. При своей врожденной скрытности и при своемъ расположеніи къ мрачному отчаянію, онъ могъ дойти до страшнаго душевнаго разстройства; но его спасла мысль — ѣхать за границу. Мы знаемъ изъ гимназическаго его письма, что эта мысль давно уже его занимала; но, видно, неудобства къ ея осуществленію преодолѣвали въ немъ силу желанія видѣть чудныя мѣста, о которыхъ онъ начитался въ книгахъ. Теперь всѣ препятствія исчезли передъ желаніемъ бѣжать изъ края, въ которомъ онъ не можетъ быть счастливъ, въ которомъ живетъ недоступная для него красота, и проч. и проч., какъ обыкновенно говорятъ и думаютъ молодые влюбленные. Всего лучше — послушаемъ, какъ онъ самъ описываетъ мученія своей любви въ письмѣ къ матери, отъ 24-го іюля 1829 года.

»Теперь, собираясь съ силами писать къ вамъ, не могу понять, отъ чего перо дрожитъ въ рукѣ моей; мысли тучами налегаютъ одна на другую, не давая одна другой мѣста, и непонятная сила нудитъ и вмѣстѣ отталкиваетъ ихъ излиться предъ вами и (открыть) всю глубину истерзанной души. Я чувствую налегшую на меня справедливымъ на-

---

(¹) Проба комическаго таланта Гоголя происходила въ кабинетѣ директора театровъ, князя С. С. Гагарина, въ присутствіи актеровъ В. А. Каратыгина и Брянскаго.

казаніемъ тяжкую десницу Всемогущаго. Но какъ ужасно это наказаніе! Безумный, я хотѣлъ было противиться этимъ вѣчно неумолкаемымъ желаніямъ души, которыя одинъ Богъ вдвинулъ въ меня, претворилъ меня въ жажду, ненасытимую бездѣйственною разсѣянностью свѣта. Онъ указалъ мнѣ путь въ землю чуждую, чтобы тамъ воспитать свои страсти въ тишинѣ, въ уединеніи, въ шумѣ вѣчнаго труда и дѣятельности, чтобы я самъ по нѣсколькимъ ступенямъ поднялся на высшую, откуда бы былъ въ состояніи разсѣевать благо и работать на пользу міра (¹). И я осмѣлился откинуть эти божественные помыслы и пресмыкаться въ столицѣ здѣшней — — гдѣ не представляется совершенно впереди ничего! — — — Я рѣшился, въ угодность вамъ больше, служить здѣсь во что̀ бы ни стало. Но Богу не̇ было этого угодно. Вездѣ совершенно я встрѣчалъ однѣ неудачи и — что̀ всего страшнѣе — тамъ, гдѣ ихъ вовсе нельзя было ожидать. Люди, совершенно неспособные, безъ всякой протекціи легко получали то, чего я съ помощью своихъ покровителей не могъ достигнуть. Не явно ли онъ наказывалъ меня этими всѣми неудачами, въ намѣреніи обратить на путь истинный? Что жъ? я и тутъ упорствовалъ; ожидалъ цѣлые мѣсяцы, не получу ли чего; наконецъ... какое ужасное наказаніе! Ядовитѣе и жесточе его для меня ничего не было въ мірѣ. Я не могу, я не въ силахъ написать... Маминька, дражайшая маминька! Я знаю, вы однѣ истинный другъ мнѣ. Повѣрите ли? и теперь, когда мысли мои уже не тѣмъ заняты, и теперь, при напоминаніи, невыразимая тоска врѣзывается въ сердце. Однимъ вамъ я только могу сказать... Вы знаете, что я былъ одаренъ твердостью,

---

(¹) Эти слова будутъ понятны только тѣмъ, кто читалъ безымянную записку Гоголя 1847 года, въ которой онъ говоритъ:

»Странное дѣло, даже въ дѣтствѣ, даже во время школьнаго ученія, даже въ то время, когда я помышлялъ только объ одной службѣ, а не о писательствѣ, мнѣ всегда казалось, что въ жизни моей мнѣ предстоитъ какое-то большое самопожертвованіе и что именно для службы моей отчизнѣ я долженъ буду воспитаться, гдѣ-то вдали отъ нея. Я не зналъ, ни какъ это будетъ, ни почему это мнѣ нужно; я даже не задумывался объ этомъ; но видѣлъ самого себя такъ живо въ какой-то чужой землѣ тоскующимъ по моей отчизнѣ, картина эта такъ часто меня преслѣдовала, что я чувствовалъ отъ нея грусть.«

даже рѣдкою въ молодомъ человѣкѣ... Кто бы могъ ожидать отъ меня подобной слабости? Но я видѣлъ ее... нѣтъ, не назову ея... она слишкомъ высока для всякаго, не только для меня. Я бы назвалъ ее ангеломъ, но это выраженіе — — не кстати для нея. — — Это божество, но облеченное слегка въ человѣческія страсти. Лице, котораго поразительное блистаніе въ одно мгновеніе печатлѣется въ сердцѣ, глаза, быстро пронзающіе душу, но ихъ сіянія, жгучаго, проходящаго насквозь всего, не вынесетъ ни одинъ изъ человѣковъ. О, еслибы вы посмотрѣли на меня тогда!... Правда, я умѣлъ скрывать себя отъ всѣхъ, но укрылся ли отъ себя? Адская тоска съ возможными муками кипѣла въ груди моей. О, какое жестокое состояніе! Мнѣ кажется, если грѣшнику уготованъ адъ, то онъ не такъ мучителенъ. Нѣтъ, это не любовь была... я по крайней мѣрѣ не слыхалъ подобной любви. Въ порывѣ бѣшенства и ужаснѣйшихъ душевныхъ терзаній, я жаждалъ, кипѣлъ упиться однимъ только взглядомъ, только одного взгляда алкалъ я... Взглянуть на нее еще разъ — вотъ бывало одно, единственное желаніе, возраставшее сильнѣе (и) сильнѣе, съ невыразимою ѣдкостью тоски.

»Съ ужасомъ осмотрѣлся и разглядѣлъ я свое ужасное состояніе. Все совершенно въ мірѣ было для меня тогда чуждо, жизнь и смерть равно не сносны, и душа не могла дать отчета въ своихъ явленіяхъ. Я увидѣлъ, что мнѣ нужно бѣжать отъ самаго себя, если я хотѣлъ сохранить жизнь, водворить хотя тѣнь покоя въ истерзанную душу. Въ умиленіи, я призналъ невидимую десницу, пекущуюся о мнѣ, и благословилъ такъ давно назначаемый путь мнѣ. Нѣтъ это существо, которое Онъ послалъ лишить меня покоя, разстроить шатко созданный міръ мой, не была женщина. Если бы она была женщина, она бы всею силою своихъ очарованій не могла произвесть такихъ ужасныхъ, невыразимыхъ впечатлѣній. Это было божество, Имъ созданное, часть Его же самаго. Но, ради Бога, не спрашивайте ея имени! Она слишкомъ высока, высока!

»Итакъ я рѣшился. Но къ чему, какъ приступить? Выѣздъ за границу такъ труденъ, хлопотъ такъ много. Но лишь только я принялся, все, къ удивленію моему, пошло какъ нельзя лучше; я даже легко получилъ пропускъ. Одна остановка была наконецъ за деньгами; но вдругъ получаю слѣдуемыя въ Опекунскій Совѣтъ. Я сейчасъ отправился туда

и узналъ, сколько они могутъ намъ дать просрочки на уплату процентовъ; узналъ, что просрочка длится на четыре мѣсяца послѣ сроку, съ платою по пяти рублей отъ тысячи въ каждый мѣсяцъ штрафу. Стало быть до самаго ноября мѣсяца будутъ ждать. Поступокъ рѣшительный, безразсудный; но что же было мнѣ дѣлать?... Всѣ деньги, слѣдуемыя въ Опекунскій Совѣтъ, оставилъ я себѣ и теперь могу рѣшительно сказать — больше отъ васъ не требую. Одни труды мои и собственно прилежаніе будутъ награждать меня. Что же касается до того, какъ вознаградить эту сумму, какъ внесть ее сполна, вы имѣете полное право данною и прилагаемою мною при семъ довѣренностью продать слѣдуемое мнѣ имѣніе, часть, или все, заложить его, подарить, и проч. Во всемъ оно зависитъ отъ васъ совершенно. — —

»Не огорчайтесь, добрая, несравненная маминька! Этотъ переломъ для меня необходимъ. Это училище непремѣнно образуетъ меня. Я имѣю дурной характеръ, испорченный и избалованный правъ [въ этомъ признаюсь я отъ чистаго сердца]; лѣнь и безжизненное для меня здѣсь пребываніе непремѣнно упрочили бы мнѣ ихъ на вѣкъ. Нѣтъ, мнѣ нужно передѣлать себя, переродиться, оживиться новою жизнью, разцвѣсть силою души въ вѣчномъ трудѣ и дѣятельности; и если я не могу быть счастливъ [нѣтъ, я никогда не буду счастливъ для себя: это божественное существо вырвало покой изъ груди моей и удалилось отъ меня], по крайней мѣрѣ всю жизнь посвящу для счастія и блага себѣ подобныхъ.

»Но не ужасайтесь разлуки: я не далеко поѣду. Путь мой теперь лежитъ въ Любекъ. — — — Что же касается до свиданія нашего, то не менѣе, какъ черезъ два или три года могу я быть въ Васильевкѣ вашей. — — —

»Принося чувствительнѣйшую и невыразимую благодарность за ваши драгоцѣнныя извѣстія о Малороссіянахъ, прошу васъ убѣдительно не оставлять и впредь таковыми письмами. Въ тиши уединенія я готовлю запасъ, котораго порядочно не обработавши, не пущу въ свѣтъ. Я не люблю спѣшить, а тѣмъ болѣе занимать поверхностно. Прошу также, добрая и несравненная маминька, ставить какъ можно четче имена собственныя и вообще разныя малороссійскія прошенованія. Сочиненіе

мое, если когда выдетъ, будетъ на иностранномъ языкѣ, и тѣмъ болѣе мнѣ нужна точность, не исказить неправильными именованіями существеннаго имени націи.«

Черезъ недѣлю по отправкѣ этого письма, Гоголь писалъ къ матери уже изъ Любека. Онъ извинялся передъ нею въ огорченіяхъ, которыя причинялъ ей своими поступками, тосковалъ въ разлукѣ съ нею, выражалъ сомнѣніе, точно ли онъ повиновался указанію свыше, удаляясь изъ отечества.

»Часто я думаю о себѣ (писалъ онъ), зачѣмъ Богъ, создавъ сердце, можетъ, единственное, по крайней мѣрѣ, рѣдкое въ мірѣ, — чистую, пламенѣющую жаркою любовью ко всему высокому и прекрасному душу, зачѣмъ Онъ далъ всему этому такую грубую оболочку? зачѣмъ Онъ одѣлъ все это въ такую странную смѣсь противорѣчій, упрямства, дерзкой самонадѣянности и самаго униженнаго смиренія?«

Вотъ внутренній портретъ Гоголя, нарисованный имъ самимъ. Черты этого образа съ лѣтами прояснялись, облагороживались и становились всё выше и величественнѣе, но основанія были всё тѣже. И теперь, когда мы знаемъ его въ разные періоды его жизни, мы, подобно ему, невольно задаемъ себѣ вопросъ: зачѣмъ существовало это дѣйствительно рѣдкое сердце, для чего явилась предъ нами эта чистая, пламенная и высокая душа въ вѣчной борьбѣ съ собственными противорѣчіями? Большую часть жизни употребилъ Гоголь на анализъ самаго себя, какъ нравственнаго, предстоящаго предъ лицемъ Бога существа, и какъ бы только случайно вдавался иногда въ дѣятельность другого рода, которая составила его земную славу, — зачѣмъ, для чего это? Трудно предлагать отвѣтъ на эти вопросы, пока не все приведено въ извѣстность, что̀ относится къ Гоголю, и пока не опредѣлилось вполнѣ его историческое значеніе, какъ человѣка; его можно только предчувствовать.

Но возвратимся къ письмамъ. Гоголь самъ — лучшій свой біографъ, и если бы были напечатаны всѣ его письма, то не много нужно было бы прибавить къ нимъ объясненій для уразумѣнія исторіи его внутренней жизни. Хотя онъ и говоритъ, что сокровеннѣйшихъ движеній души своей онъ не ввѣрялъ никому, но это, кажется, потому говоритъ онъ, что

они оставались и для него не совсѣмъ ясными. Въ разныя времена и подъ разными вліяніями, онъ высказывалъ свои задушевныя тайны по частямъ, и никогда не могъ силою воспоминанія собрать этихъ частей въ одно; но для насъ, можетъ быть, это будетъ въ свое время возможно. Станемъ же общими силами приводить въ извѣстность и ясность все неизвѣстное и неясное въ его жизни, смиряя въ себѣ по возможности эгоистическія чувства.

Поѣздка Гоголя за границу направлена была на Любекъ собственно съ тою цѣлью, чтобы пользоваться въ Травемундѣ, небольшомъ городкѣ, отстоящемъ отъ Любека на 18 верстъ, водами отъ нѣкоторыхъ недуговъ, которые, какъ сказали ему, происходили въ немъ отъ золотухи. Онъ описалъ матери подробно Любекъ и даже набросалъ перомъ видъ улицы изъ окна своей квартиры. Его поразили старинные готическіе храмы, нѣмецкіе узкіе дома въ пять и въ шесть этажей, нѣмецкая опрятность комнатъ и улицъ, щеголеватые костюмы поселянокъ на рынкахъ и простота жизни богатыхъ горожанъ.

»Извощиковъ (говоритъ онъ) нѣтъ въ поминѣ. За то вы увидите огромныя фуры, которыя здѣсь въ большомъ употребленіи, посреди которыхъ укрѣплены на ремняхъ ящики [въ родѣ висячаго стула]. Въ этихъ-то фурахъ вы увидите семейство, достойное фламанской школы, везущее въ городъ продукты. Въ ящикѣ обыкновенно сидитъ мать съ дочерью; на лошади, запряженной въ фуру, верхомъ усаживается сынъ; если же обрѣтается зять, то и тотъ себѣ находитъ мѣсто на той же самой лошади; а сзади уже пѣшкомъ какой-нибудь по нашему наймытъ. За то ужъ и ѣзда: ничего хуже я не знаю. Лошади здоровы и жирны, какъ волы, а между тѣмъ не скорѣе ихъ идутъ.«

Описанія его отличаются простотою, но въ нихъ безпрестанно мелькаютъ черты будущаго великаго живописца людей и природы. Окрестности Любека онъ нашелъ довольно привлекательными, но отдалъ преимущество видамъ своей родины по рѣкѣ Псёлу, которая, можетъ быть, тогда уже была описана имъ въ »Сорочинской Ярмаркѣ«. Любекскіе Нѣмцы показались ему учтивѣе и добрѣе Англичанъ, съ которыми онъ провелъ шесть сутокъ на пароходѣ. Новые, невиданные нигдѣ предметы не про-

извели на него такого живого, потрясающаго впечатлѣнія, какъ онъ воображалъ, мечтая за годъ передъ тѣмъ о поѣздкѣ за море.

Черезъ двѣнадцать дней, Гоголь писалъ къ матери изъ Травемунда и уже готовился къ возвращенію въ Россію.

»Не смотря на мое желаніе (говорилъ онъ), я не долженъ пробыть долго въ Любекѣ: я не могу, я не въ силахъ пріучить себя къ мысли, что вы безпрестанно печалитесь, полагая меня въ такомъ далекомъ разстояніи«.

Итакъ вотъ побудительная причина къ скорому возвращенію изъ-за моря, а не истощеніе кошелька, какъ до сихъ поръ полагали. По крайней мѣрѣ Гоголь въ письмахъ изъ Любека и Травемунда не упоминаетъ о нуждѣ въ деньгахъ. Черезъ осмьнадцать лѣтъ, въ безымешной запискѣ, онъ объясняетъ нѣсколько иначе причину своего скораго возвращенія, относя тоску свою къ друзьямъ и товарищамъ дѣтства. Но онъ писалъ ее для печати и потому, вѣроятно, скрылъ имя матери подъ болѣе общимъ наименованіемъ. Вотъ его слова.

»Можетъ быть, это было просто то непонятное поэтическое влеченіе, которое тревожило иногда и Пушкина, — ѣхать въ чужіе края, единственно затѣмъ, чтобы, по выраженію его,

Подъ небомъ Африки моей
Вздыхать о сумрачной Россіи.

Какъ бы то ни было, но это противувольное мнѣ самому влеченіе было такъ сильно, что не прошло 5 мѣсяцевъ по прибытіи моемъ въ Петербургъ (¹), какъ я сѣлъ уже на корабль, не будучи въ силахъ противиться чувству, мнѣ самому непонятному. Проэктъ и цѣль моего путешествія были очень неясны. Я зналъ только то, что ѣду вовсе не затѣмъ, что бы насладиться лучшими краями, но скорѣй, чтобы натерпѣться, точно какъ бы предчувствовалъ, что узнаю цѣну Россіи и добуду любовь къ ней вдали отъ нея. Едва только я очутился въ морѣ, на чужомъ кораблѣ, среди чужихъ людей [пароходъ былъ англійскій, и на немъ ни души русской], мнѣ стало грустно, мнѣ сдѣлалось такъ жалко

(¹) Гоголь забылъ: онъ прожилъ въ Петербургѣ не менѣ семи мѣсяцевъ, какъ это видно по его письмамъ къ матери. *Н. М.*

друзей и товарищей моего дѣтства, которыхъ я оставилъ и которыхъ я всегда любилъ, что прежде чѣмъ вступить на твердую землю, я уже подумалъ о возвратѣ. Три дни только я пробылъ въ чужихъ краяхъ (1), и, не смотря то, что новость предметовъ начала меня завлекать, я поспѣшилъ на томъ же самомъ пароходѣ возвратиться, боясь, что иначе мнѣ не удастся возвратиться.«

Въ Травемундѣ Гоголя заняло всего болѣе древній соборъ и старинные обычаи трактирной жизни.

»Это зданіе (писалъ онъ къ матери) рѣшительно превосходитъ все, что я до сихъ поръ видѣлъ, своимъ древнимъ готическимъ великолѣпіемъ. Здѣшнія церкви не оканчиваются, подобно нашимъ, круглымъ или неправильнымъ куполомъ, но имѣютъ потолокъ ровной высоты во всѣхъ мѣстахъ, изрѣдка только пересѣкаемый изломленными готическими сводами. Высота, ровная во всѣхъ мѣстахъ, и — вообразите — несравненно выше, нежели у насъ въ Петербургѣ Казанская церковь, съ шпицемъ и крестомъ. Все зданіе оканчивается по угламъ длиннымъ и угловатымъ, необыкновенной толщины, каменнымъ шпицемъ, теряющимся въ небѣ... Живопись внутри церкви удивительная. Много есть такихъ картинъ, которымъ около 700 лѣтъ, но нѣкоторыя всё еще плѣняютъ необыкновенною свѣжестью красокъ и осѣнены печатью необыкновеннаго искуства. Знаменитое произведеніе Альбрехта Дюрера, изваяніе Квелино — все было мною разсмотрѣно съ жадностью. На одной стѣнѣ церкви находятся необыкновенной величины часы, съ означеніемъ разныхъ метеорологическихъ наблюденій, съ календаремъ на нѣсколько сотъ лѣтъ и проч. Когда настанетъ 12 часовъ, большая мраморная фигура вверху бьетъ въ колоколъ 12 разъ. Двери съ шумомъ отворяются вверху; изъ нихъ выходятъ стройно одинъ за однимъ 12 апостоловъ въ обыкновенный человѣческій ростъ, поютъ и наклоняются каждый, когда проходятъ мимо изваянія Іисуса Христа, и такимъ же самымъ порядкомъ уходятъ въ противоположныя двери. Привратникъ ихъ встрѣчаетъ поклономъ, и

(1) Здѣсь тоже Гоголь забылъ, какъ видно, свою поѣздку изъ Любека въ Травемундъ для лѣченія водами и смѣшалъ пребываніе въ Любекѣ съ пребываніемъ вообще въ чужихъ краяхъ. *Н. М.*

двери съ шумомъ за ними затворяются. Апостолы такъ искусно сдѣланы, что можно принять ихъ за живыхъ. Я видѣлъ здѣсь комнату, принадлежащую собранію чиновъ города. Она великолѣпна своею давностью и вся въ антикахъ.

»Здѣшніе жители не имѣютъ никакихъ собраній и живутъ почти въ трактирахъ. Эти трактиры мнѣ очень нравятся. Вообразите себѣ какого-нибудь богатаго помѣщика-хлѣбосола, какъ прежде, напримѣръ, бывало въ Кибенцахъ, у котораго множество гостей, тутъ и живутъ и сходятся вмѣстѣ только обѣдать, или ужинать. Хозяинъ трактира занимаетъ здѣсь точно такую же роль и первое мѣсто за столомъ. Возлѣ него — его супруга, которой это не мѣшаетъ нѣсколько разъ сбѣгать, во время стола, на кухню. Прочія мѣста занимаются гражданами всѣхъ націй. Со мною вмѣстѣ находилось два Швейцар(ц)а, Англичанинъ, индѣйскій набобъ, гражданинъ изъ Американскихъ Штатовъ и множество разноземельныхъ Нѣмцевъ: и всѣ мы были совершенно какъ лѣтъ 10 другъ съ другомъ знакомы. [Этого уже въ Петербургѣ не водится.] Ужинъ всегда оканчивается пѣніемъ, и всегда довольно поздно. Короче, время, здѣсь проведенное, было бы для меня очень пріятно, еслибы я только такъ же былъ здоровъ душою, какъ теперь тѣломъ.«

Гоголь, передъ отъѣздомъ за границу, квартировалъ вмѣстѣ съ И. Я. Прокоповичемъ. Они не вели въ отсутствіе Гоголя переписки, и Прокоповичъ воображалъ его странствующимъ Богъ знаетъ гдѣ. Каково же было его удивленіе, когда, возвращаясь однажды (1) вечеромъ отъ знакомаго, онъ встрѣтилъ Якима, идущаго съ салфеткою къ булочнику, и узналъ, что у нихъ »есть гости«! Когда онъ вошелъ въ комнату, Гоголь сидѣлъ, облокотясь на столъ и закрывъ лицо руками. Расспрашивать, какъ и что, было бы напрасно, и такимъ образомъ обстоятельства, сопровождавшія фантастическое путешествіе, какъ и многое въ жизни Гоголя, остались для него тайною.

Естественно, что письмо отъ матери, найденное имъ въ Петербургѣ, не могло заключать въ себѣ одобренія его поступковъ. Оправданія и из-

---

(1) Именно 22-го сентября.

вненія Гоголя весьма интересны. Я повторяю ихъ здѣсь по мѣрѣ возможности.

»Одни только гордые помыслы юности (писалъ онъ къ ней отъ 24-го сентября, 1829), проистекавшіе, однакожъ, изъ чистаго источника, изъ одного только пламеннаго желанія быть полезнымъ, не будучи умѣряемы благоразуміемъ, завлекли меня слишкомъ далеко. — — — Ахъ, если бы вы знали ужасное мое положеніе! Ни одной ночи я не спалъ покойно, ни одинъ сонъ мой не наполненъ былъ сладкими мечтами. Вездѣ носились передо мною бѣдствія и печали, и безпокойства, въ которыя я ввергнулъ васъ. — — Богъ унизилъ мою гордость: Его святая воля! Но я здоровъ, и, если мои ничтожныя занятія не могутъ доставить мнѣ мѣста, я имѣю руки, слѣдовательно не могу впасть въ отчаяніе: оно — удѣлъ безумца. — — — Я не въ силахъ теперь извѣстить васъ о главныхъ причинахъ, скопившихся, которыя бы, можетъ быть, оправдали меня хотя въ нѣкоторомъ отношеніи. Чувства мои переполнены. Я не могу перевести дыханія.

V.

Гоголь поступаетъ на службу и дѣлается домашнимъ наставникомъ. — Характеристическія черты его въ качествѣ домашняго наставника. — Первыя статьи, помѣщенныя въ журналахъ. — Успѣхъ »Вечеровъ на хуторѣ«. — Переписка съ матерью: просьбы о сообщеніи ему этнографическихъ свѣдѣній о Малороссіи; — затруднительныя денежныя обстоятельства; — реестръ прихода и расхода; — порядокъ жизни; — занятія живописью; — взглядъ на свои бѣдствія; — »Вечера на хуторѣ«; — исполненіе нѣкоторыхъ надеждъ.

Это было самое трудное время для нашего поэта. Отецъ его умеръ еще до выхода его изъ Гимназіи; имѣніе, поддерживаемое дѣятельностію опытнаго хозяина, приносило теперь доходъ, едва достаточный для содержанія вдовы и пяти дочерей его. (1) Гоголь не требовалъ изъ дому

(1) Двѣ изъ нихъ скончались вскорѣ послѣ смерти отца. Имѣніе состояло изъ 200 душъ крестьянъ и 880 десятинъ земли.

денегъ, перебивался въ Петербургѣ кое-какъ и долженъ былъ, оставя аристократическія затѣи, обратиться къ жизни болѣе положительной. Апрѣля 1830 г. онъ опредѣлился на службу въ Департаментъ Удѣловъ и занялъ мѣсто помощника столоначальника (¹), — но не прослужилъ здѣсь и году. Онъ досталъ отъ кого-то рекомендательное письмо къ В. А. Жуковскому, который сдалъ молодого человѣка на руки П. А. Плетневу, съ просьбою позаботиться о немъ. Плетневъ былъ тогда инспекторомъ Патріотическаго Института и исходатайствовалъ у Ея Императорскаго Величества для Гоголя въ этомъ заведеніи мѣсто старшаго учителя исторіи, которое онъ и занялъ съ 10 марта 1831 года. Чтобъ доставить ему больше средствъ для жизни, Плетневъ ввелъ его наставникомъ дѣтей въ дома П. П. Балабина, Лонгинова и А. В. Васильчикова, къ которымъ поэтъ до конца жизни сохранилъ самыя дружескія чувства.

Благодаря краткой запискѣ одного изъ его тогдашнихъ учениковъ, М. Н. Лонгинова (цитованной уже на стр. 52), мы знаемъ, каковъ былъ Гоголь въ ролѣ домашняго учителя.

Г. Лонгиновъ и двое его маленькихъ братьевъ не нашли въ Гоголѣ и тѣни педантизма, угрюмости и взыскательности, которыя часто считаются какъ бы принадлежностями званія наставника. Уроки его походили скорѣе на случайные толки взрослаго человѣка съ дѣтьми, нежели на то, что они привыкли разумѣть подъ именемъ уроковъ.

Маленькіе Лонгиновы думали сперва, что онъ будетъ преподавать имъ русскій языкъ, но, къ удивленію ихъ, Гоголь началъ толковать имъ о предметахъ, касающихся естественной исторіи; во второе посѣщеніе онъ заговорилъ о системахъ горъ, рѣкъ и проч., а въ третье повелъ рѣчь о всеобщей исторіи.

— Когда же начнемъ мы, Николай Васильевичъ, уроки русскаго языка? спросили его.

Гоголь насмѣшливо улыбнулся и сказалъ:

— На что вамъ это, господа? Въ русскомъ языкѣ главное дѣло ставить *е* и *ѣ*, а это вы и такъ знаете, какъ видно изъ вашихъ тетрадей.

(¹) По протекціи А. А. Тр***го, двоюроднаго брата матери

Просматривая ихъ, я найду иногда случай замѣтить вамъ кое-что. Выучить писать гладко и увлекательно не можетъ никто. Эта способность дается природой, а не ученьемъ.

Послѣ этого классы шли обычной чередой, то есть, одинъ посвящался естественной исторіи, другой географіи, третій всеобщей исторіи и т. д. Гоголь вводилъ въ свои чтенія множество смѣшныхъ анекдотовъ и, сочувствуя веселости дѣтей, хохоталъ съ ними самъ отъ чистаго сердца. Даже такія историческія явленія, какъ, напримѣръ, войны Амазиса и происхожденіе гражданскихъ обществъ, онъ умѣлъ поворачивать смѣшною стороною, къ обоюдному удовольствію слушателей и преподавателя.

Въ немъ тогда замѣтна была сильная склонность къ новаторству въ языкѣ и наукѣ. Онъ не позволялъ своимъ ученикамъ употреблять выраженій, сдѣлавшихся давно стереотипными, останавливалъ ихъ на половинѣ періода и спрашивалъ усмѣхаясь:

— Кто это научилъ васъ такъ говорить? Это неправильно. Надобно сказать такъ-то.

Между прочимъ онъ утверждалъ, что Балтійское море слѣдуетъ называть *Бальтическимъ*, а Балтійскимъ-де называютъ его невѣжды.

— Вы ихъ не слушайте, прибавлялъ онъ добродушно.

Очевидно, что онъ горячо брался за все, чѣмъ надѣялся принести пользу; но каковы были примѣненіе къ дѣлу и послѣдствія его горячности — это статья особая. По свидѣтельству г. Лонгинова, какъ и по отзывамъ многихъ другихъ лицъ, Гоголь не имѣлъ прямыхъ способностей ни элементарнаго преподавателя наукъ, ни профессора. Ходъ его обученія былъ невѣренъ; онъ умѣлъ только манить ученика впередъ и впередъ, оставляя въ его умѣ пробѣлы, которые предоставлялъ ему наполнять, когда угодно. Между прочими своими попытками въ педагогіи, онъ занимался тогда (вѣроятно, въ пособіе Жуковскому) сочиненіемъ синхронистическихъ таблицъ для преподаванія исторіи по новой методѣ, но употреблялъ свои таблицы, во время уроковъ, только въ видѣ опыта.

Гоголь очень скоро сдѣлался короткимъ знакомымъ въ домѣ Лонгиновыхъ и часто говорилъ съ хозяйкой о своихъ литературныхъ занятіяхъ, надеждахъ и проч., но почти ни слова не говорилъ о литературѣ въ присутствіи отца своихъ учениковъ. М. Н. Лонгиновъ объясняетъ это тѣмъ,

что онъ никакъ не могъ отдѣлить отношеній своихъ какъ добраго знакомаго, отъ мысли о подчиненности (старикъ Лонгиновъ былъ его начальникомъ по Патріотическому Институту). Но для тѣхъ, которые знавали Гоголя впослѣдствіи и помнятъ, какъ онъ нерѣдко перемѣнялъ задушевную рѣчь на самую обыкновенную, едва являлся въ комнату новый посѣтитель, — это объясняется той гордой застѣнчивостью таланта, которая не позволяетъ ему оставаться для всѣхъ нараспашку.

Въ Департаментѣ Удѣловъ Гоголь былъ плохимъ чиновникомъ и, по собственнымъ словамъ, извлекъ изъ службы въ этомъ учрежденіи только развѣ ту пользу, что научился сшивать бумагу. Объ этомъ онъ упоминалъ не разъ, показывая сшитыя въ тетради письма Пушкина, Жуковскаго и другихъ, которыми онъ дорожилъ (и не выпуская этихъ тетрадей изъ рукъ, въ буквальномъ смыслѣ слова). Но и въ качествѣ преподавателя онъ не отличался большими достоинствами. Только въ первое время онъ принялся за исполненіе обязанностей своего званія съ жаромъ юноши, жаждавшаго найти достойное поприще для своей дѣятельности, и, забывая, подъ вліяніемъ этого чувства, о матеріальныхъ выгодахъ новой своей обязанности, смотрѣлъ на нее, какъ на цѣль своего существованія, какъ на призваніе свыше. Но мало по малу занятія литературныя отвлекали его отъ однообразныхъ трудовъ учителя. Въ продолженіе 1830 и 1831 годовъ появилось въ журналахъ и газетахъ нѣсколько безъименныхъ его статей, которыя можно назвать пробою пера, устремленнаго къ широкой дѣятельности. Нѣкоторыя изъ нихъ напечатаны безъ всякой подписи, другія — подъ разными псевдонимами.

Такъ, въ февралѣ 1830 года, въ № 118 »Отечественныхъ Записокъ«, и въ мартѣ, въ № 119, явилась безъ подписи повѣсть Гоголя »Басаврюкъ или Вечеръ наканунѣ Ивана Купала«, передѣланная безъ вѣдома автора издателемъ журнала Свиньинымъ и напечатанная потомъ въ прежнемъ видѣ въ »Вечерахъ на Хуторѣ близъ Диканьки«. Прочтите внимательно предисловіе къ ней: Гоголь самъ, въ шутливомъ тонѣ, разсказываетъ исторію этой передѣлки.

»Разъ одинъ изъ тѣхъ господъ (говоритъ онъ) — намъ простымъ людямъ мудрено и назвать ихъ — писаки они не писаки, а вотъ то самое, что барышники на нашихъ ярмаркахъ. Нахватаютъ, напросятъ,

накрадутъ всякой всячины да и выпускаютъ книжечки не толще букваря, каждый мѣсяцъ, или недѣлю, — одинъ изъ этихъ господъ и выманилъ у Ѳомы Григорьевича эту самую исторію, а онъ вовсе и позабылъ о ней. Только пріѣзжаетъ изъ Полтавы тотъ самый панычъ въ гороховомъ кафтанѣ, про котораго говорилъ я.... привозитъ съ собою небольшую книжечку и, развернувши по срединѣ, показываетъ намъ. Ѳома Григорьевичъ готовъ уже былъ осѣдлать носъ свой очками, но, всмомнивъ, что онъ забылъ ихъ подмотать нитками и облѣпить воскомъ, передалъ мнѣ. Я, такъ какъ грамоту кое-какъ разумѣю и не ношу очковъ, принялся читать. Не успѣлъ повернуть двухъ страницъ, какъ онъ вдругъ остановилъ меня за руку. »Постойте, напередъ скажите мнѣ, что это вы читаете?« Признаюсь, я немного пришелъ въ тупикъ отъ такого вопроса. »Какъ что читаю, Ѳома Григорьевичъ? вашу быль, ваши собственныя слова«. — »....Кто вамъ сказалъ, что это мои слова?« — »Да чего лучше, тутъ и напечатано: разсказанная такимъ-то дьячкомъ«. — »....Кто это напечаталъ! Такъ ли я говорилъ? *Що то вже якъ у кого чортма клепки въ голови!* Слушайте, я вамъ разскажу ее сейчасъ....« Этимъ онъ хотѣлъ сказать, что отвергаетъ поправки редактора журнала, въ которомъ она первоначально была напечатана. (¹)

(¹) До какой степени талантливому разскащику дѣдовскихъ преданій должны были быть непріятны тяжелыя вставки и неловкія замѣны его фразъ, живыхъ, смѣющихся и быстро летящихъ впередъ, можно видѣть изъ слѣдующей выдержки, взятой изъ авторскаго и изъ редакторскаго изданій »Вечера на канунѣ Ивана Купала«.

Безъ постороннихъ поправокъ	*Съ поправками въ журналѣ.*
»Дѣдъ мой (царство ему небесное! Чтобъ ему на томъ свѣтѣ ѣлись одни только бухапцы пшеничные да маковники въ меду!) умѣлъ чудно разсказывать. Бывало поведетъ рѣчь—цѣлый день не подвинулся бы съ мѣста, и все бы слушалъ.	»Дѣдъ мой имѣлъ удивительное искусство разсказывать.
Ужъ не чета какому-нибудь нынѣшнему балагуру, который какъ начнетъ	Бывало часъ, два стоишь передъ нимъ, глазъ не сводишь, вотъ словно приросъ къ одному мѣсту: такъ были занимательны его рѣчи, не чета нынѣшнимъ краснобайнымъ балагурамъ,

Въ концѣ 1830 года напечатана была въ »Сѣверныхъ Цвѣтахъ« на 1831 годъ глава историческаго романа (стр. 225), подъ которою выставлены буквы *оооо*, потому (какъ объяснилъ намъ г. Гаевскій),

---

москаля весть (*) да еще и языкомъ такимъ, будто ему три дня ѣсть не давали, то хоть берись за шапку да изъ хаты.

Какъ теперь помню — покойная старуха мать моя была еще жива, какъ въ долгій зимній вечеръ, когда на дворѣ трещалъ морозъ и замуровывалъ наглухо узенькое окно нашей хаты, сидѣла она передъ гребнемъ, выводя рукою длинную нитку, колыша ногою люльку и напѣвая пѣсню, которая какъ будто теперь слышится мнѣ. Каганецъ, дрожа и вспыхивая, какъ бы пугаясь чего, свѣтилъ намъ въ хатѣ. Веретено жужжало. А мы всѣ дѣти, собравшись въ кучку, слушали дѣда, неслѣзавшаго, отъ старости, болѣе пяти лѣтъ съ своей печки. Но ни дивныя рѣчи про давнюю старину, про наѣзды Запорожцевъ, про Ляховъ, про молодецкія дѣла Подковы, Полтора-Кожуха и Сагайдачнаго не занимали насъ такъ, какъ разсказы про какое-нибудь старинное чудное дѣло, отъ которыхъ какая-то дрожь проходила по тѣлу и волосы ерошились на головѣ. Иной разъ страхъ, бывало, такой заберетъ отъ нихъ, что все съ вечера показывается Богъ знаетъ какимъ чудищемъ. Случится, ночью выйдешь зачѣмъ-нибудь изъ хаты, вотъ такъ и думаешь, что на постели твоей уклался спать выходецъ съ того свѣта, и, чтобы мнѣ не довелось разсказывать этого въ другой разъ, если не принималъ часто издали собственную поло-

отъ которыхъ, прости Господи, такая нападаетъ зѣвота, что хоть изъ хаты вонъ.

Живо помню, какъ бывало въ зимніе долгіе вечера, когда мать моя пряла передъ слабо мелькающимъ каганцемъ, качая одной ногой люльку и напѣвая заунывную пѣсню, которой звуки кажется и теперь слышатся мнѣ, собрались мы ребятишки, около стараго дѣда своего, по дряхлости уже болѣе десяти лѣтъ неслѣзавшаго съ печи.

И тутъ-то нужно было видѣть, съ какимъ вниманіемъ слушали мы дивныя рѣчи: про старинные, дышавшіе разгульемъ годы, про Гетманщину, про буйные наѣзды Запорожцевъ, про тиранскія мучительства Ляховъ, про удалые подвиги Подковы, Полтора-Кожуха и Сагайдачнаго. Но намъ болѣе всего нравились повѣсти, имѣвшія основаніемъ какое — нибудь старинное, сверхъ-естественное преданіе, которое нынѣшніе умники безъ зазрѣнія совѣсти не побоялись бы назвать баснею; но я готовъ голову отдать, если дѣдъ мой хотя разъ солгалъ въ продолженіе своей жизни.

(*) »Т. е. лгать.«

что *о* встрѣчается четыре раза въ имени и фамиліи автора: *Николай Гоголь-Яновскій*. Заглавіе романа было »Гетьманъ«. Въ примѣчаніи сказано, что первая часть его была написана и сожжена, потому что самъ авторъ не былъ ею доволенъ. Кромѣ этой главы, уцѣлѣла еще одна, подъ заглавіемъ: »Плѣнникъ«, и была напечатана сперва въ одномъ изъ періодическихъ изданій, а потомъ вошла вмѣстѣ съ первою въ составленный Гоголемъ изъ собственныхъ сочиненій альманахъ »Арабески.« (¹) Эти два отрывка написаны уже со всѣми признаками несомнѣннаго таланта и могли обратить на себя вниманіе такихъ людей, какъ Дельвигъ и Пушкинъ, которые дѣйствительно приняли въ это время Гоголя подъ свое покровительство и, вмѣстѣ съ Жуковскимъ, Плетневымъ и другими, содѣйствовали дальнѣйшимъ его успѣхамъ на литературномъ поприщѣ.

Въ первомъ нумерѣ »Литературной Газеты« на 1831 годъ напечатана несравненно слабѣйшая пьеса его »Учитель. Изъ малороссійской повѣсти: Страшный Кабанъ«. Она признана даже составителемъ »Арабесокъ« недостойною занять мѣсто въ этомъ сборникѣ, равно какъ и второй отрывокъ изъ той же повѣсти, подъ заглавіемъ »Успѣхъ посольства«, напечатанный въ 17 № »Литературной Газеты« 1831 года. Употребленный здѣсь псевдонимъ *П. Глечикъ* (по объясненію г. Гаевскаго) имѣетъ то основаніе, что въ историческомъ романѣ, изъ котораго напечатана глава въ »Сѣверныхъ Цвѣтахъ«, одно изъ дѣйствующихъ лицъ — миргородскій полковникъ Глечикъ.

Въ томъ же нумерѣ другая статья Гоголя: »Нѣсколько мыслей о

женную въ головахъ свитку за свернувшагося дьявола. Но главное въ разсказахъ дѣда было то, что въ жизнь свою онъ никогда не лгалъ, и что бывало ни скажетъ, то именно такъ и было. Одну изъ его чудныхъ исторій перескажу теперь вамъ.«

Чтобы увѣрить васъ въ справедливости этого, я хоть сей же часъ разскажу вамъ одну изъ тѣхъ повѣстей, которыя такъ сильно нравились намъ во время оно, надѣясь, что и вамъ полюбится.«

(¹) Ч. I, стр. 41 и 72, и ч. II, стр. 159.

преподаваніи дѣтямъ Географіи«, подписанная именемъ *Г. Яновъ*, т. е. *Гоголь-Яновскій*. Это была первая подпись, обнаруживающая готовность робкаго и недовѣрчиваго къ самому себѣ малороссіянина объявить настоящее свое имя. Подъ статьею читаемъ: »Продолженіе обѣщано«; но обѣщаніе не исполнено. Въ примѣчаніи къ этой статьѣ, Гоголь, подъ вліяніемъ тогдашняго своего увлеченія педагогіею, а можетъ быть, и по какому нибудь болѣе тайному побужденію, говоритъ слѣдующее:

»Просимъ читателей смотрѣть на предложенную здѣсь статью, какъ на одно только начало. Автору, который совершенно посвятилъ себя юнымъ питомцамъ своимъ, болѣе всего желательно знать о семъ предметѣ мнѣнія ученыхъ нашихъ преподавателей. Въ послѣдующихъ за симъ мысляхъ читатели встрѣтятъ, можетъ быть, болѣе новаго, болѣе относящагося къ облегченію науки и приведенію оной въ ясность и понятность для дѣтей.«

Далѣе, въ 4 № »Литературной Газеты« на 1831 годъ, мы находимъ статью »Женщина« уже съ подписью *Н. Гоголь*. Авторъ очевидно писалъ съ сильнымъ сердечнымъ увлеченіемъ и потому, вѣроятно, считалъ это молодое произведеніе вполнѣ достойнымъ своего имени. (¹)

Въ эти первые годы литературной своей дѣятельности онъ работалъ очень много, потому что къ маю 1831 года у него уже готово было нѣсколько повѣстей, составившихъ первый томъ »Вечеровъ на Хуторѣ близь Диканьки«. Не зная, какъ распорядиться съ этими повѣстями, Гоголь обратился за совѣтомъ къ П. А. Плетневу. Плетневъ хотѣлъ оградить юношу отъ вліянія литературныхъ партій и въ тоже время спасти повѣсти отъ предубѣжденія людей, которые знали Гоголя лично или по первымъ его опытамъ, и не получили о немъ высокаго понятія. По этому онъ присовѣтовалъ Гоголю, на первый разъ, строжайшее incognito и придумалъ для его повѣстей заглавіе, которое бы возбудило въ публикѣ любопытство. Такъ появились въ свѣтъ »Повѣсти, изданныя пасичникомъ Рудымъ Панькомъ«, который будто бы жилъ

(¹) Чтобъ не возвращаться къ исчисленію неподписанныхъ Гоголемъ статей, укажу еще на двѣ, напечатанныя въ первой книжкѣ пушкинскаго »Современника« 1836 года, подъ заглавіемъ: »О движеніи Журнальной Литературы въ 1834 и 1835 годахъ«, и во второй книжкѣ »Современника« (изданной по смерти Пушкина) 1837 года: »Петербургскія Замѣтки 1836 года«.

возлѣ Диканьки, принадлежавшей князю Кочубею. Книга была принята огромнымъ большинствомъ любителей литературы съ восторгомъ, и не прошло года, какъ уже появилась въ печати вторая часть »Вечеровъ на Хуторѣ«. Пасичникъ Рудый Панько очевидно былъ ободренъ первымъ пріемомъ и разболтался въ предисловіяхъ ко второй книжкѣ еще любезнѣе. (1)

Между зоилами Гоголя особенно отличался Н. Полевой, который, вообразивъ, что Рудый Панько́ — новый псевдонимъ О. Сомова, писавшаго подъ именемъ Байскаго, напалъ на »Вечера на Хуторѣ« и старался доказать, что Гоголь вовсе не Малороссіянинъ, а »Москаль, да еще и горожанинъ«. По этому случаю въ тогдашнихъ »Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду появилась статья Никиты Лугового, въ которой доказано, что Полевой имѣлъ самыя превратныя понятія о Малороссіи.

Возвратимся нѣсколько назадъ и прослѣдимъ эпоху первыхъ литературныхъ успѣховъ Гоголя по письмамъ его къ матери. Они очень многочисленны и пространны, но наполнены большею частью семейными мелочами, строительными и хозяйственными разсужденіями. Я приведу изъ нихъ только краткія выписки, опустивъ даже и выраженія нѣжнѣйшей сыновней любви и почтенія, которыми Гоголь былъ преисполненъ къ матери и въ которыхъ онъ изливался съ горячимъ многословіемъ юности.

Ноября 12-го, 1829. »Вы пишите, что довольно нерасчетливо живу, или по крайней мѣрѣ жилъ прежде. Но, ради Бога, не вѣрьте Св***му: въ жизнь мою я не видалъ такого жестокаго лгуна. Когда онъ видѣлъ, чтобы у меня пировало множество гостей на мой счетъ? когда я нанималъ квартиру, состоящую изъ 3-хъ комнатъ одинъ? И теперь нанимаемъ мы 3 комнаты; но насъ три человѣка вмѣстѣ стоятъ, и комнатки очень небольшія. Еще прошу васъ, маминька, — не думайте

(1) Въ первый разъ Гоголь былъ введенъ въ кругъ литераторовъ, какъ авторъ »Вечеровъ на Хуторѣ«, 19 февраля 1832 года, на извѣстномъ обѣдѣ А. Ф. Смирдина, по случаю перенесенія его книжнаго магазина отъ Синяго моста на Невскій проспектъ. Гости подарили хозяина разными пьесами, составившими альманахъ »Новоселье«, въ которомъ помѣщена и гоголева »Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ«.

найти во мнѣ хотя искру гордости. Если я прежде казался таковымъ, то теперь не покажусь, вѣрно, имъ. Ваши мысли на этотъ счетъ совершенно согласны съ моими. Онѣ стоятъ быть написаны золотыми буквами; жаль только, что рѣдкіе слѣдуютъ имъ.«

Исполняя желаніе матери знать обо всемъ, что̀ встрѣтитъ онъ замѣчательнаго въ своемъ путешествіи, онъ говоритъ, что претерпѣлъ на морѣ бурю, »во время которой и мысль о страхѣ не закрадывалась въ его душу«, описываетъ шведскіе и датскіе берега и островъ Борнгольмъ; наконецъ упоминаетъ, что, кромѣ Любека и Травемунда, былъ также — хотя »очень мало«, — и въ Гамбургѣ.

Февраля 2-го, 1830. »Жалованья получаю сущую бездѣлицу. Весь мой доходъ состоитъ въ томъ, что иногда напишу или переведу какую-нибудь статейку дома для г.г. журналистовъ. И потому вы не сердитесь, моя великодушная маминька, если я васъ часто безпокою просьбою доставлять мнѣ свѣдѣнія о Малороссіи, или что̀ либо подобное. Это составляетъ мой хлѣбъ. Я и теперь попрошу васъ собрать нѣсколько таковыхъ свѣдѣній, если гдѣ либо услышите какой забавный анекдотъ между мужиками въ нашемъ селѣ, или въ другомъ какомъ, или между помѣщиками. Сдѣлайте милость, опишуйте для меня также нравы, обычаи, повѣрья. Да распросите про старину хоть у Анны Матвѣевны или Агаѳіи Матвѣевны: какія платья были въ ихъ время у сотниковъ, ихъ женъ, у тысячниковъ, у нихъ самихъ? какія матеріи были извѣстны въ ихъ время? и всё съ подробнѣйшею подробностію. Какіе анекдоты и исторіи случались въ ихъ время, смѣшные, забавные, печальные, ужасные? Не пренебрегайте ничѣмъ: все имѣетъ для меня цѣну. Въ столицѣ нельзя пропасть съ голоду имѣющему хотя скудный отъ Бога талантъ. Одного только нужно опасаться здѣсь бѣдняку — заболѣть. Тогда-то уже ему почти нѣтъ спасенья: источники его доходовъ прекращаются, издержки на лекарства и лекарей для него совершенно невозможны, и ему остается одно средство — умереть. Но этого со мною никогда не можетъ случиться: здѣсь есть Арендтъ, котораго искусство и благородная душа чужды всякаго интереса. — Часто наводитъ на меня тоску мысль, что, можетъ быть, долго еще не удастся мнѣ увидѣться съ вами. Какъ бы хотѣлось мнѣ хотя на мгновеніе оторваться отъ душныхъ стѣнъ столицы

и подышать хотя на мгновеніе воздухомъ деревни! Но неумолимая судьба истребляетъ даже надежду на то. Какъ подумаю о будущемъ лѣтѣ, теперь даже томительная грусть залегаетъ въ душу. Вы помните, я думаю, какъ я всегда рвался въ это время на вольный воздухъ, какъ для меня убійственны были стѣны даже маленькаго Нѣжина. Что же теперь должно происходить въ это время, когда столица пуста и мертва, какъ могила; когда почти живой души не остается въ обширныхъ улицахъ, когда громады домовъ, съ вѣчно-раскаленными крышами, однѣ только кидаются въ глаза, и ни деревца, ни зелени, ни одного прохладнаго мѣстечка, гдѣ бы можно было освѣжиться! Не мудрено, когда прошлый годъ со мною произошло такое странное, безразсудное явленіе. Я былъ утопающій, хватившійся за первую попавшуюся ему вѣтку. Хотя бы на это время я былъ въ состояніи нанять комнату гдѣ-нибудь на дачѣ, за городомъ. Но тамъ квартиры несравненно дороже, а при бѣдности моего состоянія, это почти невозможно. — Еще осмѣливаюсь побезпокоить васъ одною просьбою: ради Бога, если будете имѣть случай, собирайте всѣ попадающіяся вамъ древнія монеты и рѣдкости, какія отыщутся въ нашихъ мѣстахъ, стародавнія, старопечатныя книги, другія какія-нибудь вещи-антики, а особливо стрѣлы, которыя въ множествѣ находимы были въ Ислѣ. Я помню, ихъ цѣлыми горстями доставали. Сдѣлайте милость, пришлите ихъ. Я хочу прислужиться этимъ одному вельможѣ, страстному любителю отечественныхъ древностей, отъ котораго зависитъ улучшеніе моей участи. — Нѣтъ ли въ нашихъ мѣстахъ какихъ записокъ, веденныхъ предками какой нибудь старинной фамиліи, — рукописей стародавнихъ про времена гетьманщины, и прочаго подобнаго?«

Въ письмѣ отъ 2-го апрѣля 1830 года, Гоголь жалуется матери на свое тягостное положеніе въ столицѣ. Перепробовавъ разныя средства получить выгоднѣйшее мѣсто по службѣ, онъ готовъ былъ иногда бросить все и ѣхать изъ Петербурга, но его удерживали надежды на службу въ будущемъ. Литературою онъ занимался, какъ видно, только изъ нужды въ деньгахъ, но она ему доставляла тогда немного болѣе 100 р. ассигнаціями въ годъ; а жалованья онъ не получалъ и 500 р. асс. Иногда ему помогалъ двоюродный братъ его матери, А. А. Тр**скій; но то были весьма небольшія деньги.

»Доказательствомъ моей бережливости (говоритъ онъ) служитъ то, что я еще до сихъ поръ хожу въ томъ самомъ платьѣ, которое я сдѣлалъ по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ изъ дому, и потому вы можете судить, что фракъ мой, въ которомъ я хожу повседневно, долженъ быть довольно ветхъ и истерся также не мало, между тѣмъ какъ до сихъ поръ я не въ состояніи былъ сдѣлать новаго не только фрака, но даже и теплаго плаща, необходимаго для зимы. Хорошо еще, (что) я немного привыкъ къ морозу и отхваталъ всю зиму въ лѣтней шинели. — — — Приношу благодарность тетинькѣ Катеринѣ Ивановнѣ, которая рѣшилась пожертвовать временемъ — собрать для меня нѣсколько любопытныхъ пѣсень; но драгоцѣннѣйшія изъ нихъ есть, однакожъ, списанныя вами двѣ запорожскія. Благодарю также Лукерью Ѳедоровну и Марью Борисовну за ихъ участіе.«

При этомъ письмѣ Гоголь приложилъ реестръ своимъ доходамъ и издержкамъ за декабрь 1829 и январь 1830 года. Онъ всего ближе вводитъ насъ въ обстоятельства квартирной жизни поэта, и потому помѣщаю его здѣсь.

»ДЕКАБРЬ.

»Приходъ.	Расходъ.
Получено отъ его превосходительства Андрея Андреевича . . 150 руб.	За квартиру . . . . . 25 р.
	На столъ . . . . . 25 р.
	На дрова . . . . . 7 р.
	На свѣчи . . . . . 3 р.
	Водовозу . . . . . 2 р.
Итого 150 р.	На чай, сахаръ и хлѣбъ. . . 20 р.
Жалованья въ этотъ мѣсяцъ не получилъ, по причинѣ вычету за переименованіе въ чинъ, на инвалидовъ, на гошпиталь и проч.	Въ библіотеку для чтенія . . 5 р.
	На сапоги. . . . . 10 р.
	Прачкѣ . . . . . 5 р.
	На содержаніе человѣка . . 10 р.
	Куплено ваксы на . . . . 1 р. 50
	Итого . . . 113 р. 50 к.
Прежнихъ оставалось 20 рублей.	Кромѣ того за мытье половъ заплачено . . . . . 1 р. 50
	На лѣкарство . . . . . 3 р. 70
	На цирульника . . . . . 1 р. 50
	6 руб. 70 к.

»ЯНВАРЬ

»Приходъ	»Расходъ.
Получено жалованья за м. январь. . . . . 30 р.	За квартиру . . . . . 25 р.
Отъ Андрея Андреевича полученныхъ осталось . . . 50 р.	На столъ. . . . . 25 р.
Выручилъ за статью, переведенную съ французскаго: О Торговлѣ Русскихъ въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка для Сѣвернаго Архива . . 20 р.	На дрова. . . . . 7 р.
	На сахаръ, чай и хлѣбъ . . 20 р.
	На свѣчи. . . . . 3 р.
	Водовозу. . . . . 2 р.
	За перчатки заплачено . . . 3 р.
	Прачкѣ. . . . . 5 р.
	На содержаніе человѣка. . 10 р.
	За два носовыхъ платка . 2 р. 50. к.
Итого 100 руб.	На мѣлкія издержки, какъ-то: извощикамъ, цирульникамъ и проч. потреблено. 5 р.
	На подтяжки. . . . . 4 р.
	Итого 111 р. 50 к.
	Въ баню . . . . . 1 р. 50 к.

Іюня 3-го, 1830. »Литературныя мои занятія и участіе въ журналахъ я давно оставилъ, хотя одна изъ статей моихъ доставила мнѣ мѣсто, нынѣ занимаемое. Теперь я собираю матеріалы только и въ тишинѣ обдумываю свой обширный трудъ. Надѣюсь, что вы по прежнему, почтеннѣйшая маминька, не оставите иногда въ часы досуга присылать всѣ любопытныя для меня извѣстія, которыя только удается собрать. Не могу изъяснить моей благодарности любезной моей сестрицѣ Машинькѣ, которая такъ много трудилась для меня въ этомъ дѣлѣ и которой прекрасныя качества узнаю я съ каждымъ разомъ болѣе. — — Не смотря на всѣ старанія мои, я не могъ, однакожъ, имѣть никакой возможности переѣхать на дачу. Судьба никакимъ образомъ не захотѣла свесть меня съ высоты моего пятаго этажа въ низменный домикъ на какомъ-нибудь изъ островов. Необходимости должно повиноваться. Но я всячески стараюсь услаждать свое заключеніе. Мнѣ совѣтуютъ дѣлать сколько можно больше движенія, и я каждый почти день прогуливаюсь по дачамъ и прекраснымъ окрестностямъ. Нельзя надивиться, какъ здѣсь пріучаешься ходить. Прошлый годъ, я помню, сдѣлать верстъ пять въ день

была для меня большая трудность; теперь же я дѣлаю свободно верстъ 20 и болѣе и не чувствую никакой усталости. И это здѣсь вовсе не удивительно: всякій этимъ можетъ похвалиться. Въ 9 часовъ утра отправляюсь я каждый день въ свою должность и пробываю тамъ до 3-хъ часовъ; въ половинѣ 4-го я обѣдаю; послѣ обѣда въ 5 часовъ отправляюсь я въ классъ Академіи Художествъ, гдѣ занимаюсь живописью, которую я никакъ не въ состояніи оставить, тѣмъ болѣе что здѣсь есть всѣ средства совершенствоваться въ ней, и всѣ они, кромѣ труда и старанія, ничего не требуютъ. По знакомству своему съ художниками, и со многими даже знаменитыми, я имѣю возможность пользоваться средствами и выгодами, для многихъ недоступными. Не говоря уже объ ихъ талантѣ, я не могу не восхищаться ихъ характеромъ и обращеніемъ. Что это за люди! Узнавши ихъ, нельзя отвязаться отъ нихъ на вѣки... Какая скромность при величайшемъ талантѣ! — — Въ классѣ, который посѣщаю я, три раза въ недѣлю, просиживаю два часа. Въ семь часовъ прихожу домой, иду къ кому-нибудь изъ своихъ знакомыхъ на вечеръ, которыхъ у меня таки не мало. Вѣрите ли, что однихъ однокорытниковъ моихъ изъ Нѣжина до 25 человѣкъ? — — Три раза въ теченіе недѣли отправляюсь я къ людямъ семейнымъ, у которыхъ пью чай и провожу вечеръ. Съ 9 часовъ вечера я начинаю свою прогулку: или бываю на общемъ гуляньѣ, или самъ отправляюсь на разныя дачи. Въ 11 часовъ вечера гулянье прекращается, и я возвращаюсь домой, пью чай, если нигдѣ не пилъ [вамъ должно показаться это позднимъ: я не ужинаю]. Иногда прихожу домой часовъ въ 12 и въ 1 часъ, и въ это время еще можно видѣть толпу гуляющихъ.«

Не смотря на твердую рѣшимость жить собственными средствами, Гоголь, съ сокрушеннымъ сердцемъ, долженъ былъ иногда просить у матери денегъ и всегда получалъ ихъ. Отъ 1-го сентября 1830 года онъ писалъ къ ней:

»Часто большія неудобства встрѣчаются иногда отъ замедленія присылки, и тогда принужденъ я бываю продавать за безцѣнокъ самонужнѣйшія вещи, которыхъ пріобрѣтеніе становится въ послѣдствіи мнѣ несравненно дороже.«

Замѣчательно негодованіе, съ какимъ Гоголь отвергъ приписанныя ему въ это время сочиненія.

»И я (пишетъ онъ отъ 19-го декабря, 1830), посвятившій себя всего пользѣ, обработывающій себя въ тишинѣ для благородныхъ подвиговъ, пущусь писать подобныя глупости, унижусь до того, чтобы описывать презрѣнную жизнь какихъ-то низкихъ тварей, и такимъ площаднымъ, вялымъ слогомъ, буду способенъ на такое низкое дѣло, буду столько неблагодаренъ, черенъ душою, чтобы позабывать мою рѣдкую мать, моихъ сестеръ, моихъ родственниковъ, жертвовавшихъ для меня послѣднимъ, для какой нибудь дѣвчонки!« (1)

Наконецъ наступилъ 1831-й годъ, годъ появленія въ свѣтъ »Вечеровъ на Хуторѣ«. Гоголь ни слова не упоминалъ еще о своихъ повѣстяхъ въ письмахъ къ матери. Отъ 10-го февраля этого года онъ только писалъ къ ней, что надѣется, если не въ нынѣшнемъ, то въ слѣдующемъ году имѣть возможность обойтись безъ ея помощи; однакожъ просилъ денегъ, которыя между нимъ и матерью положено было получать ему изъ дому въ извѣстные сроки.

»Какъ благодарю я вышнюю десницу (говоритъ онъ въ этомъ письмѣ) за тѣ непріятности и неудачи, которыя довелось испытать мнѣ! Ни на какія драгоцѣнности въ мірѣ не промѣнялъ бы ихъ. Чего не извѣдалъ я въ то короткое время! Иному во всю жизнь не случалось имѣть такого разнообразія. Время это было для меня наилучшимъ воспитаніемъ, какого, я думаю, рѣдкой царь могъ имѣть. За то какая теперь тишина въ моемъ сердцѣ! Какая неуклонная твердость и мужество въ душѣ моей! Неугасимо горитъ во мнѣ стремленіе, но это стремленіе — польза.«

Отъ 16-го апрѣля 1831 года онъ писалъ: »Въ 1832 году буду имѣть возможность пріѣхать къ вамъ, не принесши вамъ никакихъ издержекъ, а въ 33-мъ, въ свою очередь, помочь вамъ.« Онъ хвалился, что выгодно перемѣнилъ службу, что вмѣсто 42-хъ часовъ въ недѣлю работаетъ только 6, жалованье его нѣсколько увеличилось и что надѣется давать уроки еще въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ и получать

(1) Дѣло идетъ о комедіи »Свѣтскій Бытъ«, Свиньина, о романѣ »Ягубъ Скупаловъ«, его же, и о повѣсти, напечатанной въ »Отечественныхъ Запискахъ« съ подписью *В. Б.-въ.«* *Н. М.*

въ четыре раза больше жалованье. »Но между тѣмъ (продолжалъ онъ) занятія мои, которыя еще большую принесутъ мнѣ извѣстность, совершаются мною втиши, въ моей уединенной комнаткѣ. — — Я теперь болѣе нежели когда-либо тружусь и болѣе нежели когда-либо веселъ. Спокойствіе въ груди моей величайшее«.

Въ томъ же письмѣ онъ хвалится »лестнымъ для него дружествомъ« нѣкоторыхъ дамъ изъ высшаго общества.

»Всего болѣе (говоритъ онъ) удивлялся я уму здѣшнихъ знатныхъ дамъ. Никогда не думалъ я, чтобы женщина [исключеніе я прежде дѣлалъ для однѣхъ васъ только], чтобы женщина могла имѣть столько самоотверженія, столько любви къ своимъ дѣтямъ, чтобы, отказываясь отъ всѣхъ посѣщеній и даже зазывовъ во дворецъ, посвящать и проводить съ ними все время« и пр.

Письма Гоголя къ матери интересны отъ начала до конца, о чемъ бы онъ ни говорилъ въ нихъ, но я останавливаюсь только на тѣхъ мѣстахъ, изъ которыхъ видно, подъ какими вліяніями формировались талантъ и душа его. Не трудно догадаться, кого рисуетъ онъ, говоря о знатныхъ дамахъ, которыхъ дружбою онъ пользовался, и кто знаетъ ихъ, тому понятно, какъ велико должно было быть ихъ нравственное вліяніе на юношу, получившаго въ родительскомъ домѣ прекрасныя начала высокаго христіянскаго воспитанія.

По отношенію къ автору »Мертвыхъ Душъ« въ высшей степени интересны слѣдующія строки автора еще не вышедшихъ въ свѣтъ »Вечеровъ на Хуторѣ близь Диканьки«:

»Я чрезвычайно любопытенъ знать состояніе земляковъ нашихъ, которыхъ безпрестанныя разоренія имѣній чрезвычайно трогаютъ меня. Часто на досугѣ раздумываю о средствахъ, какія могутъ найтиться для того, чтобы вывесть ихъ на прямую дорогу, и если со временемъ удастся что-нибудь сдѣлать для нашей общей пользы, то почту себя наисчастливѣйшимъ человѣкомъ.«

Наконецъ первая книжка »Вечеровъ на Хуторѣ« вышла, и Гоголь послалъ одинъ экземпляръ матери къ дню ея ангела, при слѣдующихъ скромныхъ строкахъ:

»Очень жалѣю, что не могу прислать вамъ хорошаго подарка. Но

вы и въ бездѣлицѣ увидите мою сыновнюю любовь къ вамъ, и потому я прошу васъ принять эту небольшую книжку. Она есть плодъ отдохновенія и досужихъ часовъ отъ трудовъ моихъ. Она понравилась здѣсь всѣмъ, начиная отъ Г****ни. Надѣюсь, что и вамъ также принесетъ она сколько-нибудь удовольствія, и тогда я уже буду счастливъ.«

Тутъ онъ снова повторяетъ свою просьбу къ матери и сестрѣ о собиранія для него малороссійскихъ пѣсень и сказокъ, проситъ также пріобрѣтать для него старинные костюмы малороссійскіе и составить полный совершенный костюмъ мужской и женскій изъ лучшихъ образцовъ.

Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 9-го октября, онъ уже выражаетъ надежду на помѣщеніе младшихъ сестеръ, на казенный счетъ, въ одинъ изъ петербургскихъ институтовъ, изъ которыхъ особенно хвалилъ Патріотическій и Екатерининскій.

17-го октября 1831 года Гоголь имѣлъ удовольствіе удѣлить часть заработанныхъ денегъ на подарки матери и старшей сестрѣ и послалъ имъ на 90 рублей ассигнаціями разныхъ петербургскихъ издѣлій; а черезъ пять мѣсяцевъ, когда старшая сестра его была сговорена, онъ послалъ матери »въ помощь къ пріуготовленіямъ къ свадьбѣ« 500 р. асс. Наконецъ лѣтомъ 1832 года онъ пріѣхалъ въ Васильевку, провелъ съ нѣжно любимою матерью и сестрами три мѣсяца и, возвращаясь въ Петербургъ, увезъ съ собой двухъ младшихъ сестеръ для помѣщенія, на казенный счетъ, въ Патріотическій Институтъ. Это была самая свѣтлая эпоха жизни нашего поэта. »Вечера на Хуторѣ« были окончательно изданы и увѣнчались блистательнымъ успѣхомъ; Гоголь былъ ужъ цѣнимъ и ласкаемъ Пушкинымъ и Жуковскимъ; вопіющія нужды его существованія въ Петербургѣ были удовлетворены; онъ былъ счастливъ возможностью помочь родному семейству; онъ видѣлъ родину послѣ трехъ лѣтъ съ половиною трудной жизни на сѣверѣ; онъ надышался воздухомъ густыхъ малороссійскихъ садовъ, насмотрѣлся на поля и степи, наслушался давно неслышанныхъ рѣчей: созданіе »Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ« и »Тараса Бульбы« было въ немъ естественнымъ результатомъ всѣхъ этихъ событій и вліяній.

VI.

Воспоминанія И. Д. Бѣлозерскаго. — Служба въ Патріотическомъ Институтѣ и въ С. Петербургскомъ Университетѣ. — Воспоминанія г. Иваницкаго о лекціяхъ Гоголя. — Разсказъ товарища по службѣ. — Переписка съ А. С. Данилевскимъ и М. А. Максимовичемъ: о »Вечерахъ на Хуторѣ«; — о Пушкинѣ и Жуковскомъ; — о любви; — о товарищахъ-землякахъ; — объ изданіи малороссійскихъ пѣсенъ; — о петербургскихъ литераторахъ; — о страсти къ малороссійскимъ пѣснямъ; — о перемѣщеніи на службу въ Кіевъ. — Воззваніе Гоголя къ генію наканунѣ новаго (1834) года.

Отъ людей, знавшихъ Гоголя лично въ періодъ его петербургской жизни, я узналъ о немъ немного. Это потому, что Гоголь, съ практическимъ направленіемъ своего таланта, соединялъ нѣжную деликатность души, не позволявшую ему выказывать передъ другими то, чего у нихъ не доставало, и, предаваясь врожденной своей наблюдательности, защищался личиною человѣка обыкновеннаго отъ наблюдательности другихъ. Въ немъ можно было подмѣтить какую-нибудь поэтическую особенность не иначе, какъ только безъ его вѣдома, то есть, когда онъ не стоялъ у самаго себя на сторожѣ. Эту черту характера онъ сохранилъ до самой смерти.

Одинъ изъ моихъ пріятелей, И. Д. Бѣлозерскій, посѣщая въ Нѣжинѣ бывшаго инспектора Гимназіи князя Безбородко, г. Бѣлоусова, видалъ у него студента Гоголя, который былъ хорошо принятъ въ домѣ своего начальника и часто приходилъ къ его двоюродному брату, тоже студенту, г. Божко, для ученическихъ занятій. Онъ описываетъ будущаго поэта въ то время немножко сутуловатымъ и съ походкою, которую всего лучше выражаетъ слово *пѣтушкомъ*. Впослѣдствіи они встрѣтились, уже какъ старые знакомые, въ Петербургѣ, въ эпоху »Вечеровъ на Хуторѣ« и »Миргорода«. Бѣлозерскій нашелъ Гоголя уже пріятелемъ Пушкина и Жуковскаго, у которыхъ онъ проживалъ иногда въ Царскомъ Селѣ. Это была самая цвѣтущая пора въ характерѣ поэта. Онъ писалъ все сцены изъ воспоминаній родины, трудился надъ »Исторіею Малороссіи« и любилъ проводить время въ кругу земляковъ. Тутъ-

то чаще всего видѣли его такимъ оживленнымъ, какъ разсказываетъ г. Гаевскій, въ своихъ »Замѣткахъ для Біографіи Гоголя«. Г. Прокоповичъ вспоминаетъ съ восхищеніемъ объ этой порѣ жизни своего друга. У него я видѣлъ портретъ Гоголя, рисованный и литографированный Венеціановымъ, и который, по словамъ владѣльца, можно назвать портретомъ автора »Тараса Бульбы«.

Гоголь отличался тогда щеголеватостью своего костюма, которымъ впослѣдствіи началъ пренебрегать, но боялся холоду и носилъ зимою шинель, плотно запахнувъ ее и поднявъ воротникъ обѣими руками выше ушей. Въ то время перемѣнчивость въ настроеніи его души обнаруживалась въ скоромъ созиданіи и разрушеніи плановъ. Такъ однажды весною онъ объявилъ, что ѣдетъ въ Малороссію, и, дѣйствительно, совсѣмъ собрался въ дорогу. Приходятъ къ нему проститься и узнаютъ, что онъ переѣхалъ на дачу. И. Д. Бѣлозерскій посѣтилъ его въ этомъ сельскомъ уединеніи. Гоголь занималъ отдѣльный домикъ съ мезониномъ, недалеко отъ Поклонной горы, на дачѣ Гинтера.

— Кто же у васъ внизу живетъ? спросилъ гость.

— Низъ я нанялъ другому жильцу, отвѣчалъ Гоголь.

— Гдѣ же вы его поймали?

— Онъ самъ явился ко мнѣ, по объявленію въ газетахъ. И еще какая странная случайность! Звонитъ ко мнѣ какой-то господинъ. Отпираютъ.

» — Вы публиковали въ газетахъ объ отдачѣ въ наемъ половины дачи?«

— Публиковалъ.

» — Нельзя ли мнѣ воспользоваться?....«

— Очень рядъ. Не угодно ли садиться? Позвольте узнать вашу фамилію.

» — Половинкинъ.«

— Такъ и прекрасно! вотъ вамъ и половина дачи. — Тотчасъ безъ торгу и порѣшили.

Черезъ нѣсколько времени г. Бѣлозерскій опять посѣтилъ Гоголя на дачѣ и нашелъ въ ней одного г. Половинкина. Гоголь, вставши разъ очень рано и увидѣвъ на термометрѣ 8 град. тепла, уѣхалъ въ Малороссію, и съ такою поспѣшностью, что не сдѣлалъ даже никакихъ рас-

поряженій касательно своего зимняго платья, оставленнаго къ комодѣ. Потомъ ужъ онъ писалъ изъ Малороссіи, къ своему земляку Бѣлозерскому, чтобъ онъ съѣздилъ къ Половникину и попросилъ его развѣсить платье на свѣжемъ воздухѣ. Бѣлозерскій отправился на дачу и нашелъ платье уже развѣшеннымъ.

Переходя къ воспоминаніямъ второго лица о Гоголѣ, я долженъ сперва возвратиться нѣсколько назадъ и разсказать о дальнѣйшей педагогической службѣ его. Состоя въ чинѣ титулярнаго совѣтника со дня вступленія въ должность старшаго учителя исторіи при Патріотическомъ Институтѣ, Гоголь, »въ награду отличныхъ трудовъ«, былъ пожалованъ отъ Ея Величества, 9-го марта 1834 года, брильянтовымъ перстнемъ. А между тѣмъ, при содѣйствіи своихъ покровителей и силою собственнаго авторитета, онъ проложилъ себѣ путь къ высшему посту: 24-го іюня 1834 года онъ былъ утвержденъ адъюнктомъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи при С. Петербургскомъ Университетѣ. Онъ искалъ этого мѣста вовсе не изъ честолюбія или корыстныхъ видовъ. Честолюбіе его было выше мелочного тщеславія ступенью, занимаемою въ обществѣ, а матеріальныя выгоды никогда не составляли цѣли его жизни: онѣ были въ его глазахъ только средствами для осуществленія плановъ, постоянно занимавшихъ его душу. Письма его къ М. А. Максимовичу о каѳедрѣ всеобщей исторіи въ Кіевскомъ Университетѣ, которой онъ напрасно домогался, покажутъ, для чего ему нужно было получить мѣсто профессора. Встрѣтивъ въ этомъ исканіи препятствія, онъ ограничился званіемъ адъюнкта въ столичномъ университетѣ. »Здѣсь онъ не переставалъ работать по мѣрѣ данныхъ ему Богомъ силъ, не переставалъ учиться и постоянно имѣлъ въ виду цѣль — сдѣлаться наконецъ ученымъ хорошимъ профессоромъ, именно историкомъ. Но его художническая природа мѣшала постоянно той пассивной дѣятельности, которая нужна для обогащенія себя свѣдѣніями. Его пониманіе исторіи не могло обратиться въ спокойное преподаваніе. Тѣмъ не менѣе съ юныхъ лѣтъ Гоголь дѣлалъ постоянныя усилія образовать себя, которыя тѣмъ болѣе имѣютъ въ себѣ заслуги, что для художника онѣ тяжеле, нежели для всякаго другого. Доказательствомъ этому служитъ его записная книга, о которой говорено было выше. Такія записныя книги видали у него

постоянно. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе заставлялъ онъ себя заниматься, изучать, работать. Коротко его знавшіе могутъ это засвидѣтельствовать. Быстрота соображенія, геніальная отгадка смысла вещей и событій мѣшаетъ также заниматься послѣдовательно. Человѣкъ, для котораго смыслъ событія является выводомъ, часто тяжело добываемымъ долгими трудами, видитъ всю цѣну и необходимость для него этихъ трудовъ. Но для того, чей острый взоръ проникаетъ въ смыслъ событія, не дожидаясь полной, окончательной работы, для того не составляетъ она той необходимости, какъ для медленно идущаго ума. Не хочу сказать, чтобы даръ прозрѣнія освобождалъ человѣка отъ труда: я хочу сказать только то, что этотъ даръ, предупреждая выводъ постепенный, мѣшаетъ послѣдовательности работы.« (1) Вотъ почему Гоголь, желая служить какъ истинный гражданинъ своего отечества на поприщѣ преподаванія наукъ, далеко не достигъ своей цѣли, и когда въ концѣ 1835 года вышло постановленіе, по которому онъ долженъ былъ выдержать испытаніе на степень доктора философіи, если бы пожелалъ занять профессорскую должность, — онъ предпочелъ лучше оставить государственную службу и служить отечеству исключительно на поприщѣ писателя. (2)

О томъ, какъ онъ исполнялъ обязанности званія адъюнкта всеобщей исторіи и каково читалъ свои университетскія лекціи, мы имѣемъ прекрасный мемуаръ одного изъ его слушателей, г. Иваницкаго. (3)

»Гоголь читалъ исторію Среднихъ вѣковъ — говоритъ г. Иваницкій — для студентовъ 2-го курса филологическаго отдѣленія. Началъ онъ въ сентябрѣ 1834, а окончилъ въ концѣ 1835 года. На первую лекцію онъ явился въ сопровожденіи инспектора студентовъ. Это было въ 2 часа. Гоголь вошелъ въ аудиторію, раскланялся съ нами и, въ ожиданіи ректора, началъ о чемъ-то говорить съ инспекторомъ, стоя у окна. Замѣтно было, что онъ находился въ тревожномъ состояніи

(1) Два мѣста въ этомъ оправданіи характера Гоголя, отмѣченныя кавычками, заимствованы мною, почти безъ всякой перемѣны, изъ письма ко мнѣ С. Т. Аксакова.

(2) Онъ былъ уволенъ 1-го января 1836 года.

(3) »Отечественныя Записки« 1853 года, № 2.

духа: вертѣлъ въ рукахъ шляпу, мялъ перчатку и какъ-то недовѣрчиво посматривалъ на насъ. Наконецъ подошелъ къ каѳедрѣ и, обратясь къ намъ, началъ объяснять, о чемъ намѣренъ онъ читать сегодня лекцію. Въ продолженіе этой коротенькой рѣчи, онъ постепенно всходилъ по ступенямъ каѳедры: сперва всталъ на первую ступеньку, потомъ — на вторую, потомъ — на третью. Ясно, что онъ не довѣрялъ самъ себѣ и хотѣлъ сначала попробовать, какъ-то онъ будетъ читать. Мнѣ кажется, однакожь, что волненіе его происходило не отъ недостатка присутствія духа, а просто отъ слабости нервовъ, потому что въ то время, какъ лицо его непріятно блѣднѣло и принимало болѣзненное выраженіе, мысль, высказываемая имъ, развивалась совершенно-логически и въ самыхъ блестящихъ формахъ. Къ концу рѣчи Гоголь стоялъ ужь на самой верхней ступенькѣ каѳедры и замѣтно одушевился. Вотъ въ эту-то минуту ему и начать бы лекцію, но вдругъ вошелъ ректоръ.... Гоголь долженъ былъ оставить на минуту свой постъ, который занялъ такъ ловко, и даже можно сказать, незамѣтно для самого себя. Ректоръ сказалъ ему нѣсколько привѣтствій, поздоровался со студентами и занялъ приготовленное для него кресло. Настала совершенная тишина. Гоголь опять впалъ въ прежнее тревожное состояніе: опять лицо его поблѣднѣло и приняло болѣзненное выраженіе. Но медлить ужь было нельзя: онъ вошелъ на кафедру и лекція началась....

»Не знаю, прошло ли и пять минутъ, какъ ужь Гоголь овладѣлъ совершенно вниманіемъ слушателей. Не возможно было спокойно слѣдить за его мыслью, которая лѣтѣла и преломлялась, какъ молнія, освѣщая безпрестанно картину за картиной въ этомъ мракѣ средневѣковой исторіи. Впрочемъ, вся эта лекція изъ слова-въ-слово напечатана въ »Арабескахъ«, кажется, подъ заглавіемъ: »О характерѣ Исторіи Среднихъ Вѣковъ«. Ясно, что и въ такомъ случаѣ, не довѣряя самъ себѣ, Гоголь выучилъ наизусть предварительно-написанную лекцію, и хотя во время чтенія одушевился и говорилъ совершенно свободно, но ужь не могъ оторваться отъ затверженныхъ фразъ, и потому не прибавилъ къ нимъ ни одного слова.

»Лекція продолжалась три четверти часа. Когда Гоголь вышелъ изъ аудиторіи, мы окружили его въ сборной залѣ и просили, чтобъ онъ далъ

намъ эту лекцію въ рукописи. Гоголь сказалъ, что она у него набросана только въ чернѣ, но что современемъ онъ обработаетъ ее и дастъ намъ; а потомъ прибавилъ: »на первый разъ я старался, господа, показать вамъ только главный характеръ Исторіи Среднихъ Вѣковъ; въ слѣдующій разъ мы примемся за самые факты и должны будемъ вооружиться для этого анатомическимъ ножомъ.«

»Мы съ нетерпѣніемъ ждали слѣдующей лекціи. Гоголь пріѣхалъ довольно поздно и началъ ее фразой: »Азія была всегда какимъ-то народо-вержущимъ вулканомъ«. Потомъ поговорилъ немного о великомъ переселеніи народовъ, но такъ вяло, безжизненно и сбивчиво, что скучно было слушать, и мы не вѣрили сами себѣ, тотъ ли это Гоголь, который на прошлой недѣлѣ прочелъ такую блестящую лекцію? Наконецъ, указавъ намъ на кое-какіе курсы, гдѣ мы можемъ прочесть объ этомъ предметѣ, онъ раскланялся и уѣхалъ. Вся лекція продолжалась 20 минутъ. Слѣдующія лекціи были въ томъ же родѣ, такъ что мы совершенно наконецъ охладѣли къ Гоголю, и аудиторія его все больше и больше пустѣла.

»Но вотъ однажды — это было въ октябрѣ — ходимъ мы по сборной залѣ и ждемъ Гоголя. Вдругъ входятъ Пушкинъ и Жуковскій. Отъ швейцара, конечно, они ужь знали, что Гоголь еще не пріѣхалъ, и потому, обратясь къ намъ, спросили только, въ которой аудиторіи будетъ читать Гоголь? мы указали на аудиторію. Пушкинъ и Жуковскій заглянули въ нее, но не вошли, а остались въ сборной залѣ. Черезъ четверть часа пріѣхалъ Гоголь, и мы вслѣдъ за тремя поэтами вошли въ аудиторію и сѣли по мѣстамъ. Гоголь вошелъ на каѳедру, и вдругъ, какъ говорится, ни съ того, ни съ другаго, началъ читать взглядъ на исторію Аравитянъ. Лекція была блестящая, въ такомъ же родѣ, какъ и первая. Она вся изъ слова-въ-слово напечатана въ »Арабескахъ«. Видно, что Гоголь зналъ заранѣе о намѣреніи поэтовъ пріѣхать къ нему на лекцію, и потому приготовился угостить ихъ поэтически. Послѣ лекціи Пушкинъ заговорилъ о чемъ-то съ Гоголемъ, но я слышалъ одно только слово: »увлекательно«....

»Всѣ слѣдующія лекціи Гоголя были очень сухи и скучны: ни одно событіе, ни одно лицо историческое не вызвало его на бесѣду живую и

одушевленную .... Какими-то сонными глазами смотрѣлъ онъ на прошедшіе вѣка и отжившія племена. Безъ сомнѣнія, ему самому было скучно, и онъ видѣлъ, что скучно и его слушателямъ. Бывало, пріѣдетъ, поговоритъ съ полчаса съ каѳедры, уѣдетъ, да ужь и не показывается цѣлую недѣлю, а иногда и двѣ. Потомъ опять пріѣдетъ, и опять та же исторія. Такъ прошло время до мая.

»Наступилъ экзаменъ. Гоголь пріѣхалъ, подвязанный чернымъ платкомъ: не знаю ужь, зубы у него болѣли, что ли. Вопросы предлагалъ бывшій ректоръ Н. Н. Ш. Гоголь сидѣлъ въ сторонѣ и ни во что не вступался. Мы слышали ужь тогда, что онъ оставляетъ Университетъ и ѣдетъ на Кавказъ. Послѣ экзамена мы окружили его и изъявили сожалѣніе, что должны разстаться съ нимъ. Гоголь отвѣчалъ, что здоровье его разстроено и что онъ долженъ перемѣнить климатъ.

»Теперь я ѣду на Кавказъ: мнѣ хочется застать тамъ еще свѣжую зелень; но я надѣюсь, господа, что мы когда нибудь еще встрѣтимся.

»Поѣздка эта, однакожь, не состоялась, не знаю почему.«

Это — воспоминаніе студента о Гоголѣ-профессорѣ. А вотъ что говоритъ одинъ изъ его товарищей по службѣ въ Университетѣ.

»Я познакомился съ Гоголемъ тогда, какъ онъ былъ сдѣланъ адъюнктъ-профессоромъ въ С. Петербургскомъ Университетѣ, гдѣ я тоже былъ адъюнктъ-профессоромъ. Гоголь сошелся съ нами хорошо, какъ съ новыми товарищами; но мы встрѣтили его холодно. Не знаю, какъ кто, но я только по одному: я смотрѣлъ на науку черезъ-чуръ лирически, видѣлъ въ ней высокое, чуть-чуть не священное дѣло, и потому отъ человѣка, бравшагося быть преподавателемъ, требовалъ полнаго и безусловнаго посвященія себя ей. Самъ я занимался сильно, но избралъ для преподаванія искусство, мастерство [начертательную геометрію], не смѣя взяться за науку высшаго анализа, которую мнѣ тогда предлагали. Къ тому же Гоголь тогда, какъ писатель-художникъ, едва показался; мы, большинство, толпа, не обращали еще дѣльнаго вниманія на его »Вечера на Хуторѣ«; наконецъ и самое вступленіе его въ Университетъ путемъ окольнымъ отдаляло насъ отъ него, какъ отъ человѣка. По всему этому сношенія съ нимъ у меня были весьма форменныя, и то весьма рѣдкія.«

Таково было положеніе Гоголя въ Университетѣ. Понятно, что онъ не очень былъ привязанъ къ своему мѣсту и оставилъ его, конечно, безъ сожалѣнія.

Въ перепискѣ Гоголя съ А. С. Данилевскимъ и извѣстнымъ писателемъ М. А. Максимовичемъ открываются новыя черты юношескаго періода его жизни.

Г. Данилевскій былъ близкій родственникъ и сосѣдъ Гоголя по имѣнію. Они вмѣстѣ воспитывались въ нѣжинской Гимназіи Высшихъ Наукъ и вмѣстѣ искали служебнаго поприща въ Петербургѣ. Проживъ нѣсколько времени въ столицѣ, г. Данилевскій опредѣлился въ одинъ изъ кавказскихъ полковъ и жилъ въ Пятигорскѣ въ то время, когда Гоголь дѣлалъ свои первыя литературныя попытки. Эта разлука была поводомъ къ перепискѣ между ними, изъ которой читатель узнаетъ много интереснаго.

Первое письмо Гоголя къ другу его дѣтства написано было между изданіемъ первой и приготовленіемъ къ печати (а можетъ быть и сочиненіемъ) второй книжки »Вечеровъ на Хуторѣ«, которые онъ называетъ своимъ поросенкомъ. Тутъ, между прочимъ, уже открываются его близкія отношенія къ Пушкину и Жуковскому, которые въ то время работали въ полнотѣ силъ и возбуждали молодого поэта къ дѣятельности. Тогда еще крѣпка была цѣпь литературнаго преемства; еще свѣжи были преданія о Державинѣ; еще недавно умолкнулъ Карамзинъ, а между тѣмъ Пушкинъ и Жуковскій стояли уже на высшихъ ступеняхъ своего развитія. И въ такую-то эпоху развернулись первые цвѣты гоголева таланта. Письма къ г. Данилевскому, которыя сейчасъ будутъ мною приведены, можно сказать согрѣты огнемъ жертвенника, у котораго молодой поэтъ присутствовалъ въ благоговѣйномъ восхищеніи. Къ сожалѣнію, онъ мало высказывалъ того, что проникало глубоко въ его душу. Письма его изображаютъ внѣшнюю жизнь, которая его окружала.

1.

»Ноября 2 (1831), Спб.

»Вотъ оно какъ! пятой мѣсяцъ на Кавказѣ и, можетъ быть, еще бы столько прошло до первой вѣсти, еслибы *Купидо сердца не подогнало лозою.* (1) Впустили молодца на Кавказъ —

»Ой лыхо закаблу́камъ, достанецця й передамъ!«

»Знаешь ли, сколько разъ ты въ письмѣ своемъ просилъ меня не забыть прислать нотъ? Шесть разъ: два раза съ начала, два въ срединѣ да два при концѣ. Ге, ге, ге! дѣло далеко зашло! Я, однакожъ, тотъ же часъ рѣшился исполнить твою просьбу. Для этого довольно бы тебѣ разъ упомянуть. Я обращался къ здѣшнимъ артисткамъ указать мнѣ лучшее; но Сильфида Урусова и Ласточка Розетти (2) требовали непремѣнно, что(бъ) я поименовалъ великодушную смертную, для которой такъ хлопочу. Какъ мнѣ поименовать, когда я самъ не знаю, кто она? Я сказалъ только, что средоточіе любви моей согрѣваетъ ледовитый Кавказъ и бросаетъ на меня лучи косвеннѣе сѣвернаго солнца. Какъ бы то ни было, только забралъ все, что̀ было лучшаго въ здѣшнихъ магазинахъ. Французскіе кадрили въ большой модѣ здѣсь Титова. Однакожъ я посыл(аю) тебѣ и Россини нѣсколько французск(ихъ) романсовъ, русскихъ новыхъ пѣсень, всего на тридцать рублей. Да что за вздоръ такой ты мелешь, что пришлешь мнѣ деньги послѣ? Кчему это? Я тебѣ и безъ того долженъ 65 рублей. Я думалъ было и на остальные набрать тебѣ всякой всячины — конфектъ и прочаго, да раздумалъ: можетъ быть, тебѣ что нужнѣе будетъ. Ты пожалуста безъ церемоніи напиши, что̀ прислать тебѣ на остальные 35 рублей, и я немедленно вышлю. Въ здѣшнихъ магазинахъ получено изза моря столько дамскихъ вещей и прочаго, и все совершенное объѣденіе!

---

(1) Изъ комедіи Княжнина, »Кутерьма«.

»Купидо сердце мое яко гоня лозою, подстрекаетъ«. *Н. М.*

(2) Имена актрисъ. *Н. М.*

»Порося мое давно уже вышло въ свѣтъ. Одинъ экземпляръ послалъ я къ тебѣ въ Сорочинцы. Теперь, я думаю, Василій Ивановичъ совокупно съ любезнымъ зятемъ Егоромъ Львовичемъ его почитываютъ. Однакожъ, на всякой случай посылаю тебѣ еще одинъ. Оно успѣло уже заслужить

. . . . . славы дань —
Кривые толки, шумъ и брань.«

Въ Сорочинцы я тебѣ также отправилъ и Ольдекоповъ Словарь. Письмо твое я получилъ сегодня, то есть 2 ноября [писанное тобою 18 октября]. Пишу отвѣтъ сегодня, а отправляю завтра. Кажется, исправно? Зато день хлопотъ. Это я для того тебѣ упоминаю, что бы ты умѣлъ быть благодарнымъ и писалъ въ слѣдующемъ письмѣ подробнѣе. Напиши также, въ который день ты получишь письмо мое вмѣстѣ съ сею посылкою. Мнѣ любопытно знать, сколько времени оно будетъ по почтѣ идти къ тебѣ. Ну, извѣстное лицо города Пятигорска, болѣе сказать мнѣ тебѣ нечего. Вѣдь ты же самъ меня торопишь скорѣе отправлять письмо.

»Всѣ лѣто я прожилъ въ Павловскѣ и Царскомъ Селѣ. — — Почти каждый вечеръ собирались мы, Жуковскій, Пушкинъ и я. О, если бы ты зналъ, сколько прелестей вышло изподъ пера сихъ мужей! У Пушкина повѣсть, октавами писанная: »Кухарка«, въ которой вся Коломна и петербургская природа живая. Кромѣ того сказки русскія народныя, — не то что »Русланъ и Людмила«, но совершенно русскія. Одна писана даже безъ размѣра, только съ риѳмами, и прелесть невообразимая! У Жуковскаго тоже русскія народныя сказки, однѣ экзаметрами, другія просто четырехстопными стихами, и чудное дѣло! Жуковскаго узнать нельзя. Кажется, появился новый обширный поэтъ, и уже чисто русской; ничего германскаго и прежняго. А какая бездна новыхъ балладъ! онѣ на дняхъ выйдутъ.

»Ты мнѣ обѣщалъ описать прибытіе свое домой, пріемъ, встрѣчи и пр. и пр., да мнѣ кажется, что у тебя на квартирѣ и пера чиненнаго нѣтъ; только одинъ карандашъ, въ часы досуга, подмахиваетъ злодѣйское деревцо.

»Прощай; будь здоровъ и любимъ, да незабывай твоего неизмѣннаго

»*Гоголя.*

2.

» 1 генварь, 1832 (изъ Петербурга.)

»Подлинно много чуднаго въ письмѣ твоемъ. Я самъ бы желалъ на время принять твой образъ съ твоими страстишками и взглянуть на другихъ такимъ же взоромъ, исполненнымъ сарказма, какимъ глядишь ты на мышей, выбѣгающихъ на середину твоей комнаты. Право, должно быть что-то не въ шутку чрезвычайное засѣло Кавказской области въ городъ Пятигорскъ. Поэтическая часть твоего письма удивительно хороша, но прозаическая въ довольно плохомъ положеніи. Кто это кавказское солнце! Почему оно именно одинъ только Кавказъ освѣщаетъ, а весь міръ оставляетъ въ тѣни, и какимъ образомъ ваша милость сдѣлалась фокусомъ зажигательнаго стекла, то есть, привлекла на себя всѣ лучи его? За такую точность ты меня назовешь бухгалтерскою книгою или инымъ чѣмъ. Но самъ посуди: если не прикрѣпить красавицу къ землѣ, то черты ея будутъ слишкомъ воздушны, неопредѣленно-общи и потому безхарактерны.

»Посылаю тебѣ все, что̀ только можно было скоро достать: »Сѣверные цвѣты« и »Альціону«. »Невскій Альманахъ« еще не вышелъ, да врядъ ли въ немъ будетъ что-нибудь путнее. Галстуховъ черныхъ не носятъ; вмѣсто нихъ употребляютъ синіе. Я бы тебѣ охотно выслалъ его, но сижу теперь боленъ и не выхожу никуда. Духи же, я думаю, самъ ты знаешь, принадлежатъ къ жидкостямъ; а жидкостей на почтѣ не принимаютъ. Послѣ постараюсь тебѣ и другое прислать, теперь же не хочу задерживать письма. Притомъ же »Сѣверные Цвѣты«, можетъ быть, на первый разъ приведутъ въ забвеніе неисправность въ прочемъ. Тутъ ты найдешь Языкова такъ прелестнымъ, какъ еще никогда, Пушкина чудную піесу »Моцартъ и Саліери«, въ которой, кромѣ яркаго поэтическаго созданія, такое высокое драматическое искусство, — картиннаго »Делибаша«, и все, что̀ ни есть его, чудесно! — Жуковскаго »Змія«. Сюда затесалась и Красненькаго »Полночь«.

»Письма твоего, писаннаго изъ Лубенъ, въ которомъ ты описываешь пріѣздъ свой домой, я, къ величайшему сожалѣнію, не полу-

чалъ. — — Не задолго до твоего, я получилъ письмо отъ Василія Ивановича, въ которомъ онъ извѣщаетъ меня, что книги, посланныя мною тебѣ въ Семереньки, онъ получилъ. Не излишнимъ почитаю при семъ привесть его слова, сказанныя въ похвалу моей книги.

»Если выдадите еще книгу въ свѣтъ *Вечера*, то пришлите для любопытства и прочету. Мы весьма знаемъ, что присланная вами книга »есть сочиненіе ваше. Это есть прекраснѣйшее дѣло, благороднѣйшее »занятіе. Я читалъ и рекомендацію ей отъ Булгарина въ »Сѣверной »Пчелѣ« очень съ хорошей стороны и къ поощренію сочинителя. Это »видѣть пріятно.«

»Видишь, какой я хвастунъ! Читалъ ли ты новыя баллады Жуковскаго? Что за прелесть! Онѣ вышли въ двухъ частяхъ вмѣстѣ съ старыми и стоятъ очень не дорого: десять рублей.

»Что тебѣ сказать о нашихъ? Они всѣ, слава Богу, здоровы, прозябаютъ по прежнему, навѣщаютъ каждую среду и воскресенье меня старика и, къ удивленію, до сихъ поръ еще ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ звѣзды и не директоръ департамента.

»Разсмѣшила меня до крайности твоя приписка или обѣщаніе въ концѣ письма: »Можетъ быть, въ слѣдующую почту напишу къ тебѣ еще, а можетъ быть, нѣтъ.« Кчему такая благородная скромность и сомнѣніе? кчему это: *можетъ быть, нѣтъ?* Какъ будто удивительная твоя аккуратность мало извѣстна!

»Писалъ бы къ тебѣ еще, но болѣзнь моя мѣшаетъ. Отлагаю до удобнѣйшаго времени, а теперь прощай. Обнимаю тебя и вмѣстѣ завидую, что ты находишься въ странѣ здравія.

»*Твой Гоголь.*«

»Да, вотъ молодецъ! пишу 1-го генваря и забылъ поздравить съ новымъ годомъ. Желаю тебѣ провесть его въ седьмомъ небѣ блаженства.«

Обращу вниманіе читателя на слѣдующія слова добродушнаго родственника, приводимыя Гоголемъ въ этомъ письмѣ: »Мы *весьма* знаемъ, что присланная вами книга есть сочиненіе ваше«. Они показываютъ, что многія лица и обстоятельства, представленныя Гоголемъ въ »Вечерахъ на Хуторѣ«, были общеизвѣстны въ его родномъ околоткѣ:

иначе какимъ бы образомъ тамъ сдѣлалось такъ рано извѣстно, что подъ псевдонимомъ Рудого Панька скрывается Гоголь? (1)

3.

«Спб. 1832, марта 10.

»Мнѣ бы слѣдовало просто на тебя разсердиться и начхать, какъ говаривалъ Ландраженъ (2), за твои эдакія пакости. Вотъ уже скоро три мѣсяца, какъ отъ тебя ни двоетоточія ни точки. Даже не извѣстилъ меня, получилъ ли въ исправности посланные мною альманахи. Видно, тебѣ теперь ничего не нужно изъ Петербурга, потому что ты тогда только писалъ ко мнѣ, когда имѣлъ во мнѣ надобность. Эй, не плюй въ колодезь! увидишь, если не доведется изъ него же послѣ напиться. Можетъ быть, ты находишься уже въ седьмомъ небѣ и оттого не пишешь. Чортъ меня возьми, если я самъ теперь не близко седьмого неба! и съ такимъ же сарказмомъ, какъ ты, гляжу на славу и на всё, хотя моя владычица куды суровѣе твоей. Еслибъ я былъ, какъ ты, военный человѣкъ, я бы съ оружіемъ въ рукахъ доказалъ бы тебѣ, что сѣверная повелительница моего южнаго сердца томительнѣе и блистательнѣе твоей кавказской. Ни въ небѣ, ни въ землѣ, нигдѣ ты не встрѣтишь хотя порознь тѣхъ неуловимо-божественныхъ чертъ и роскошныхъ вдохновеній, которыя ensemble дышутъ и умѣстились въ ея, Боже, какъ гармоническомъ лицѣ. Но довольно. Посылаю тебѣ вторую книжку »Вечеровъ« и на удачу »Онѣгина«. Можетъ быть, у васъ въ глуши его еще не читали. Въ такомъ случаѣ ты обомлѣешь отъ радости и, вѣрно, не найдешь словъ, чѣмъ выразить мнѣ свою благодарность.

»Прощай. Если тебѣ что нужно прислать, то пиши смѣло, хотя и не случится у тебя денегъ. Все тебѣ будетъ выслано. Мы люди свои, послѣ сочтемся.

»*Твой Гоголь.*«

---

(1) Извѣстно заподлинно, что въ Миргородѣ дѣйствительно существовали — разумѣется, подъ другими именами — Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ, поссорившіеся за гусака. Они впрочемъ ссорились и мирились не однократно и нерѣдко ѣзжали въ одномъ экипажѣ подавать другъ на друга жалобу. Они находили удовольствіе въ томъ, чтобъ ихъ увѣщевали помириться и вовсе были чужды чувства злобы и вражды.

(2) Учитель французскаго языка въ Гимназіи Высшихъ Наукъ К. Б. *Н. М.*

4.

»Спб. Марта 30 (1832).

»Я ни мало не удивляюсь, что мое письмо шло такъ долго. Должно вспомнить, что теперь время самое неблагопріятное для почтъ: разлитіе рѣкъ, негодность дороги и проч. Я получилъ твои деньги и не могу скоро выполнить твоего порученья. Если бы ты напередъ хорошенько размыслилъ все, то, вѣрно, не прислалъ бы мнѣ теперь денегъ, вѣрно бы вспомнилъ, что за двѣ недѣли до праздника ни одинъ портной не возьмется шить, и потому, въ наказанье, ты будешь ждать три сверхсрочныхъ недѣли своего сюртука, потому что, спустя только недѣлю послѣ праздника, примутся шить его тебѣ. На требованіе же мое поставить тебѣ сукно по 25 р. аршинъ, Ручъ далъ мнѣ одинъ обыкновенный свой отвѣтъ, что онъ низкихъ сортовъ суконъ не держитъ.

»Теперь нѣсколько словъ о твоемъ письмѣ. Съ какой ты стати началъ говорить о шуткахъ, которыми будто бы было наполнено мое письмо? и что̀ ты нашелъ безсмысленнаго въ томъ, что я писалъ къ тебѣ, что ты говоришь только о поэтической сторонѣ, не упоминая о прозаической? Ты не понимаешь, что̀ значитъ поэтическая сторона? Поэтическая сторона: »Она несравненная, единственная« и проч. Прозаическая: »Она Анна Андреевна такая-то«. Поэтическая: »Она принадлежитъ мнѣ, ея душа моя«. Прозаическая: »Нѣтъ ли какихъ препятствій въ томъ, чтобъ она принадлежала мнѣ не толко душою, но и тѣломъ и всѣмъ; однимъ словомъ — ensemble«? Прекрасна, пламенна, томительна и ничѣмъ не изъяснима любовь до брака; но тотъ только показалъ одинъ порывъ, одну попытку къ любви, кто любилъ до брака. Эта любовь не полна; она только начало, мгновенный, но за то сильный и свирѣпый энтузіазмъ, потрясающій надолго весь организмъ человѣка. Но вторая часть, или лучше сказать, самая книга — потому что первая только предувѣдомленіе къ ней — спокойна, и цѣлое море тихихъ наслажденій, которыхъ съ каждымъ днемъ открывается болѣе и болѣе, и тѣмъ съ большимъ наслажденіемъ изумляешься имъ, что они казались совершенно незамѣтными и обыкновенными. Это художникъ, влюбленный въ произведенье великаго мастера, съ котораго уже онъ никогда не от-

рываетъ глазъ своихъ и каждый день открываетъ въ немъ новыя и новыя очаровательныя и полныя обширнаго генія черты, изумляясь самъ себѣ, что онъ немогъ ихъ увидать прежде. Любовь до брака — стихи Языкова: они эффекты, огненны и съ перваго разу уже овладѣваютъ всѣми чувствами. Но послѣ брака любовь — это поэзія Пушкина: она не вдругъ обхватитъ насъ, но чѣмъ болѣе вглядываешься въ нее, тѣмъ она болѣе открывается, развертывается и наконецъ превращается въ величавый и обширный океанъ, въ который чѣмъ болѣе вглядываешься, тѣмъ онъ кажется необъятнѣе, и тогда самые стихи Языкова кажутся только частію, небольшою рѣкою, впадающею въ этотъ океанъ. Видишь, какъ я прекрасно разсказываю! О, съ меня бы былъ славный романистъ, если бы я сталъ писать романы! Впрочемъ это самое я докажу тебѣ примѣромъ, ибо безъ примѣра никакое доказательство не доказательство, и древніе очень хорошо дѣлали, что помѣщали его во всякую хрію. Ты, я думаю, уже прочелъ »Ивана Ѳедоровича Шпоньку«. Онъ до брака удивительно какъ похожъ на стихи Языкова, между тѣмъ какъ послѣ брака сдѣлается совершенно поэзіей Пушкина.

»Хочешь ли ты знать, что̀ дѣлается у насъ въ этомъ водяномъ городѣ? Пріѣхалъ Возвышенный съ паномъ Пла́тономъ и П***. — — Вся эта труппа пробудетъ здѣсь до мая, а можетъ быть и долѣе. Возвышенный всё тотъ же; трагедіи его всё тѣ же. Тассъ его, котораго онъ написалъ уже въ шестой разъ, необыкновенно толстъ, занимаетъ четверть стопы бумаги. Характеры всё необыкновенно благородны, полны самоотверженья и, въ добавокъ, выведенъ на сцену мальчишка 13 лѣтъ, поэтъ и влюбленный въ Тасса по уши. А сравненьями играетъ, какъ мячиками; небо, землю и адъ потрясаетъ, будто перышко. Довольно, что прежнія: *губы посинѣли у него цвѣтомъ моря*, или: *тростникъ шепчетъ, какъ шепчутъ въ мракѣ цѣпи* — ничто противъ нынѣшнихъ. Пушкина всё по прежнему не любитъ; »Борисъ Годуновъ« ему не нравится. — —

»Красненькой кланяется тебѣ. Онъ еще не актеръ, но скоро будетъ имъ, и можетъ быть, тотчасъ послѣ Святой.

»У васъ, я думаю, уже весна давно. Напиши, съ котораго времени начинается у васъ весна. Я давно уже не нюхалъ этого кушанья.«

5.

»26 апрѣля (1832) Спб.

»Сейчасъ только что принесли мнѣ отъ Руча твой модный сюртукъ. Мѣрка у него твоя была въ сохранности, и онъ увѣряетъ, что совершенно сдѣлалъ по ней. Я замѣчу только то, что я слишкомъ теперь сталъ тебя тонѣе. Теперь если бы ты увидѣлъ меня, то бы вѣрно не узналъ: такъ я похудалъ. Твой сюртукъ на меня такъ широкъ, какъ халатъ. На Кавказѣ, я думаю, ты еще больше разжирѣлъ; а здѣшній проклятый климатъ убійственъ. Очень жалѣю, что не могу прислать, кромѣ жилета, ничего больше: денегъ у меня теперь совершенно нѣтъ, и я не знаю, станетъ ли на пересылку. Меня всё смѣшатъ твои обѣщанія. Къ чему эти увѣренія, что будешь непремѣнно ко мнѣ писать чрезъ каждыя двѣ недѣли. Какъ будто я не знаю тебя! Уже прошло около полтора мѣсяца послѣ того, а ты до сихъ поръ ни строчки. Да врядъ ли напишешь и впредь, покуда какая-нибудь нужда не заставитъ. Однакожъ я прошу тебя, извѣсти меня по крайней мѣрѣ, въ исправности ли ты получилъ прежде посланныя мною книги и теперь посылаемый сюртукъ съ жилетомъ, потому что я до тѣхъ поръ не могу быть спокоенъ, пока не получу твоей росписки въ исправномъ полученіи. Признаюсь, я опасаюсь оттого тебѣ посылать новыхъ книгъ, которыхъ вышло донынѣ не мало, что не знаю, исправно ли ты ихъ получаешь. Спѣшу отправлять и не имѣю больше времени.

»*Твой Гоголь.*«

Слѣдующее письмо, должно быть, написано съ дачи, которую Гоголь нанималъ съ г. Половинкинымъ: въ немъ онъ мечтаетъ о лѣтнихъ удовольствіяхъ въ Малороссіи, которыя-то, вѣроятно, и соблазнили его оставить дачную жизнь со всѣми ея искусственными прелестями.

»1832. Спб. Іюня 15.

»Опять не могу дождаться отъ тебя письма, или хоть даже короткаго извѣщенія о полученіи сюртука и прочаго. Вѣрно, тебя скука

никогда не посѣщаетъ, ибо только въ такомъ расположеніи обыкновенно приходитъ охота писать.

»Счастливъ ты въ прелестныхъ....
Ты Сенпри въ каррикатурахъ«.

Желалось бы мнѣ поглядѣть на тебя. Да нельзя ли это сдѣлать такимъ образомъ, чтобы мы выѣхали одинъ другому навстрѣчу? Сборное мѣсто положить хотя въ Толстомъ или въ Васильевкѣ. Наши Нѣжинцы почти всѣ потянулись на это лѣто въ Малороссію, даже Красненькой уѣхалъ. А въ іюлѣ мѣсяцѣ если бы тебѣ вздумалось заглянуть въ Малороссію, то засталъ бы и меня, лѣниво возвращающагося съ поля отъ косарей, или беззаботно лежащаго подъ широкой яблоней, безъ сюртука, на коврѣ, возлѣ ведра холодной воды со льдомъ и проч. Пріѣзжай!

»*Твой Гоголь.*«

На возвратномъ пути изъ родины, Гоголь отыскалъ въ Москвѣ своего земляка М. А. Максимовича, который былъ тогда профессоромъ ботаники при Московскомъ Университетѣ. Знакомство ихъ началось съ 1829 года, когда г. Максимовичъ, посѣтивъ Петербургъ, видѣлъ Гоголя за чаемъ у одного общаго ихъ земляка, гдѣ собралось еще нѣсколько малороссіянъ. По словамъ его, Гоголь ничѣмъ особеннымъ не выдался изъ круга собесѣдниковъ, и онъ не сохранилъ въ памяти даже наружности будущаго знаменитаго писателя. Гоголь не засталъ г. Максимовича дома, и г. Максимовичъ, узнавъ, что у него былъ авторъ »Вечеровъ на Хуторѣ«, поспѣшилъ къ нему въ гостинницу. Гоголь встрѣтилъ своего гостя, какъ стараго знакомаго, видѣвъ его три года тому назадъ не болѣе, какъ въ продолженіе двухъ часовъ, и г. Максимовичу стоило большого труда не дать замѣтить поэту, что онъ совсѣмъ его не помнитъ. По словамъ г. Максимовича, Гоголь былъ тогда хорошенькимъ молодымъ человѣкомъ, въ шелковомъ архалукѣ вишневаго цвѣта. Оба они заняты были въ то время Малороссіею: Гоголь готовился писать исторію этой страны, а Максимовичъ собирался печатать свои »Украинскія народныя пѣсни« (¹).

(¹) Онѣ вышли въ 1834 году.

и потому они нашли другъ друга очень интересными людьми. Немного времени провели они вмѣстѣ, но съ этой поры начинается рядъ писемъ Гоголя къ г. Максимовичу, въ высшей степени замѣчательныхъ. Вотъ первое.

»Спб. 1832, декабря 12.

»Я думаю, вы земляче, порядочно меня браните за то, что я до сихъ поръ не откликнулся къ вамъ? Ваша виньетка меня долго задерживала. Тотъ художникъ, Малороссъ въ обоихъ смыслахъ, про котораго я вамъ говорилъ и который одинъ могъ бы сдѣлать національную виньетку, пропалъ какъ въ воду, и я до сихъ поръ не могу его отыскать. Другой, которому я поручилъ, наляпалъ какихъ-то Чухонцевъ, и такъ гадко, что я посовѣстился вамъ посылать. — — Однакожъ жаль, что наши пѣсни будутъ безъ виньетки; еще болѣе жаль, если я васъ задержалъ этимъ. Какъ же вы поживаете? Можно ли надѣяться мнѣ вашего пріѣзду нынѣшней зимой сюда? А это было бы такъ хорошо, какъ нельзя лучше. Я до сихъ поръ не пересталъ досадовать на судьбу, столкнувшую насъ мелькомъ на такое короткое время. Не досталось намъ ни покалякать о томъ, о семъ, ни помолчать, глядя другъ на друга. Посылаю вамъ виршу, говоренную Запорожцами, и разстаюсь съ вами до слѣдующаго письма.

»*Н. Гоголь.*«

»Поклонитесь отъ меня, когда увидите, Щепкину. Посылаю поклонъ также земляку, живущему съ вами, и желаю ему успѣховъ въ трудахъ, такъ интересныхъ для насъ« (¹).

Это письмо, написанное послѣ перваго знакомства и чуть ли не послѣ одного свиданія съ землякомъ, показываетъ уже, какъ симпатична была натура Гоголя и какъ ошибочны были взводимыя на него нѣкоторыми обвиненія въ холодности къ знакомымъ и друзьямъ. Обширный планъ литературной дѣятельности, начертанный имъ въ третьемъ періодѣ его существованія, поглотилъ всѣ его нравственныя силы, набросилъ на его лицо покровъ холодности и наложилъ печать молчанія на уста его; но были минуты, когда его душевный жаръ къ человѣку вообще и това-

(¹) О. М. Бодянскому, который былъ тогда еще студентомъ Университета.

Н. М.

рищамъ ранней молодости въ особенности обнаруживался во всей весенней свѣжести, и это подтверждается множествомъ его писемъ.

Слѣдующее письмо къ А. С. Данилевскому говоритъ очень много о рѣдкихъ свойствахъ Гоголевой натуры, въ которой юношеская пылкость соединялась съ удивительнымъ самообладаніемъ. Между прочимъ читатель найдетъ здѣсь нѣсколько строкъ изъ его сердечнаго романа, о которомъ онъ проговорился въ письмѣ отъ 1-го января, 1832.

»Декабрь, 20-е (1832). Спб.

»Наконецъ я получилъ таки отъ тебя письмо. Я уже думалъ, что ты далъ тягу въ Одессу или въ иное мѣсто. Очень понимаю и чувствую состояніе души твоей, хотя самому, благодаря судьбу, не удалось испытать. Я потому говорю *благодаря*, что это пламя меня бы превратило въ прахъ въ одно мгновенье. Я бы не нашелъ себѣ въ прошедшемъ наслажденья; я силился бы превратить это въ настоящее и былъ бы самъ жертвою этого усилія. И потому-то, къ спасенью моему, у меня есть твердая воля, два раза отводившая меня отъ желанія заглянуть въ пропасть. Ты счастливецъ, тебѣ удѣлъ вкусить первое благо въ свѣтѣ — любовь; а я.... Но мы, кажется, своротили на байронизмъ.

»Да зачѣмъ ты нападаешь на Пушкина, что онъ прикидывался? Мнѣ кажется, что Байронъ скорѣе. Онъ слишкомъ жарокъ, слишкомъ много говоритъ о любви и почти всегда съ изступленіемъ. Это что-то подозрительно. Сильная, продолжительная любовь проста, какъ голубица, то есть, выражается просто, безъ всякихъ опредѣлительныхъ и живописныхъ прилагательныхъ. Она не выражаетъ, но видно, что хочетъ что-то выразить, чего, однакожъ, нельзя выразить, и этимъ говоритъ сильнѣе всѣхъ пламенныхъ, краснорѣчивыхъ тирадъ. А въ доказательство моей справедливости, прочти тѣ строки, которыя ты велишь мнѣ цѣловать.

»Жаль, что ты не ѣдешь въ Петербургъ; но если ты находишь выгоду въ Одессѣ, то нечего дѣлать. Не забывай только писать. Жаль, намъ дома такъ мало удалось пожить вмѣстѣ. Мнѣ все кажется, что я тебя почти что не видѣлъ.

»Скажу тебѣ, что Красненькой заходился не на шутку жениться

на какой-то актрисѣ съ необыкновеннымъ, говоритъ, талантомъ, — лучше Брянскаго — я ее впрочемъ не видѣлъ — и доказываетъ очень сильно, что ему необходимо жениться. Впрочемъ мнѣ кажется, что этотъ задоръ успѣетъ простыть покамѣсть. Здѣсь и Драгунъ. Такой молодецъ съ себя! съ страшными бакенбартами и очками. Но необыкновенный флегма. — — —

»Прощай! гдѣ бы ни былъ ты, желаю, чтобы тебя посѣтилъ необыкновенный трудъ и прилежаніе, такое, съ какимъ ты готовился къ школѣ, живя у Іохима. Это — лѣкарство отъ всего. А чтобы положить этому хорошее начало, пиши какъ можно чаще письма ко мнѣ. Это средство очень дѣйствительно.«

Я имѣю еще одно только письмо Гоголя къ А. С. Данилевскому, относящееся ко второму періоду его жизни. Оно очень интересно, между прочимъ, по его замѣткамъ о тогдашнихъ писателяхъ. Пушкинъ здѣсь является вѣрнымъ своему признанію:

»Во дни веселій и желаній
Я былъ отъ баловъ безъ ума«.

Прочіе обрисованы также вскользь, но мѣткими чертами.

»1833, февраля 8. Спб.

»Я получилъ оба письма твои почти въ одно время и изумился страшнымъ переворотамъ въ нашей сторонѣ. Кто бы могъ подумать, чтобы Соф. В. и М. Ал. выйдутъ въ одно время замужъ, что мыши съѣдятъ живописный потолокъ Юрьева и что голтвянскія бáлки (1) узрятъ на берегахъ своихъ черниговскаго форшмейстера! Насмѣшилъ ты меня Д*** — — Одинъ Гаврюшка въ барышахъ. Однако я отъ всей души радъ, что Марья Алексѣевна вышла замужъ. Жаль только, что ты не написалъ за кого. Чтò ты лѣнишься, или скучаешь?

»Мнѣ уже кажется, что время то, когда мы были вмѣстѣ въ Васильевкѣ и въ Толстомъ, чортъ знаетъ какъ отдалилось, — какъ будто ему минуло лѣтъ пять! Оно получило уже для меня прелесть воспоминанія.

---

(1) Мокрыя долины по рѣчкѣ Голтвѣ. *Н. М.*

Я вывезъ, однакожъ, изъ дому всю роскошь лѣта и ничего рѣшительно не дѣлаю. Умъ въ странномъ бездѣйствіи; мысли такъ растеряны, что никакъ не могутъ собраться въ одно цѣлое.

»И не одинъ я, — все, кажется, дремлетъ. Литература не двигается; пара только вздорныхъ альманаховъ вышла — »Альціона« и »Комета Бѣлы«. Но въ нихъ, можетъ быть, чайная ложка меду, а прочее все деготь. Пушкина нигдѣ не встрѣтишь, какъ только на балахъ. Такъ онъ протранжиритъ всю жизнь свою, если только какой нибудь случай и болѣе необходимость не затащутъ его въ деревню. Одинъ только князь Одоевскій дѣятельнѣе. На дняхъ печатаетъ онъ фантастическія сцены, подъ заглавіемъ: »Пестрыя Сказки«. Рекомендую: очень будетъ затѣйливое изданіе, потому что производится подъ моимъ присмотромъ. Читаешь ли ты »Иліаду«? Бѣдный Гнѣдичь уже не существуетъ. Какъ мухи, мрутъ люди и поэты. Одинъ Х*** и Ш***, на зло и посмѣяніе вѣкамъ, остаются тверды и переживаютъ всѣхъ — — Поздравляю тебя съ новымъ землякомъ, пріобрѣтеніемъ нашей родинѣ. Это Ѳаддей Бенедиктовичъ Булгаринъ. Вообрази себѣ: уже печатаетъ малороссійскій романъ, подъ названіемъ »Мазепа«. — — Въ альманахѣ «Комета Бѣлы« былъ помѣщенъ его отрывокъ подъ титуломъ: »Походъ Палѣевой вольницы«, гдѣ лица говорятъ даже малороссійскимъ языкомъ. Попотчивать ли тебя чѣмъ нибудь изъ Языкова, чтобы закусить г.... конфектами? Но я похвасталъ, а ничего и не вспомню. Нѣсколько строчекъ, однакожъ приведу.

» — — — — — —
Какъ вино, вольнолюбива,
Какъ вино, она игрива
И блистательно свѣтла.
Какъ вино, ее люблю я,
Прославляемое мной.
Умиляя и волнуя
Душу, полную тоской,
Всю тоску она отгонитъ
И меня на ложе склонитъ
Беззаботной головой.
Сладки пѣсни распѣваетъ
О былыхъ, веселыхъ дняхъ,
И стихи мои читаетъ,
И блеститъ въ моихъ очахъ«.

»Красненькой еще не женился, да что-то и не столько уже поговариваетъ объ этомъ. — —

»Не знаю, врядъ ли тебѣ будетъ хорошо ѣхать теперь. Дорога, говорятъ, мерзкая; снѣгъ то вдругъ нападаетъ, то вдругъ изчезнетъ. Но, какъ бы то ни было, я очень радъ, что ты это вздумалъ и хоть ты и пострадаешь въ дорогѣ, зато я выиграю, тебя прежде увидѣвши. А Тиссонъ какъ? поѣдетъ ли онъ съ тобою, или нѣтъ? Мнѣ Акимъ (1) надоѣлъ [онъ состоитъ въ должности повѣреннаго Аѳанасія и ходитъ здѣсь по дѣламъ его]. Безпрестанно проситъ позволенія итти къ Т***, который употребляетъ Фабіевскія увертки въ промедленіи уплаты 15 руб. съ копѣйками. Это ты можешь передать Аѳанасію.

»Ты меня ужасно какъ ошеломилъ извѣстіемъ, что у васъ снѣгъ таетъ и пахнетъ весною. Что это такое весна? Я ее не знаю, я ее не помню, я позабылъ совершенно, видѣлъ ли ее когда-нибудь. Это должно быть что-то такое дѣвственное, неизъяснимо упоительное, Элизіумъ. »Счастливецъ«! повторилъ я нѣсколько разъ, когда прочелъ твое письмо. Чего бы я не далъ, чтобы встрѣтить, обнять, поглотить въ себя весну! Весну... какъ странно для меня звучитъ это имя! Я его точно такъ же повторяю, какъ К*** [NB. который находится опять здѣсь и успѣлъ уже написать 7 трагедій] повторялъ — помнишь? — Поза, Поза, Поза. (2)

»Кстати о Возвышенномъ. Онъ нестерпимо скученъ сдѣлался. Тогда, было, соберетъ около себя толпу и толкуетъ или о Моцартѣ и интегралѣ, или движетъ эту толпу за собою испанскими звуками гитары. Теперь совсѣмъ не то: не терпитъ людности и выберетъ такое время придти, когда я одинъ, и тогда — или душитъ трагедіей, или говоритъ такъ странно, такъ вяло, такъ непонятно, что я рѣшительно не могу понять, какой онъ секты, и не могу замѣтить никакого направленія въ немъ.

»Зато пріятель твой Василій Игнатьевичъ, о которомъ ты заботишь-

---

(1) Это тотъ Малороссіянинъ Якимъ, который присутствовалъ при сожженіи »Ганца Кюхельгартена«. *П. М.*

(2) Маркизъ Поза, пламенный энтузіастъ въ Шиллеровой драмѣ »Донъ Карлосъ«. *П. М.*

ся, ни на волосъ не перемѣнился съ того времени, какъ ты его оставилъ. Та же ловкость, та же охота забѣгать по дорогѣ къ пріятелямъ за двѣ версты всторону. Кажется, онъ, чѣмъ далѣе, дѣлается легче на подъемъ, такъ что въ глубокой старости улетитъ, я думаю, съ тѣломъ въ поднебесныя страны, отчизну поэтовъ.

»Прощай. Пиши, если успѣешь. Видишь ли ты Ѳедора Акимовича съ новобрачною супругою, или хотя мужественнаго Грыця! Да, что̀ Барановъ? въ нашихъ еще краяхъ? Поклонись ему отъ меня, если увидишь и скажи ему, что я именемъ политики прошу его написать строкъ нѣсколько. Что̀ въ Васильевкѣ дѣлается? Я думаю, Катерина Ивановна (1) напѣла тебѣ уши пѣснями про Богрендомъ духтеромъ.«

Слѣдующее изъ писемъ Гоголя къ г. Максимовичу, находящихся у меня въ рукахъ, писано черезъ семь мѣсяцевъ послѣ перваго, — именно 2 іюня 1833 года. Въ немъ Гоголь опять жалуется на изнурительный петербургскій климатъ, который прогналъ его впослѣдствіи за границу.

»Спб. Іюля 2 (1833).

»Чувствительно благодарю васъ, земляче, за »Наума« и »Размышленія« (2), а также и за приложенное къ нимъ письмо ваше. Все я прочелъ съ большимъ апетитомъ, хотя и получилъ, къ сожалѣнію, поздно, потому что теперь только пріѣхалъ изъ Петергофа, гдѣ прожилъ около мѣсяца и засталъ ихъ у Смирдина лежавши(ми) около мѣсяца.

»Жаль мнѣ очень, что вы хвораете. — — Я самъ думаю то же сдѣлать и на слѣдующій годъ махнуть отсюда. Дурни мы, право, какъ разсудишь хорошенько. — — Ѣдемъ! Сколько мы тамъ насобираемъ всякой всячины! все выкопаемъ. Если вы будете въ Кіевѣ, то отъищите эксъ-профессора Бѣлоусова (3): этотъ человѣкъ будетъ вамъ очень по-

---

(1) Тетка Гоголя по матери, его любимая пѣвица малороссійскихъ пѣсень. *Н. М.*

(2) Сочиненія г. Максимовича: »Книга Наума о великомъ Божіемъ Мірѣ« и »Размышленія о Природѣ«. *Н. М.*

(2) Бывшій наставникъ Гоголя въ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко. *Н. М.*

лезенъ во многомъ, и я желаю, чтобъ вы съ нимъ сошлись. Итакъ, вы поймаете еще въ Малороссіи осень — благоухающую, славную осень, съ своимъ свѣжимъ, неподдѣльнымъ букетомъ. Счастливы вы! А я живу здѣсь среди лѣта и не чувствую лѣта. Душно; а нѣтъ его. Совершенная баня; воздухъ хочетъ уничтожить, а не оживить. (1) Не знаю, напишу ли я что нибудь для васъ. Я такъ теперь остылъ, очерствѣлъ, сдѣлался такой прозой, что не узнаю себя. Вотъ скоро будетъ годъ, какъ я ни строчки. Какъ ни принуждаю себя, нѣтъ, да и только. Но, однакожъ, для »Денницы« (2) вашей употреблю всѣ силы разбудить мозгъ свой и разворушить (3) воображе(ніе). А до того, поручая васъ дѣятельности, молю Бога, да ниспошлетъ вамъ здоровье и силы, что̀ лучше всего на этомъ грѣшномъ мірѣ. Увѣдомьте пожалуста, какую пользу принесетъ вамъ московскій водоной и какимъ образомъ вы проводите на немъ день свой. Я слышалъ, что Дядьковскій отправился на Кавказъ. Онъ еще не возвратился? Если возвратился, то что̀ говоритъ о Кавказѣ, объ употребленіи водъ, о степени ихъ цѣлительности, и въ какихъ особенно болѣзняхъ? Изъ моихъ тщательныхъ вопросовъ вы можете догадаться, что и мнѣ пришло въ думку потащиться на Кавказъ, зане скудельный составъ мой часто одолѣваемъ недугомъ и крайне дряхлѣетъ. Хотѣлось бы мнѣ очень вмѣсто пера покалякать съ вами языкомъ, да этотъ годъ мнѣ никакъ нельзя отлучиться изъ Петербурга.... Итакъ, будьте здоровы и не забывайте земляка, которому будетъ подаркомъ ваша строка. Прощайте.

»Вашъ Н. Гоголь.«

Въ промежутокъ между іюлемъ и ноябремъ съ Гоголемъ случилось нѣчто необыкновенное. Можетъ быть, то были непріятности по службѣ

---

(1) И не удивительно: въ этомъ году Гоголь не жилъ на дачѣ, судя по его словамъ, что онъ »только что пріѣхалъ изъ Петергофа, гдѣ прожилъ около мѣсяца«. *Н. М.*

(2) Альманахъ, изданный М. Максимовичемъ въ Москвѣ, въ 1834 году. *Н. М*

(3) Малороссійское слово; по русски — расшевелить. *Н. М.*

или по предмету его литературныхъ занятій; но, судя по тону его рѣчи, едва ли не будетъ вѣрнѣе, если мы скажемъ, что то была

«Забота юности — любовь.«

Обратите вниманіе на строки, напечатанныя курсивомъ въ слѣдующемъ письмѣ, писанномъ изъ Петербурга, отъ 9 ноября:

»Я получилъ ваше письмо, любезнѣйшій землякъ, черезъ Смирдина. Я чертовски досадую на себя за то, что ничего не имѣю, что́ бы прислать вамъ въ вашу »Денницу«. У меня есть сто разныхъ началъ и ни одной повѣсти, и ни одного даже отрывка полнаго, годна(го) для альманаха. Смирдинъ изъ другихъ уже рукъ досталъ одну мою старинную повѣсть (¹), о которой я совсѣмъ было позабылъ и которую я стыжусь назвать своею; впрочемъ, она такъ велика и неуклюжа, что никакъ не годится въ вашъ альманахъ. Не гнѣвайтесь на меня, мой милый и отъ всей души и сердца любимый мною землякъ. Я вамъ въ другой разъ непремѣнно приготовлю что́ вы хотите. Но не теперь: *еслибъ вы знали, какіе со мною происходили странные перевороты, какъ сильно растерзано все внутри меня. Боже, сколько я пережегъ, сколько перестрадалъ! Но теперь я надѣюсь, что все успокоится, и я буду снова дѣятельный, движущійся.* Теперь я принялся за исторію нашей — — Украины. Ничто такъ не успокоиваетъ, какъ исторія. Мои мысли начинаютъ литься тише и стройнѣе. Мнѣ кажется, что я напишу ее, что я скажу много того, чего до меня не говорили.

»Я очень порадовался, услышавъ отъ васъ о богатомъ присовокупленіи пѣсень и собраніи Ходаковскаго. Какъ бы я желалъ теперь быть съ вами и пересмотрѣть ихъ вмѣстѣ, при тренетной свѣчѣ, между стѣнами, убитыми книгами и книжною пылью, съ жадностью жида, считающаго червонцы! Моя радость, жизнь моя! пѣсни! какъ я васъ люблю! Что всѣ черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, предъ этими звонкими, живыми лѣтописями!... Я самъ теперь получилъ много новыхъ, и какія есть между ними — прелесть. Я вамъ ихъ

(¹) То была »Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ«, напечатанная Смирдинымъ въ »Новоселѣ«. *Н. М.*

спишу... (1) не такъ скоро, потому что ихъ очень много. Да! я васъ прошу, сдѣлайте милость, дайте списать всѣ находящіяся у васъ пѣсни, выключая печатныхъ и сообщенныхъ вамъ мною. Сдѣлайте милость и пришлите этотъ экземпляръ мнѣ. Я не могу жить безъ пѣсень. Вы не понимаете, какая это мука. Я знаю, что есть столько пѣсень, и вмѣстѣ съ тѣмъ не знаю. Это все равно, еслибъ кто передъ женщиной сказалъ, что онъ знаетъ секретъ, и не объявилъ бы ей. Велите переписать четкому, красивому писцу въ тетрадь in quarto на мой счетъ. Я не имѣю терпѣнія дождаться печатнаго; притомъ я тогда буду знать, какія присылать вамъ пѣсни, чтобы у васъ не было двухъ сходныхъ дублетовъ. Вы не можете представить, какъ мнѣ помогаютъ въ исторіи пѣсни. (2)

---

(1) Это обѣщаніе было исполнено. У М. А. Максимовича хранится тетрадь пѣсень, переписанныхъ Гоголемъ собственноручно. *Н. М.*

(2) Въ началѣ 1834 года Гоголь напечаталъ въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 34) и въ «Московскомъ Телеграфѣ» (№ 3., стр.523) слѣдующее объявленіе *Объ изданіи исторіи малороссійскихъ казаковъ.*

«До сихъ поръ еще нѣтъ у насъ полной, удовлетворительной исторіи Малороссіи и народа. Я не называю исторіями многихъ компиляцій (впрочемъ, полезныхъ какъ матеріалы), составленныхъ изъ разныхъ лѣтописей, безъ строгаго критическаго взгляда, безъ общаго плана и цѣли, бо̀льшею частію неполныхъ и не указавшихъ до нынѣ этому народу мѣста въ исторіи міра. Я рѣшился принять на себя этотъ трудъ и представить сколько можно обстоятельнѣе: какимъ образомъ отдѣлилась эта часть Россіи; какое получила она политическое устройство, находясь подъ чуждымъ владѣніемъ; какъ образовался въ ней воинственный народъ, означенный совершенною оригинальностью характера и подвиговъ; какимъ образомъ онъ три вѣка съ оружіемъ въ рукахъ добывалъ права свои и упорно отстоялъ свою религію; какъ наконецъ навсегда присоединился къ Россіи; какъ исчезало воинственное бытіе его и превращалось въ земледѣльческое; какъ мало по малу вся страна получила новыя, въ замѣнъ прежнихъ, права, и наконецъ совершенно слилась въ одно съ Россіею. Около пяти лѣтъ собиралъ я съ большимъ стараніемъ матеріалы, относящіеся къ исторіи этого края. Половина моей исторіи уже почти готова, но я медлю выдавать въ свѣтъ первые томы, подозрѣвая существованіе многихъ источниковъ, можетъ быть, мнѣ неизвѣстныхъ, которые, безъ сомнѣнія хранятся гдѣ нибудь въ частныхъ рукахъ. И потому, обращаясь ко всѣмъ, усерднѣйше прошу (и нельзя, чтобы просвѣщенные соотечественники отказали въ моей просьбѣ) имѣющихъ какіе бы то ни было матеріалы, лѣтописи, записки, пѣсни, повѣсти бандуристовъ, дѣловыя бумаги (особенно относящіяся до первобытной Малороссіи), прислать мнѣ ихъ, если нельзя въ оригиналахъ, то, по крайней мѣрѣ, въ копіяхъ.« *Н. М.*

Даже не историческія, даже и....., онѣ все даютъ по новой чертѣ въ мою исторію, все разоблачаютъ яснѣе и яснѣе — — прошедшую жизнь и — — прошедшихъ людей.... велите сдѣлать это скорѣе. Я вамъ за то пришлю находящіяся у меня, которыхъ будетъ до двухсотъ, и что замѣчательно — что многія изъ нихъ похожи совершенно на антики, на которыхъ лежитъ печать древности, но которые совершенно не были въ обращеніи и лежали зарытые.

»Прощайте, милый — — землякъ, не забывайте меня, какъ я не забываю васъ.... (1) Лучше вычеркнуть....

»Пишите ко мнѣ.

»Вѣчно вашъ *Н. Гоголь*.«

Читатель теперь видитъ, что я не напрасно распространился о первоначальныхъ вліяніяхъ, которымъ подвергался Гоголь въ родной своей сферѣ; они были могущественны и дали его чувствамъ, мыслямъ и словамъ поэтическій строй, показавшійся столь оригинальнымъ всей Россіи. Письма его, при всей небрежности его языка и изложенія, обнаруживаютъ яснѣе, нежели печатныя сочиненія, изъ какого жерла лился потокъ его вдохновенія и у кого учился онъ дивному своему искусству одной строкой выражать цѣлый образъ. Въ нихъ открывается, съ какой томительной жаждой эта душа вбирала въ себя всё, что было нужно для будущаго ея творчества. И ничто, можетъ быть, не насыщало такъ въ Гоголѣ артистической жажды новыхъ образовъ, свѣжихъ рѣчей, сильно высказанныхъ чувствъ, ничто, можетъ быть, не способствовало до такой степени развитію въ немъ лирическаго настроенія, какъ родныя преданія и родныя пѣсни. Онѣ положили въ основу созданіямъ его кисти горячій, цвѣтистый подмалевокъ, который согрѣваетъ скрытою теплотою самыя холодныя его картины. Въ его Чичиковыхъ, въ его Плюшкиныхъ, въ его Маниловыхъ и Собакевичахъ, во всѣхъ этихъ обыденныхъ фигурахъ нашей жизни проглядываютъ, сквозь верхній сѣроватый тонъ, яркія краски, которыми онъ живописалъ Тараса Бульбу;

---

(1) Далѣе двѣ съ половиною строки зачеркнуты нѣсколько разъ чернилами, сквозь которыя можно прочитать только: »шлите мнѣ въ....« *Н. М.*

въ простомъ складѣ его прозы слышится быстрое движеніе пѣсни; въ его изображеніяхъ ничтожества человѣческаго душа чуетъ стремленіе къ высокой трагедіи. Здѣсь-то, можетъ быть, скрывается источникъ необъяснимаго обаянія, въ которомъ онъ постоянно держитъ читателя, какія бы лица ни выводилъ на сцену, какія бы картины ни развернулъ передъ его глазами. Оно сдѣлалось какъ бы врожденнымъ свойствомъ Гоголя вслѣдствіе той »жажды знаній и труда«, тѣхъ чистыхъ стремленій къ прекрасному и возвышенному, которыя пробуждаютъ во глубинѣ души поэта таящіяся въ ней силы, приводятъ ихъ въ дѣйствіе и мало-по-малу обращаютъ ихъ для него въ покорныя орудія. То были цвѣты юности, по которымъ можно было уже заключать, какіе будутъ собраны плоды въ послѣдствіи.... Но возвратимся къ письмамъ.

Въ то время Кіевскій университетъ только что начиналъ организоваться. М. А. Максимовичъ желалъ поступить на каѳедру русской словесности, а къ Гоголю писалъ, чтобъ онъ искалъ для себя каѳедры всеобщей исторіи. (Вспомнимъ, что Гоголь тогда былъ еще старшимъ учителемъ исторіи въ Патріотическомъ Институтѣ). На это-то письмо Гоголь отвѣчалъ ему, не выставя числа:

»Благодарю тебя за все: за письмо, за мысли въ немъ, за новости и проч. Представь, я тоже думалъ: туда! туда! въ Кіевъ! въ древній, въ прекрасный Кіевъ! — — Тамъ или вокругъ него дѣялись дѣла старины нашей.... Я работаю. Я всѣми силами стараюсь; но на меня находитъ страхъ: »можетъ быть, я не успѣю!« Мнѣ надоѣлъ Петербургъ, или, лучше, не онъ, но — — климатъ его: онъ меня допекаетъ. Да, это славно будетъ, если мы займемъ съ тобою кіевскія каѳедры: много можно будетъ надѣлать добра. А новая жизнь среди такого хорошаго края! Тамъ можно обновиться всѣми силами. Развѣ это малость? Но меня смущаетъ, если это не исполнится!... Если же исполнится, да ты надуешь, тогда одному пріѣхать въ этотъ край, хоть и желанный, но быть одному совершенно, не имѣть съ кѣмъ заговорить языкомъ души — это страшно! — — Нужно будетъ стараться кого-нибудь изъ извѣстныхъ людей туда впихнуть, истинно просвѣщенныхъ и также чистыхъ и добрыхъ душою, какъ мы съ тобою. Я говорилъ Пушкину о

стихахъ. (1) Онъ написалъ путешествуя двѣ большія піесы, но отрывковъ изъ нихъ не хочетъ давать, а обѣщается написать нѣсколько маленькихъ. Я съ своей стороны употреблю стараніе его подгонять.

»Прощай до слѣдующаго письма. Жду съ нетерпѣніемъ отъ тебя обѣщанной тетради пѣсень, тѣмъ болѣе, что безпрестанно получаю новыя, изъ которыхъ много есть историческихъ, еще больше — прекрасныхъ. Впрочемъ я нетерпѣливѣе тебя, и никакъ не могу утерпѣть, чтобы не выписать здѣсь одной изъ самыхъ интересныхъ, которой вѣрно у тебя нѣтъ.« (2)

Изъ отмѣтки г. Максимовича на этомъ письмѣ видно, что оно было писано въ 1833 году, а предыдущее и послѣдующее за нимъ (по порядку нумераціи) письма — оба съ означеніемъ чиселъ — опредѣляютъ для него промежутокъ между 9 ноября и концомъ года. Гоголь въ это время писалъ или готовилъ къ изданію свои повѣсти и другія пьесы, составившія »Арабески« и »Миргородъ«. До какой степени онъ уже и тогда сознавалъ свои творческія силы, видно изъ слѣдующаго поэтическаго воззванія его къ генію, написаннаго наканунѣ новаго года. (3)

»1834.

»Великая, торжественная минута. Боже (4), какъ слились и столпились около ней волны различныхъ чувствъ! Нѣтъ, это не мечта! Это (5) та роковая, неотразимая грань между воспоминаніемъ и надеждою. Уже нѣтъ воспоминанія, уже оно несется, уже пересиливаетъ его надежда, у ногъ моихъ шумитъ мое прошедшее, надо мною сквозь туманъ свѣтлѣетъ неразгаданное будущее (6). Молю тебя, жизнь души моей, (7) мой Геній, о, не скрывайся отъ меня! Пободрствуй надо мною въ эту минуту и не отходи отъ меня весь (8) этотъ такъ заманчиво наступающій для меня годъ.

(1) Для »Денницы«. *Н. М.*

(2) Эта пѣсня начинается такъ

»Наварыла сечевыци,
Поставыла на польци.« *Н. М.*

(3) Подлинникъ этого воззванія найденъ по смерти Гоголя въ его чемоданѣ, остававшемся въ квартирѣ Жуковскаго, за границею. Онъ написанъ на полулистѣ самой простой писчей бумаги, съ немногими помарками, которыя всѣ и означены мною подъ цифрами, внизу страницъ.

(4) сколько. — (5) Великій. — (6) Како. — (7) хранитель Ангелъ. — (8) годъ. —

Какое же будешь ты, мое будущее? Блистательное ли, широкое ли, кипишь ли великими для меня подвигами? или... о, будь блистательно, будь дѣятельно, все предано труду и спокойствію! Что же ты такъ таинственно стоишь передо мною 1834 (годъ)? Будь и ты моимъ ангеломъ (1). Если лѣнь и безчувственно(сть) хотя на время осмѣлятся коснуться меня (2), о, разбуди меня тогда, не дай имъ овладѣть мною; пусть твои многоговорящія цифры (3), какъ неумолкающіе часы, какъ завѣтъ, стоятъ передо мною; чтобы каждая цифра твоя громче набата разила слухъ мой, чтобы она, какъ гальваническій прутъ, производила судорожное потрясеніе во всемъ моемъ составѣ. Таинственный, неизъяснимый 1834 (годъ), гдѣ означу я тебя великими труда(ми)? Среди ли этой кучи набросанныхъ одинъ на другой домовъ, гремящихъ улицъ, кипящей меркантильности, этой безобразной кучи модъ, парадовъ, чиновниковъ, дикихъ сѣверныхъ ночей, блеску и низкой безцвѣтности? Въ моемъ ли прекрасномъ, древнемъ, обѣтованномъ Кіевѣ (4), увѣнчанномъ многоплодными садами, опоясанно (мъ)моимъ южнымъ прекраснымъ, чуднымъ небомъ, упоительными ночами, гдѣ горы обсыпаны кустарниками, съ своими (5) гармоническими обрывами, и подмывающій (ихъ) (6) чистый и быстрый мой Днѣпръ? Тамъ ли? О, я не знаю, какъ назвать тебя, мой Геній! Ты, отъ колыбели еще пролетавшій съ своими гармоническими пѣснями мимо моихъ ушей, такія чудныя, необъяснимыя донынѣ, зараждавшій во мнѣ думы, такія необъятныя и упоительныя лелѣяв(шій) во мнѣ мечты. О, взгляни, прекрасный, низведи на меня свои небесныя очи! Я на колѣняхъ, я у ногъ твоихъ. О, не разлучайся со мною! Живи на землѣ со мною хотя два часа каждый день, какъ прекрасный братъ мой. Я совершу, я совершу! Жизнь кипитъ во мнѣ. Труды мои будутъ вдохновенны. Надъ ними будетъ вѣять недоступное землѣ божество. Я совершу! О, поцѣлуй и благослови меня!«

---

(1) пробу буд. — (2) буди. — (3) стоятъ. — (4) среди. — (5) какъ. — (6) ее.

VII.

Продолженіе переписки съ М. А. Максимовичемъ: объ »Исторіи Малороссіи«;— о малороссійскихъ пѣсняхъ; — о Кіевѣ; — объ »Арабескахъ« и »Исторіи Среднихъ Вѣковъ«; — о »Миргородѣ«. — Переписка съ М. П. Погодинымъ: о всеобщей исторіи, о современной литературѣ, объ исторіи Малороссіи. — Переписка съ матерью въ 1833 — 1835 годахъ: практическое направленіе писемъ; — воспоминанія дѣтскихъ впечатлѣній; — сужденіе о литературѣ.

Въ числѣ писемъ Гоголя къ г. Максимовичу есть письма довольно обыкновенныя; но и въ нихъ мѣстами вспыхиваетъ искра чувства, или ума, или юмора. Притомъ же изъ нихъ видны отношенія нашего поэта къ современнымъ писателямъ, взглядъ его на тогдашнія литературныя явленія; манера его обращаться съ людьми, и т. д. Поэтому я, оставляя въ сторонѣ занимательность или незанимательность ихъ для большинства читателей, помѣщу ихъ всѣ здѣсь, какъ матеріалы для исторіи русской литературы, выключивъ только мѣста, почему либо для кого-нибудь щекотливыя.

»Генварь 7. (1834, изъ С.-Петербурга.)

»Поздравляю тебя съ 1834 и отъ души благодарю тебя за »Деницу«, которой, впрочемъ, я до сихъ поръ не получалъ, потому что О*** заблагоразсудилъ кому-то отдать мой экземпляръ. Слышу, однакожь, что въ ней есть много хорошаго; по крайней мѣрѣ мнѣ такъ говорилъ Жуковскій.

»Что жь ты не пишешь ни о чемъ? Охъ, эти земляки мнѣ! Что мы, братецъ, за лѣнтяи съ тобою! Однако, напередъ положить условіе: какъ только въ Кіевъ — лѣнь къ чорту! чтобъ и духъ ея не пахъ. Да превратится онъ въ русскія Аѳины, Богоспасаемый нашъ городъ! Да! отчего до сихъ поръ не выходитъ ни одинъ изъ московскихъ журналовъ? Скажи Н***, что это нехорошо, если онъ вздумаетъ, по прошлогоднему, до тѣхъ поръ не выпускать новыхъ, покамѣсть не додастъ старыхъ. Что за рыцарская честность! теперь она въ наши времена такъ же смѣшна, какъ и ханжество. Подписчики и читатели и прошлый годъ на него сердились всѣ. Притомъ же для него хуже: онъ не нагонитъ и будетъ отставать вѣчно, какъ Полевой. Знаешь ли ты собраніе галицкихъ пѣ-

сенъ, вышедшихъ въ прошломъ году [довольно толстая книжка in-8]? очень замѣчательная вещь! Между ними есть множество настоящихъ малороссійскихъ, такъ хорошихъ, съ такими свѣжими красками и мыслями, что весьма не мѣшаетъ ихъ включить въ гадаемое собраніе.

»Когда же погляжу я на пѣсни?«

»Спб. Февраля 12. (1834.)

»Я получилъ только сегодня два твоихъ письма: одно отъ 26-го генваря, другое отъ 8 февраля, — все это по милости О***, который изволитъ ихъ чортъ знаетъ сколько удерживать у себя. Въ одномъ письмѣ ты пишешь за Кіевъ (1). Я думаю ѣхать. Дѣла, кажется, мои идутъ на ладъ. — — —

»Ты говоришь, что, если залѣпишься, то тогда, набравши силы, въ Москву. А на что человѣку дается характеръ и желѣзная сила души? Къ чорту лѣнь, да и концы въ воду! Ты разсмотри хорошенько характеръ земляковъ: они лѣпятся, но зато, если что задолбятъ въ свою голову, то на вѣки. Вѣдь тутъ только рѣшимость: разъ начать — и все... Типографія будетъ подъ бокомъ. Чего жь больше. А воздухъ! а гливы! а рогизъ! а соняшники! а паслинъ! а цыбуля! (2) а *вино хлѣбное*, какъ говоритъ пріятель нашъ Ушаковъ. Тополи, груши, яблони, сливы, морели, деренъ, вареники, борщъ, лопухъ.... Это просто роскошь! Это одинъ только городъ у насъ, въ которомъ какъ-то пристало быть кельѣ ученаго.

»Запорожской Старины я до сихъ поръ нигдѣ не могу достать. — — — Исторію Малороссіи я пишу всю отъ начала до конца. Она будетъ или въ шести малыхъ, или въ четырехъ большихъ томахъ. Экземпляра пѣсенъ галицкихъ здѣсь нигдѣ нѣтъ; мой же собственный у меня замоталъ одинъ задушевный пріятель. — Пѣсенъ я тебѣ съ большою охотою прислалъ (бы), но у меня ихъ ужасная путаница; незнакомыхъ тебѣ, можетъ быть, будетъ не болѣе ста, за то извѣстныхъ — вѣроятно, около

(1) Т. е. о Кіевѣ. Гоголь употребляетъ полонизмъ.

(2) Все это лакомства малороссійскихъ простолюдиновъ, кромѣ воздуха и гливъ (баргамотъ). Гоголь вспомнилъ языкъ диканьскаго пасичника. *П. М.*

тыся(чи), изъ которыхъ бо́льшую часть мнѣ теперь нельзя посылать. Если бы ты прислалъ свой списокъ съ находящихся у тебя, тогда бы я зналъ, какія тебѣ нужны, и прочія бы выправилъ съ моими списками и послалъ бы тебѣ. — Ну, покамѣсть прощай! а тамъ придетъ время, что будемъ все это говорить, что теперь заставляемъ царапать наши руки, въ Богоспасаемомъ нашемъ градѣ.«

»Марта 12, Спб. 1834.

»Да это, впрочемъ, не слишкомъ хорошо, что ты не изволилъ писать ко мнѣ. Молодецъ! меня подбилъ ѣхать въ Кіевъ, а самъ сидитъ и ни гадки (¹) о томъ. А между тѣмъ я почти что не на выѣздѣ уже. Что́ жь, ѣдешь или нѣтъ? влюбился же въ — — Москву! — — Слушай: вѣдь ты посуди самъ, по чистой совѣсти, каково мнѣ одному быть въ Кіевѣ. Земля и край вещь хорошая, но люди чуть ли еще не лучше, хотя не полезнѣе, NB, для нездороваго человѣка, каковъ ты да я.

»Пѣсни намъ нужно издать непремѣнно въ Кіевѣ. Соединившись вмѣстѣ, мы такое удеремъ изданіе, какого еще никогда ни у кого не было. Весну и лѣто мы бы тамъ славно отдохнули, набрали матеріаловъ, а къ осени бы и засѣли работать. Послушай: не бросай сего дѣла! Подумай хорошенько. Здоровье — вещь первая на свѣтѣ. — — Что́ жь, получу ли обѣщанныя пѣсни?

»Марта 26 (1834). Спб.

»Во первыхъ, твое дѣло не клеится какъ слѣдуетъ, несмотря на то, что и князь Петръ и Жуковскій хлопоталъ объ тебѣ. И ихъ мнѣніе, и мое вмѣстѣ съ ними, есть то, что тебѣ непремѣнно нужно ѣхать самому. За глаза эти дѣла не дѣлаются — — Если ты самъ прибудешь лично и объявишь свой резонъ, что ты бы и радъ дискать, но твое здоровье.... и прочее, тогда будетъ другое дѣло; князь же съ своей стороны и Жуковскій не преминутъ подкрѣпить, да и Пушкинъ тоже. Пріѣзжай; я тебя ожидаю. Квартира же у тебя готова. Садись въ дилижансъ и валяй! потому что зѣвать не надобно; какъ разъ какой нибудь олухъ влѣзетъ на твою каѳедру.

(¹) *Ни гадки*, съ малороссійскаго, значитъ — ни помышленія. *Н. М.*

»Ты, нечего сказать, мастеръ надувать! пишетъ: посылаю пѣсни; а между тѣмъ о нихъ ни слуху, ни духу; заставилъ разинуть ротъ, а вареника и не всунулъ. А я справлялся около недѣли въ Почтамтѣ и у Смирдина, нѣтъ ли посылки ко мнѣ. — Вацлавъ (1), я тебѣ говорилъ, что отжиленъ у меня совершенно безбожно однимъ молодцомъ, взявшимъ на два часа и улизнувшимъ, какъ я узналъ, совершенно изъ города. — Поговоримъ объ объявленіи твоемъ: зачѣмъ ты дѣлишь свое собраніе на гульливыя, козацкія и любовныя? Развѣ козацкія не гульливыя и гульливыя не всѣ ли козацкія? Впрочемъ, я не знаю настоящаго значенія твоего слова: козацкія. Развѣ нѣтъ такихъ пѣсней, у которыхъ одна половина любовная, другая гульливая. По мнѣ, раздѣленія не нужно въ пѣсняхъ. Чѣмъ больше разнообразія, тѣмъ лучше. Я люблю вдругъ возлѣ одной пѣсни встрѣтить другую, совершенно противнаго содержанія. — Мнѣ кажется, что пѣсни должно раздѣлять на два разряда: въ первомъ должны помѣститься всѣ твои три первыя отдѣленія, во второмъ — обрядныя. Много, если на три разряда: 1-й — историческія, 2-й — всѣ, выражающія различныя оттѣнки народнаго духа, и 3-й — обрядныя. Впрочемъ, какъ бы то ни было, раздѣленіе вещь послѣдняя. Я радъ, что ты уже началъ печатать Еслибы я имѣлъ у себя списки твоихъ пѣсенъ, я бы прислужился тебѣ и, можетъ быть, даже нѣсколько помогъ. Но въ теперешнемъ состояніи не знаешь, за что взяться. Да и несносно ужасно дѣлать комментаріи не зная на что, а если и зная, то не будучи увѣренъ, кстати ли они будутъ и не окажутся ли лишними. Если не пришлешь пѣсенъ, то хоть привези съ собою, — да пріѣзжай поскорѣй. Мы бы такъ славно все обстроили здѣсь, какъ нельзя лучше. Я очень многое хотѣлъ писать къ тебѣ, но теперь у меня бездна хлопотъ, и все совершено вышло изъ головы. Прощай, до слѣдующей почты. Мысленно цалую тебя и молюсь о тебѣ, чтобы скорѣй тебя выпихнули въ Украйну.

»1834, Марта 29. Спб.

»Пѣсню твою про Неая получилъ вчера. Вотъ все, что получилъ отъ тебя вмѣсто обѣщанныхъ какихъ-то книгъ. Что ты пишешь про

(1) Т. е. изданіе пѣсенъ Вацлава зъ Олеска. *Н. М.*

Цыха? (¹) развѣ есть какое нибудь оффиціальное объ этомъ извѣстіе? Министръ мнѣ обѣщалъ непремѣнно это мѣсто и требовалъ даже, чтобъ я сейчасъ подавалъ просьбу, но я останавлива(юсь) затѣмъ, что мнѣ даютъ только адъюнкта, увѣряя впрочемъ, что черезъ годъ непремѣнно сдѣлаютъ ординарнымъ; и — — признаюсь, я сижу затѣмъ только еще здѣсь, чтобы какъ нибудь выработать себѣ на подъемъ и раздѣлаться кое съ какими здѣшними обстоятельствами. Эй, не зѣвай! садись скорѣе въ дилижансъ. Безъ твоего присутствія ничего не будетъ.

Посылаю тебѣ за Нечая другой списокъ Нечая, который списанъ изъ галицкаго собранія. Видно, какъ много она терпѣла измѣненій. Каневскій перемѣненъ на Потоцкаго: даже самыя обстоятельства въ описаніи другія, исключая главнаго.

»Апрѣля 7 (1834). Спб.

»Не безпокойся: дѣло твое, кажется, пойдетъ на ладъ. Третьяго дня я былъ у министра; онъ говорилъ мнѣ такими словами:» Кажется, я Максимовича переведу въ Кіевъ, потому что для русской словесности не находится болѣе достойный его человѣкъ. Хотя предметъ для него новъ, но онъ имѣетъ даръ слова, и ему можно успѣть легко въ немъ, хотя впрочемъ онъ теоретическаго никакого не выпустилъ еще сочиненія«. На что я сказалъ, что ты мнѣ показывалъ многія свои сочиненія, обнаруживающія вѣрное познаніе литературы и долгое занятіе ею. Также при этомъ напомнилъ ему о твоихъ трудахъ въ этомъ родѣ, помѣщаемыхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Изъ словъ его, сказанныхъ на это, я увидѣлъ только, что препятствій, слава Богу, никакихъ нѣтъ. Итакъ поздравляю тебя. Я тоже съ своей стороны присовокупилъ, какъ на тебя дѣйствуетъ тамошній климатъ и какъ разстроивается твое здоровье. Видно было, что старанія князя В*** и Жуковскаго не были тщетны. Онъ по крайней мѣрѣ не представлялъ уже никакихъ невозможностей и совершенно согласился съ тѣмъ, что состояніе здоровья твоего должно быть уважено. Для окончательнаго дѣла тебѣ бы весьма не мѣ-

---

(¹) Это — лицо, получившее въ Кіевскомъ университетѣ каѳедру всеобщей исторіи, которой искалъ Гоголь. *Н. М.*

шало бы предстать самому, потому что, сколько я могъ замѣтить, личное присутствіе ему нравится. Но, впрочемъ, если тебѣ нельзя и состояніе твоего здоровья не дозволяетъ, то я въ такомъ случаѣ перестаю о томъ просить тебя, не смотря на то, что мнѣ очень бы хотѣлось видѣться съ тобою. Мнѣ, впрочемъ, кажется, что если бы былъ въ состояніи, то весьма бы было нехудо. Но какъ бы то ни было, прощай до слѣдующаго письма. Я очень радъ, что письмо мое тебя успокоитъ, и потому не хочу ничего посторонняго писать, чтобы не задержать его, чтобы ты получилъ его какъ разъ въ пору. О полученіи его увѣдоми меня немедленно. Прощай; будь здоровъ! цалую тебя и поручаю тебя охраненію невидимыхъ благихъ силъ.«

»20 апрѣля (1834). Спб.

»Ну, я радъ отъ души и отъ сердца, что дѣло твое подтвердилось уже оффиціально. Теперь тебѣ точно не зачѣмъ уже ѣхать въ Петербургъ. Тебя только безпокоятъ дѣла московскія. Смѣлѣе съ ними: одно по боку, другому киселя дай, и все кончено. Изъ необходимаго нужно выбирать необходимѣйшее, и ты выкрутишься скоро. Я сужу по себѣ. Да, кстати о мнѣ: знаешь ли, что представленія Б*** чуть ли не больше значатъ, нежели нашихъ здѣшнихъ ходатаевъ? Это я узналъ вѣрно. Слушай: сослужи службу: когда будешь писать къ Б***, намекни ему о мнѣ вотъ какимъ образомъ: что вы бы дискать хорошо сдѣлали, еслибы залучили въ Университетъ Гоголя, что ты не знаешь никого, кто бы имѣлъ такія глубокія историческія свѣдѣнія и такъ бы владѣлъ языкомъ преподаванія, и тому подобныя скромныя похвалы, какъ будто вскользь. Для примѣра ты можешь прочесть предисловіе къ грамматикѣ Г*** или Г*** къ романамъ Б*** — — — Тогда бы я скорѣе въ дорогу и, можетъ быть, еще бы засталъ тебя въ Москвѣ.

»Благодарю тебя за пѣсни. Я теперь читаю твои толстыя книги; въ нихъ есть много прелестей. Отпечатанные листки меня очень порадовали. Изданіе хорошо. Примѣчанія съ большимъ толкомъ. О переводахъ я тебѣ замѣчу вотъ что: иногда нужно отдаляться отъ словъ подлинника нарочно для того, чтобы быть къ нему ближе. Есть пропасть такихъ фразъ, выраженій, оборотовъ, которые намъ, малороссіянамъ, кажутся

очень будутъ понятны на русскомъ, если мы переведемъ ихъ слово въ слово, но которые иногда уничтожаютъ половину силы подлинника. Почти всегда сильное лаконическое мѣсто становится непонятнымъ для русскихъ, потому что оно не въ духѣ русскаго языка. И тогда лучше десятью словами опредѣлить всю обширность его, нежели скрыть его. Этихъ замѣчаній, впрочемъ, ты не можешь еще припаровить къ приведенному тобою переводу, потому что онъ очень хорошъ; окончаніе его прекрасно.... Но, чтобы и къ нему сдѣлать придирку, вотъ тебѣ замѣчаніе на первый случай.... мотай на усъ:

»Ѳедора Безроднаго, атамана куреннаго, пострѣляли, порубили, только не поймали чуры.«

»Во первыхъ, *пострѣляли* не русское слово, оно не по русски спрягнулося и скомпоновалося и вмѣстѣ съ словомъ *порубили* на русскомъ слабѣе выражаетъ, нежели на нашемъ. Мнѣ кажется, вотъ какъ бы нужно было сказать:

»Куреннаго атамана Ѳедора Безроднаго они всего пронизали пулями, всего изрубили, не поймали только его чуры.«

»Въ переводѣ болѣе всего нужно привязываться къ мысли и менѣе всего къ словамъ, хотя послѣднія чрезвычайно соблазнительны, и, признаюсь, я самъ, который теперь разсуждаю объ этомъ съ такимъ хладнокровнымъ безпристрастіемъ, врядъ ли бы уберегся отъ того, чтобы не влѣпить звонкое словцо въ русскую рѣчь, въ простодушной увѣренности, что его и другіе такъ же поймутъ. Помни, что твой переводъ для русскихъ, и потому всѣ малороссійскіе обороты рѣчи и конструкцію прочь! Вѣдь ты, вѣрно, не хочешь дѣлать надстрочнаго перевода? Да впрочемъ это было бы излишне, потому что онъ у тебя и безъ того приложенъ къ каждой пѣснѣ. Ты каждое слово такъ удачно и хорошо растолковалъ, что кладешь его въ ротъ всякому, кто захочетъ понять пѣсню. Я бы тебѣ много кой-чего хотѣлъ еще сказать, но, право, чертовски скучно писать о томъ, что̀ можно переговорить гораздо-съ бо̀льшею ясностью и толкомъ. Да притомъ это такая длинная матерія: зацѣпи только — и пойдетъ тянуться; въ подобныхъ случаяхъ болѣе всего нужны толки съ другою головою, потому что вѣрно одна замѣтитъ то, что̀ другая пропуститъ. Какъ бы то ни было, я съ радостью ребенка держу въ рукахъ

твой первый листъ и говорю: »Вотъ все, что́ осталось отъ прежнихъ думъ, отъ прежнихъ лѣтъ!« какъ выразился Дельвигъ. Я еще никому не успѣлъ показать его, но понесу къ Жуковскому и похвастуюсь Пушкину, и мнѣнія ихъ сообщу тебѣ поскорѣе. А между тѣмъ подгоняй свои типографскіе станки. Я тебѣ пришлю скоро кое-какія пѣсни, которыя, впрочемъ, войдутъ въ послѣдній развѣ только отдѣлъ твоего перваго тома. За *Пѣснями Люду Галицкаго* я послалъ въ Варшаву, и какъ только получу ихъ, то ту же минуту пришлю ихъ тебѣ. — — О*** скажу, чтобы онъ скорѣе пристроилъ твоего Наума (¹). Эти дни, можетъ быть, не увижу его, потому что ты самъ знаешь, что за безалаберщина дѣется у людей на праздникахъ: они всѣ какъ шальные. По улицамъ мечутся шитые мундиры и трехъ-угольныя шляпы, а дома между тѣмъ никого. У Плетнева постараюсь тоже на этихъ дняхъ отобрать нужныя для тебя свѣдѣнія. Но до того прощай. Поручаю тебя ангелу хранителю твоему: да будешь ты здравъ и спокоенъ.«

»Мая 28. (1834, изъ С. Петербурга.)

»Извини меня: точно, я, кажется, давно не писалъ къ тебѣ. У меня тоже большой хламъ въ головѣ. Благодарю тебя за листъ пѣсенъ, который ты называешь шестымъ, и который, по моему счету, 4-й. О введеніи твоемъ ничего не могу сказать, потому что я не имѣю его и не знаю, отпечатано ли оно у тебя. Кстати: ты можешь прочесть въ Журналѣ Просвѣщенія, 4-мъ номерѣ, статью мою о малороссійскихъ пѣсняхъ; тамъ же находится и кусокъ изъ введенія моего въ исторію Малороссіи, впрочемъ, писанной мною очень давно.

»Мои обстоятельства очень странны — — — признаюсь, я брошу все и откланяюсь... Богъ съ ними совсѣмъ! И тогда махну или на Кавказъ, или въ долы Грузіи, потому что здоровье мое здѣсь еле держится. Ты знаешь Цыха? кто это Цыхъ! кажется И-динъ его знаетъ. Нельзя ли какъ нибудь уговорить Цыха, чтобы онъ взялъ себѣ или просилъ, или бы по крайней мѣрѣ соглашался бы взять каѳедру русской исторіи?

(¹) »Книга Наума о великомъ Божіемъ Мірѣ«, изданная около того времени г. Максимовичемъ для простонароднаго чтенія.

»Ты извини меня, что я не толкую съ тобою ничего о пѣсняхъ. Право, душа не въ спокойномъ состояніи. Перо въ рукахъ моихъ какъ деревянная колода, между тѣмъ какъ мысли мои состоятъ теперь изъ вихря. Когда увижусь съ тобою, то объ этой статьѣ потолкуемъ вдоволь; потому что, какъ бы ни было, а все таки надѣюсь быть въ слѣдующемъ мѣсяцѣ въ Москвѣ. Прощай, да пиши ко мнѣ. Въ эти времена волненія письма все-таки сколько нибудь утишаютъ душу.«

»Мая 29 (1834, изъ Петербурга.)

»Только что я успѣлъ отправить къ тебѣ вчерашнее письмо мое, какъ вдругъ получилъ два твоихъ письма: одно еще отъ 10-го мая, другое отъ 19-го мая. Ну, теперь я не удивляюсь твоему молчанію С*** никуда не годится: онъ ихъ изволилъ продержать у себя больше недѣли. Благодарю, очень благодарю тебя за листки пѣсень. Я не пишу къ тебѣ никакихъ замѣчаній потому, что я ужасно не люблю печатныхъ или письменныхъ критикъ, т. е. не читать ихъ не люблю, но писать. Не давно С. С. получилъ отъ Срезневскаго экземпляръ пѣсней и адресовался ко мнѣ съ желаніемъ видѣть мое мнѣніе о нихъ въ Журналѣ Просвѣщенія, такъ же, какъ и о бывшихъ до него изданіяхъ — твоемъ и Цертелева. Что́ жь я сдѣлалъ? я написалъ статью, только самаго главнаго позабылъ: ничего не сказалъ ни о тебѣ, ни Срезневскомъ, ни о Цертелевѣ. Послѣ я спохватился и хотѣлъ было прибавить и проболтаться о твоемъ великолѣпномъ новомъ изданіи, но опоздалъ: статья уже была отпечатана. Такъ какъ не скоро къ вамъ доходятъ петербургскія книги, то посылаю тебѣ особый отпечатанный листокъ, также и листокъ изъ Исторіи Малороссіи, которой мнѣ зѣло не хотѣлось давать. Я слышалъ уже сужденія нѣкоторыхъ присяжныхъ знатоковъ, которые глядятъ на этотъ кусокъ, какъ на полную исторію Малороссіи, позабывая, что еще впереди 80 главъ они будутъ читать, и что эта глава только фронтисписъ. Я бы, впрочемъ, весьма желалъ видѣть твои замѣчанія, тѣмъ болѣе, что этотъ отрывокъ не войдетъ въ цѣлое сочиненіе, потому что оно начато писаться послѣ того гораздо позже и нынѣ почти въ другомъ видѣ. Но изъ новой моей исторіи Малороссіи я никуда не хочу давать отрывковъ. Кстати: ты просилъ меня сказать

о твоемъ раздѣленіи исторіи. Оно очень натурально и, вѣрно, приходило въ голову каждому, кто только слишкомъ много занимался чтеніемъ и изученіемъ нашего прошедшаго. У меня почти такое же раздѣленіе, и потому я не хвалю его, считая неприличнымъ хвалить то, что́ сдѣлалось уже нашимъ — и твоимъ и моимъ вмѣстѣ.«

»8 іюня (1834). Спб.

»Я получилъ твое письмо черезъ Щепкина, который меня очень обрадовалъ своимъ пріѣздомъ. Что́ тебѣ сказать о здоровьѣ?... (1) мы, братецъ, съ тобой! Что же касается до моихъ обстоятельствъ, то я самъ, хоть убей, не могу понять ихъ. — — Я имѣю чинъ коллежскаго ассесора, не новичекъ, потому что занимался довольно преподаваніемъ — — и при всемъ я не могу понять — — — Ты видишь, что сама судьба вооружается, чтобы я ѣхалъ въ Кіевъ. Досадно, досадно! потому что мнѣ нужно, очень нужно мое здоровье: мое занятіе, мое упрямство требуетъ этого. А между тѣмъ мнѣ не видать его. Пѣсни твои идутъ чѣмъ дальше лучше. Да что ты не присылаешь мнѣ до сихъ поръ введенія? мнѣ очень хочется его видѣть. Кстати о введеніи: если ты встрѣтишь что нибудь новое въ моей статьѣ о пѣсняхъ, то можешь прибавить къ своему: дискать вотъ что еще объ этомъ говоритъ Гоголь. Да что, вѣдь книжка должна у тебя быть теперь совершенно готова? — Прощай. Да хранятъ тебя небеса и пошлютъ крѣпость душѣ и тѣлу. Пора, пора вызвать мочь души и дѣйствовать крѣпко!

Здѣсь кстати привести разсказъ г. Кулжинскаго о попыткѣ Гоголя перемѣститься на службу въ Кіевъ.

»Вотъ что я слышалъ отъ лица, уполномоченнаго пригласить Гоголя адъюнктомъ въ Кіевъ. Зимою, 1834 года, въ министерствѣ приготовляли уставъ и штаты для Университета Св. Владиміра и заботились о пріисканіи наставниковъ. Воспитанники профессорскаго института тогда еще не возвратились изъ ученаго путешествія по Европѣ, — нужно было запастись домашними средствами. Для всѣхъ каѳедръ были уже

(1) Здѣсь употреблено Гоголемъ одно изъ тѣхъ словъ, которыя онъ называлъ »крѣпкими«.

П. М.

въ виду достойные кандидаты, только для русской исторіи не было человѣка. Начальство вспомнило о Гоголѣ и предложило лицу, уполномоченному познакомиться съ нимъ и пригласить его на каѳедру адъюнкта. Гоголю тогда было не болѣе 26 лѣтъ. Пришедши къ лицу, пригласившему его, онъ съ перваго слова очаровалъ его своимъ умнымъ и краснорѣчивымъ разговоромъ. Къ концу бесѣды Гоголю было объявлено, чтобъ онъ принесъ свои документы и прошеніе. Черезъ нѣсколько дней Гоголь опять явился, опять очаровалъ своимъ разговоромъ, но ни документовъ, ни просьбы не принесъ. Когда ему за третьимъ разомъ напомнили объ этомъ, онъ, не безъ нѣкотораго замѣшательства, вынулъ изъ бокового кармана и подалъ свой аттестатъ объ окончаніи курса Гимназіи Высшихъ Наукъ, съ правомъ на чинъ четырнадцатаго класса, и прошеніе объ опредѣленіи его ординарнымъ профессоромъ.—»Знаете ли что? отвѣчали ему: васъ нельзя вдругъ опредѣлить ординарнымъ при этомъ аттестатѣ. Согласитесь сперва въ адъюнкты«. Гоголь долго упрямился, не соглашался. Дѣло дошло до министра, который и съ своей стороны приказалъ объявить молодому писателю, что онъ охотно опредѣлитъ его адъюнктомъ. Но Гоголь не согласился.«

Слѣдующее письмо замѣчательно по признанію поэта въ чувствахъ, привязывающихъ его къ Петербургу. Обратите вниманіе на слова, напечатанныя курсивомъ. Гоголь рѣдко, даже и на столько, обнаруживалъ передъ кѣмъ бы то ни было сердечныя дѣла свои. Люди, которыхъ дружба удерживала его на сѣверѣ, безъ сомнѣнія, были Пушкинъ, Жуковскій, князь Вяземскій и П. А. Плетневъ.

10 іюня (1834, изъ С.-Петербурга).

»Тебя удивляетъ, почему меня такъ останавливаетъ русская исторія. Ты очень страненъ и говоришь еще о себѣ, что ты рѣшился же взять словесность. Вѣдь для этого у тебя было желаніе, а у меня нѣтъ. — — Еслибы это было въ Петербургѣ, я бы, можетъ быть, взялъ ее, потому что здѣсь я готовъ пожалуй два раза въ недѣлю на два часа отдать себя скукѣ. Но, оставляя Петербургъ, знаешь ли, что я оставляю? Мнѣ оставить Петербургъ не то, что тебѣ Москву: здѣсь все, что дорого, *что было мило моему сердцу*, люди, съ которыми сдружился

и которыхъ алчетъ душа, все, что привычка сдѣлала еще драгоцѣннѣйшимъ. Бросивъ все это, нужно стараться всѣми силами заглушить сердечную тоску. Нужно отдалять всѣми мѣрами то, что можетъ вызывать ее. И ты въ добавокъ хочешь еще, чтобъ самая должность была для меня тягостью. Если меня не будетъ занимать предметъ мой, тогда я буду несчастливъ. Я очень хорошо знаю свое сердце, и потому то, что для другого кажется своенравіемъ, то есть у меня слѣдствіе дальновидности. Но, впрочемъ, кажется, это не можетъ остановить ихъ. — — Остановка вся за однимъ Б. — — Итакъ, я жду теперь отъ него рѣшенія и по немъ узнаю, велитъ ли мнѣ судьба ѣхать, или нѣтъ. О пѣсняхъ твоихъ постараюсь написать извѣщеніе и одолѣть сколько нибудь свою лѣнь, которая уже почула лѣто и становится деспотомъ.«

Далѣе Гоголь является настоящимъ малороссіяниномъ, горячо привязаннымъ къ товарищу по ближайшему къ его душѣ дѣлу, мечтательнымъ и вмѣстѣ шутливымъ. Едва возьметъ онъ, какъ будто невзначай, нѣсколько слишкомъ нѣжныхъ нотъ, говорящихъ звуками его сердца, уже спѣшитъ развлечь вниманіе своего слушателя умышленно грубымъ запорожскимъ комизмомъ и потомъ, самъ того не замѣчая, попадаетъ на идиллію и на торжественный лиризмъ. Для многихъ эти письма будутъ простая будничная проза; мнѣ — въ нихъ на каждомъ шагу чудятся поэтическія мотивы. Это пробы смычка, готовящагося импровизировать симфонію, которая неотступно грезится артисту.

»27 іюня (1834, изъ Петербурга.)

»Итакъ ты въ дорогѣ. Благословляю тебя! Я увѣренъ, что тебѣ будетъ весело, очень весело въ Кіевѣ. Не предавай(ся) заранѣе никакимъ сомнѣніямъ и мнительности. Я къ тебѣ буду, непремѣнно буду, и мы заживемъ вмѣстѣ... чортъ возми все! Дѣла свои я повелъ такимъ порядкомъ, что непремѣнно буду въ состояніи ѣхать въ Кіевъ, хотя не раннею осенью или зимою; но когда бы то ни было, а я все-таки буду. Я далъ себѣ слово и твердое слово; стало быть все кончено: нѣтъ гранита, котораго бы не проби(ли) человѣческая сила и желаніе.

»Ради Бога, не предавайся грустнымъ мыслямъ, будь веселъ, какъ веселъ теперь я, рѣшившій, что все на свѣтѣ трынъ-трава. Терпѣніемъ

и хладнокровіемъ всё достанешь. — Еще просьба: ради всего нашего, ради нашей Украйны, ради отцовскихъ могилъ, не сиди радъ книгами! Чортъ возьми, если онѣ не служатъ теперь для тебя къ то(му) только, чтобы отемнить свои мысли! Будь таковъ, какъ ты есть, говори свое, и то какъ можно поменьше. Студенты твои — — Но впрочемъ лучше всего ты дѣлай эстетическіе съ ними разборы. Это для нихъ полезнѣе всего; скорѣе разовьетъ ихъ умъ, и тебѣ будетъ пріятно. Такъ дѣлаютъ всѣ благоразумные люди. Такимъ образомъ поступаетъ и Плетневъ, который нашелъ — и весьма справедливо — что всѣ теоріи — совершенный вздоръ и ни къ чему не ведутъ. Онъ теп(ерь) бросилъ всѣ прежде читанныя лекціи и дѣлаетъ съ ними въ классѣ эстетическіе разборы, толкуетъ и наталкиваетъ ихъ — — на хорошее. Онъ очень удивляется тому, что ты затрудняешься, и совѣтуетъ съ своей стороны тебѣ работать прямо съ плеча, что̀ придется. Вкусъ у тебя хорошъ, словесность русскую ты знаешь лучше всѣхъ педагоговъ-толмачей; итакъ чего тебѣ больше? Послушай, ради Бога занимайся поменьше это(й) гилью. Лѣто (ты) непремѣнно долженъ въ Кіевѣ полѣниться. Жаль, что я не съ тобою теперь: я бы не далъ тебѣ и заглянуть въ печатную бумагу. Я бы тебя повезъ по Пслу, гдѣ бы мы лежали въ натурѣ (1), купались, а въ добавокъ бы еще женилъ тебя на одной хорошенькой, если не на распрехорошенькой. Но такъ и быть! пожди до лѣта слѣдующаго, а теперь прими совѣтъ и крѣпко держи его въ памяти. Книгъ я тебѣ въ Москву не посылаю, потому что боюсь, чтобы ты съ ними не разминулся, а посылаю прямо въ Кіевъ, гдѣ онѣ будутъ тебя ожидать. Какъ нарочно, эти книги нашлись у меня, и потому денегъ тебѣ за нихъ платить не нужно. — — — Но во всемъ этомъ ты можешь обойтиться и безъ моихъ совѣтовъ. Я же тебя умоляю еще разъ беречь свое здоровье; а это сбереженіе здоровья состоитъ въ слѣдующемъ секретѣ: быть какъ можно болѣе спокойнымъ, стараться бѣситься и веселиться сколько можно, до упадку, хотя бываетъ и не всегда весело.

---

(1) Намекъ на извѣстныя привычки Ивана Никифоровича: »Извините, что передъ вами въ натурѣ.« См. »Сочиненія Н. Гоголя«, т. II, стр. 462. Изд. 1-е

и помнить мудрое правило, что всё на свѣтѣ трынъ-трава и.... (2) Въ этихъ немногихъ, но значительныхъ словахъ заключается вся мудрость человѣческая. Чортъ возьми! я какъ воображу, что теперь на Кіевскомъ рынкѣ цѣлые рядна вываливаютъ персикъ, абрикосъ, которое все тамъ ни почемъ, что кіево-печерскіе — — уже облизываютъ уста, помышляя о дѣланіи вина изъ доморощеннаго винограду, и что тополи ушипгуютъ скоро весь Кіевъ, — такъ, право, и ра(з)бираетъ ѣхать, бросивши всё; но, впрочемъ, хорошо, что ты ѣдешь впередъ. Ты приготовишь тамъ все къ моему прибытію и пріищешь мѣстечко для покупки, ибо я хочу непремѣнно завестись домкомъ въ Кіевѣ, что̀, безъ сомнѣнія, и ты не замедлишь учинить съ своей стороны. Да, пріѣхавши въ Кіевъ, ты долженъ непремѣнно познакомиться съ эксъ-профессоромъ Бѣлоусовымъ. Онъ живетъ въ собственномъ домѣ,—на Подолѣ, кажется. Скажи ему, что я просилъ его тебя полюбить, какъ и меня. Онъ славный малой, и тебѣ будетъ пріяти сойтись съ нимъ.

»Да послушай: какъ только тебѣ выберет(ся) время, даже въ дорогѣ, то тотчасъ пиши ко мнѣ, меня все интересуетъ о тебѣ... самая дорога и проч. и проч....

»Смотри, пожалуста, не забывай писать мнѣ почаще: ты мнѣ дѣлаешься очень дорогъ и, долго не получая отъ тебя письма, я уже скучаю.

»Но да почіетъ надъ тобо(ю) благословеніе Божіе! Я твердо увѣренъ, что ты будешь счастливъ. Мнѣ пророчитъ мое сердце.«

Удивляешься на каждомъ шагу, сколько любви было въ нашемъ поэтѣ къ человѣку, съ которымъ, по его собственнымъ словамъ, судьба столкнула его мелькомъ, на короткое время. Мать не могла бы напутствовать своего сына болѣе нѣжными благословеніями, и братъ не предохранялъ бы брата отъ разныхъ непріятностей съ бо̀льшею заботливостью. Все слѣдующее письмо дышетъ идеально-нѣжною дружбою.

---

(2) Опять крѣпкое, очень крѣпкое словцо. *П. М.*

»Спб. Іюль 1. (1834.)

»Итакъ посылаю тебѣ книги прямо въ Кіевъ, гдѣ, надѣюсь, онѣ тебя уже застанутъ, вмѣстѣ съ ними и тетрадь пѣсенъ, которыя въ разныя времена списывались. Она замѣчательна тѣмъ, что содержитъ въ себѣ самыя обыкновенныя, общеупотребительныя пѣсни, по которыхъ врядъ ли кто можетъ пересказать изъ поющихъ: такъ утратились слова ихъ. Я думаю, ты теперь можешь много кое-чего отрыть въ Кіевопечерской Лаврѣ, а для чичерони возьми Бѣлоусова, о которомъ я тебѣ писалъ. Ты теперь въ такомъ спокойномъ, уютномъ и святомъ мѣстѣ, что трудъ и размышленіе къ тебѣ притекутъ сами. Умѣй только разпорядить хорошо время, — отдавай все прогулкѣ. Моціонъ тебѣ необходимъ. — Наше солнце и нашъ воздухъ укрѣпятъ тебя, только занимайся всегда поутру, и ввечеру, а въ полдень Боже тебя сохрани. Въ полдень лежи на солнцѣ, но голову (держи) въ тѣни; ввечеру гуляй или иди къ кому нибудь на вечеръ. Домой приходи пораньше и ложись пораньше. Это непремѣнно долженъ соблюсти: если соблюдешь, то лучше поправишься, нежели на Кавказѣ. Прощай, да пребываетъ съ тобою все хорошее. Опиши все до иголки, какъ ты найдешь Кіевъ, въ какомъ видѣ представится тебѣ твое новое житье; все это ты долженъ неукоснительно описать. Я же буду ожидать съ нетерпѣніемъ твоего отзыва. Да, Бога ради, будь поравнодушнѣе ко всему кажущемуся тебѣ съ перваго взгляда непріятнымъ; смотри на міръ такъ, какъ смотритъ на него поэтъ (1). — —«

Слѣдующее письмо предтавляетъ матеріалъ для собирателя анекдотовъ о поэтической разсѣянности. Гоголь проситъ г. Максимовича замолвить слово попечителю Кіевскаго Учебнаго Округа объ одномъ господинѣ, о которомъ тотъ впервые слышитъ, — исчисляетъ достоинства этого господина, но не упоминаетъ его имени.

»Спб. Іюля 18. (1834.)

»Я получилъ твои экземпляры пѣсенъ и по принадлежности роздалъ кому слѣдовало. Препровождаю къ тебѣ благодарность получателей

---

(1) Припоминаю читателю стихъ Пушкина

»Душевныхъ нашихъ мукъ не стоитъ міръ....« *П. М.*

Жуковскій читалъ нѣкот(орыя): онѣ произвели эффектъ. Многія понравились Н***. Я, однакоже, все ожидалъ, что ты еще будешь писать ко мнѣ изъ Москвы. Мнѣ хотѣлось знать, какъ ты собрался въ дорогу, сѣлъ въ бричку и прочее. — Что-то ты теперь подѣлываешь въ Кіевѣ? А къ стати, чтобы не позабыть: къ вамъ, или къ намъ, въ Кіевъ хочетъ ѣхать одинъ преинтересній(шій) и прелюбезнѣйшій человѣкъ, который тебѣ понравится до нельзя, — настоящій землякъ и человѣкъ, съ которымъ никогда не будетъ скучно, никогда, сохранившій все то, что̀ требуется для молодости, не смотря на то, что ему за сорокъ лѣтъ. Онъ хочетъ занять мѣсто директора гимназіи, если нельзя въ Кіевѣ, то въ какой-нибудь другой Кіевскаго же округа. Въ началѣ онъ служилъ по ученой части, потомъ былъ за границей, потомъ въ таможняхъ, изъѣздилъ всю Русь, охотникъ страшный до степей (1) и Крыма и, наконецъ, служитъ здѣсь въ Почтовомъ Департаментѣ. Извѣсти только, есть ли какое нибудь вакантное мѣсто, и въ такомъ случаѣ замолвь словечко отъ себя Б***, не прямо, но косвенно, т. е. вотъ каки (мъ) образомъ: что ты знаешь-де человѣка, весьма годнаго занять мѣсто истинно достойнаго, но что не знаешь-де, согласится ли онъ на это, потому что въ Петербургѣ имѣетъ выгодное мѣсто и считаютъ его нужнымъ человѣкомъ; что прежде онъ хотѣлъ ѣхать въ Кіевъ; то по(про)бовать, можетъ быть онъ согласится, тѣмъ болѣе, что тамъ близко его родина. А съ своей стороны ты очень будешь доволенъ имъ. — Познакомился ли ты съ Бѣлоусовымъ, какъ я тебѣ писалъ въ прежнемъ письмѣ? Онъ находится теперь при графѣ Л***. Да что̀ ты не прислалъ мнѣ нотъ малороссійскихъ пѣсенъ? прислалъ одинъ листъ подъ названіемъ »Голоса«, а самыхъ-то голосовъ и нѣтъ! Я съ нетерпѣніемъ дожидаюсь ихъ. Каково у васъ лѣто? какъ ты проводишь его? Да пиши скорѣе. Что это! я уже около мѣсяца не получаю отъ тебя никакой вѣсти. Это скучно.«

Естественно, г. Максимовичъ спросилъ у него: какъ же я долженъ назвать твоего protegé, котораго ты предлагаешь такъ расхвалить, если попечитель спроситъ его фамилію? Въ письмѣ отъ 14 августа того же

(1) Изъ его разсказовъ Гоголь заимствовалъ много красокъ для своего »Тараса Бульбы«, напримѣръ: степные пожары и лебеди, летящіе въ заревѣ по темному ночному небу, какъ красные платки. *Н. М.*

1834 года Гоголь сообщаетъ уже имя, отчество и фамилію человѣка, »съ которымъ никогда не будетъ скучно, никогда!« Но оно замѣчательно не въ этомъ отношеніи, какъ читатель и самъ увидитъ.

»Во первыхъ (пишетъ Гоголь) позволь тебѣ замѣтить, что ты страшный нюня! все идетъ какъ слѣдуетъ, а онъ еще и киснетъ! Когда я — — плюю на все и говорю, что все на свѣтѣ трынъ-трава... а признаюсь, грусть хотѣла было сильно подступить ко мнѣ, но я далъ ей, по выраженію твоему, такого пидлесня, что она задрала ноги. — — — Я рѣшился ожидать благопріятнѣйшаго и удобнѣйшаго времени, хотѣлъ даже ѣхать осенью непремѣнно въ Гетманщину, какъ здѣшній попечитель князь К*** предложилъ мнѣ, не хочу ли я занять каѳедру всеобщей исторіи въ здѣшнемъ университетѣ, обѣщая мнѣ чрезъ три мѣсяца экстраорд. профессора, зане не было ваканціи. Я, хорошенько разочтя, увидѣлъ, что мнѣ выбраться въ этомъ году нельзя никакъ изъ Питера: такъ я связался съ нимъ долгами и всѣми дѣлами своими, что̀ было единственною причиною неуступчивости моихъ требованій въ разсужденіи Кіева. Итакъ я рѣшился принять предложеніе остаться на годъ въ здѣшнемъ университетѣ, получая тѣмъ болѣе правъ къ занятію въ Кіевѣ. Притомъ же отъ меня зависитъ пріобрѣсть имя, которое можетъ заставить быть поснисходительнѣе въ отношеніи ко мнѣ и не почитать меня за несчастнаго просителя, привыкшаго чрезъ длинныя переднія и лакейскія пробираться къ мѣсту. Между тѣмъ, поживя здѣсь, я буду имѣть возможность выпутаться изъ своихъ денежныхъ обстоятельствъ. На театръ здѣшній я ставлю пьесу (1), которая, надѣюсь, кое-что принесетъ мнѣ, да еще готовлю изъ-подъ полы другую. Короче, въ эту зиму я столько обдѣлаю, если Богъ поможетъ, дѣлъ, что не буду раскаяваться въ томъ, что остался здѣсь этотъ годъ. Хотя душа сильно тоскуетъ за Украйной, но нужно покориться, и я покорился безропотно, зная, что съ своей стороны употребилъ всѣ возможныя силы. — — — Какъ бы то ни было, но перебираюсь на слѣдующій годъ, и если вы не захотите принять къ себѣ въ Кіевъ, то въ отеческую берлогу, потому что мнѣ доктора велятъ

(1) Дѣло идетъ о »Ревизорѣ«. Другая пьеса, о которой онъ упоминаетъ дальше, вѣроятно — »Женитьба«.

напрямикъ убираться, да призна(юсь), и самому становится чѣмъ далѣ нестерпимѣе петербургскій воздухъ. Я тебя попрошу, пожалуста, развѣдывай, есть ли въ Кіевѣ продающіяся мѣста для дома, если можно, съ садикомъ и, если можно, гдѣ-нибудь на горѣ, чтобы хоть кусочекъ Днѣпра былъ видѣнъ изъ него, и если найдется, то увѣдоми меня; я не замедлю выслать тебѣ деньги. Хорошо бы, еслибы наши жилища были вмѣстѣ. Пожалуста напиши мнѣ обстоятельнѣе о Кіевѣ. Теперь ты, я думаю, его совершенно разнюхалъ, каковъ онъ, и каковъ имѣетъ характеръ людъ, обитающій въ немъ: офицеры, Поляки, ученый дрязгъ нашъ, перекупки и монахи. Тотъ пріятель нашъ, о которомъ я рекомендовалъ тебѣ, есть Семенъ Данил. Шаржинскій: воспитыва(лся) въ здѣшнемъ Педагогическомъ Институтѣ, гдѣ окончилъ курсъ, былъ отправленъ учителемъ въ Ѳеодосію, послѣ въ другія мѣста въ южной Россіи, — въ какія, не помню, а спросить его позабылъ, потомъ служилъ въ таможняхъ, наконецъ нахо(ди)тся у Б*** въ Почтовомъ Департаментѣ. Въ Нѣжинъ не изъявляетъ желанія, зная, что тамъ болѣе трудностей, потому что гимназія имѣетъ особенныя права и постановленія. —— Спѣшу къ тебѣ кончить письмо, зане страхъ некогда: сейчасъ ѣду въ Царское, гдѣ проживу двѣ недѣли, по истеченіи которыхъ непремѣнно буду писать къ тебѣ.

»Августа 23 (1834, изъ С. Петербурга.)

»Пріятель нашъ Семенъ Данилов. Шаржинскій хочетъ или въ Каменецъ-Подольскую, или въ Винницкую гимназію, и потому я тебѣ еще разъ пишу объ этомъ. Если эти мѣста не вакантны теперь, то, можетъ быть тебѣ извѣстно, когда они будутъ вакантны, и въ такомъ случаѣ пожалуста не прозѣвай. — Пропухай, что̀ есть путняго въ вашей библіотекѣ, относящегося до нашего края; весьма бы было хорошо, еслибы ты поручилъ кому-нибудь составить имъ маленькой реестрецъ, дабы я могъ все это принять къ надлежащему свѣдѣнію. Я получаю много подвозу изъ нашихъ краевъ. Между ними есть довол(ьно) замѣчательныхъ вещей. Исторія моя терпитъ страшную перестройку: въ первой части цѣлая половина совершенно новая. Есть ли что-нибудь на рукахъ у Берлинскаго? вѣдь онъ старый корпила... Я тружусь какъ лошадь, чувствуя, что это послѣдній годъ, но только не надъ — — лекціями, которыя у насъ

до сихъ поръ еще не начинались, но надъ собственно своими вещами. На дняхъ С*** и Г*** перегрызлись, какъ собаки; но, впрочемъ, есть надежда, что сіи достойные люди скоро помирятся. Наши всѣ почти разъѣхались: Пушкинъ въ деревнѣ, Вяземскій уѣхалъ за границу, для поправленія здоровья своей дочери. Городъ весь застроенъ подмостками для лучшаго усмотрѣнія Александровской колонны, имѣющей открыться 30 августа. — — Прощай. Пиши, что́ и какъ въ Кіевѣ.«

»Спб. Генваря 22-го, 1835.

»Ну, братъ, я уже не знаю, что́ и думать о тебѣ. Какъ, ни слуху, ни духу! Да не сочиняешь ли ты какой-нибудь календарь или конскій лечебникъ? Посылаю тебѣ сумбуръ, смѣсь всего, кашу, въ которой есть ли масло — суди самъ (¹). За то ты долженъ непремѣнно описать все, что́ и какъ, начиная съ университета и до послѣдней кіевской букашки. — Я думаю, что ты пропасть услышалъ новыхъ пѣсенъ. Ты долженъ непремѣнно подѣлиться со мною и прислать. Да нѣтъ ли какихъ нибудь эдакихъ старинныхъ преданій? Эй, не зѣвай! Время бѣжитъ, и съ каждымъ годомъ все стирается. А! послушай, хоть не кстати, но чтобъ не позабыть. Есть нѣкто мой соученикъ, чрезвычайно добрый малый и очень преданный наукѣ. Онъ, имѣя довольно хорошее состояніе, рѣшился на странное дѣло: захотѣлъ быть учителемъ въ Житомирской гимназіи изъ одной только страсти къ исторіи. Фамилія его Тарновскій. Нельзя ли его какъ-нибудь перетащить въ университетъ? Право, мнѣ жаль, если онъ закиснетъ въ Житомирѣ. Онъ былъ послѣ и въ Московскомъ университетѣ и тамъ получилъ канди(да)та. Узнай его покороче. Ты имъ будешь доволенъ. — Ну, весною увидимся; нарочно ѣду на Кіевъ для одного тебя.

»Что́ тебѣ сказать о здѣшнихъ происшествіяхъ? У насъ хорошаго, ей Богу, ничего нѣтъ. Вышла Пушкина »Исторія Пугачевскаго Бунта«, а больше ни-ни-ни. Печатаются Жуковскаго полныя сочиненія и выйдутъ всѣ 7 томовъ къ маю мѣсяцу. — Я пишу исторію среднихъ вѣковъ, которая, думаю, будетъ состоять томовъ изъ 8, если не изъ 9. Авось

(¹) Это были »Арабески«. *Н. М.*

либо и на тебя нападетъ охота и благодатный трудъ. А нужно бы, — право, нужно озарить Кіевъ чѣмъ нибудь хорошимъ. Но...

»Прощай! Да неужели у тебя не выберется минуты времени написать хоть двѣ строчки?«

Гоголь хвалится, что пишетъ исторію среднихъ вѣковъ, которой никогда не суждено было быть оконченною, и ни слова не говоритъ о »Тарасѣ Бульбѣ« и прочихъ миргородскихъ повѣстяхъ, которыя занимали его умъ въ это время. Впрочемъ, въ письмѣ отъ 23 августа 1834 года, онъ говоритъ, что »трудится какъ лошадь надъ собственно своими вещами«: видно, это-то и были миргородскія повѣсти. Онъ до тѣхъ поръ строилъ и перестроивалъ свою »Исторію Малороссіи«, пока изъ мертваго хлама лѣтописныхъ сказаній поднялся живой, буйно-энергическій образъ Тараса Бульбы. Эта размашистая фигура высказала яснѣе всевозможныхъ томовъ, какъ Гоголь понималъ старинную жизнь Малороссіи. Напечатавъ »Тараса Бульбу«, онъ отложилъ попеченіе объ исторіи своей родины и уже никогда къ ней не возвращался.

Слѣдующее письмо выражаетъ ликующее состояніе его души по свершеніи долгаго и, по собственному его признанію, тяжелаго труда. Вѣроятно, такіе судьи, какъ Пушкинъ, Жуковскій, князь Вяземскій и Плетневъ, не замедлили увѣнчать чело поэта свѣжими, вполнѣ заслуженными лаврами, и, подъ вліяніемъ восторженнаго сознанія своего успѣха, онъ, вѣроятно, дѣлалъ не разъ то, что совѣтуетъ въ этомъ письмѣ г. Максимовичу и что потомъ, въ карикатурномъ видѣ, уступилъ Чичикову. Это — письмо автора »Тараса Бульбы«, еще не совсѣмъ отрѣшившагося отъ своего заунывно-разгульнаго идеала. Уже одно его начало показываетъ, что авторъ только что воротился съ Запорожской Сѣчи.

»Марта 22 (1835, изъ С. Петербурга.)

»Ой чи живи, чи здорови,
»Вси родычи гарбузовы? (¹)

(¹) Изъ народной комической пѣсни:

Ходыть гарбузъ по городу,
Пытаецця свого роду....

Н. М.

»Благодарю тебя за письмо. Оно меня очень обрадовало, во первыхъ, потому, что не коротко, а во вторыхъ, потому, что я изъ него больше гораздо узналъ о твоемъ образѣ жизни.

»Посылаю тебѣ »Миргородъ«. Авось-либо онъ тебѣ придется по душѣ. По крайней мѣрѣ я бы желалъ, чтобы онъ прогналъ хандрическое твое расположеніе духа, которое, сколько я замѣчаю, иногда овладѣваетъ тобою и въ Кіевѣ. Ей Богу, мы всѣ страшно отдалились отъ нашихъ первозданныхъ элементовъ. Мы никакъ не привыкнемъ [особенно ты] глядѣть на жизнь, какъ на трынъ-траву, какъ всегда глядѣлъ козакъ. Пробовалъ ли ты когда-нибудь, вставши по утру съ постели, дернуть въ одной рубашкѣ по всей комнатѣ тропака? Послушай, братъ: у насъ на душѣ столько грустнаго и заунывнаго, что если позволять всему этому выходить наружу, то это чортъ заастъ что́ такое будетъ. Чѣмъ сильнѣе подходитъ къ сердцу старая печаль, тѣмъ шумнѣе должна быть новая веселость. Есть чудная вещь на свѣтѣ: это бутылка добраго вина. Когда душа твоя потребуетъ другой души, чтобы расказать всю свою полугрустную исторію, заберись въ свою комнату и откупори ее, и когда выпьешь стаканъ, то почувствуешь, какъ оживятся всѣ твои чувства. Это значитъ, что въ это время я, отдаленный отъ тебя 1500 верстами, пью и вспоминаю тебя. И на другой день двигайся и работай и укрѣпляйся желѣзною силою, потому что ты опять увидишься съ старыми своими друзьями. Впрочемъ, я въ концѣ весны постараюсь проѣхать въ Кіевъ, хотя мнѣ, впрочемъ, совсѣмъ не по дорогѣ. Я думалъ о томъ, кого бы отсюда намѣтить въ адъюнкты тебѣ, но рѣшительно нѣтъ. Изъ заграничныхъ все правовѣдцы. — — Тарновскій идетъ по исторіи, и потому не знаю, согласится ли онъ перемѣнить предметъ; а что касается до его качествъ и души, то это такой человѣкъ, котораго всегда на подхватъ можно взять. Онъ добръ и свѣжъ чувствами какъ дитя, слегка мечтателенъ, и всегда съ самоотверженіемъ. Онъ думаетъ только о той пользѣ, которую можно принесть слушателямъ, и дѣтски преданъ этой мысли, до того, что вовсе не заботится о себѣ, награждаютъ ли его, или нѣтъ. Для него не существуетъ ни чиновъ, ни повышеній, ни честолюбія. Если бы даже онъ не имѣлъ тѣхъ достоинствъ, которыя имѣетъ, то и тогда я бы посовѣтовалъ тебѣ взять его за одинъ характеръ; ибо я знаю

по опыту, что́ значитъ имѣть при университетѣ однимъ больше благороднаго человѣка. Но прощай; напиши, въ какомъ состояніи у васъ весна. Жажду, жажду весны! Чувствуешь ли ты свое счастіе? знаешь ли ты его? Ты, свидѣтель ея рожденія, впиваешь ее, дышешь ею, — и послѣ этого ты еще смѣешь говорить, что не съ кѣмъ тебѣ перевести душу... Да дай мнѣ ее одну, одну, и никого больше я не желаю видѣть, по крайней мѣрѣ на все продолженіе ея. — — Но прощай. Желаю тебѣ больше упиваться ею, а съ нею и спокойствіемъ и ясностью жизни, потому что для прекрасной души нѣтъ мрака въ жизни.«

Казалось бы, теперь между авторомъ »Миргорода« и профессоромъ русской словесности должна была вновь закипѣть оживленная переписка; но случилось напротивъ. Гоголь написалъ еще только два письма къ г. Максимовичу (одно черезъ четыре мѣсяца, а другое черезъ четыре съ половиною года), и послѣ, до 1849 года, они не писали ни слова другъ къ другу, хотя до конца жизни оставались въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Вотъ предпослѣднее письмо Гоголя къ г. Максимовичу.

»Полтава. Іюль, 20 дня, 1835.

»О тебѣ я потерялъ совершенно всѣ слухи. Не получая долго писемъ, я думалъ, что ты занятъ; къ тому же на ухо шепнула мнѣ лѣнь моя, что нечего и тебѣ докучать письмами, и я рѣшился лучше всего этого явиться къ тебѣ вдругъ въ Кіевъ. Но вышло не такъ: ѣхавшему вмѣстѣ со мною нужно было поспѣшать въ срокъ и никакъ нельзя было дѣлать разъѣздовъ, и Кіевъ былъ пропущенъ мимо. Теперь я живу въ предковской деревнѣ и черезъ три недѣли ѣду опять въ Петербургъ, — къ 13 или къ 14, впрочемъ, буду непремѣнно въ Кіевѣ, нарочно сдѣлавши 300 верстъ кругу, и проживу два дни съ тобою. И тогда поговоримъ о томъ и о другомъ и о прочемъ. Больше, право, ничего не знаю и не умѣю сказать тебѣ, кромѣ того развѣ, что я тебя крѣпко люблю и съ нетерпѣніемъ желаю обнять тебя; впрочемъ, ты, вѣрно, это и безъ моихъ объявленій знаешь. Тупая теперь такая голова сдѣлалась, что мочи нѣтъ. Языкомъ ворочаешь такъ, что унять нельзя, а возьмешься за перо — находитъ столбнякъ. А что́, какъ ты? Я думаю, такъ дви-

жешься и работаешь, что небу становится жарко. Дай тебѣ Богъ за то возрастанія силъ и здоровья. Если будетъ тебѣ время, то отзовись еще. Письмо твое успѣетъ застать меня. Право, соскучилъ безъ тебя. Дай хоть руку твою увидѣть.«

О послѣднемъ письмѣ Гоголя къ г. Максимовичу я покамѣсть умолчу: оно относится къ третьему періоду жизни поэта и представляетъ его уже совсѣмъ инымъ человѣкомъ.... Здѣсь я прослѣжу исторію перваго періода его литературной дѣятельности по письмамъ его къ М. П. Погодину. Они не были еще знакомы лично, какъ уже вели между собой дружескую переписку. Отъ 10-го января 1833 года Гоголь писалъ къ г. Погодину:

»Меня изумляетъ ваше молчаніе. Не могу постигнуть причину. Не разлюбили ли вы меня? Но, зная совершенно вашу душу, я отбрасываю съ негодованьемъ такую мысль. По всему мы должны быть соединены тѣсно другъ съ другомъ. Однородность занятій — замѣтьте — и увасъ, и умеря. Главное дѣло — всеобщая исторія, а прочее — стороннее. Словомъ, все меня увѣряетъ, что мы не должны разлучаться на жизненномъ пути«, и проч.

Гоголь такъ же, какъ и Пушкинъ, очень высоко цѣнилъ историческія драмы г. Погодина. Это видно изъ письма его отъ 1-го февраля 1833 года.

»Какъ! (пишетъ онъ) въ такое непродолжительное время и уже готова драма, огромная драма, между тѣмъ какъ я сижу, какъ дуракъ, при непостижимой лѣни мыслей! Это ужасно! Но поговоримъ о драмѣ. Я нетерпѣливъ прочесть ее, — тѣмъ болѣе, что въ »Петрѣ« вашемъ драматическое искуство несравненно совершеннѣе, нежели въ »Мароѣ«: и такъ »Борисъ«, вѣрно, еще ступенькою сталъ выше »Петра«. Если вы хотите непремѣнно вынудить изъ меня примѣчаніе, то у меня только одно имѣется: ради Бога, прибавьте боярамъ нѣсколько глупой физіогноміи. Это необходимо, — такъ даже, чтобы они непремѣнно были смѣшны. — — Какая смѣшная спѣсь во время Петра! — — Одинъ самъ подставлялъ свою бороду, другому насильно брили. Вообразите, что одинъ бранитъ антихристову новизну, а между тѣмъ самъ хочетъ сдѣлать новомодный поклонъ и бьется изъ силъ сковеркать ужимку французо-кафтанника. — —

Благословенный вы избрали подвигъ! Вашъ родъ очень хорошъ. Ни у кого столько истины и исторіи въ героѣ піесы. »Бориса« я очень жажду прочесть.«

Продолженіе этого письма показываетъ, что Гоголь занимался отъ всей души дѣломъ образованія молодыхъ умовъ и предначертывалъ себѣ большія работы по этому предмету. Разумѣется, онъ не имѣлъ ни времени, ни силъ выполнить свои предначертанія, тѣмъ болѣе, что его очень часто отвлекали отъ чисто-умственныхъ, строгихъ занятій роскошныя созданія фантазіи.

»Журнальца (писалъ онъ), который ведутъ мои ученицы, я не посылаю, потому что они (¹) очень обезображены посторонними и чужими прибавленіями, которыя онѣ присоединяютъ иногда отъ себя изъ дрянныхъ печатныхъ книжонокъ, какія попадутся имъ въ руки. Притомъ же я только такое подносилъ имъ, что̀ можно понять женскимъ мелкимъ умомъ. Лучше обождите нѣсколько времени; я вамъ пришлю, или привезу чисто свое, которое подготовляю къ печати. Это будетъ всеобщая исторія и географія въ трехъ, если не въ двухъ, томахъ, подъ заглавіемъ: »Земля и Люди«. Изъ этого гораздо лучше вы узнаете нѣкоторыя мои мысли объ этихъ наукахъ.

»Да (продолжаетъ онъ), я только теперь прочелъ изданнаго вами Беттигера. Это точно одна изъ удобнѣйшихъ и лучшихъ для насъ исторія. Нѣкоторыя мысли я нашелъ у ней совершенно сходными съ моими, и потому тотчасъ выбросилъ ихъ у себя. Это нѣсколько глупо съ моей стороны, потому что въ исторіи пріобрѣтеніе дѣлается для пользы всѣхъ, и владѣніе ими законно. Но что̀ дѣлать? проклятое желаніе быть оригинальнымъ! Я нахожу только въ ней тотъ недостатокъ, что во многихъ мѣстахъ не такъ развернуто и охарактеризовано время. Такъ александрійскій вѣкъ слишкомъ блѣдно и быстро промелькнулъ у него. Греки, въ эпоху національнаго образованнаго величія, у него — звѣзда не больше другихъ, а не солнце древняго міра. Римляне, кажется, уже слишкомъ много внутренними и внѣшними разбоями заняли мѣста противъ

(¹) Гоголь забылъ, что употребилъ слово *журнальца* въ единственномъ числѣ. Это показываетъ, что онъ отправлялъ свои письма не перечитывая. *П. М.*

другихъ. Но это замѣчанія собственно для насъ, а — — для преподаванія это самая золотая книга.«

Интересенъ взгдядъ Гоголя, въ ту эпоху, на »Вечера на Хуторѣ«. Ихъ авторъ очень быстро шелъ впередъ.

»Вы спрашиваете объ Вечерахъ Диканскихъ. Чортъ съ ними! я не издаю ихъ. И хотя денежныя пріобрѣтенія были бы не лишнія для меня, но писать для этого, прибавлять сказки не могу. Никакъ не имѣю таланта заняться спекулятивными оборотами. Я даже позабылъ, что я творецъ этихъ Вечеровъ, и вы только напомнили мнѣ объ этомъ. Впрочемъ Смирдинъ отпечаталъ полтораста экземпляровъ 1-й части, потому что второй у него не покупали безъ первой. Я и радъ, что не больше. Да обрекутся они неизвѣстными, покамѣсть что-нибудь увѣсистое, великое, художническое не изыдетъ изъ меня! Но я стою въ бездѣйствіи, въ неподвижности. Мелкаго не хочется; великое не выдумывается. — —«

Слѣдующее письмо (отъ 20-го февраля, 1833) ясно показываетъ въ Гоголѣ борьбу двухъ равно сильныхъ стремленій, которыя впослѣдствіи приняли обширные размѣры и въ самой этой обширности заключали непреодолимыя для него препятствія. Одно было желаніе принести *пользу*, другое — создать твореніе, великое въ художественномъ смыслѣ. Здѣсь видно, какъ идея истины и красоты постоянно превышала у него форму и какъ онъ былъ склоненъ уже и тогда оставлять въ пренебреженіи сдѣланное и разрушать недоконченное, чтобы творить вновь, согласно съ высшими понятіями о пользѣ и изяществѣ.

»Журнала дѣвицъ я потому не посылалъ, что приводилъ его въ порядокъ, и его-то, совершенно преобразивши, хотѣлъ я издать подъ именемъ »Земля и Люди«. Но я не знаю, отъ чего на меня напала тоска... корректурный листокъ выпалъ изъ рукъ моихъ, и я остановилъ печатаніе. Какъ-то не такъ теперь работается, не съ тѣмъ вдохновенно-полнымъ наслажденіемъ царапаетъ перо бумагу. Едва начинаю и что-нибудь совершу изъ ист(оріи), уже вижу собственные недостатки. То жалѣю, что не взялъ шире, огромнѣй объему, то вдругъ зиждется совершенно новая система и рушитъ старую. Напрасно я увѣряю себя, что это только начало, эскизъ, что это не нанесетъ пятна мнѣ, что

судья у меня одинъ только будетъ, и тотъ одинъ — другъ; но не могу... Чортъ побери, пока, трудъ мой, набросанный на бумагѣ, до другого, спокойнѣйшаго времени! Я не знаю, отъ чего я теперь такъ жажду современной славы. Вся глубина души такъ и рвется наружу. Но я до сихъ поръ не написалъ ровно ничего. Я не писалъ тебѣ: я помѣшался на комедіи. Она, когда я былъ въ Москвѣ, въ дорогѣ и когда, пріѣхалъ сюда, не выходила изъ головы моей, но до сихъ поръ я ничего не написалъ. Уже и сюжетъ было на дняхъ началъ составляться, уже и заглавіе написалось на бѣлой, толстой тетради. — — И сколько злости, смѣху, соли! но вдругъ остановился. — — А что̀ изъ того, когда піэса не будетъ играться? Драма живетъ только на сценѣ. Безъ нея, она какъ будто безъ тѣла. Какой же мастеръ понесетъ на показъ народу неконченное произведеніе? Мнѣ больше ничего не остается, какъ выдумать сюжетъ самой невинной, которымъ даже квартальный не могъ бы обидѣться. Но что̀ комедія безъ правды и злости? Итакъ за комедію не могу приняться. Примусь за исторію — передо мною движется сцена; шумитъ аплодисментъ; рожи высовываются изъ ложъ, изъ райка, изъ креселъ и оскаливаютъ зубы, и — исторія къ чорту! И вотъ почему я сижу при лѣни мыслей.«

Вотъ сужденіе Гоголя (въ томъ же письмѣ) о современныхъ литераторахъ и литературѣ, въ дополненіе къ тѣмъ, которыя представлены уже выше.

»Крылова нигдѣ не попалъ, чтобы напомнить ему за портретъ. Этотъ блюдолизъ, не смотря на то, что породою слонъ, летаетъ какъ муха по обѣдамъ. — — Читалъ ли ты Смирдинское »Новоселье«? Книжища ужасная; человѣка можно уколотить. Для меня она замѣчательна тѣмъ, что здѣсь въ первый разъ показались въ печати такія гадости, что читать мерзко. Прочти Брамбеуса: сколько тутъ — — всего!«

Отъ 8-го мая, 1833. »Пушкинъ ужъ почти кончилъ исторію Пугачева. Это будетъ единственное у насъ въ этомъ родѣ сочиненіе. Замѣчательна очень вся жизнь Пугачева. Интересу пропасть! совершенный романъ!«

Отъ 11-го января, 1834. »... Рука твоя летитъ по бумагѣ;

фельдмаршалъ твой бодрствуетъ надъ ней; подъ ногами у тебя валяется толстый дуракъ, т. е. первый № Смирдинской »Библіотеки«. Кстати о »Библіотекѣ«. Это довольно смѣшная исторія. С*** очень похожъ на стараго пьяницу и забулдыжника, котораго долго не рѣшался впускать въ кабакъ даже самъ цѣловальникъ, но который, однакожъ, ворвался и бьетъ, очеретя голову, сулеи, штофы, чарки и весь благородный препаратъ. Сословіе, стоящее выше брамбеусины, негодуетъ на безстыдство и наглость кабачнаго гуляки; сословіе, любящее приличіе, гнушается и читаетъ; начальники отдѣленій и директоры департаментовъ читаютъ и надрываютъ бока отъ смѣху; офицеры читаютъ и говорятъ: »С** с*, какъ хорошо пишетъ!« помѣщики покупаютъ и подписываются, и, вѣрно, будутъ читать. Одни мы, грѣшные, откладываемъ на запасъ для домашняго хозяйства. Смирдина капиталъ ростетъ. Но это еще все ничего. А вотъ что̀ хорошо. С*** уполномочилъ самъ себя властью рѣшить (и) вязать: мараетъ, передѣлываетъ, отрѣзываетъ концы и пришиваетъ другіе къ поступающимъ пьесамъ. Натурально, что если всѣ такъ кротки, какъ почтѣннѣйшій Ѳ** В***вичъ [котораго лице очень похоже на лорда Байрона, какъ изъяснялся не шутя одинъ лейбъ-гвардіи кирасирскаго полка офицеръ], который объявилъ, что онъ всегда за большую честь для себя почтетъ, если его статьи будутъ исправлены такимъ высокимъ корректоромъ, котораго фантастическія путешествія даже лучше его собственныхъ. Но сомнительно, чтобы всѣ были такъ робки, какъ этотъ почтенный мужъ. — — Но вотъ что̀ плохо: что мы всѣ въ дуракахъ. Въ этомъ и спохватились наши туза литературные, да поздно. Почтенные редакторы зазвонили нашими именами, набрали подписчиковъ, заставили народъ разинуть ротъ и на нашихъ же спинахъ и разъѣзжаютъ теперь. Они поставили новый краеугольный камень своей власти. Это другая Пчела! И вотъ литература наша безъ голоса! а между тѣмъ наѣздники эти дѣйствуютъ на всю Русь: — — а Русь только середи Руси.«

Въ томъ же письмѣ Гоголь говоритъ о своихъ литературныхъ предпріятіяхъ, которымъ не суждено было осуществиться, къ сожалѣнію любителей малороссійской старины, но къ чести его ума. Онъ убѣдился, что еще слишкомъ мало разработаны источники для исторіи Малороссіи

и что ему придется сочинять, а не писать эту исторію. Всеобщая же исторія была не по его здоровью.

»Я весь теперь (говоритъ онъ), погруженъ въ исторію малороссійскую и всемірную. И та, и другая у меня начинаетъ двигаться. Это сообщаетъ мнѣ какой-то спокойный и равнодушный къ житейскому характеръ, а безъ того я бы былъ страхъ сердитъ на всѣ эти обстоятельства. Ухъ, братъ, сколько приходитъ ко мнѣ мыслей теперь! да какихъ крупныхъ, полныхъ, свѣжихъ! Мнѣ кажется, что сдѣлаю кое-что не-общее во всеобщей исторіи. Малороссійская Исторія моя чрезвычайно бѣшена, да иною впрочемъ и быть ей нельзя. Мнѣ попрекаютъ, что слогъ въ ней уже слишкомъ горитъ, неисторически жгучь и живъ; но что̀ за исторія, если она скучна!«

Въ двухъ послѣднихъ письмахъ 1834 года Гоголь выразилъ свой взглядъ на дѣло историка вообще и на свои лекціи въ Университетѣ. Эти письма дополняютъ понятія наши о немъ, составленныя по печатнымъ историческимъ статьямъ его.

Отъ 2-го ноября. »Охота тебѣ заниматься и возиться около Герена, который далѣе своего нѣмецкаго носа и своей торговли ничего не видитъ. Чудной человѣкъ: онъ воображаетъ себѣ, что политика — какой-то осязательный предметъ, господинъ во фракѣ и башмакахъ и притомъ совершенно абсолютное существо, являющееся мимо художествъ, мимо наукъ, мимо людей, мимо жизни, мимо нравовъ, мимо отличій вѣковъ, нестарѣющее, немолодѣющее, ни умное, ни глупое, — чортъ знаетъ что̀ такое! Впрочемъ, если ты займешься Гереномъ съ тѣмъ, чтобъ развить и передѣлать его посвоему, это другое дѣло. Я тогда радъ, и мнѣ нѣтъ дѣла до того, какое названіе носитъ книга. Пять-шесть мыслей новыхъ уже для меня искупаютъ все. Ну, а извѣстное дѣло — куда ты сунешь перо свое, то уже, вѣрно, тамъ будетъ новая мысль«.

Отъ 14-го декабря. »Объ Геренѣ я говорилъ тебѣ въ шутку, между нами; но я его при всемъ томъ гораздо болѣе уважаю, нежели многіе, хотя онъ и не имѣетъ такъ глубокаго генія, чтобы стать на ряду съ первоклассными мыслителями, и я бы отъ души радъ былъ, еслибъ намъ подавали побольше Гереновъ. Изъ нихъ можно таскать обѣими руками. Съ твоими мыслями я уже давно былъ согласенъ, и если ты думаешь,

что я отсѣкаю народъ отъ человѣчества, то ты не правъ. Ты не гляди на мои историческіе отрывки: они молоды, они давно писаны; не гляди также на статью о среднихъ вѣкахъ въ д-мъ журналѣ. Она сказана только такъ, чтобы сказать что-нибудь и только раззадорить нѣсколько въ слушателяхъ потребность узнать то, о чемъ еще нужно разсказать, что̀ оно такое. Я съ каждымъ мѣсяцемъ и съ каждымъ днемъ вижу новое и вижу свои ошибки. Не думай также, чтобы я старался только возбудить чувства и воображеніе. Кляпусь, у меня цѣль высшая! Я, можетъ быть, еще малоопытенъ; я молодъ въ мысляхъ; но я буду когда-нибудь старъ. Отъ чего же я черезъ недѣлю уже вижу свою ошибку? Отъчего же передо мною раздвигается природа и человѣкъ? Знаешь ли ты, что̀ значитъ не встрѣтить сочувствія, — что̀ значитъ не встрѣтить отзыва? Я читаю одинъ, рѣшительно одинъ въ здѣшнемъ университетѣ. Никто меня не слушаетъ; ни на одномъ (лицѣ) ни разу не встрѣтилъ я, чтобы поразила его яркая истина. И оттого я рѣшительно бросаю теперь всякую художническую отдѣлку, а тѣмъ болѣе желаніе будить сонныхъ слушателей. Я выражаюсь отрывками и только смотрю въ даль и вижу ее въ той системѣ, въ какой она явится у меня вылитою черезъ годъ. Хоть бы одно студентское существо понимало меня! — —«

Представляю теперь выписки изъ писемъ его къ матери, относящихся къ этому времени. Онъ писалъ къ ней, по обыкновенію, очень часто, но послѣ изданія второй части »Вечеровъ на Хуторѣ« тонъ его семейныхъ писемъ сдѣлался степеннѣе. Въ нихъ преобладаютъ мелочи практической жизни и только изрѣдка прорываются поэтическія воспоминанія дѣтства, или идеи, чисто художественныя. Можетъ быть, это происходило отъ сближенія съ людьми, которые интересовались имъ исключительно какъ литераторомъ и давали ему много случаевъ наговориться объ изящномъ и высокомъ; а можетъ быть, и самыя обстоятельства ввели его больше въ кругъ семейныхъ заботъ и мелочей. Какъ бы то ни было, но авторъ »Вечеровъ на Хуторѣ« очень прилежно занимался въ Петербургѣ составленіемъ узоровъ для ковровъ домашней фабрикаціи и пересылалъ ихъ матери, тщательно освѣдомлялся обо всемъ, что̀ дѣлается въ деревнѣ по предметамъ огородничества, садоводства, земледѣлія и ремеслъ, много хлопоталъ по разнымъ хозяйственнымъ сдѣл-

камъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ и въ другихъ мѣстахъ и часто увѣдомлялъ мать объ успѣхахъ двухъ сестеръ, воспитывавшихся въ Патріотическомъ институтѣ. Въ письмахъ его упоминается также и о полученіи изъ Малороссіи національныхъ костюмовъ, о сказкахъ, о пѣсняхъ и т. п., высылаемыхъ ему изъ дому. Онъ былъ всё тотъ же нѣжный, горячо любящій сынъ. Въ письмѣ отъ 20-го Іюня 1833 года, онъ говоритъ ей, въ убѣжденіе не предаваться излишнимъ заботамъ по хозяйству:

»Зачѣмъ намъ деньги, когда онѣ цѣною вашего спокойствія? На эти деньги [если только онѣ будутъ] мнѣ всё кажется, что мы будемъ глядѣть такими глазами, какъ Іуда на серебряники: за нихъ проданы ваша тишина и, можетъ быть, частъ самой жизни, потому что заботы коротаютъ вѣкъ.«

Слѣдующее мѣсто въ письмѣ отъ 9-го августа того же года показываетъ, что Гоголь не скоро послѣ первыхъ повѣстей написалъ миргородскія повѣсти (если только понимать это мѣсто въ прямомъ смыслѣ):

»Врядъ ли будетъ что-нибудь у меня въ этомъ, или даже въ слѣдующемъ году. Пошлетъ ли Всемогущій Богъ мнѣ вдохновеніе — не знаю.«

Совѣты, предложенные имъ матери, касательно воспитанія младшей сестры его (въ письмѣ отъ 2-го октября, 1833), дополняютъ и объясняютъ многое въ исторіи его внутренней жизни.

»Отдалите отъ нея дѣвичью, чтобы она никогда туда не заходила. Велите ей быть не отлучно при васъ. Лучше нѣтъ для дѣвицы воспитанія, какъ въ глазахъ матери, а особливо такой, какъ вы. Пусть она спитъ въ вашей комнатѣ. Ввечеру нельзя ли вамъ такъ завесть, чтобы всѣ (сидѣли) за однимъ столомъ: вы, сестра (старшая), Павелъ Осиповичь и она, и каждый занимался бы своимъ? Давайте ей побольше занятій. Пусть она занимается тѣми же дѣлами, что и большіе. Давайте ей шить не лоскутки, а нужныя домашнія вещи. Поручите ей разливать чай. Ради Бога, не пренебрегайте этими мѣлочами. Знаете ли вы, какъ важны впечатлѣнія дѣтскихъ лѣтъ? То, что́ въ дѣтствѣ только хорошая привычка и наклонность, превращается въ зрѣлыхъ лѣтахъ въ добродѣтель. Внушите ей правила религіи: это фундаментъ всего. — — Говорите, что Богъ все видитъ, все знаетъ, что́ она ни дѣлаетъ. Говорите ей поболѣе о будущей жизни; опишите всѣми возможными и ира-

вящимися для дѣтей красками тѣ радости и наслажденія, которыя ожидаютъ праведныхъ, и какія ужасныя, жестокія муки ждутъ грѣшныхъ. Ради Бога, говорите ей почаще объ этомъ при всякомъ ея поступкѣ, худомъ или хорошемъ. Вы увидите, какія благодѣтельныя это произведетъ слѣдствія. Нужно сильно потрясти дѣтскія чувства, и тогда они надолго сохранятъ все прекрасное. Я испыталъ это на себѣ. Я очень хорошо помню, какъ меня воспитывали. Дѣтство мое донынѣ часто представляется мнѣ. Вы употребляли все усиліе воспитать меня какъ можно лучше. — — Я помню, я ничего сильно не чувствовалъ. Я глядѣлъ на все, какъ на вещи, созданныя для того, чтобы угождать мнѣ. Никого особенно не любилъ, выключая только васъ, и то только потому, что сама натура вдохнула это чувство. На все я глядѣлъ безстрастными глазами. Я ходилъ въ церковь потому, что мнѣ приказывали, или носили меня. Я ничего не видѣлъ, кромѣ ризъ, попа и — — дьячковъ. Я крестился потому, что видѣлъ, что всѣ крестятся. Но одинъ разъ — я живо, какъ теперь, помню этотъ случай — я просилъ васъ разсказать мнѣ о Страшномъ Судѣ, и вы мнѣ, ребенку, такъ хорошо, такъ понятно, такъ трогательно разсказали о тѣхъ благахъ, которыя ожидаютъ людей за добродѣтельную жизнь, и такъ разительно, такъ страшно описали вѣчныя муки грѣшниковъ, что это потрясло и разбудило во мнѣ всю чувствительность; это заронило и произвело въ послѣдствіи во мнѣ самыя высокія мысли. — — — Я вижу яснѣе и лучше многое, нежели другіе. Въ немногіе годы я много узналъ, особливо по этой части. Я изслѣдовалъ человѣка отъ его колыбели до конца, и отъ этого ничуть не счастливѣе. У меня болитъ сердце, когда я вижу, какъ заблуждаются люди. Толкуютъ о добродѣтели, о Богѣ, а между тѣмъ не дѣлаютъ ничего. (1) Хотѣлъ бы, кажется, помочь имъ, но рѣдкіе, рѣдкіе изъ нихъ имѣютъ свѣтлый природный умъ, чтобы увидѣть истинну моихъ словъ«.

---

(1) Послѣ этого ясно, съ какимъ чувствомъ Гоголь влагалъ въ уста своему Городничему (въ »Ревизорѣ«) слова: »Зато вы въ Бога не вѣруете; вы въ церковь никогда не ходите, а я по крайней мѣрѣ въ вѣрѣ твердъ и каждое воскресенье бываю въ церкви«; или: » Что́ ни говори, а добродѣтель выше всего на свѣтѣ«. *Н. М.*

Въ письмѣ отъ 12-го апрѣля 1835 года, авторъ »Миргорода« и »Ревизора« говоритъ:

»Вы, говоря о моихъ сочиненіяхъ, называете меня геніемъ. Какъ бы это ни было, но это очень странно. Меня, добраго, простого человѣка, можетъ быть, не совсѣмъ глупаго, имѣющаго здравый смыслъ, и называть геніемъ! Нѣтъ, маминька, этихъ качествъ мало, чтобы составить его: иначе — у насъ столько геніевъ, что и (не) протолпиться.«

Онъ проситъ не хвалиться никому его талантомъ. »Скажите только просто, что онъ добрый сынъ, и больше ничего не прибавляйте. — — Это для меня будетъ лучшая похвала.«

»Я знаю (продолжаетъ онъ) очень много умныхъ людей, которые вовсе не обращаютъ вниманія на литературу, и тѣмъ не менѣе я ихъ уважаю. Литература вовсе не есть слѣдствіе ума, а слѣдствіе чувства, — такимъ самымъ образомъ, какъ и музыка, какъ и живопись. У меня, напримѣръ, нѣтъ уха къ музыкѣ и я не говорю о ней, и меня отъ того никто не презираетъ. Я не знаю ни въ зубъ математики, и надо мною никто не смѣется. — — — Въ Петербургѣ, во всемъ Петербургѣ, можетъ быть, только человѣкъ пять и есть, которые истинно и глубоко понимаютъ искусство, а между тѣмъ въ Петербургѣ есть множество истинно прекрасныхъ, благородныхъ, образованныхъ людей. Я самъ, преданный и погрязшій въ этомъ ремеслѣ, я самъ никогда не смѣю быть такъ дерзокъ, чтобы сказать, что я могу судить и совершенно понимать такое-то произведеніе. Нѣтъ, можетъ быть, я только десятую долю понимаю.«

VIII.

Книги, въ которыхъ Гоголь писалъ свои сочиненія. — Начатыя повѣсти. — Гоголь посѣщаетъ Кіевъ. — Аналогія между характеромъ Гоголя и характеромъ украинской пѣсни.

Въ письмахъ къ г. Максимовичу Гоголь ненарокомъ открываетъ мѣстами, подъ какими впечатлѣніями и вліяніями писалъ онъ свои первыя повѣсти; но по нимъ трудно было бы составить себѣ понятіе о самомъ процессѣ его авторства. Гораздо яснѣе говорятъ объ этомъ его черновыя

книги, въ которыхъ онъ обыкновенно писалъ свои сочиненія. Эти книги, принадлежащія нынѣ одному изъ ближайшихъ друзей Гоголя, К. С. Аксакову, однимъ уже видомъ своимъ даютъ понятіе о простомъ уголкѣ, въ которомъ роилось столько грезъ. Каждый знаетъ переплетенныя тетради изъ простой бумаги, съ кожаными корешками, накрапленными кой-какъ купоросным растворомъ, продающіяся въ бумажныхъ лавкахъ низшаго разряда, въ Петербургѣ, и покупаемыя присутственными мѣстами для записыванія входящихъ и исходящихъ бумагъ. Такія книги служили Гоголю для черновыхъ рукописей его сочиненій. У К. С. Аксакова хранится ихъ шесть, не считая записной книги, переплетенной въ кожу, и отдѣльныхъ листовъ, на которыхъ написаны: »Сорочинская Ярмарка«, »Майская Ночь« и начало комедіи »Женихи« (1). Перелистываніе ихъ — я увѣренъ — доставило бы многимъ такое грустное удовольствіе, какое испытывалъ я, когда онѣ очутились у меня въ рукахъ. Содержа въ памяти блестящіе вымыслы поэта и глядя на эти сѣроватые листы бумаги, исписанные мелкимъ, нечеткимъ и несвободнымъ почеркомъ, безъ всякой системы или порядка, безъ всякихъ заглавій и нумераціи, едва вѣришь, что между тѣми и другими есть что-нибудь общаго. Кто бы могъ предположить, что этотъ нетвердый почеркъ, напоминающій почерки женскихъ рукъ, эти неровныя строки, тѣсно прижатыя одна къ другой, эти каракульки, написанныя часто блѣдными или рыжими чернилами, часто заплывшія, часто выдвинувшіяся изъ своей плохо построенной шеренги, выражали душу, столь чисто-возвышенную, и умъ, одаренный благороднѣйшими способностями? Передъ глазами читающаго черновыя книги Гоголя является жалкій призракъ земной формы человѣка, въ которой, на вѣчное удивленіе наше, живетъ безсмертный духъ, неимѣющій съ нею ничего общаго. Ихъ видъ раждаетъ въ душѣ такое странное, болѣзненное и вмѣстѣ восхитительное чувство, какое мы испытываемъ, глядя на мертваго, котораго душа живетъ въ душѣ нашей и въ котораго вѣчную, свѣтлую жизнь въ невещественномъ мірѣ мы несомнѣнно вѣруемъ. Между тѣмъ простое, такъ сказать научное любопытство находитъ въ этихъ видимыхъ слѣдахъ улетѣвшаго отъ насъ духа много для себя пищи.

---

(1) Впослѣдствіи эта комедія названа »Женитьбою«.

Гоголь, какъ видно, сперва долго обдумывалъ то, что̀ желаетъ написать, — обдумывалъ до тѣхъ поръ, пока его вымыселъ обращался какъ бы въ сложившуюся пѣсню. Онъ вписывалъ свое сочиненіе въ книгу почти безъ всякихъ помарокъ, и рѣдко можно найти въ его печатныхъ повѣстяхъ какія-нибудь дополненія или передѣлки противъ черновой рукописи. Часто его сочиненія прерываются, чтобъ дать мѣсто другой повѣсти или журнальной статьѣ; потомъ, безъ всякаго обозначенія или пробѣла, продолжается прерванный разсказъ и перемѣшивается съ посторонними замѣтками или выписками изъ книгъ. Это дивное творчество, въ одно и то же время устремленное къ важнымъ созданіямъ и мелкимъ эскизамъ или разсужденіямъ, напоминаетъ дѣятельность природы, которая съ равной любовью и заботливостью образуетъ тысячелѣтній дубъ и однолѣтнюю легкую вѣтку хмѣля, уцѣпившуюся за его низшія вѣтви. Представляю краткое описаніе каждой книги.

Трудно опредѣлить хронологическій порядокъ этихъ книгъ, потому что Гоголь завелъ ихъ, кажется, всѣ въ одномъ году и вписывалъ то въ одну, то въ другую свои замѣтки и сочиненія. Но назовемъ первою книгою ту, которая имѣетъ слѣдующее заглавіе: »Книга для записки книгъ, тетрадей, бѣлья, платьевъ и другихъ вещей, принадлежащихъ Василію Тарновскому. Заведена 1826 года, сентября 24. Москва«.

Подъ этимъ заглавіемъ надпись рукою Гоголя: »Но послѣ переведена въ другую шнуровую, а на мѣсто оной выдана департаментомъ сельскаго хозяйства подъ управленіе голтвянскаго помѣщика Николая Васильева сына Гоголь-Яновскаго« (¹).

Послѣ нѣсколькихъ листовъ, занятыхъ реестрами г. Тарновскаго, слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ статьи Гоголя:

»О построеніи зданій деревянныхъ изъ мокрой глины. Сочиненіе Карла Штиссера.«

»Дешевый способъ покрывать кровли сельскихъ зданій.«

»Объ индѣйскомъ растеніи Бататасъ.«

»Способъ производить картофельныя сѣмена разныхъ сортовъ.«

»Общія правила содержанія домашняго скота.«

(¹) Вторая половина фамиліи подскоблена, и осталось только *Гоголь* и тире.

Черезъ десять листовъ, на оборотѣ листа: Начало статьи: »Скульптура, Живопись и Музыка«, прерванное на 7-й строкѣ. Потомъ на новомъ листѣ —

»ПОВѢСТЬ

Изъ книги подъ названіемъ: Лунный Свѣтъ въ разбитомъ окошкѣ чердака на Васильевскомъ Островѣ, въ 16 линіи.

»Было далеко за полночь. Одинъ фонарь только озарялъ неправильную улицу и бросалъ какой-то странный блескъ на каменные дома, и оставлялъ во мракѣ деревянные; изъ сѣрыхъ (они) превращались совершенно въ черные....« И только. Потомъ:

Продолженіе статьи »Скульптура, Живопись и Музыка«.

Повѣсть »Невскій Проспектъ«. (1)

Повѣсть »Ночь передъ Рождествомъ«.

Статья »Нѣсколько Словъ о Пушкинѣ«.

Послѣ этой статьи, на новомъ листѣ, однимъ перомъ написано:

»Обѣты и клятвы внутри души при возведеніи въ высокій санъ«.

А другимъ:

»Я давно уже ничего не разсказывалъ вамъ. Признаться сказать, оно очень пріятно, если кто станетъ что-нибудь разсказывать. Если же выберется человѣкъ небольшого роста, съ сиповатымъ баскомъ, да и говоритъ ни слишкомъ громко, ни слишкомъ тихо, а такъ совершенно, какъ котъ мурчитъ надъ ухомъ, то это такое наслажденіе, что ни перомъ описать, ни другимъ чѣмъ-нибудь не сдѣлать. Это мнѣ лучше нравится, нежели проливной дождикъ, когда сидишь въ сѣняхъ на полу, передъ дверью, поджавши подъ себя ноги, а онъ, голубчикъ, трепаетъ во весь духъ солому на крышѣ, и деревенскія бабы бѣгутъ босыми ногами, (набросивъ) свое рубье на голову и схвативъ подъ руку ч(еревыки). — Вы никогда не слыхали про моего дѣда? Что́ это былъ за человѣкъ! съ ка-

(1) Средніе листы этой повѣсти сперва предназначены были авторомъ для замѣтокъ для какой-то комедіи. На одномъ изъ нихъ написано: »Комед. Матер. общіе. Старое правило: Уже хочетъ достигн. схватить рукою, какъ вдругъ помѣшательство, и отдалены желанные предметы на огромное разстояніе. Какъ игра въ накидку, и вонъ азартная игра«. На другомъ: »Матер. частн. Не понимаетъ и толкуетъ по своему въ родѣ метафизическо-математическомъ«.

кими достоинствами! я вамъ скажу, что такихъ людей я теперь нигдѣ не отыскивалъ.«

Статья »Объ Архитектурѣ«.

Эта статья прервана далеко до окончанія страницы и продолжается на другомъ листѣ, на которомъ весьма торопливымъ почеркомъ набросано сперва нѣсколько фразъ, пойманныхъ, видно, въ разговорахъ. Именно:

»Что́ вамъ сталъ вицъ-мундиръ? по чемъ суконце? — Да, да, знаю, понимаю, — да, да! Ну, а разскажите. Да о чемъ бишь вы говорили? — Подойди, скотина. Вамъ на столѣ краснаго дерева работать и скоблить!«

Далѣе что-то непонятное; можно прочитать только:

»... разговора уменъ видъ кухарка и проч.«

Потомъ:

»Также. Фуфайку, надобно вамъ знать, сударыня, я ношу лосинную; она гораздо лучше фланелевой«.

Статья »Шлецеръ, Миллеръ и Гердеръ«.

На оборотѣ листа, оканчивающаго статью: »Шлецеръ, Миллеръ и Гердеръ«, написано четыре строки изъ конца »Записокъ Сумасшедшаго«:

»Боже! что́ они дѣлаютъ со мною! Они всё льютъ на голову мою страшную воду! Она какъ стрѣла разщеливаетъ черепъ мой. Матушка«, и проч.

Черезъ два листа — продолженіе повѣсти »Портретъ«, со словъ: »Мысли его были заняты этимъ необыкновеннымъ явленіемъ«.

Черезъ четыре листа, на которыхъ двѣ страницы заняты счетами г. Тарновскаго, на оборотѣ чистаго листа — опять продолженіе повѣсти »Портретъ«, со словъ: »Между тѣмъ съ нашимъ художникомъ произошла счастливая перемѣна«.

Статья »Жизнь«, безъ заглавія, какъ и всѣ вообще повѣсти и статьи во всѣхъ книгахъ, кромѣ небольшого начала »Повѣсти изъ Книги: Лунный Свѣтъ« и еще начала одной пьесы, приведеннаго ниже.

Статья: »О Картинѣ Брюлова«.

Повѣсть »Записки Сумасшедшаго«.

Черезъ листъ, статья »Ал-Мамунъ«.

Вторая книга черновыхъ сочиненій Гоголя заключаетъ въ себѣ слѣдующее:

Пропустя шесть чистыхъ листовъ, разсказъ »Коляска«.

Набросокъ безъименной трагедіи изъ англійской исторіи (¹).

Черезъ одинъ листъ, рядъ рецензій, безъ означенія книгъ, на которыя онѣ написаны. Съ пробѣлами, онѣ занимаютъ 13 листовъ. По сдѣланнымъ мною выпискамъ, П. С. Тихонравовъ, извѣстный публикѣ своими библіографическими трудами, нашелъ, что почти вся статья: »Новыя книги« въ № 1 »Современника« 1836 года принадлежитъ Гоголю, кромѣ замѣтокъ о »Востокѣ« (стр. 303—304) и о »Вечерахъ на Хуторѣ близь Диканьки« (стр. 311—312). Ту и другую статьи г. Анненковъ приписываетъ Пушкину, что весьма вѣроятно, судя по отношеніямъ его къ тѣмъ, которымъ принадлежатъ упомянутыя книги. Кромѣ этихъ двухъ вставокъ, все остальное писано Гоголемъ, т. е. объ »Историческихъ Афоризмахъ« Погодина (стр. 296 — 302), »Походныхъ Запискахъ Артиллериста« (стр. 304 — 305), »Письмахъ Леди Рондо« (стр. 308 — 309), »Путешествіи вокругъ Свѣта« (стр. 309—310). »Атласѣ Космографіи« (стр. 311, двѣ строчки), »Моемъ Новосельѣ« (стр. 313—314) и »Сорокъ одной Повѣсти лучшихъ иностранныхъ Писателей«. Вѣроятно, и заключеніе обзора писано Гоголемъ (стр. 318—319).

Изъ прочихъ рукописныхъ рецензій Гоголя видно, что Гоголь намѣренъ былъ высказать также нѣсколько замѣчаній и о нѣкоторыхъ другихъ книгахъ, но они или не были окончательно написаны, или остались безъ употребленія. Такъ статейка, начинающаяся словами: »Если воспользоваться всѣми этими рецептами, то можно сварить такую кашу, на которую и охотника не найдешь« относится, очевидно, къ упомянутой въ »Современникѣ« »Полной ручной кухмистерской Книгѣ« (т. I, стр. 316), а другая, начинающаяся такъ: »Путешествіе въ Іерусалимъ производитъ дѣйствіе сказочное въ нашъ періодъ. Это одна изъ тѣхъ книгъ, кои больше всего и благоговѣйнѣе всего читаются«, принадлежитъ, кажется, къ »Путешествію къ Святымъ Мѣстамъ, совершенному въ XVII столѣтіи іеродіакономъ Троицкой Лавры«. Въ »Современникѣ« осталось одно заглавіе этой книги. Г. Анненковъ въ »Матеріалахъ для Біографіи А. С. Пушкина« (т. I. стр. 417—418) ошибочно приписалъ

(¹) См. въ приложеніяхъ.

Пушкину статьи о »Походныхъ Запискахъ Артиллериста« и »Моемъ Новосельи«: черновыя книги Гоголя доказываютъ, что онѣ написаны имъ, а не Пушкинымъ.

Послѣ рецензій, черезъ одинъ листъ, четыре листа (съ пробѣлами) заняты первоначальными набросками сценъ комедіи »Женитьба«. Потомъ двѣнадцать листовъ оставлены чистыми, вѣроятно, для ея продолженія, а въ концѣ книги пятнадцать листовъ были заняты какою-то повѣстью, но вырваны почти при самомъ корнѣ книги. Оставшіеся вдоль полей при корнѣ не напоминаютъ ни одной изъ печатныхъ повѣстей Гоголя. Вотъ онѣ:

»Хотѣлось бы что-нибудь эдакого — птицы или раковъ, или кулебяку хорошую...». — »Слегка почесывая правую сторону головы, потому что тамъ показывалось что-то въ родѣ лысины...« — »Чтобы видно было, что какъ будто вы придали мнѣ верхъ«. — »Между деревьями мелькали три трубы, изъ которыхъ одна дымилась«.

Въ третьей черновой книгѣ Гоголя находятся слѣдующія пьесы:

»Взглядъ на Малороссію«.

Пропустя страницу, на оборотѣ листа — начало разсказа: »Посъ«, прерванное на словахъ: «Коллежскій ассессоръ любилъ послѣ обѣда выпить рюмку хорошаго вина«.

Пропустя два листа, начало какой-то повѣсти, за которую Гоголь принимался два раза. Сперва онъ написалъ это начало на одной сторонѣ листа, потомъ переписалъ, въ исправленномъ видѣ, на оборотѣ и продолжилъ нѣсколько строкъ далѣе. Вотъ оно.

»— Мнѣ нужно видѣть полковника, я къ нему имѣю дѣло, говорилъ почти отрокъ 17 лѣтъ.

» — Тебѣ полковника! произнесъ съ разстановкою сторожевой козакъ передъ большою ставкою, разсматривая и переминая на своей ладони, съ какой-то недовѣрчивостью, грубо искрошенный табакъ, это страшное растеніе, которое съ такою изумительною быстротою разнесла по всѣмъ концамъ міра вновь открытая часть свѣта. Трубка давно была у него въ зубахъ. — На что тебѣ полковникъ?

»При этомъ взглянулъ на просителя. Это былъ почти отрокъ, готовящійся быть юношею, уже съ мужественными чертами лица, вос-

питаннаго солнцемъ и здоровымъ воздухомъ, въ полотняномъ крашенномъ кунтушѣ и шароварахъ.

»— Съ тобою не станетъ говорить полковникъ, (продолжалъ козакъ, поглядѣвши) на него почти презрительно и закинувъ назадъ алый рукавъ съ золотымъ шнуркомъ.

»— Отъ чего же онъ не станетъ со мною говорить?

»— Кто жъ съ тобою станетъ говорить? ты еще недавно молоко сосалъ. Еслибъ у тебя былъ хотя суконный кунтушъ да нищаль, тогда бы..... Вѣдь ты, вѣрно, поповичъ, или школяръ? Знаешь ли ты этотъ инструментъ? промолвилъ (козакъ) съ видомъ самодовольной гордости и указавъ на трубку.

»— Ты думаешь....

»Но молодой воинъ остановился, увидѣвши, что козакъ вдругъ онѣмѣлъ, потупилъ глаза въ землю и снялъ шапку, до того заломленную на бекрень.

»Двое пожилыхъ мужчинъ, одинъ въ короткомъ плащѣ съ рукавами, выложенными золотомъ, съ узорно вычеканенными пистолетами, другой (1), одѣт(ый въ) кафтанъ съ серебрянною привязанною къ поясу чернильницею, — прошли мимо и вошли въ ставку. Дрожа и блѣднѣя, шмыгнулъ за ними молодой человѣкъ и вошелъ (также).

»Молодой человѣкъ ударилъ поклонъ въ самую землю, отъ страха, увидѣвши, какъ вошедшіе передъ нимъ богатые кафтаны поклонились въ поясъ и почтительно потупили глаза въ землю съ тѣмъ безграничнымъ повиновеніемъ, которое такъ странно (со)вмѣщалось съ необузданностію, чѣмъ особенно славились козацкія войска.

»На разостланномъ коврѣ сидѣлъ полковникъ. Ему, казалось, на видъ было лѣтъ 50. Волоса у него стали сѣдѣть; бѣлые усы опускались внизъ. Длинный синій рубецъ на щекѣ и лбу придавалъ почти бронзовому его лицу ... (2) нельзя было отыскать никакой рѣзкой характерной черты, но просто выражалась спокойная увѣренность..... Глядя на него можно было узнать, что у него рука желѣзная и.... можетъ управлять.... На немъ были широкіе, синіе, съ серебромъ шаро-

---

(1) Былъ. — (2) Точки означаютъ непрочитанныя мѣста. *Н. М.*

вары. Верхнее платье небрежно валялось на полу. Нѣсколько пистолетовъ и ружей стояло и висѣло по угламъ ставки, съ уздами; (въ) углу куль соломы. Полковникъ самъ своей рукой чинилъ свое сѣдло, когда вошли къ нему писарь и асаулъ.

»— Здравствуйте, панове, мои вѣрные, мои добрые товарищи! Вотъ вамъ приказъ: Не пускать далеко на попасъ, потому что Татарва теперь рыскаетъ по степямъ.... Да чтобъ козаки не стрѣляли по дорогамъ дрофъ и гусей, потому что и порохъ избавятъ даромъ..... Сухари да вода, то козацкая ѣда..... Да смотрите оба, чтобы все было какъ слѣдуетъ.... вчера я видѣлъ, какъ козакъ кланялся что-(то) слишкомъ часто (на) конѣ. Я хотѣлъ было протрезвить его, да жаль было заряда: у меня пистолетъ былъ заряженъ хорошимъ порохомъ.«

Пропустя страницу, на оборотѣ листа, опять начало какого-то разсказа, а именно:

»Я знаю одного чрезвычайно замѣчательнаго человѣка. Фамилія его была Рудокоповъ и дѣйствительно отвѣчала занятіямъ, потому что казалось — къ чему ни притрогивался онъ, все то обращалось въ деньги. Я его еще помню, когда онъ имѣлъ только 20 душъ крестьянъ да сотню десятинъ земли и ничего больше, когда онъ еще принадлежалъ....« И только.

Черезъ листъ, небольшая выписка о Платонѣ, греческомъ философѣ.

Черезъ два листа, повѣсть »Старосвѣтскіе Помѣщики«, прерванная на словахъ: »Онъ рыдалъ, рыдалъ сильно, рыдалъ неутѣшно, и слезы лились какъ рѣка.« Эскизъ свиданія автора съ Аѳанасіемъ Ивановичемъ и смерти бѣднаго старика набросанъ, строкахъ въ пятнадцати, на лоскуткѣ бумаги и вложенъ въ книгу.

Далѣе листъ вырванъ, а потомъ: »А поворотись, сынку!« и вся, до конца, повѣсть »Тарасъ Бульба«, какъ она появилась въ первомъ изданіи. Она оканчивается такъ же, какъ и въ печати, но въ черновой рукописи нѣтъ предпослѣдняго періода: »Немалая рѣка Днѣстръ...« Видно, что эта повѣсть-поэма написана Гоголемъ очень быстро. Онъ остановился только на сценѣ свиданія Андрія съ дочерью воеводы въ осажденномъ городѣ. Здѣсь Гоголь запнулся на словахъ: »Клянусь Богомъ и всѣмъ, что есть на небѣ«, потомъ оставилъ полулистъ про-

бѣлу и началъ на оборотѣ слѣдующую за тѣмъ главу. Видно, что эта, слабѣйшая часть повѣсти долго ему не давалась.

На оборотѣ страницы, заключившей »Тараса Бульбу«, начата повѣсть »Вій«. Окончаніемъ ея заняты послѣдніе листы книги. Четвертая книга наполнена съ двухъ концовъ. Съ одного вписаны въ нее статьи: »О Движеніи русской Журналистики«, »Москва и Петербургъ« и нѣсколько рецензій для Пушкинскаго »Современника«; съ другого— комедія »Ревизоръ«.

Чтобы дать понятіе, до какой степени сгущалъ Гоголь строки своего мелкаго почерка въ черновыхъ повѣстяхъ, скажу, что весь »Тарасъ Бульба« помѣстился у него на шестнадцати, а »Старосвѣтскіе Помѣщики«, до упомянутаго выше мѣста — на четырехъ полулистахъ.

Въ одной изъ этихъ черновыхъ книгъ, именно въ первой, остались слѣды вырѣзанныхъ листовъ. Можно догадываться, что на этихъ-то листахъ написано, въ видѣ эскиза, начало историческаго романа, найденное въ чемоданѣ Гоголя, остававшемся съ давнихъ поръ въ квартирѣ Жуковскаго за границею. Въ этомъ убѣждаютъ сходство почерка и бумаги, а всего больше соотвѣтственность краевъ рукописи съ остатками полулистовъ въ корню книги. Судя по неконченнымъ главамъ этого сочиненія и по нѣкоторой безпорядочности повѣствованія, видно, что Гоголь поспѣшилъ набросать только главныя мысли и образы, занявшія его фантазію, оставляя развитіе и связь ихъ до другого времени. Потомъ, видя, вѣроятно, что, безъ хорошо обдуманнаго плана, ему не совладать съ предметомъ, прекратилъ трудъ свой. Однакожъ, въ надеждѣ обработать сюжетъ впослѣдствіи, взялъ съ собою брульонъ за границу, вырѣзавъ его изъ книги для удобнѣйшей перевозки съ мѣста, на мѣсто. Но, какъ »Мертвыя Души«, развиваясь болѣе и болѣе въ умѣ его, поглотили наконецъ всю его дѣятельность, то онъ позабылъ о своемъ эскизѣ, и, можетъ быть, только этому забвенію мы обязаны тѣмъ, что набросокъ начатаго романа, уцѣлѣлъ отъ сожженія, которому авторъ »Мертвыхъ Душъ« предалъ, въ разныя времена, не одну свою рукопись [1].

---

[1] Пьеса эта напечатана въ шестомъ томѣ »Сочиненій Гоголя«, недавно изданномъ П. П. Трушковскимъ.

Здѣсь кстати упомянуть еще о двухъ отрывкахъ или приступахъ къ повѣстямъ, найденныхъ вмѣстѣ съ этимъ эскизомъ и принадлежащихъ, по всѣмъ признакамъ, къ одной съ нимъ эпохѣ литературной жизни Гоголя. Видно, съ ними связаны были, въ головѣ автора, увлекательные вымыслы, если онъ захватилъ ихъ съ собой за границу, и, вѣроятно, только »Мертвыя Души« не дали ему довести этихъ неясныхъ поэтическихъ грезъ до полныхъ созданій. При всей своей краткости, они живо рисуютъ эпоху петербургской жизни Гоголя; въ нихъ, сквозь вымышленныя обстоятельства, ясно высказывается исторія его тогдашнихъ наблюденій и, можетъ быть, опытовъ. По крайней мѣрѣ мнѣ показалось, что тутъ больше непосредственной копировки съ натуры, нежели художественнаго свода разновременныхъ впечатлѣній, и потому я включаю ихъ въ свой сборникъ, какъ записки Гоголя о самомъ себѣ (1).

1.

»Дождь былъ продолжительный, сырой, когда я вышелъ на улицу. Сѣродымное небо предвѣщало его надолго. Ни одной полосы свѣта. Ни въ одномъ мѣстѣ, нигдѣ не разрывалось сѣрое покрывало. Движущаяся сѣть дождя задернула (2) почти совершенно все, что̀ прежде видѣлъ глазъ, и только одни передніе домы (3) мелькали будто сквозь тонкій газъ (4); еще тусклѣе надъ ними балконъ (5); выше его еще этажъ, наконецъ крыша готова была потеряться въ дождевомъ туманѣ, и только мокрый блескъ ея отличался немного отъ воздуха. Вода урчала съ трубъ; на тротуарахъ лужи....

»Чортъ возьми, люблю я это время! Ни одного зѣваки на улицѣ. Теперь не найдешь ни одного изъ тѣхъ господъ, которые останавливаются для того, что(бъ) посмотрѣть на сапоги ваши, на штаны, на фракъ, или на шляпу, и потомъ, разинувши ротъ, поворачиваются нѣсколько разъ назадъ для того, чтобы осмотрѣть задній фасадъ вашъ. Теперь раздолье мнѣ закутываться крѣпче въ свой плащъ....

---

(1) Внизу страницъ обозначены у меня помарки.

(2) Близь и даль непроницаемымъ полотномъ, между тѣмъ какъ. — (3) обвиты были. — (4) выше ихъ. — (5) еще.

»Какъ удираетъ этотъ (1) любезный молодой человѣкъ, съ личикомъ(2), которое можно упрятать въ дамскій ридикюль. Напрасно: не спасетъ новенькаго сюртучка, красу и заглядѣнье Невскаго Проспекта. Крѣпче его, крѣпче, дождикъ! пусть онъ вбѣжитъ, какъ мокрая крыса, домой.

»А! вотъ и суровая дама бѣжитъ въ своихъ пестрыхъ тряпкахъ, поднявши платье (3), далѣе чего нельзя поднять, не нарушивъ послѣдней благопристойности. Куда дѣвался характеръ! и не ворчитъ, видя, какъ чинови(икъ) — — запустилъ свои зеленые, какъ его воротникъ, глаза, наслаждается видомъ полныхъ, на каждомъ шагѣ трепещущихъ ногъ (4)... О, это таковскій народъ! Они большіе бестіи, эти чиновники, ловить рыбу въ мутной водѣ. Въ дождь, снѣгъ, ведро, всегда эта амфибія на улицѣ. Его воротникъ, какъ хамелеонъ, мѣняетъ свой цвѣтъ (5) каждую минуту отъ температуры; но онъ самъ неизмѣненъ, какъ его (6) канцелярскій порядокъ (7).

»На встрѣчу русская борода, купецъ въ синемъ, нѣмецкой работы, сюртукѣ, съ таліей на спинѣ, или лучше сказать на шеѣ (8). Съ какою купеческою ловкостью держитъ онъ зонтикъ, надъ своею половиною! Какъ тяжело пыхтитъ эта масса мяса, обернутая въ капотъ и чепчикъ! Ее скорѣе можно причислить къ молюскамъ, нежели къ позвончатымъ животнымъ. Сильнѣе дождикъ, ради Бога, сильнѣе кропи его сюртукъ нѣмецкаго покрою и жирное мясо этой обитательницы пуховиковъ и подушекъ! Боже, какую адскую струю они оставили послѣ себя въ воздухѣ изъ капусты и луку! Кропи ихъ, дождикъ, за все: за (9) наглое безстыдство плутоватой бороды, за жадность къ деньгамъ, за бороду, полную насѣкомыхъ, и сыромятную жизнь сожительницы... Какой вздоръ! ихъ не пройметъ — — что же можетъ сдѣлать дождь?

---

(1) Длинный франтъ. — (2) меньше порядочнаго яблока. — (3) до тѣхъ поръ, какъ. — (4).... выпуклостей ноги (точки здѣсь поставлены на мѣстѣ двухъ не прочитанныхъ словъ, которыя, вмѣстѣ съ двумя прочитанными отнесены, къ помаркамъ, такъ какъ составляютъ ненужное повтореніе). — (5) отъ. — (6) вицмундиръ. — (7) и ловитъ. Но Боже! — (8) Какъ ловко. — (9) мошенничество безстыдной.

»Но какъ бы то ни было, только такого дождя давно не было. Онъ (1) увеличился и, перемѣнив(въ) косвенное свое направленіе, сдѣлался прямой (2), (съ) шумомъ хлынулъ въ крыши, мостовую, какъ (бы) желая вдавить еще ниже этотъ болотный городъ. Окна въ (домахъ) захлопнулись. Головы съ усами и трубкою (3), долѣе всѣхъ глядѣвшія (на улицу), спрятались; даже сѣрый рыцарь, съ алебардою и завязанною щекою, убѣжалъ въ будку.«

2.

»Фонарь умиралъ на одной изъ дальнихъ линій Васильевскаго Острова (4). Одни только бѣлые (5) каменные домы кое-гдѣ вызначивались. Деревянные чернѣли и сливались съ густою массою мрака, тяготѣвшаго надъ ними. Какъ страшно, когда каменный тротуаръ прерывается деревяннымъ, когда деревянный даже пропадаетъ, когда все чувствуетъ 12 часовъ, когда отдаленный бутошникъ спитъ, когда кошки, однѣ безсмысленныя кошки спѣвываются и бодрствуютъ, но человѣкъ знаетъ, что онѣ не дадутъ сигнала и не поймутъ его несчастья, если внезапно будетъ атакованъ мошенниками, выскочившими изъ этого темнаго переулка, который распростеръ къ нему свои мрачныя объятья!

»Но проходившій въ это время пѣшеходъ ничего подобнаго не имѣлъ въ мысляхъ. Это былъ не изъ обыкновенныхъ въ Петербургѣ пѣшеходовъ. Онъ былъ не чиновникъ, не русская борода, не офицеръ и не нѣмецкій ремесленникъ. Существо внѣ гражданства столицы, это былъ пріѣхавшій изъ Дерпта студентъ (6), готовый на всѣ должности, но еще (7) покамѣсть ничего, кромѣ студентъ, занявшій полъ-угла въ Мѣщанской, у сапожника Нѣмца. Но обо всемъ этомъ послѣ. Студентъ, который въ этомъ чинномъ городѣ былъ тише воды, безъ шпаги и рапиры, закутавшись шинелью, пробирался подъ домами, отбрасывая отъ себя самую огромную тѣнь, головою терявшуюся въ мракѣ.

»Все, казалось, умерло ночью (безъ) огня. Ставни были закрыты. Наконецъ (8), подходя къ Большому Проспекту, особенно остановилось

---

(1) къ сталъ. — (2) утрамъ сильно. — (3) спрятались. (4) Низенькіе домики, то каменные. — (5) то черные. (6) на факультеты (это слово: *на факультеты* не зачеркнуто Гоголемъ, но оно лишнее, по смыслу). — (7) незанявшій. — (8) одинъ.

его вниманіе на одномъ домѣ. Тонкая щель въ ставнѣ, свѣтившаяся огненною чертою, невольно привлекала (его) и заманила заглянуть. Прильнувъ къ ставнѣ и приставивъ глазъ къ тому мѣсту, гдѣ щель была пошире, (онъ засмотрѣлся) и задумался.

»Лампа блистала въ голубой комнатѣ. Вся она была завалена разбросанными штуками матерій. Газъ (1), почти невидимый, безцвѣтный, воздушно висѣлъ на ручкахъ креселъ и тонкими струями, какъ льющійся водопадъ, падалъ на полъ(2). Палевые цвѣта, на бѣлой шелковой, блиставшей блескомъ серебра матеріи, свѣтились изъ-подъ газа. Около дюжины шалей, легкихъ и мягкихъ какъ пуховыя, съ цвѣтами, совершенно живыми, сомятыя, были брошены на полу. Кушаки, золотыя цѣпи висѣли на взбитыхъ до потолка облакахъ батиста. Но болѣе всего занимала студента стоявшая въ углу комнаты стройная женская фигура(3)... Сколько поэзіи для студента въ женскомъ платьи! (4)... Но бѣлый цвѣтъ — (ни) съ чемъ нѣтъ сравненія(5).... Какія искры пролетаютъ по жиламъ, когда блеснетъ среди мрака бѣлое платье! Я говорю среди мрака, потому что все тогда кажется мракомъ (6). Всѣ чувства переселяются тогда въ запахъ, несущійся отъ него, и въ едва слышный, но музыкальный шумъ, производимый имъ. Это самое высшее и самое сладострастнѣйшее сладострастіе. И потому студентъ нашъ, котораго всякая горничная (7), (которая) шла по улицѣ, кидала въ ознобъ, который не зналъ прибрать имени женщинѣ, — пожиралъ глазами чудесное видѣніе (8), которое, стоя (9) съ наклоненною на сторону головою, охваченною досад-

---

(1) самый воздушный. — (2) Оранжевые. — (3) Женская что̀ можетъ быть болѣе имѣть для студента. (Слѣдующихъ словъ Гоголь, вѣроятно, позабылъ зачеркнуть или дополнить такими словами, которыя бы давали имъ связный смыслъ:) Все для студента въ чудесно-очаравательномъ, въ ослѣпительно-божественномъ платьи (зачеркнуто: *костюмѣ*), въ самомъ прекраснѣйшемъ бѣломъ, какъ.... Дышетъ это платье (зачеркнуто: *какъ*). — (4) Какой цвѣтъ, что̀ можетъ быть жарче, пронзительнѣе бѣлаго цвѣта? (Слѣдующія далѣе этого слова̀ не зачеркнуты Гоголемъ, но смыслъ ихъ теменъ:) Но бѣлой цвѣтъ съ чѣмъ нѣтъ сравненія. Женщина выше женщины въ бѣломъ (зачеркнуто *платьи*). Она царица. Видѣніе (зачеркнуто: *мечта*) (нѣ)что похоже на смаую гармоническую мечту. Женщины чувствуютъ это, и потому (зачеркнуто: *не всегда*) въ смѣлыя минуты преображаются въ бѣлаго. — (5) Все тогда. — (6) все тогда. — (7) дѣвка. — (8) платье. — (9) въ съ взо повороти.

ною тѣнью, наконецъ поворотило прямо противъ него ослѣпительную бѣлизну лица и шеи съ китайскою прическою. Глаза, неизъяснимые глаза, съ бездною души (1).... обворожительно- (2) бархатныя брови были невыносимы для студента.

»Онъ задрожалъ и тогда только увидѣлъ другую фигуру, въ черномъ фракѣ, съ самымъ страшнымъ профилемъ. Лице, въ которомъ нельзя было замѣтить ни одного угла, но вмѣстѣ съ симъ оно назначалось легкими, округленными чертами. Лобъ не опускался прямо къ носу, но былъ совершенно покатъ, какъ ледяная гора для катанья. Носъ былъ продолженіемъ его — великъ и тупъ. Губы... только верхняя выдвинулась гораздо далѣе. Подбородка совсѣмъ не было. Отъ носа шла діагональная линія до самой шеи. Это былъ треугольникъ, вершина котораго находилась въ носѣ. Лица, которыя болѣе всего выражаютъ глупость.«

Гоголь исполнилъ обѣщаніе, данное земляку и другу въ письмѣ отъ 20 іюля 1835 года: онъ посѣтилъ его въ Кіевѣ, на пути въ столицу, и прожилъ у него около пяти сутокъ. Г. Максимовичъ занималъ тогда квартиру въ домѣ Катеринича, на Печерскѣ (3). Отсюда Гоголь отправлялся въ разныя прогулки по Кіеву и его окресностямъ, въ сопровожденіи г. Максимовича или кого-нибудь изъ товарищей по Нѣжинской Гимназіи, служившихъ съ Кіевѣ. На лаврской колокольнѣ, откуда открывается обширная панорама гористаго Кіева и его окрестностей, можно видѣть собственноручною его надпись. Онъ долго просиживалъ на горѣ у церкви Андрея Первозваннаго и разсматривалъ видъ на Подолъ и на днѣпровскіе луга. Въ то время въ немъ еще не было замѣтно мрачнаго сосредоточенія въ самомъ себѣ и сокрушенія о своихъ грѣхахъ и недостаткахъ; онъ былъ еще живой и даже немножко вѣтренный юноша. У г. Максимовича хранятся циническія пѣсни, записанныя Гоголемъ въ Кіевѣ отъ знакомыхъ и относящія къ нѣкоторымъ кіевскимъ мѣстностямъ. Безотчетная

---

(1) надъ стройно поднятыми (сверху надъ этими двумя словами что-то написано, но нельзя прочитать). — (2) (Между словами: *обворожительно* и *бархатныя* не прочитано одно слово.)

(3) Недалеко отъ стараго Никольскаго монастыря съ одной и Царскаго сада съ другой стороны.

склонность его къ юмору, которой онъ только въ послѣдствіи далъ опредѣленное направленіе, ни въ чемъ не находила столько пищи, какъ въ этомъ — весьма обширномъ — отдѣлѣ малороссійской народной поэзіи...

Здѣсь кстати сдѣлать аналогію между характеромъ Гоголя и характеромъ украинской пѣсни. Никто изъ современныхъ писателей русскихъ и иностранныхъ не бросалъ на жизнь такого грустнаго взгляда, какъ Гоголь. Самъ Байронъ слабѣе его чувствовалъ паденіе натуры человѣческой. Гордый своими достоинствами Англичанинъ раздражался ничтожествомъ ближняго или общественными пороками. Гоголь, напротивъ, съ смиреніемъ христіянина, сознавалъ на своей душѣ ужасавшіе его отпечатки соприкосновеній съ людьми, которые его окружали, и страдалъ отъ своего дара измѣрять глубину бездны, въ которую онъ былъ повергнутъ (¹). Его сердечные вопли были вопли души, низринутой въ адъ съ высоты самообольщенія и очнувшейся посреди грѣховныхъ страшилищъ. Невозможно взять ноты, болѣе грустной, какія онъ бралъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ посмотрите, съ какимъ дѣтскимъ увлеченіемъ предавался онъ самой беззаботной веселости, даже и не въ первые періоды своей жизни, — даже и тогда, когда онъ смѣялся уже горькимъ смѣхомъ. То не было, однакожъ, въ немъ признакомъ довольства жизнью и собою: онъ никогда не бывалъ доволенъ, ни собой, ни другими вполнѣ; съ школьной скамейки онъ уже возставалъ противъ того, что̀ онъ называлъ тогда »корою земности и ничтожнаго самодоволія«, которыя подавляли въ его ближнихъ »высокое назначеніе человѣка«, и это безпокойное чувство было залогомъ постояннаго развитія его духа. То было инстинктивное побужденіе природы — вознаграждать утрату главнаго элемента жизни, сердечной веселости, смѣхомъ, проистекающимъ извнѣ человѣка и замѣняющимъ для нашего сердца только въ слабой степени тотъ животворный смѣхъ, которымъ смѣется

(¹) »Не унынію должны мы предаваться при всякой внезапной утратѣ — говоритъ онъ въ своемъ »Завѣщаніи« — но оглянуться строго на самихъ себя, помышляя уже не о чернотѣ всего міра, но о своей собственной чернотѣ. *Страшна душевная чернота*, и зачѣмъ это видится только тогда, когда неумолимая смерть стоитъ предъ глазами?« (»Выбранныя Мѣста изъ Переписки съ Друзьями«, стр. 9.)

ребенокъ, или неопытная дѣвушка, невкусившая въ жизни еще никакой отравы. То была строгая необходимость отдыха и забытья для тяжко напряженной нравственной жизни.

Если мы предложимъ себѣ вопросъ: откуда въ Гоголѣ явился такой оригинальный строй духа; если мы пройдемъ вверхъ по теченію его жизни, станемъ разсматривать всѣ сильныя вліянія, которымъ онъ подвергался въ разные ея моменты; станемъ доискиваться, не встрѣчалъ ли онъ когда либо чего-нибудь однороднаго съ тономъ и складомъ своего творчества: то ни его сближеніе съ такими поэтами, какъ Пушкинъ и Жуковскій, ни изученіе твореній Гомера, Шекспира, Шиллера и Вальтера Скотта, отпечатлѣвшееся на его сочиненіяхъ, ни положеніе его въ школѣ, посреди немногихъ друзей и, такъ называемыхъ имъ, »существователей«, ни домашняя жизнь въ Яновщинѣ, гдѣ онъ, по собственнымъ словамъ, былъ »окруженъ съ утра до вечера веселіемъ«, ни внушенія отца, ни любовь матери, ни неизбѣжное баловство со стороны такихъ »кроткихъ, безхитростныхъ душъ«, каковы были подлинники его Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны, — ничто это, по крайнему моему разумѣнію, не должно было назнаменовать въ его душѣ тотъ дивный путь, которымъ пошелъ его природный геній. Гораздо ранѣе разумнаго сознанія своихъ ощущеній подвергнулся онъ вліянію, которое дѣйствуетъ на поэтическую душу сильнѣе, нежели что-либо впослѣдствіи, и даетъ ей неизмѣнное направленіе. То была народная поэзія племени, котораго нравственныя свойства въ такой полнотѣ отразила въ себѣ Гоголева натура.

»Я думаю (говоритъ Вальтеръ Скоттъ, описывая свое дѣтство), что дѣти получаютъ могущественныя и важныя для ихъ послѣдующей жизни побужденія, слушая такія вещи, которыхъ они не въ состояніи вполнѣ пониматъ« (1), и оправдываетъ это глубокомысленное замѣчаніе изложеніемъ весьма раннихъ вліяній, которымъ онъ былъ обязанъ господствующимъ направленіемъ своего генія.

Зная, какъ развивался въ дѣтствѣ шотландскій бардъ, зная, что всего прежде, всего рѣшительнѣе и всего могущественнѣе увлекало его

(1) Memoirs of the Life of Sir Walter Scott, by Lockhart. Paris, 1838; vol. I, p. 14.

поэтическую душу, и даже находя между нимъ и Гоголемъ много общаго въ энтузіазмѣ, съ которымъ тотъ и другой предавались изученію своей національной поэзіи, въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастѣ (¹), я не безъ основанія буду утверждать, что голоса украинскихъ пѣсень, поражавшіе слухъ Гоголя еще въ колыбели, и содержаніе ихъ, рано сдѣлавшееся для него доступнымъ въ общемъ своемъ характерѣ, дали еще неподвижному зародышу его творчества характеръ трагической грусти и лирическаго смѣха, развившійся впослѣдствіи до такой поразительной силы. Ибо ни у одного народа пѣсня не выходитъ изъ такой мрачной душевной глубины, какъ у Малороссіянъ, и ни одно племя на землѣ не способно, послѣ горькаго плача, послѣ разрывающаго сердце отчаянія, смѣяться такимъ всепобѣждающимъ смѣхомъ, какимъ смѣются они въ своихъ комическихъ и саркастическихъ пѣсняхъ. Переходъ отъ горести къ смѣху и отъ смѣха къ горю въ ихъ поэзіи и натурѣ такъ быстръ и такъ естественъ, что вся ихъ жизнь похожа на мрачную ткань, затканную блестящимъ шолкомъ, который, рисуя на одной сторонѣ яркіе цвѣты, тою же ниткою выражаетъ на оборотѣ, по сіяющему полю, траур-

---

(¹) Вотъ какъ разсказываетъ Вальтеръ Скоттъ, въ своей автобіографіи, о своей страсти къ народнымъ пѣснямъ:

»Въ числѣ важныхъ умственныхъ пріобрѣтеній этого времени (т. е. когда ему было тринадцать лѣтъ) было то, что я узналъ »Памятники старинной Поэзіи«, епископа Перси. Такъ какъ я съ самого дѣтства пристрастился къ легендному складу идей, и только по скудости матеріаловъ и грубости тѣхъ, которые были у меня въ рукахъ, отрывался отъ легендъ къ другимъ умственнымъ удовольствіямъ, то можно вообразить, но нельзя описать, съ какимъ восторгомъ я увидѣлъ пьесы, подобныя тѣмъ, которыя были забавою моего дѣтства и все еще оставались втайнѣ Далидою моего воображенія.... Лѣтній день проходилъ для меня такъ быстро, что, несмотря на свѣжій аппетитъ тринадцати-лѣтняго возраста, я забылъ объ обѣдѣ; меня принялись искать съ безпокойствомъ и нашли пресыщающагося умственной моей трапезою.... Съ тѣхъ поръ я надоѣлъ своимъ школьнымъ товарищамъ и всѣмъ, кому была охота меня слушать, трагическими выдержками изъ балладъ епископа Перси. Я воспользовался первою возможностью скопить нѣсколько шиллинговъ, которые попадали въ мои руки не очень часто, чтобы пріобрѣсть собственный экземпляръ этой безцѣнной книги, и не думаю, чтобы какую-либо книгу читалъ я въ половину такъ часто и съ такимъ увлеченіемъ.« (Ibid., vol. I, pp. 21 — 22.)

ные узоры. Отсюда происходитъ, что »подъ видимымъ смѣхомъ« у Гоголя всегда »скрываются незримыя, невѣдомыя міру слезы« (1), а по мрачной ткани его фантазіи вездѣ разсыпаны сверкающіе цвѣты восторга и яснаго, сердечнаго хохота.

X.

Любовь къ Нѣжинскому Лицею (письмо къ Н. Д. Бѣлозерскому). — Письма къ М. С. Щепкину о постановкѣ »Ревизора«. — Внутреннія страданія комика. — Причины выѣзда за границу.

Странныя бываютъ противорѣчія въ поступкахъ человѣческихъ: не всегда мы дѣлаемъ то, чего слѣдовало бы ожидать отъ главныхъ условій нашей натуры, и часто ничтожныя обстоятельства или препятствія отклоняютъ насъ отъ исполненія драгоцѣнныхъ для сердца намѣреній. Такъ Гоголь, на возвратномъ пути изъ Кіева, хотѣлъ побывать въ Нѣжинскомъ лицеѣ, который былъ дорогъ для него по первымъ дружескимъ связямъ въ жизни, по первымъ, еще темнымъ и неуловимымъ для слова, поэтическимъ понятіямъ, — хотѣлъ, и не побывалъ. Въ слѣдующемъ письмѣ къ Н. Д. Бѣлозерскому онъ прекрасно жалуется на самаго себя за этотъ проступокъ сердца и двумя-тремя словами озаряетъ весь моментъ тогдашняго своего существованія.

»21 февраля, 1836. Спб.

»Мы съ вами, Николай Даниловичъ, кажется, рѣшились вовсе прекратить всякія сношенія и переписку. Богъ знаетъ, кто изъ насъ виноватъ. Можетъ быть, и мнѣ прежде слѣдовало писать къ вамъ. Но во всякомъ случаѣ нужно съ той и другой стороны подобную ошибку всегда поправлять, — тѣмъ болѣе, что между нами, какъ между людьми вовсе не чиновными и не чинящимися, слово *поздо* не имѣетъ въ себѣ никакого неприличія и доказываетъ только благородную нашу наклонность къ лѣни.

---

(1) »Мертвыя Души«, стр. 254.

»Прежде всего, каково здоровье ваше? потомъ, какъ ваши обстоятельства? О второмъ вопросѣ я интересуюсь потому, (что) здѣсь пронеслись слухи, которые я желалъ бы со всѣмъ участіемъ моего сердца, чтобы были ложны. Говорятъ, что вашъ домъ сгорѣлъ. Мнѣ очень непріятно было слышать объ этомъ, зная, какъ вамъ дорого отцовское гнѣздо ваше. Вы, сдѣлайте милость, извѣстите меня объ этомъ. Еще занеслись для меня другія вѣсти, также очень, очень непріятныя для меня, будтобы сгорѣлъ Нѣжинской лицей. Признаюсь, оно такъ меня огорчило, какъ не огорчило бы извѣстіе о сгорѣвшемъ моемъ собственномъ отцовскомъ домѣ. И когда я вспомнилъ, какъ безжалостно поступила со мною судьба, или, можетъ, какое нибудь предопредѣленіе, или, можетъ быть, я самъ, — но не тотъ я, который я есть во глубинѣ души моей, но я, раздосадованный дорожными (непріятностями), разсерженный станціонными смотрителями; то, признаюсь, невыразимый упрекъ кипитъ во мнѣ. И, какъ нарочно, какое было тогда прекрасное утро! одно изъ тѣхъ самыхъ, которыя принадлежатъ невозвратной нашей юности. Я и у васъ былъ послѣ того смутенъ и не съ такою ясностью васъ встрѣтилъ. Вы увѣдомите меня поскорѣе; можетъ быть, это неправда, и страшный Лемносскій пожаръ породилъ всю эту длинную исторію пожаровъ только на словахъ.

»Извѣстите о томъ, что новаго въ вашей сторонѣ. Наши всѣ ведутъ себя довольно хорошо и не перемѣнились ни въ чемъ. Божко рѣшился наконецъ совершенно углубиться въ бездну мудрости и солидной, аккуратной жизни. Всё проситъ читать книгъ, и хотя еще ничего не прочиталъ, но со временемъ успѣетъ. Картъ совершенно не беретъ въ руки; только два раза, когда я зашелъ къ нему, онъ пунтировалъ, но и то проигралъ не больше, какъ рублей четыреста. Шаржинскій, какъ вамъ извѣстно, навостряетъ лыжи въ Радзивилъ почтмейстеромъ и, вѣроятно, скоро удеретъ оттуда опять въ Петербургъ, если только какая-нибудь Полька не сядетъ верхомъ на его синія очки. Р*** женился на одной вдовѣ, вояжировавшей въ Италію, изъ которой можетъ выйти четыре Р*** и которая едвали не старше еще и его лѣтами. Симоновскій попрежнему обыкновенно рѣшительно недоволенъ всѣмъ. Данилевскій вамъ кланяется; Прокоповичъ то же; нижеподписавшійся то же.

»Собираюсь ставить на здѣшній театръ комедію. Пожелайте, дабы была удовлетворительнѣе съиграна, что̀, какъ вы сами знаете, нѣсколько трудно при нашихъ актерахъ. Да кстати: есть въ одной кочующей труппѣ Штейна, подъ дирекціею Млотковскаго, одинъ актеръ, по имени Соленикъ. Не имѣете ли вы какихъ-нибудь о немъ извѣстій? и, если вамъ случится встрѣтить его гдѣ-нибудь, нельзя ли какъ-нибудь уговорить его ѣхать сюда? Скажите, что мы всѣ будемъ стараться о немъ. Данилевскій видѣлъ его въ Лубнахъ и былъ въ восхищеніи. Рѣшительно комическій талантъ. Если же вамъ не удастся видѣть его, то, можетъ быть, вы получите какое-нибудь извѣстіе о мѣстѣ пребыванія его и куда адресовать къ нему.«

Возвратясь осенью 1835 года въ Петербургъ, Гоголь почувствовалъ сильнѣе прежняго необходимость поправить свое здоровье въ тепломъ климатѣ и началъ готовиться къ путешествію на Кавказъ или въ другой подобный край заблаговременно. Второе изданіе »Вечеровъ на Хуторѣ« и постановка на сцену »Ревизора« доставили ему къ тому средства. Но кто бы могъ думать, что авторъ такой смѣшной (я не говорю: веселой) комедіи, какъ »Ревизоръ«, страдалъ отъ нея не только во время ея представленія, но и задолго до него? Причины его страданій объяснить трудно. Довольно, впрочемъ, сказать, что онъ самъ ставилъ на сцену свою комедію и усиливался образовать для нея актеровъ: подвигъ, требующій усилій продолжительныхъ и авторитета непреложнаго. До какой степени удались ему его хлопоты, видно отчасти изъ слѣдующихъ писемъ его къ М. С. Щепкину и изъ »Письма къ одному литератору« (А. С. Пушкину), напечатаннаго имъ впослѣдствіи (съ сокращеніями) въ приложеніяхъ къ »Ревизору«. Помѣщаю ихъ одно за другимъ, въ хронологическомъ порядкѣ.

I.

»1836, Спб. Апрѣля 29.

»Наконецъ пишу къ вамъ, безцѣннѣйшій Михаилъ Семеновичъ. Едва ли, сколько мнѣ кажется, это не въ первый разъ происходитъ. Явленіе точно замѣчательное: два первые лѣнивца въ мірѣ наконецъ рѣшают-

ся изумить другъ друга письмомъ. Посылаю вамъ »Ревизора«. Можетъ быть, до васъ уже дошли слухи о немъ. Я писалъ къ лѣнивцу 1-й гильдіи и безпутнѣйшему человѣку въ мірѣ, П***, чтобы онъ увѣдомилъ васъ; хотѣлъ даже посылать къ вамъ его, но раздумалъ, желая самъ привезти къ вамъ и прочитать собственногласно, дабы о нѣкоторыхъ лицахъ не составились заблаговременно превратныя понятія, которыя — я знаю — чрезвычайно трудно послѣ искоренить, но — — я такое получилъ отвращеніе къ театру, что одна мысль о тѣхъ пріятностяхъ, которыя готовятся для меня еще и на московскомъ театрѣ, въ силахъ удержать поѣздку въ Москву и попытку хлопотать о чемъ-либо. — — — Мочи нѣтъ. Дѣлайте что̀ хотите съ моею піэсою, но я не стану хлопотать о ней. Мнѣ она сама надоѣла такъ же, какъ хлопоты о ней. Дѣйствіе, произведенное ею, было большое и шумное. Всѣ противъ меня. Чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святого, когда я дерзнулъ такъ говорить о служащихъ людяхъ; полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня; литераторы противъ меня. Бранятъ и ходятъ на піэсу; на четвертое представленіе нельзя достать билетовъ. Еслибы не высокое заступничество Государя, піэса моя не была бы ни за что̀ на сценѣ, и уже находились люди, хлопотавшіе о запрещеніи ея. Теперь я вижу, что̀ значитъ быть комическимъ писателемъ. Малѣйшій призракъ истины — и противъ тебя возстаютъ, и не одинъ человѣкъ, а цѣлыя сословія. Воображаю, что̀ же было бы, еслибы я взялъ что-нибудь изъ петербургской жизни, которая мнѣ больше и лучше теперь знакома, нежели провинціальная. Досадно видѣть противъ себя людей тому, который ихъ любитъ между тѣмъ братскою любовью.

»Комедію мою, читанную мною въ Москвѣ, подъ заглавіемъ »Женитьба«, я теперь передѣлалъ и переправилъ, и она нѣсколько похожа теперь на что-нибудь путнее. Я ее назначаю такимъ образомъ, чтобы она шла вамъ и Сосницкому въ бенефисъ, что̀, кажется, случается въ одно время года. Стало быть, вы можете адресоваться къ Сосницкому, которому я ее вручу. Самъ же черезъ мѣсяца полтора, если не раньше, ѣду за границу, и потому совѣтую вамъ, если имѣется ко мнѣ надобность, не медлить вашимъ отвѣтомъ и меньше предаваться нашей общей пріятельницѣ, лѣни.«

2.

»1836, мая 10. Спб.

»Я забылъ вамъ, дорогой Михаилъ Семеновичъ, сообщить кое-какія замѣчанія предварительныя о »Ревизорѣ.« Во первыхъ, вы должны непремѣнно, изъ дружбы ко мнѣ, взять на себя все дѣло постановки ея. Я не знаю никого изъ актеровъ вашихъ, какой и въ чемъ каждый изъ нихъ хорошъ; но вы это можете знать лучше, нежели кто другой. Сами вы, безъ сомнѣнія, должны взять роль городничаго: иначе она безъ васъ пропадетъ. Есть еще труднѣйшая роль во всей піэсѣ — роль Хлестакова. Я не знаю, выберете ли вы для нея артиста. Боже сохрани, (если) ее будутъ играть съ обыкновенными фарсами, какъ играютъ хвастуновъ и повѣсъ театральныхъ! Онъ просто глупъ; болтаетъ потому только, что видитъ, что его расположены слушать; вретъ потому, что плотно позавтракалъ и выпилъ порядочнаго вина. Вертлявъ онъ тогда только, когда подъѣзжаетъ къ дамамъ. Сцена, въ которой онъ завирается, должна обратить особенное вниманіе. Каждое слово его, то есть, фраза или рѣченіе, есть экспромтъ, совершенно неожиданный, и потому должны выражаться отрывисто. Не должно упускать изъ виду, что къ концу этой сцены начинаетъ его мало-помалу разбирать; но онъ вовсе не долженъ шататься на стулѣ; онъ долженъ только раскраснѣться и выражаться еще неожиданнѣе и чѣмъ далѣе — громче и громче. Я сильно боюсь за эту роль. Она и здѣсь была исполнена плохо, потому что для нея нуженъ рѣшительный талантъ. Жаль, очень жаль, что я никакъ не могъ быть у васъ. Многія изъ ролей могли быть совершенно понятны только тогда, когда бы я прочелъ ихъ. Но нечего дѣлать. Я такъ теперь мало спокоенъ духомъ, что врядъ ли бы могъ быть слишкомъ полезнымъ. Зато, по возвратѣ изъ-за границы, я намѣренъ основаться у васъ въ Москвѣ. Съ здѣшнимъ климатомъ я совершенно въ раздорѣ. За границей пробуду до весны, а весною къ вамъ. Скажите Загоскину, что я все поручилъ вамъ. Я напишу къ нему, что распредѣленіе ролей я послалъ къ вамъ. Вы составьте записочку и подайте ему, какъ сдѣлано мною. Да еще — не одѣвайте Бобчинскаго и Добчинскаго въ томъ костюмѣ, въ какомъ они напечатаны: это ихъ одѣлъ X***. Я мало входилъ въ эти мѣлочи и при-

казалъ напечатать по театральному. Тотъ, который имѣетъ свѣтлые волоса, долженъ быть въ темномъ фратѣ, а брюнетъ, т. е. Бобчинскій, долженъ быть въ свѣтломъ. Нижнее — обоимъ темные брюки. Вообще, чтобы не было форсированья. Но брюшки у обоихъ должны быть непремѣнно, и притомъ остренькія, какъ у беременныхъ женщинъ. Покамѣсть прощайте. Пишите; еще успѣете. Ѣду не раньше 30 мая, или даже, можетъ, въ первыхъ іюня.«

3.

»(1834), Мая 15. Спб.

»Не могу, мой добрый и почтенный землякъ, никакимъ образомъ не могу быть у васъ въ Москвѣ. Отъѣздъ мой уже рѣшенъ. Знаю, что вы всѣ приняли бы меня съ любовью; мое благодарное сердце чувствуетъ это. Не хочу и я тоже съ своей стороны показаться вамъ скучнымъ и нераздѣляющимъ вашего драгоцѣннаго для меня участія. Лучше я съ гордостью понесу въ душѣ своей эту просвѣщенную признательность старой столицы изъ моей родины и сберегу ее какъ святыню въ чужой землѣ. Притомъ, еслибы я даже пріѣхалъ, я бы не могъ быть такъ полезенъ вамъ, какъ вы думаете. Я бы прочелъ ее вамъ дурно, безъ малѣйшаго участія къ моимъ лицамъ, — во первыхъ, потому, что охладѣлъ къ ней; во вторыхъ, потому, что многимъ недоволенъ въ ней, хотя совершенно не тѣмъ, въ чемъ обвиняли меня мои близорукіе и неразумные критики. Я знаю, что вы поймете въ ней все, какъ должно, и въ теперешнихъ обстоятельствахъ поставите ее даже лучше, нежели еслибы я самъ былъ. Я получилъ письмо отъ Сер. Тим. Аксакова тремя днями послѣ того, какъ я писалъ къ вамъ, со вложеніемъ письма къ Загоскину. Аксаковъ такъ добръ, что самъ предлагаетъ поручить ему постановку пьесы. Если это точно выгоднѣе для васъ тѣмъ, что ему, какъ лицу стороннему, дирекція меньше будетъ противорѣчить, то мнѣ жаль, что я наложилъ на васъ тягостную обузу. Если же вы надѣетесь поладить съ дирекціей, то пусть остается такъ, какъ порѣшено. Во всякомъ случаѣ я очень благодаренъ Сер. Т., и скажите ему, что я умѣю понимать его радушное ко мнѣ расположеніе. — — Я дорогою буду сильно обдумывать одну замышляемую мною піэсу. Зимою въ Швейцаріи буду писать, а весною

причалю съ нею прямо въ Москву, и Москва первая будетъ ее слышать. — Мнѣ кажется, что вы сдѣлали бы лучше, еслибы піэсу оставили къ осени или зимѣ.«

Приведу теперь выписки изъ »Письма Гоголя къ одному литератору«.

»Ревизоръ съигранъ (говоритъ онъ), и у меня на душѣ такъ смутно, такъ странно.... Я ожидалъ, я зналъ напередъ, какъ пойдетъ дѣло, и при всемъ томъ чувство грустное и досадно-тягостное облекло меня. Мое же созданіе мнѣ показалось противно, дико и какъ будто вовсе не мое.«

Далѣе:

»Итакъ, неужели въ моемъ Хлестаковѣ не видно ничего этого? Неужели онъ — просто блѣдное лицо, а я, въ порывѣ минутно горделиваго расположенія, думалъ, что когда-нибудь актеръ обширнаго таланта возблагодаритъ меня за совокупленіе въ одномъ лицѣ такихъ разнородныхъ движеній, дающихъ ему возможность вдругъ показать всѣ разнообразныя стороны своего таланта? И вотъ Хлестаковъ вышелъ дѣтская, ничтожная роль! Это тяжело и ядовито-досадно. — Съ самаго начала представленія пьесы я уже сидѣлъ въ театрѣ скучный. О восторгѣ и пріемѣ публики я не заботился. Одного только судьи изъ всѣхъ, бывшихъ въ театрѣ, я боялся — и этотъ судья я былъ самъ. Внутри себя я слышалъ упреки и ропотъ противъ моей же пьесы, которые заглушали всѣ другіе. — — — Еще разъ повторяю: тоска, тоска! Не знаю самъ, отчего одолѣла меня тоска. — — — Я усталъ душою и тѣломъ. Клянусь, никто не знаетъ и не слышитъ моихъ страданій! Богъ съ ними со всѣми! мнѣ опротивѣла моя пьеса. Я хотѣлъ бы бѣжать теперь Богъ знаетъ куда, и предстоящее мнѣ путешествіе, пароходъ, море и другія далекія небеса могутъ одни только освѣжить меня. Я жажду ихъ, какъ Богъ знаетъ чего.«

Это было писано 25 мая 1836 года. Прочитавъ этотъ отрывокъ, каждый почувствуетъ, до какой степени душевныя силы поэта были истощены стараніями выразить своею комедіею непонятное для ея исполнителей и непріятными столкновеніями съ людьми, которые не знали цѣны его таланту и не щадили его сердца. Имъ овладѣла тоска, которую

долженъ былъ бы почувствовать каждый художникъ, обманувшійся въ своихъ гордыхъ надеждахъ, и тѣмъ сильнѣе она одолѣла его, что здоровье его было изнурено множествомъ написанныхъ имъ съ 1829 года сочиненій, трудами по службѣ и приготовленіями къ такимъ работамъ, какъ »Исторія Малороссіи« въ шести и »Исторія Среднихъ Вѣковъ« въ девяти томахъ. Ему необходимо было вырваться изъ своей сферы и искать спокойствія и исцѣленія вдали отъ отечества, среди нѣмыхъ для него племенъ, среди постороннихъ для него интересовъ, среди памятниковъ минувшаго времени, столь успокоительно говорящихъ поэтической душѣ (1), среди безсмертныхъ созданій кисти и рѣзца, среди вѣчной весны, которой онъ такъ жаждалъ, бывало, въ Петербургѣ и о которой писалъ къ своему другу въ Кіевъ: »Дай мнѣ ее одну, одну — и никого больше я не желаю видѣть!«

Такъ слѣдовало заключить о немъ изъ извѣстныхъ доселѣ внутреннихъ и внѣшнихъ его обстоятельствъ. Но, въ »Авторской Исповѣди« мы находимъ новое объясненіе, почему онъ оставилъ службу и удалился изъ Россіи, — объясненіе, неисключающее, однакожъ, ничего сказаннаго выше. Онъ говоритъ, что причиною этой поѣздки, кромѣ нѣкоторыхъ непріятностей, были задуманныя имъ тогда »Мертвыя Души« и что этотъ трудъ свой онъ считалъ прямою государственною службою (2).

Я увѣренъ, что многимъ, знавшимъ Гоголя лично, покажутся странными слова его. Они приведутъ въ недоумѣніе и тѣхъ, кто будетъ перечитывать заграничныя письма Гоголя, помѣщенныя далѣе въ моемъ »сборникѣ.« Припоминая его обыкновенные разговоры, его саркастическія выходки и разные житейскіе дрязги, никто не скажетъ, чтобъ Гоголь въ своей поѣздкѣ за границу управлялся всего болѣе желаніемъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ не въ состояніи былъ показать себя на службѣ, то есть »гражданиномъ земли своей«; ибо онъ не любилъ обнаруживать даже и передъ близкими друзьями сокровеннѣйшихъ движеній души своей, и то, что для него было всего священнѣе, онъ всего глубже таилъ въ сво-

---

(1) Вспомнимъ слова Гоголя въ письмѣ къ г. Максимовичу отъ 9 ноября 1833 года: »Ничто такъ не успокоиваетъ, какъ исторія.«

(2) »Авторская Исповѣдь«, стр. 260 — 261.

емъ сердцѣ (1). Мало того: онъ почти всегда старался отклонить отъ своего тайника пытливый взоръ наблюдателя, посредствомъ одному ему свойственной проказливости. Потому-то многіе, передъ выѣздомъ его за границу, слышали отъ него только жалобы на сѣверный климатъ и на разныя непріятности въ сношеніяхъ съ холодными и тупыми людьми; нѣкоторые объясняли себѣ его удаленіе изъ Россіи неудачною привязанностью къ одной дѣвицѣ, — привязанностью, которая не могла бы ни къ чему привести его. Но никто ни прежде, ни послѣ его отъѣзда не могъ имѣть и въ помышленіи, чтобы на этотъ разъ государственная служба, какъ всегда, стояла впереди всѣхъ его дѣйствій.

Есть люди — и ихъ довольно много — которые, не находя возможности согласить въ умѣ противоположные, по видимому, поступки Гоголя въ разныя эпохи его жизни, полагаютъ, что онъ только впослѣдствіи начерталъ себѣ извѣстный планъ поведенія, и увѣрялъ себя и другихъ, что онъ никогда не чувствовалъ и не дѣйствовалъ иначе. Но вѣдь это же самое говорятъ и относительно его религіозности, опираясь на нѣсколькихъ словахъ, вырывавшихся у него изъ устъ въ минуты беззаботной веселости. А между тѣмъ онъ смертью своею доказалъ, что онъ былъ не только истинный христіанинъ, но и покорнѣйшій сынъ Православной Церкви.

Какъ, однакожъ, объяснить въ его характерѣ кажущіяся противорѣчія? Почему, напримѣръ, онъ, будучи глубоко цѣломудренъ въ душѣ, позволялъ себѣ иногда пѣсни и шутки вовсе нецѣломудренныя? почему, при своемъ уваженіи къ ученію Отцевъ Церкви, онъ иногда, въ припадкѣ веселости, какъ будто забывалъ о немъ? или какимъ образомъ, стоя на высотѣ христіанскаго смиренія, онъ точно подбиралъ себѣ кругъ друзей исключительно между богатыми и знатными?

Я за тѣмъ предлагаю эти вопросы, что они сильно занимали меня, пока я не выяснилъ себѣ личности Гоголя; ибо я не всегда питалъ къ не-

---

(1) Это было въ немъ врожденнымъ инстинктомъ. Вспомнимъ отвѣтъ его матери на извѣстіе о смерти отца. »Я сперва былъ пораженъ симъ извѣстіемъ, однакожъ *не далъ никому замѣтить, что я былъ опечаленъ;* оставшись же наединѣ, я предался всей силѣ безумнаго отчаянія.«

му тѣ чувства, съ которыми теперь начертываю исторію его внѣшней и внутренней жизни. Сомнѣнія, недоумѣнія, негодованіе на кажущуюся пошлость его поступковъ, презрѣніе къ мнимой его надменности и кичливости и другія тягостныя и непріятныя чувства, которыя возбуждалъ Гоголь въ разныя времена своей жизни въ истинныхъ своихъ почитателяхъ, были и моими чувствами; и чѣмъ больше я цѣнилъ талантъ его, тѣмъ сильнѣе возставалъ въ душѣ противъ того, что̀ я называлъ тогда темными сторонами его характера. Даже въ то время, когда надъ его могилой раздавались еще свѣжія сожалѣнія и высказаны были нѣсколькими его друзьями искреннія ихъ убѣжденія касательно его человѣческой личности, духъ сомнѣнія не оставилъ меня, и я, изображая, въ краткомъ очеркѣ, его дѣтство, не хотѣлъ перейти за черту того, что̀ относится собственно къ его таланту, или къ тому возрасту, въ которомъ все извинительно.

Но когда передо мной открылись всѣ матеріалы для его біографіи, которые читатель найдетъ въ этой книгѣ, и я вошелъ въ болѣе близкія отношенія съ душою поэта, мои сомнѣнія и недовѣрчивость къ нему начали уступать мѣсто вѣрѣ въ искренность его убѣжденій и удивленію къ его постояннымъ усиліямъ возвыситься надъ самимъ собою.

Но убѣдятъ ли мои слова читателя, еще незнакомаго со всѣми извѣстными мнѣ обстоятельствами жизни поэта? Нѣтъ; даже объясненія, которыя сдѣлалъ бы я ему теперь на предложенные выше вопросы, не могутъ быть приняты имъ такъ, какъ они составились въ умѣ моемъ. Необходимо самому читателю пройти до конца испытующимъ умомъ всѣ проявленія характера и души Гоголя, сколько сохранено ихъ отъ забвенія въ этомъ сборникѣ, и, по мѣрѣ своей способности, анализировать столь высокій и трудный предметъ, составить себѣ собственныя убѣжденія. Я въ этомъ случаѣ имѣю передъ нимъ только преимущество первенства. Я былъ уже въ этомъ необыкновенномъ тайникѣ, я привелъ въ немъ кое-что въ порядокъ, чтобы каждый предметъ получилъ свою видимость; я составилъ объ немъ кой-какія замѣтки, которыя облегчатъ для другихъ изученіе предмета, и теперь предлагаю каждому войти въ этотъ тайникъ и вынести изъ него что̀ кто можетъ вынести.

Періодъ третій.

XI.

Гоголь за границей. — Письмо къ бывшей ученицѣ (поѣздка изъ Лозанны въ Веве). — Жизнь въ Римѣ. — Письмо къ П. А. Плетневу о римской природѣ. — Второе письмо къ ученицѣ (съ набросномъ статьи »Римъ«). — Объясненіе побудительныхъ причинъ къ перепискѣ съ женщинами. — Воспоминанія А. О. С—ой о встрѣчѣ съ Гоголемъ за границею. — Чтеніе первыхъ двухъ главъ перваго тома »Мертвыхъ Душъ«. — Смерть Пушкина.

Съ выѣздомъ за границу начинается въ жизни Гоголя новый періодъ, въ которомъ онъ, по тѣмъ письмамъ, которыя находятся у меня въ рукахъ, явится читателю сперва дѣтски безпечнымъ, какъ школьникъ, вырвавшійся на просторъ, и яснымъ, какъ сіяющее небо европейскаго юга, потомъ все болѣе и болѣе сумрачнымъ и наконецъ загададно-торжественнымъ.

Мы войдемъ въ этотъ періодъ его жизни посредствомъ одного изъ самыхъ веселыхъ его писемъ, въ которомъ онъ разсказываетъ одной изъ своихъ петербургскихъ ученицъ о своемъ путешествіи изъ Лозанны въ Веве.

»Веве. Октября 12-го 1836.

»Хотя вы, милостивая государыня Марья Петровна, не изволили мнѣ описать вашего путешествія въ Антверпенъ и въ Брюссель, и хотя слѣдовало бы и съ моей стороны сдѣлать то же, но, не смотря на это, я рѣшаюсь описать вамъ путешествіе мое въ Веве, — во первыхъ, потому, что я очень благовоспитанный кавалеръ, а во вторыхъ, что предметы такъ интересны, что мнѣ было бы грѣхъ не писать о нихъ. Простившись съ вами — что̀, какъ вы помните, было въ исходѣ перваго часа — я отправился въ Hôtel du Faucon обѣдать. Обѣдало насъ три человѣка: я посреди; съ одной стороны почтенный старикъ Французъ съ перевязанною рукою и орденомъ, а съ другой стороны почтенная дама, жена его. Подали супъ съ вермишелями. Когда мы всѣ трое супъ откушали, подали намъ вотъ какія блюда: говядину отварную,

котлеты бараньи, вареный картофель, шпинатъ со шпигованной телятиной и рыбу средней величины къ бѣлому соусу. Когда я откушалъ картофель, который я весьма люблю, особливо когда онъ хорошо сваренъ, Французъ, который сидѣлъ возлѣ меня, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

»— Милостивый государь....

» Или нѣтъ, я позабылъ: онъ не говорилъ: »Милостивый государь«; онъ сказалъ:

»— Monsieur, je vous servis этою говядиною. Это очень хорошая говядина.

»На что̀ я сказалъ:

»— Да, дѣйствительно, это очень хорошая говядина.

»Потомъ, когда приняли говядину, я сказалъ:

»— Monsieur, позвольте васъ попотчивать бараньей котлеткой.

»На что̀ онъ сказалъ:

—» Съ большимъ удовольствіемъ. Я возьму котлетку, тѣмъ болѣе, что, кажется, хорошая котлетка.

»Потомъ приняли и котлетку, и поставили вотъ какія блюда: жаркое — цыпленка; потомъ другое жаркое — баранью ногу; потомъ поросенка, потомъ пирожное — компотъ съ грушами, потомъ другое пирожное — съ рисомъ и яблоками. Какъ только мнѣ перемѣнили тарелку и я ее вытеръ салфеткой, Французъ, сосѣдъ мой, попотчивалъ меня цыпленкомъ, сказавъ:

»— Puis-je vous offrir цыпленка?

»На что я сказалъ:

»— Je vous demande pardon, Monsieur, я не хочу цыпленка; я очень огорченъ, что не могу взять цыпленка; я лучше возьму кусокъ бараньей ноги, потому что я баранью ногу предпочитаю цыпленку.

»На что̀ онъ сказалъ, что онъ точно зналъ многихъ людей, которые предпочитали баранью ногу цыпленку.

»Потомъ, когда откушали жаркое, Французъ, сосѣдъ мой, предложилъ мнѣ компотъ изъ грушъ, сказавъ:

»— Я вамъ совѣтую, monsieur, взять этого компота: это очень хорошій компотъ.

»— Да, сказалъ я, это точно очень хорошій компотъ. Но я ѣдалъ,

[продолжалъ я] компотъ, который приготовляли собственныя ручки княжны В* П* Р*** и котораго можно назвать королемъ компотовъ и главнокомандующимъ всѣхъ пирожныхъ.

»На что̀ онъ сказалъ:

»— Я не ѣдалъ этого компота, но сужу по всему, что онъ долженъ быть хорошъ, ибо мой дѣдушка былъ тоже главнокомандующій.

»На что̀ я сказалъ:

»— Очень жалѣю, что не былъ змакомъ лично съ вашимъ дѣдушкою.

»На что̀ онъ сказалъ:

»— Не стоитъ благодарностью.

»Потомъ приняли блюда и поставили десертъ. Но я, боясь опоздать къ дилижансу, попросилъ позволенія оставить столъ, на что̀ Французъ, сосѣдъ мой, отвѣчалъ очень учтиво, что онъ не находитъ съ своей стороны никакого препятствія.

»Тогда я, взваливъ шинель на лѣвую руку, а въ правую взявъ дорожный портфель съ бѣлою бумагою и разною собственноручною дрянью, отправился на почту.

»Дорога отъ Фокона до почты вамъ совершенно извѣстна, и потому я не берусь ее описывать. Притомъ вы сами знаете, что предметовъ, которые бы слишкомъ поразили воображеніе, на ней очень, очень немного. Когда я пришелъ къ дилижансу, то увидѣлъ, къ крайнему своему изумленію, что внутри кареты все было почти занято. Оставалось одно только мѣсто въ срединѣ. Сидѣвшіе дамы и мужчины были люди очень почтенные, но нѣсколько толсты, и потому я минуту предавался размышленію. »Хотя — подумалъ я — мнѣ здѣсь не будетъ холодно, если я усядусь »посрединѣ; но, такъ какъ я человѣкъ субтильный и тщедушный, то весь»ма можетъ быть, что они изъ меня сдѣлаютъ лепешку, покамѣсть я доѣ»ду до Веве.« Это обстоятельство заставило меня взять мѣсто на верху кареты. Мѣсто мое было такъ широко и покойно, что я нашелъ приличнымъ положить вмѣстѣ съ собою и мои ноги, за что, къ величайшему моему изумленію, не взяли съ меня ничего и не прибавили платы, что̀ заставило меня думать, что мои ноги очень легки. Такимъ образомъ помѣстясь лежа на каретѣ, я началъ разсматривать всѣ бывшіе по сторонамъ

виды. Горы чрезвычайно хороши, и почти ни одной не было такой, которая шла внизъ, но всѣ вверхъ. Это меня такъ изумило, что я ужъ и пересталъ смотрѣть на другіе виды. Но болѣе всего поразилъ меня гороховый фракъ сидѣвшаго со мной кондуктора. Я такъ углубился въ размышленіе, отчего одна половина его была темнѣе, а другая свѣтлѣе, что и не замѣтилъ, какъ доѣхалъ до Веве. Мнѣ такъ понравилось мое мѣсто, что я хотѣлъ еще и больше полежать на верху кареты; но кондукторъ сказалъ, что пора сойти, на что̀ я сказалъ, что я готовъ съ большимъ удовольствіемъ.

»— Такъ пожалуйте мнѣ вашу ручку! сказалъ онъ.

»— Извольте, отвѣчалъ я.

»Съ кареты сходилъ я сначала лѣвою ногою, а потомъ правою; но, къ величайшему прискорбію вашему [потому что я знаю, что вы любите подробности], не помню, на которую спицу колеса ступилъ я ногою— на третью, или на четвертую. Если хорошо припомнишь всѣ обстоятельства, то, кажется, на третію; но опять если разсмотрѣть съ другой стороны, то представляется, какъ будто на четвертую. Впрочемъ, я вамъ совѣтую немедленно теперь же послать за кондукторомъ: онъ, вѣрно, долженъ знать; и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, потому что, если онъ выспится, то позабудетъ.

»По сошествіи съ кареты, отправился я къ набережной встрѣчать пароходъ. Это путешествіе могло бы доставить очень много пользы, особенно для молодыхъ людей, и, вѣроятно, развило бы прекрасно ихъ способности, еслибъ не было слишкомъ коротко, ибо оно продолжалось никакъ не больше одной минуты съ половиною. Изъ пассажировъ, бывшихъ на пароходѣ, не оказалось ни одной физіономіи русской, даже такой, на которой бы выстроенъ былъ хотя нѣмецкій городъ. Выгрузились три дамы, Богъ знаетъ какого происхожденія, два кельнера и три энглиша съ такими длинными ногами, что насилу могли выйти изъ лодки. Вышедши изъ лодки, они сказали »гопшъ« и пошли искать table d'hôte. Потомъ я пошелъ къ себѣ въ комнату, гдѣ сначала сидѣлъ на одномъ диванѣ, потомъ пересѣлъ на другой, но нашелъ, что это все равно, — что если два равные дивана, то на нихъ рѣшительно сидѣть одинаково.

»Здѣсь оканчивается путешествіе. Все прочее, что̀ ни было, все

было незамѣчательно. Какъ вы хотите, но отвѣтъ вы непремѣнно должны написать мнѣ. Если вы затрудняетесь, какимъ образомъ писать, то я вамъ могу дать небольшой образецъ. Вы можете написать въ такомъ духѣ:

»Милостивый государь, почтеннѣйшій Николай Васильевичъ!

»Я имѣла честь получить почтеннѣйшее письмо ваше сего октяб»ря... такого-то числа. Не могу выразить вамъ, милостивый государь, »всѣхъ чувствъ, которыя волновали мою душу. Я проливала слезы въ »сердечномъ умиленіи. Гдѣ обрѣли вы высокое искусство говорить такъ »понятно душѣ и сердцу? Стократъ, стократъ желала бы я имѣть искус»ное перо, подобное вашему, чтобы быть въ возможности изливать та»кими же словами признательную и разстроганную благодарность.«

»Потомъ вы можете написать: »Покорная къ услугамъ«, или »Готовая ко услугамъ«, или что-нибудь подобное, и письмо — я васъ увѣряю — будетъ хорошо.

»P. S. Еще одно, не въ штуку, весьма нужное слово. Присоедините вашу просьбу къ моей и упросите вашу маменьку пріѣхать сегодня же или завтра въ Веве, если не состоится ваша поѣздка въ Женеву. При свиданіи съ вами, я былъ глупъ, какъ швейцарскій баранъ, — совершенно позабылъ вамъ сказать о прекрасныхъ видахъ, которые нужно вамъ непремѣнно видѣть. Вы были въ Монтре и въ Шильонѣ, но не были близко. Я вамъ совѣтую непремѣнно сѣсть въ омнибусъ, въ которомъ очень хорошо сидѣть и который отправляется изъ вашей гостинницы въ семь часовъ утра. Вы поспѣете сюда къ завтраку, и я васъ поведу садами, лѣсами; вокругъ насъ будутъ шумѣть ручьи и водопады; съ обѣихъ сторонъ горы, и нигдѣ почти намъ не нужно будетъ подыматься на гору. Мы будемъ идти прекраснѣйшею долиною, которая — я знаю — вамъ очень понравится. Усталости вы не будете чувствовать. Вы знаете, что меня трудно расшевелить видомъ. Нужно, чтобы онъ былъ очень хорошъ. Здѣсь пообѣдаемъ, если вамъ будетъ угодно, въ часъ, или можете отправиться къ обѣду въ Лозанну. Во всякомъ случаѣ, если вамъ не противно будетъ, я опять провожу васъ до Лозанны.«

По хронологическому порядку, за этимъ письмомъ слѣдуетъ у меня

первое письмо Гоголя изъ-за границы къ П. А. Плетневу. Содержаніе его представляетъ такой разительный контрастъ съ веселою болтовнею разсѣяннаго путешественника, какъ сердечные крики поэта съ его комическими картинами. Это было письмо по случаю извѣстія о смерти Пушкина. Гоголь лишился въ Пушкинѣ совѣтника и сильнаго помощника въ исполненіи литературныхъ своихъ предпріятій. Мы знаемъ изъ »Переписки съ Друзьями« (1), что первыя главы »Мертвыхъ Душъ« читаны были уже Пушкину, а въ »Авторской Исповѣди« (2) говорится даже, что сюжеты »Ревизора« и »Мертвыхъ Душъ« даны были Гоголю Пушкинымъ. Слѣдовательно можно предполагать не безъ основанія, что Пушкинъ много содѣйствовалъ Гоголю въ созданіи если не типовъ, то плана его комедіи и поэмы. Вспомните теперь, какъ скоро были написаны одно за другимъ такія созданія, какъ »Тарасъ Бульба«, »Ревизоръ« и первая часть »Мертвыхъ Душъ«, вмѣстѣ съ другими, менѣе замѣчательными пьесами, и посмотрите, что дѣлаетъ Гоголь по смерти Пушкина. Пишетъ и жжетъ. У него нѣтъ ободряющаго авторитета, нѣтъ равносильнаго генія, который бы указалъ ему прямой путь поэтической дѣятельности. Словомъ, смерть Пушкина положила въ жизни Гоголя такую рѣзкую грань, какъ и переѣздъ изъ Малороссіи въ столицу. При жизни Пушкина Гоголь былъ однимъ человѣкомъ, послѣ его смерти сдѣлался другимъ (3). Я имѣю письмо его, писанное имъ къ П. А. Плетневу, отъ 16 марта 1838 года, изъ Рима, по случаю смерти Пушкина. Вотъ что онъ пишетъ:

---

(1) Стр 144. — (2) Стр. 258.

(3) Когда были уже напечатаны (въ »Опытѣ Біографіи Гоголя«) эти строки С. Т. Аксаковъ позволилъ мнѣ прочесть »Исторію его знакомства съ Гоголемъ«, написанную для храненія въ рукописи, и я, съ удивленіемъ, нашелъ въ ней о смерти Пушкина слѣдующія строки:

»Изъ писемъ самаго Гоголя извѣстно, какимъ громовымъ ударомъ была для него эта потеря. Гоголь сдѣлался боленъ и духомъ, и тѣломъ. Я прибавлю, что, по моему мнѣнію, онъ уже никогда не выздоравливалъ совершенно и что смерть Пушкина была одною изъ причинъ всѣхъ болѣзненныхъ явленій его духа, вслѣдствіе которыхъ онъ задавалъ себѣ неразрѣшимые вопросы, на которые великій талантъ его, изнеможенный борьбою съ направленіемъ отшельника, не могъ дать удовлетворительныхъ отвѣтовъ.«

»Что мѣсяцъ, что недѣля, то новая утрата; но никакой вѣсти нельзя было получить хуже изъ Россіи. Все наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его передъ собою. Что̀ скажетъ онъ, что̀ замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое — вотъ что̀ меня только занимало и одушевляло мои силы. Тайный трепетъ невкушаемаго на землѣ удовольствія обнималъ мою душу.... Боже! нынѣшній трудъ мой, внушенный имъ, его созданіе.... я не въ силахъ продолжать его. Нѣсколько разъ принимался за перо — и перо падало изъ рукъ моихъ. Невыразимая тоска!«

Гоголь жалуется въ этомъ письмѣ, что »былъ очень боленъ«, что »начинаетъ немного поправляться«, и говоритъ, что теперь только »установился на мѣстѣ«, а то »все шатался въ дорогѣ«. Изъ этого видно, что жизнь его собственно въ Римѣ началась около половины марта 1837 года. Нѣкоторые изъ русскихъ художниковъ, коротко знавшіе Гоголя въ этомъ городѣ, говорятъ, что онъ былъ скрытенъ и молчаливъ въ высшей степени. »Бывало (разсказываетъ г. Гаевскій [1] со словъ этихъ художниковъ) отправится съ кѣмъ-нибудь бродить по сожженнымъ лучами солнца полямъ обширной Римской Кампаніи, пригласитъ своего спутника сѣсть вмѣстѣ съ нимъ на пожелтѣвшую отъ зноя траву, послушать пѣнія птицъ и, просидѣвъ или пролежавъ такимъ образомъ нѣсколько часовъ, тѣмъ же порядкомъ отправляется домой, не говоря ни слова. По временамъ только онъ предавался порывамъ неудержимой веселости и являлся такимъ, какъ представляютъ его себѣ, судя по произведеніямъ, всѣ незнавшіе его лично. Въ эти рѣдкія минуты онъ болталъ безъ умолку, острота слѣдовала за остротою, и веселый смѣхъ его слушателей не умолкалъ ни на минуту. Изъ русскихъ художниковъ, бывшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ Римѣ, онъ особенно любилъ историческаго живописца А. И. Иванова, которому посвятилъ одно изъ писемъ въ своей »Перепискѣ«, и который до сихъ поръ еще живетъ въ Римѣ, — гравера Ѳ. И. Іор-

[1] Въ »Замѣткахъ для Біографіи Гоголя«.

дана, о которомъ онъ говоритъ въ своемъ »Завѣщаніи«, и покойнаго скульптора Ставассера.«

Но послушаемъ, что̀ говоритъ о своей римской жизни Гоголь, въ письмѣ къ г. Плетневу. Изъ этого письма мы узнаёмъ, между прочимъ, одно весьма важное и до сихъ поръ неизвѣстное обстоятельство: именно — что въ 1837 году сдѣлано было Гоголю отъ Царскихъ щедротъ единовременное пособіе въ 5,000 рублей ассигнаціями. Поэтъ осчастливленъ былъ столь великодушнымъ вниманіемъ къ его положенію »какъ нельзя больше«, и этому-то празднику его души мы обязаны слѣдующимъ письмомъ, свѣтлымъ какъ итальянское небо.

»Не сердитесь на меня — — — виновникъ многихъ, многихъ прекрасныхъ минутъ моей жизни, что въ письмахъ моихъ нѣтъ того, о чемъ любитъ изливаться молодая душа путешественника. Теперь, на первый случай, знайте обо мнѣ, что я счастливъ какъ нельзя больше: добрый Государь нашъ [храни его за это Богъ], пожаловавши мнѣ 5000 руб., далъ мнѣ средство по крайней мѣрѣ полтора года прожить безбѣдно въ Италіи.

»Что̀ за земля Италія! Никакимъ образомъ не можете вы ее представить себѣ. О, еслибы вы взглянули только на это ослѣпляющее небо, все топущее въ сіяніи! Все прекрасно подъ этимъ небомъ; что ни развалина, то и картина; на человѣкѣ какой-то сверкающій колоритъ; строеніе, дерево, дѣло природы, дѣло искуства — все, кажется, дышетъ и говоритъ подъ этимъ небомъ. Когда вамъ все измѣнитъ, когда вамъ больше ничего не останется такого, что̀ бы привязывало васъ къ какому-нибудь уголку міра, пріѣзжайте въ Италію. Нѣтъ лучшей участи, какъ умереть въ Римѣ; цѣлой верстой здѣсь человѣкъ ближе къ Богу. Князь Вяземскій очень справедливо сравниваетъ Римъ съ большимъ прекраснымъ романомъ, или эпопеею, въ которой на каждомъ шагу встрѣчаются новыя и новыя, вѣчно неожиданныя красы. Передъ Римомъ всѣ другіе города кажутся блестящими драмами, которыхъ дѣйствіе совершается шумно и быстро въ глазахъ зрителя; душа восхищена вдругъ, но не приведена въ такое спокойствіе, въ такое продолжительное наслажденіе, какъ при чтеніи эпопеи. Въ самомъ дѣлѣ, чего въ ней нѣтъ? Я читаю

ее, читаю..... и до сихъ поръ не могу добраться до конца; чтеніе мое безконечно. Я не знаю, гдѣ бы лучше могла быть проведена жизнь человѣка, для котораго пошлыя удовольствія свѣта не имѣютъ много цѣны. Это городъ и деревня вмѣстѣ. Обширнѣйшій городъ — и, при всемъ томъ, въ двѣ минуты вы уже можете очутиться за городомъ. Хотите — рисуйте, хотите — глядите.... не хотите ни того, ни другого — воздухъ самъ лѣзетъ вамъ въ ротъ. Проглянетъ солнце [а оно глядитъ каждый день] — и ничего уже болѣе не хочешь; кажется, ничего уже не можетъ прибавиться къ вашему счастію. А если случится, что нѣтъ солнца [что̀ бываетъ такъ же рѣдко, какъ въ Петербургѣ солнце], то влите по церквамъ. На каждомъ шагу и въ каждой церкви, чудо живописи, старая картина, къ подножію которой несутъ милліоны людей умиленное чувство-изумленія. Но небо, небо!... Вообразите, когда проходятъ два-три мѣсяца, и оно отъ утра до вечера чисто, чисто — хоть бы одно облачко, хотя бы какой-нибудь лоскуточекъ его!

»Но я разучился совсѣмъ писать письма; одно слово толкаетъ другое, я мараю, ставлю ошибки.... но когда-нибудь вы увидите записки, въ которыхъ отразились, можетъ быть, вѣрно впечатлѣнія души моей, гдѣ она вылила признательныя движенія свои, которыхъ не могла бы излить открыто, не нарушая тонкой разборчивости тѣхъ, кому въ глубинѣ ея сожигается неугасимо жертвенный пламень благодарности. Тамъ и тѣ предметы, диво природы и искусства, къ которымъ издалека мы несемся пламенной душой, въ томъ видѣ, въ какомъ она приняла ихъ.« (1)

Подъ этимъ-то вѣчно-сіяющимъ небомъ, вдали отъ удовольствій свѣта, которыя сдѣлались теперь для поэта »пошлыми«, въ этомъ городѣ-деревнѣ и деревнѣ-городѣ, на просторѣ и на досугѣ, Гоголь написалъ или докончилъ первую часть »Мертвыхъ Душъ«, въ которой отразилось спокойствіе, лежащее надъ »вѣчнымъ городомъ«, и видѣнъ ни-

(1) Гоголь тщательно переписалъ это письмо для печатанія, и оно было уже подписано цензоромъ; но, по нѣкоторымъ особеннымъ обстоятельствамъ, печатаніе его было отмѣнено авторомъ.

рокій ходъ эпопеи, забранный поэтомъ въ душу при безконечномъ чтеніи эпопеи Рима. Въ послѣдующихъ письмахъ онъ самъ разскажетъ, почему онъ представлялъ ясно Русь только среди чужого населенія и непохожихъ на нее странъ. Онъ постигнулъ и объяснилъ друзьямъ эту тайну по возвращеніи въ Россію въ 1841 году, съ готовою для печати рукописью »Мертвыхъ Душъ«. Но не будемъ заглядывать впередъ и прослѣдимъ заграничную жизнь его по его письмамъ къ разнымъ особамъ. Всего сильнѣе занялъ нашего поэта »вѣчный городъ«, котораго грандіозный образъ усиливался онъ представить въ своемъ отрывкѣ, подъ заглавіемъ »Римъ«. Слѣдующее письмо его можетъ служить прекраснымъ дополненіемъ къ этому отрывку романа, начатаго, какъ видно, на слишкомъ высокій строй и потому оставленнаго безъ продолженія. Оно тѣмъ интереснѣе, что въ немъ ужъ намѣчены мысли и картины, которыя потомъ развиты и обработаны окончательно въ отрывкѣ »Римъ«.

»Римъ, мѣсяцъ апрѣль, годъ 2588 отъ основанія города. (1)

»Я получилъ сегодня ваше милое письмо, писанное вами — — отъ 10 февраля по здѣшнему счету. Оно такъ искренно, такъ показалось мнѣ полно чувства и въ немъ такъ отразилась душа ваша, что я рѣшился идти сегодня же въ одну изъ церквей римскихъ — тѣхъ прекрасныхъ церквей, которыя вы знаете, гдѣ дышетъ священный сумракъ и гдѣ солнце, съ вышины овальнаго купола, какъ Святой Духъ, какъ вдохновеніе, посѣщаетъ середину ихъ, гдѣ двѣ-три молящіяся на колѣняхъ фигуры не только не отвлекаютъ, но, кажется, даютъ еще крылья молитвѣ и размышленію, я — рѣшился тамъ помолиться за васъ. — — Хотя вашу ясную душу слышитъ и безъ меня Богъ и хотя немного толку въ моей грѣшной молитвѣ, но все-таки я молился; я исполнилъ этимъ движеніе души моей; я просилъ, чтобъ послали вамъ высшія силы прекрасныя небеса, солнце и ту живую, юную природу, которая достойна окружать васъ. Вы похожи теперь на картину, въ которой художникъ великій упо-

(1) Обыкновенно полагаютъ, что Римъ основанъ за 753 года до Р. Х. Если вычесть это число изъ 2588, то выйдетъ, что письмо было писано въ 1835 году, когда Гоголь находился еще въ Россіи; а между тѣмъ оно очевидно относится къ 1837 или къ 1838 году. *Н. М.*

требилъ всѣ свои силы на то, чтобы создать прекрасную фигуру, которую онъ помѣстилъ на первомъ планѣ. Потомъ ему надоѣло заняться прочимъ, второй планъ онъ напачкалъ какъ ни попало, или, лучше, далъ напачкать другимъ. Оттого вышло, что позади васъ находится — — чухонская природа. Я слышу отсюда всѣ ваши чувства, и, зная васъ хорошо, я зналъ, что вы должны быть полны Римомъ, что онъ живетъ еще свѣтлѣе въ вашихъ мысляхъ теперь, чѣмъ прежде.

»Въ самомъ дѣлѣ есть что-то удивительное въ немъ. Когда я жилъ въ Швейцаріи, гдѣ, по причинѣ холеры, я остался гораздо долѣе, нежели сколько думалъ, я не могъ дождаться часа, минуты ѣхать въ Римъ; и когда я получилъ въ Женевѣ вексель, который доставилъ мнѣ возможность ѣхать туда, я такъ обрадовался этимъ деньгамъ, что еслибъ въ это время нашелся свидѣтель моей радости, то онъ бы принялъ меня за ужаснаго скрягу и сребролюбца. И когда я увидѣлъ наконецъ во второй разъ Римъ, о, какъ онъ мнѣ показался лучше прежняго! Мнѣ казалось, что будто я увидѣлъ свою родину, въ которой нѣсколько лѣтъ не бывалъ я, а въ которой жили только мои мысли. Но нѣтъ, это все не то: не свою родину, но родину души своей я увидѣлъ, гдѣ душа моя жила еще прежде меня, прежде, чѣмъ я родился на свѣтъ. Опять то же небо, то все серебряное, одѣтое въ какое-то атласное сверканіе, то синее, какъ любитъ оно показываться сквозь арки Колисея. Опять тѣ же кипарисы, эти зеленые обелиски, верхушки куполовидныхъ сосенъ, которыя кажутся иногда плавающими въ воздухѣ; тотъ же чистый воздухъ; та же ясная даль; тотъ же вѣчный куполъ, такъ величественно кругляющійся въ воздухѣ. Нужно вамъ знать, что я пріѣхалъ совершенно одинъ, что въ Римѣ я не нашелъ никого изъ моихъ знакомыхъ. Ваша сестрица оставалась еще во Флоренціи. Но я былъ такъ полонъ въ это время, и мнѣ казалось, что я въ такомъ многолюдномъ обществѣ, что я припоминалъ только, чего бы не забыть, и тотъ же часъ отправился дѣлать визиты всѣмъ своимъ друзьямъ. Былъ у Колисея, и мнѣ казалось, что онъ меня узналъ, потому что онъ, по своему обыкновенію, былъ величественно милъ и на этотъ разъ особенно разговорчивъ. Я чувствовалъ, что во мнѣ рождались такія прекрасныя чувства: стало быть, онъ со мною говорилъ. Потомъ я отправился къ Петру и ко всѣмъ другимъ, и мнѣ каза-

лось, они всѣ сдѣлались на этотъ разъ гораздо болѣе со мною разговорчивы. Въ первый разъ нашего знакомства они, казалось, были болѣе молчаливы, дичились и считали меня за форестьера.

»Кстати о форестьерахъ. Всю зиму, прекрасную, удивительную зиму, лучше во сто разъ петербургскаго лѣта — всю эту зиму я, къ величайшему счастію, не видалъ форестьеровъ; но теперь ихъ наѣхала вдругъ куча къ Пасхѣ. — — Что̀ за несносный народъ! пріѣхалъ и сердится, что въ Римѣ нечистыя улицы, нѣтъ никакихъ совершенно развлеченій, много монаховъ, и повторяетъ вытверженныя еще въ прошломъ столѣтіи изъ календарей и старыхъ альманаховъ фразы, что Итальянцы подлецы, обманщики и проч. — — Впрочемъ, они наказаны за глупость своей души уже тѣмъ, что не въ силахъ наслаждаться, влюбляться чувствами и мыслію въ прекрасное и высокое, — не въ силахъ узнать Италію. Есть еще классъ людей, которые за фразами не лѣзутъ въ карманъ и говорятъ: »Какъ это величаво! какъ хорошо!« словомъ, превращаются очень легко въ восклицательный знакъ и выдаютъ себя за людей съ душою. Ихъ не терпитъ то же моя душа, и я скорѣе готовъ простить, кто надѣваетъ на себя маску набожности, лицемѣрія, услужливости для достиженія какой-нибудь своей цѣли, нежели кто надѣваетъ на себя маску вдохновенія и поддѣльныхъ поэтическихъ чувствъ.

»Знаете, что̀ я вамъ скажу теперь о римскомъ народѣ? я теперь занятъ желаніемъ узнать во глубинѣ весь его характеръ, слѣжу его во всемъ, читаю всѣ народныя произведенія, гдѣ только онъ отразился, и скажу, что, можетъ быть, это первый народъ въ мірѣ, который одаренъ до такой степени эстетическимъ чувствомъ, невольнымъ чувствомъ понимать то, что̀ понимается только пылкою природою, на которую холодный, расчетливый, меркантильный европейскій умъ не набросилъ своей узды. Какъ показались мнѣ гадки Нѣмцы послѣ Итальянцевъ — Нѣмцы со всею ихъ мелкою честностью и эгоизмомъ! Но объ этомъ я вамъ, кажется, писалъ. Я думаю, уже вы сами слышали очень многія черты остроумія римскаго народа — того остроумія, которымъ иногда славились древніе Римляне, а еще болѣе — аттическій вкусъ Грековъ. Ни одного происшествія здѣсь не случится безъ того, чтобъ не вышла какая-нибудь острота и эпиграмма въ народѣ. Во время торжества и праздника по

случаю избранія кардиналовъ, когда городъ былъ иллюминованъ три дня [да, кстати здѣсь сказать, что нашъ пріятель Мецофанти сдѣланъ тоже кардиналомъ и ходитъ въ красныхъ чулочкахъ], во время этого праздника было почти все дурное время; въ первые же дни карнавала, дни были совершенно итальянскіе, — тѣ свѣтлые, безъ малѣйшаго облачка дни, которые вамъ такъ знакомы, когда на голубомъ полѣ неба сверкаютъ стѣны домовъ, всѣ въ солнцѣ, и такимъ блескомъ, какого не вынесетъ сѣверный глазъ; въ народѣ вышелъ вдругъ экспромптъ: I Dio vuol carnavale e non vuol cardinale — — —

»Знакомы ли были вы съ трастеверянами, то есть жителями по ту сторону Тибра, которые такъ горды своимъ чистымъ римскимъ происхожденіемъ? Они одни себя считаютъ настоящими Римлянами. Никогда еще трастеверянинъ не женился на иностранкѣ [а иностранкой называется всякая, кто только не въ городѣ ихъ], и никогда трастеверянка не выходила замужъ за иностранца. Случалось ли вамъ слышать языкъ il Meo Patacca, для которой рисунки дѣлалъ Пинелли? Но вамъ, вѣрно, не случалось читать сонетовъ нынѣшнаго римскаго поэта Белли, которые нужно слышать, когда онъ самъ читаетъ. Въ нихъ, въ этихъ сонетахъ, столько соли и столько остроты, совершенно неожиданной, и такъ вѣрно отражается въ нихъ жизнь нынѣшнихъ трастеверянъ, что вы будете смѣяться, и это тяжелое облако, которое налегаетъ часто на вашу голову, слетитъ прочь вмѣстѣ съ докучливой и несносной вашей головною болью. Они писаны in lingua romanescha; они не напечатаны, но я вамъ ихъ послѣ пришлю.

»Кстати мы начали говорить о литературѣ. Намъ извѣстна только одна эпическая литература Итальянцевъ, то есть литература умершаго времени, литература XV и XVI вѣковъ; но нужно знать, что въ прошедшемъ XVIII и даже въ концѣ XVII вѣка у Итальянцевъ обнаружилась сильная наклонность къ сатирѣ, веселости, и если хотите изучить духъ нынѣшнихъ итальянцевъ, то нужно ихъ изучать въ ихъ поэмахъ герои-комическихъ. Вообразите, что собраніе autori burleschi italiani состоитъ изъ сорока толстыхъ томовъ. Во многихъ изъ нихъ блещетъ такой юморъ, такой оригинальный юморъ, что дивишься, почему никто не говоритъ о нихъ. Впрочемъ, нужно сказать и то, что

однѣ итальянскія типографіи могутъ печатать ихъ. Во многихъ изъ нихъ есть нѣсколько нескромныхъ выраженій, которы(я) не всякому можно позволить читать. Я вамъ разскажу теперь объ одномъ праздникѣ, который не знаю, знаете ли вы, или нѣтъ. Это — торжество по случаю построенія Рима, юбилей рожденія, или именины этого чуднаго старца, видѣвшаго въ стѣнахъ своихъ Ромула. Этотъ праздникъ, или, лучше сказать, собраніе академическое, было очень просто; въ немъ не было ничего особеннаго. Но самый предметъ былъ такъ великъ, и душа такъ была настроена къ могучимъ впечатлѣніямъ, что все казалось въ немъ священнымъ, и стихи, которые читались на немъ небольшимъ числомъ римскихъ писателей, больше вашими друзьями аббатами, всѣ безъ изъятія казались прекрасными и величественными и, какъ будто по звуку трубы, воздвигали въ памяти моей древнія стѣны, храмы, колонны и возносили все это подъ самую вершину небесъ. Прекрасно, прекрасно все, что̀ было; но такъ ли оно прекрасно, какъ теперь? Мнѣ кажется, теперь... по крайней мѣрѣ еслибы мнѣ предложил(и) — — что̀ бы я предпочелъ видѣть предъ собою — древній Римъ въ грозномъ и блестящемъ величіи, или Римъ нынѣшній въ его теперешнихъ развалинахъ, — я бы предпочелъ Римъ нынѣшній. Нѣтъ, онъ никогда не былъ такъ прекрасенъ. Онъ прекрасенъ уже тѣмъ, что ему 2588-й годъ, что на одной половинѣ его дышетъ вѣкъ языческій, на другой христіянскій, и тотъ и другой — огромнѣйшія двѣ мысли въ мірѣ.

»Но вы знаете, почему онъ прекрасенъ. Гдѣ вы встрѣтите эту божественную, эту райскую пустыню посреди города? Какая весна! Боже, какая весна! Но вы знаете, что такое молодая, свѣжая весна среди дряхлыхъ развалинъ, зацвѣтшихъ плющемъ и дикими цвѣтами. Какъ хороши теперь синіе клочки неба промежъ деревъ, едва покрывшихся свѣжей, почти жолтой зеленью, и даже темные какъ воронье крыло кипарисы, и еще далѣе голубыя, матовыя какъ бирюза горы Фраскати и Албанскія, и Тиволи. Что за воздухъ! — — Удивительная весна! Гляжу — не нагляжусь. Розы усыпали теперь весь Римъ; по обонянію моему еще слаще отъ цвѣтовъ, которые теперь зацвѣли и которыхъ имя я, право, въ эту минуту позабылъ. Ихъ нѣтъ у насъ. Вѣрите ли, что часто приходитъ неистовое желаніе превратиться

въ одинъ носъ, чтобы не было ничего больше — ни глазъ, ни рукъ, ни ногъ, кромѣ одного только большущаго носа, у котораго бы ноздри были въ добрыя ведра, чтобы можно было втянуть въ себя какъ можно побольше благовонія и весны.

»Но я чуть было не позабылъ, что пора уже мнѣ отвѣчать на сдѣланные вами вопросы и порученія. Первый — поклониться первому аббату, котораго я встрѣчу на улицѣ — я исполнилъ, и вообразите, какая исторія! Вамъ нужно ее разсказать. Выхожу изъ дому [Strada felice, № 126]; иду я дорогою къ Monte Pincio и церкви Trinita; готовъ спуститься лѣстницею внизъ; — внизу подымается на лѣстницу аббатъ. Я, припомнивъ ваше порученіе, снялъ шляпу и сдѣлалъ ему очень вѣжливый поклонъ. Аббатъ, какъ казалось, былъ тронутъ моею вѣжливостью и поклонился еще вѣжливѣе. Его черты мнѣ показались пріятными и исполненными чего-то благороднаго, такъ что я невольно остановился и посмотрѣлъ на него. Смотрю — аббатъ подходитъ ко мнѣ и спрашиваетъ меня очень учтиво, не имѣетъ ли онъ чести меня знать, и что онъ имѣетъ несчастную память позабывать. Тутъ я не утерпѣлъ, чтобъ не засмѣяться, и разсказалъ ему, что одна особа, проведшая лучшіе дни своей жизни въ Римѣ, такъ привержена къ нему въ мысляхъ, что просила меня поклониться всему тому, что болѣе всего говоритъ о Римѣ, и между прочимъ, первому аббату, который мнѣ попадется, не разбирая, каковъ бы онъ ни былъ, лишь бы только былъ въ чулочкахъ, очень хорошо натянутыхъ на ноги, и что я радъ, что этотъ поклонъ достался ему. Мы оба посмѣялись и сказали въ одно время, что наше знакомство началось такъ странно, что стоитъ его продолжать. Я спросилъ его имя, и — вообразите — онъ поэтъ, пишетъ очень недурные стихи, очень уменъ, и мы съ нимъ теперь очень подружились. Итакъ, позвольте мнѣ поблагодарить васъ за это пріятное знакомство.

»Съ аббатомъ Lanci я не имѣлъ чести видѣться, а то бы, вѣрно, и ему отдалъ поклонъ.

»На вопросъ вашъ: »Здорова ли Мейерова блуза пыльнаго цвѣта?« имѣю честь отвѣтствовать, что здорова. Я ее еще недавно видѣлъ верхомъ на своемъ господинѣ, а господинъ былъ верхомъ на лошади, и такимъ образомъ, пронеслись всѣ трое вихремъ по Monte Pincio.

»Соломенная шляпа тоже, вѣроятно, здорова. На вопросъ же вашъ: »Боготворитъ ли онъ статуи?« имѣю честь доложить, что онъ, какъ кажется, предпочитаетъ имъ живыя творенія, — по крайней мѣрѣ онъ побольше попадается съ дамами въ шляпкахъ и лентахъ, нежели съ статуями, у которыхъ нѣтъ ни шляпокъ, ни лентъ, а одна запыленная драпировка, накинутая какъ ни попало. Впрочемъ, Мейеръ теперь въ модѣ, и княжна В* П*, которая подтрунивала надъ нимъ первая, говоритъ теперь, что Мейеръ совершенно не тотъ, какъ узнать его покороче, что въ немъ очень хорошаго очень много.

»Кустодъ Колисея тоже здоровъ, и Англичанъ цѣлыми вязанками тащитъ на лѣстницу Колисея. Каждую ночь почти иллюминація.

»О свинкахъ вамъ ничего не могу сказать, потому что до сихъ поръ еще не видалъ ни одной, но козловъ множество. Кажется, всѣ римскія деревни рѣшились просвѣтить ихъ и отправили страшныя толпы. Народъ очень умный, но лежатъ совершенно безъ всякаго дѣла, и сомнѣваюсь, чтобы они могли что-нибудь разсказать, прійдя домой, о римскихъ памятникахъ, а тѣмъ болѣе о живописи.

»Вы спрашиваете еще, правда ли, что К*** ѣдетъ въ Петербургъ? Это очень можетъ случиться, и нѣтъ ничего удивительнѣе, страннѣе, еслибы онъ остался въ Италіи. Для этого нужно имѣть душу художника. К*** можетъ нарисовать хорошо портретъ К***, но до художника ему далеко, какъ до небесной звѣзды.

«У англійскихъ скульпторовъ побываю непремѣнно, и очень вамъ благодаренъ за это порученіе: безъ васъ бы мнѣ это не пришло въ голову.

»Трагедію Николини: »Антонію Фоскарини«, купилъ и завтра принимаюсь читать.

»Что́ касается до madamigella Conti, о которой вы интересуетесь, то она не ходитъ въ церковь Петра, ибо madama Conti, узнавъ, что она много глядитъ на форестьеровъ, схватила ее въ охабку и увезла въ деревню Сабины, въ 18 или около миляхъ отъ Рима.

»Вотъ вамъ и все. Кажется, ничего не пропустилъ. Жаль мнѣ, и я золъ до нельзя на головную боль, которая продолжаетъ васъ мучить. Нѣтъ, вамъ нужно подальше изъ Петербурга. Этотъ климатъ живетъ заодно съ этой болѣзнію. Оба они мошенничаютъ вмѣстѣ. Пишите, ко мнѣ

обо всемъ, что́ у васъ ни есть на душѣ и на мысляхъ. Помните, что я вашъ старый другъ, и что я молюсь за васъ здѣсь, гдѣ молитва на своемъ мѣстѣ, то есть въ храмѣ. — — Будьте здоровы. О здоровьѣ только вашемъ молюсь я; что́ же до души вашей и сердца, я не молюсь о нихъ: я знаю, что они не перемѣнятся и останутся вѣчно такими же прекрасными.«

Это письмо писано было къ той же особѣ, что́ и приведенное выше, изъ Веве, отъ 12 октября. Я имѣю шесть писемъ Гоголя къ ней, и всѣ они дышатъ особенною, весеннею теплотою поэтической души его. Справедливо замѣтилъ С. Т. Аксаковъ въ своей статьѣ: »Нѣсколько Словъ о Біографіи Гоголя« (¹), что Гоголь »съ разными людьми казался разнымъ человѣкомъ«, и что »онъ соприкасался съ ними тѣми нравственными сторонами, съ которыми симпатизировали тѣ люди«. Въ перепискѣ съ своей ученицей онъ подбираетъ только самыя тонкія и чувствительныя струны своей души и сыгрывается съ нею въ удивительный ладъ. Не зная, кто была его корреспондентка, каждый составитъ себѣ ясное понятіе о высокихъ свойствахъ души ея. Гоголю нужны были искреннія бесѣды съ такими свѣжими натурами. Онъ принималъ живѣйшее участіе въ ихъ внутренней и внѣшней жизни, и домогался отъ нихъ полной откровенности. Бесѣды съ ними давали живительную пищу его сердцу и открывали его уму новый міръ, замкнутый для его наблюдательности въ обыкновенныхъ житейскихъ отношеніяхъ. Вотъ почему онъ тратилъ столько времени на длинныя письма къ нимъ, въ которыхъ старался и смѣшить, и тронуть ихъ, и вознести ихъ мысли къ возвышенному и прекрасному. Въ то же время онъ увлекался понятнымъ каждому чувствомъ, которое я назову молодостью сердца и которое заставляетъ насъ симпатизировать движеніямъ каждой прекрасной и юной души, прислушиваться къ ея трепету и впивать въ себя ея благоуханіе. Чувство это долговѣчнѣе всѣхъ въ нашемъ сердцѣ; но ни въ комъ оно не сохраняется въ такой свѣжести до конца жизни, какъ въ истинныхъ поэтахъ, такъ что поэзія и сердечная молодость могутъ взаимно быть признаками одна другой въ

(¹) »Московскія Вѣдомости« 1853 года, № 36.

каждой высокой личности, и одна безъ другой никогда не существуютъ. Отсюда можно вывести объясненіе, почему Гоголь, въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни, когда, говоря словами упомянутаго выше автора, »его христіянство становилось всё чище и строже, высокое значеніе цѣли писателя яснѣе и судъ надъ собою суровѣе«, — почему Гоголь не измѣнился нисколько въ своихъ отношеніяхъ къ нѣсколькимъ избраннымъ своего сердца и жаждалъ ихъ бесѣды и откровенности такъ же сильно, какъ и

»Во дни утѣхъ и сновъ первоначальныхъ.«

Симпатія къ тому, что́ молодо, что́ свѣжо, что̀ не тронуто нравственною порчею и обѣщаетъ въ будущемъ роскошные цвѣты и плоды, сохранилась въ немъ до конца жизни. Въ то время, когда многіе привыкли называть его молчаливымъ, угрюмымъ и даже гордымъ, онъ былъ любимъ въ нѣсколькихъ дѣтскихъ кружкахъ, онъ владѣлъ искреннею привязанностью другого рода дѣтей, простосердечныхъ поселянъ, у себя на родинѣ, и пользовался самою нѣжною дружбою нѣсколькихъ весьма достойныхъ матерей семействъ и христіянски-образованныхъ дѣвицъ. Даже на смертномъ одрѣ своемъ, когда весь міръ сдѣлался для него »закрытъ и нѣмъ«, когда онъ видѣлъ въ своемъ воображеніи только Бога и передъ Нимъ свою душу, — даже и тогда представленіе святости дѣтства, этого дивнаго возраста, передъ которымъ открыто столь обширное поприще *возможности* совершенства, не оставило ума его, и онъ написалъ дрожащею рукою на лоскуткѣ бумаги:

»Аще не будете яко дѣти, не внидете въ царство небесное«. (1)

Изъ всѣхъ женщинъ, которыхъ онъ уважалъ, которымъ открывалъ свою душу и въ дружбѣ которыхъ искалъ освѣженія послѣ суроваго своего одиночества, онъ всего сильнѣе и постояннѣе былъ привязанъ къ А. О. С—ой. Его переписка съ нею не вся помѣщена въ этой книгѣ по случайнымъ обстоятельствамъ, но я имѣю позволеніе представить здѣсь, съ ея словъ, нѣкоторыя ея воспоминанія о Гоголѣ.

Знакомство ихъ началось такъ давно и такимъ обыкновеннымъ образомъ, что А. О. не можетъ даже припомнить времени, когда она увидѣ-

---

(1) Матѳ. XVIII, 3.

ла Гоголя въ первый разъ. Въ годъ его смерти она спрашивала его объ этомъ.

— Неужели вы не помните? отвѣчалъ Гоголь. — Вотъ прекрасно! Такъ я же вамъ и не скажу. Это, впрочемъ, тѣмъ лучше: это значитъ, что мы всегда были съ вами знакомы.

Сколько разъ она ни повторяла потомъ свой вопросъ, онъ отвѣчалъ: — Когда не знаете, такъ не скажу жъ. Мы всегда были знакомы.

Въ 1837 году А. О. проводила зиму въ Парижѣ, и Гоголь ходилъ къ ней довольно часто въ Rue du Mont Blanc, № 21. Въ то время она обходилась уже съ нимъ, какъ съ человѣкомъ коротко знакомымъ. Разговоръ у нихъ часто шелъ о Малороссіи, о высокомъ камышѣ, о бурьянѣ, объ аистахъ, о галушкахъ, вареникахъ и сѣренькомъ дымѣ, вылетающемъ изъ деревянныхъ трубъ и стелющемся по голубому небу. Она пѣла ему извѣстную пѣсню:

Ой не ходы́, Гры́цю, на вечорны́ци.

Онъ больше слушалъ ее, нежели говоритъ самъ; однакожъ описалъ ей однажды малороссійскій вечеръ, когда солнце садится, табуны несутся съ поля къ водопою, подымая копытами пыль, а за ними скачутъ пастухи съ развѣвающимися чубами и пу́гами (нагайками) въ рукахъ. Обо всемъ этомъ говорилъ онъ очень живо, съ любовью, но прерывисто и въ короткихъ словахъ. О Парижѣ мало было у нихъ рѣчи. Повидимому, онъ ужъ и тогда не любилъ его. Онъ посѣщалъ, однакожъ, камеры и театры и часто разсказывалъ, какъ входятъ въ театръ à la file (т. е. гуськомъ) и покупаютъ право на *хвостъ*. Дѣло въ томъ, что задній театралъ кричитъ которому нибудь изъ переднихъ, чтобъ онъ уступилъ ему свое мѣсто, торгуется съ нимъ и наконецъ мѣняется мѣстами; но часто купленное такимъ образомъ мѣсто бывало захватываемо другимъ, и это служило поводомъ къ брани и ссорамъ. Гоголь, съ свойственной ему способностью замѣчать то, что̀ другимъ казалось несмѣшнымъ и незамѣчательнымъ, представлялъ сцены при покупкѣ, какъ онъ называлъ, »права на хвостъ« въ самыхъ характеристическихъ и забавныхъ разсказахъ.

Однажды разговоръ зашелъ о разныхъ комфортахъ въ путешествіи, и Гоголь сказалъ, что хуже всего на этотъ счетъ въ Португаліи.

— А вы какъ это знаете, Николай Васильевичъ? спросили его.

— Я тамъ былъ, отвѣчалъ онъ: — я пробрался въ Лисабонъ изъ Испаніи, гдѣ также прегадко въ трактирахъ. Особенно хороша прислуга. Однажды мнѣ подали котлету совсѣмъ холодную. Я замѣтилъ объ этомъ слугѣ. Но онъ очень хладнокровно пощупалъ котлету рукою и объявилъ, что нѣтъ, что котлета достаточно тепла.

Такъ какъ Гоголь до тѣхъ поръ ни разу не упомянулъ объ Испаніи, то А. О. начала утверждать, что онъ никогда не былъ въ этой странѣ и не могъ тамъ быть, потому что тамъ вѣчные разбои, дерутся на всякомъ перекресткѣ, и т. п.

Гоголь на все это отвѣчалъ очень хладнокровно:

— На что̀ жъ все разсказывать и занимать собою публику? Вы привыкли, чтобъ вамъ человѣкъ съ перваго разу все выхлесталъ, что̀ знаетъ и чего не знаетъ, даже и то, что̀ у него на душѣ.

Это̀, однакожъ, не убѣдило его собесѣдницы, и она осталась при своемъ мнѣніи, что Гоголь въ Испаніи не былъ. Съ того времени между ними образовалась шутка: »Это было тогда, когда вы были въ Испаніи«, и самъ Гоголь говаривалъ: »Это было тогда, когда я былъ въ Испаніи«. А. О. часто надъ нимъ смѣялась и выговаривала, какъ ему не стыдно лгать, и т. п. Гоголь все переносилъ съ хладнокровіемъ стоика. Будучи въ Римѣ, уже въ 1843 году, онъ опять началъ что-то разказывать объ Испаніи. Это было въ присутствіи В. А. П***, Я. В. Х*** и А. О. Р****. А. О. С—ва замѣтила, что Николай Васильевичъ мастеръ очень серьезно солгать. На это онъ сказалъ:

— Такъ если жъ вы хотите знать правду, я никогда не былъ въ Испаніи, но зато я былъ въ Константинополѣ, а вы этого и не знаете.

Тутъ онъ началъ описывать во всѣхъ подробностяхъ Константинополь: называлъ улицы, рисовалъ мѣстности, разсказывалъ о собакахъ, упоминая даже какого они цвѣта и о томъ, какъ тамъ подаютъ кофе въ маленькихъ чашкахъ съ гущею. Рѣчь его была наполнена множествомъ мелочей, которые могъ знать только очевидецъ и заняла всѣхъ слушателей на цѣлые полъ-часа или около того.

— Вотъ сейчасъ и видно, сказала тогда ему А. О.: — что вы были въ Константинополѣ.

А онъ отвѣчалъ:

— Видите, какъ легко васъ обмануть. Вотъ же я не былъ въ Константинополѣ, а въ Испаніи и Португаліи былъ.

Дѣйствительно онъ провелъ въ Испаніи и Португаліи съ недѣлю въ первую свою поѣздку за границею. Если же не говорилъ объ испанской живописи и вообще о памятникахъ искусствъ въ этихъ странахъ, то это, кромѣ его привычки о многомъ умалчивать, происходило оттого, что онъ въ то время находился уже подъ сильнымъ вліяніемъ Рима. Испанская школа, въ отношеніи красокъ и въ особенности рисунка, сливалась для него съ Венеціянскою и Болонскою, которыхъ онъ не любилъ, особенно Болонской. Такой художникъ, какъ Гоголь, познакомясь съ Микель-Анджело и Рафаелемъ, не могъ слишкомъ увлекаться другими живописцами. »У него, по словамъ А. О. С—ой, была какая-то трезвость въ оцѣнкѣ произведеній искусства; онъ тогда только называлъ созданіе рѣзца и кисти прекраснымъ, когда оно затрогивало струны его души.«

Въ 1837 лѣтомъ А. О. С — ва жила въ Баденѣ. Гоголь пріѣхалъ туда больной, но не лѣчился. Онъ только пилъ воды въ Лихтентальской аллеѣ и ходилъ, или, лучше сказать, бродилъ одинъ по лугу зигзаками, возлѣ Стефанибада. Часто онъ бывалъ такъ задумчивъ, что его звали и не могли дозваться. Если же это и удавалось, то онъ отказывался гулять вмѣстѣ, приводя самыя странныя причины. Изъ Русскихъ, кромѣ покойнаго А. Н. Карамзина, его никто тогда не зналъ, а одинъ господинъ изъ высшаго круга даже упрекалъ А. О., что она гуляетъ съ mauvais genre.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ Гоголь объявилъ ей, что пишетъ романъ подъ заглавіемъ »Мертвыя Души« и желаетъ прочитать вечеромъ ей и ея небольшому кружку. Она пригласила къ себѣ покойныхъ А. Н. Карамзина и графа Л. Салогуба и В. П. Платонова. День былъ очень знойный. Въ 7 часовъ вечера небольшое общество усѣлось вокругъ стола, и Гоголь началъ чтеніе. Вдругъ началась страшная гроза. Надобно было затворить окна. Хлынулъ такой дождь, какого никто не запомнилъ. Въ одну минуту пейзажъ перемѣнился: съ противоположной горы полился каскадъ, а маленькая рѣчка вздулась и закипѣла. Гоголь посматривалъ сквозь стекла и сперва казался смущеннымъ, но потомъ успокоился и продолжалъ чтеніе. Онъ прочелъ двѣ первыя главы »Мертвыхъ Душъ«,

въ томъ видѣ, какъ онѣ послѣ явились въ печати. Всѣ очень много смѣялись, и были въ восторгѣ. Послѣ того онъ просилъ Карамзина проводить его на Грабенъ, говоря, что тамъ много собакъ, а съ нимъ нѣтъ палки. На Грабенѣ, однакожъ, собакъ не было; но Гоголь отъ грозы и чтенія пришелъ въ такое нервическое состояніе, что не могъ идти одинъ. На другой день А. О. просила его повторить чтеніе, но онъ отказался рѣшительно и даже просилъ не просить его никогда объ этомъ.

Изъ Бадена Гоголь ѣздилъ съ А. О. С—ой и ея братомъ на три дня въ Страсбургъ. Тамъ въ каѳедральной церкви онъ срисовывалъ карандашемъ на бумажкѣ орнаменты надъ готическими колоннами, дивясь изобрѣтательности старинныхъ мастеровъ, которые надъ каждой колонной дѣлали отмѣнныя отъ другихъ украшенія. А. О. взглянула на его работу и удивилась, какъ онъ отчетливо и красиво срисовывалъ.

— Какъ вы хорошо рисуете! сказала она.

— А вы этого и не звали? отвѣчалъ Гоголь.

Черезъ нѣсколько времени онъ принесъ ей нарисованную перомъ часть церкви очень искусно. Она любовалась его рисункомъ, но онъ сказалъ, что нарисуетъ для нея что-нибудь лучше, а этотъ рисунокъ тотчасъ изорвалъ.

Въ половинѣ августа А. О. и ея братъ оставили Баденъ. Гоголь проводилъ ихъ до Карлсруэ, гдѣ переночевалъ съ ними въ гостинницѣ и былъ всю ночь боленъ. На другой день онъ возвратился въ Баденъ.

Послѣ этого личныя и письменныя сношенія между ними прекратились до 1841 года.

XII.

Два письма къ сестрамъ о Римѣ. — Третье письмо къ ученицѣ: о Германіи, о Петербургѣ, о римскихъ древностяхъ, о романическихъ происшествіяхъ въ Римѣ. — Четвертое письмо къ ученицѣ: о болѣзни графа Іосифа Вьельгорскаго, опять о Германіи, о Гамлетѣ и Каратыгинѣ. — Отрывокъ изъ дневника Гоголя: »Ночи на Виллѣ«.— Письма къ сестрамъ о матери, о воспитаніи характера, о жизни въ деревнѣ, обѣщаніе пріѣхать къ выпуску изъ Института. — Анекдоты о Гоголѣ.

Жизнь Гоголя въ Римѣ и исторія его наблюденій надъ римскою природою и надъ вѣчнымъ городомъ дорисованы имъ въ слѣдующихъ четырехъ

письмахъ къ сестрамъ, воспитывавшимся тогда въ Патріотическомъ Институтѣ (куда онѣ были помѣщены его стараніями), и къ бывшей ученицѣ. Здѣсь кстати сдѣлать замѣчаніе, что письма Гоголя вообще выражаютъ не только его личный характеръ, но, болѣе или менѣе, и характеръ лицъ, къ которымъ онъ писалъ ихъ. Въ этихъ четырехъ письмахъ онъ часто говоритъ одно и то же, но съ молоденькими институтками бесѣдуетъ онъ языкомъ, какимъ и онѣ, вѣроятно, къ нему писали, а съ ученицей своей ведетъ уже рѣчь, какъ романистъ и философъ. Здѣсь онъ является передъ нами, съ своей мечтательностью, съ своей обычной легкой грустью, этимъ волшебнымъ покровомъ, возвышающимъ для насъ прелесть ума его, и съ своей вѣчной улыбкой, бросающей мягкій отсвѣтъ на самыя суровыя его истины, — является фантастическимъ и благоговѣйнымъ, суетнымъ и торжественнымъ, кроткимъ въ душѣ и безпощаднымъ въ своей насмѣшкѣ.

Къ сестрамъ Аннѣ Васильевнѣ и Елисаветѣ Васильевнѣ.

»Римъ 1838, апрѣля 28.

»Наконецъ я получилъ отъ васъ письмо, мои милыя сестрицы. Изъ него я узналъ, что вы меня любите. Мнѣ было пріятно также замѣтить изъ этого письма вашего, что вы уже не дѣти, что вы уже чувствуете глубже, понимаете и мыслите. Теперь мы съ вами ровны совершенно. Мы можемъ говорить между собою обо всемъ и разсуждать обо всемъ. Конечно, лучше говорить, чѣмъ писать: сказать можно гораздо больше, нежели написать, и я бы далъ много, много за то, чтобъ васъ и увидѣть и наговориться съ вами; но... мы съ вами не дѣти, мы должны доказать, что мы имѣемъ характеръ. Итакъ будемъ писать обо всемъ, что ни случается съ нами: что̀ мы дѣлали, съ кѣмъ говорили и объ чемъ говорили; все это мы будемъ теперь класть на бумагу и повѣрять другъ другу всѣ малѣйшія тайны сердца. Я теперь устроилъ такимъ образомъ, что намъ переписка не будетъ стоить ничего. Отвѣтъ на это письмо вы дадите Прокоповичу, а слѣдующія письма вы будете отдавать вотъ какимъ образомъ.

»Теперь у васъ будетъ много знакомыхъ, меня знающихъ, съ которыми вы должны будете познакомиться и подружиться какъ можно покороче, потому что они всѣ мои друзья. Еслибы вы знали, какія они всѣ добрыя, какія милыя дамы! Первая, которая къ вамъ пріѣдетъ, будетъ графиня К***. Она такая добрая и такая хорошенькая собой! Съ ней вы можете говорить все, что̀ вамъ ни вздумается, все равно какъ со мною. Потомъ будетъ у васъ А***, то же очень добрая. Еще будетъ у васъ К***, такая премеленькая! Она васъ очень полюбитъ. Она воспит. въ ЕкатерININ. Институтѣ. Только вы будьте съ ними какъ можно проще и старайтесь говорить обо всемъ, обо всемъ. Менѣе всего избѣгайте быть застѣнчивыми, какъ бываютъ дѣвочки, которыя ростутъ по деревнямъ и никогда не воспитывались въ институтахъ. Но вы уже большія, вы знаете все это сами. Вы должны помнить, что всѣ эти дамы мои друзья, и, стало быть, вы должны съ ними быть, какъ съ вашими сестрами. — — — Но съ дамами вы должны не только говорить, но распрашивать, шутить, смѣяться и дѣлать все, что вамъ ни приходитъ на умъ, — быть болѣе даже развязными, чѣмъ со мной. Но я знаю, что вамъ онѣ очень понравятся, вы ихъ очень полюбите. Вы ихъ спросите, когда онѣ будутъ писать въ Италію и, узнавши когда, вы къ тому времени приготовьте ваши письма, а онѣ мнѣ ихъ перешлютъ вмѣстѣ съ своими. Да кстати, не забудьте поклониться отъ меня г-мъ К*** — ему и ей. Скажите имъ, что я очень, очень благодаренъ имъ за то, что они васъ иногда навѣщаютъ, и что благодарность эту чувствую въ сердцѣ, а не на словахъ. Итакъ вы будете имѣть очень часто оказіи писать ко мнѣ, не платя ничего на почту. Смотрите же, не лѣнитесь.

»Теперь вамъ скажу о себѣ. Мое здоровье немного лучше. Мнѣ помогло хорошее время, которое стояло всю зиму. Вообразите, что здѣсь зима гораздо и теплѣе и лучше весны. Здѣсь никто не топитъ комнатъ. Дни были такіе солнечные, такіе свѣтлые! Ни одного облачка; а сводъ неба весь синій, какъ не бываетъ у насъ. Но вы, вѣрно, еще не знаете, что такое Римъ, и вы очень ошибетесь, если подумаете, что онъ похожъ сколько-нибудь на Петербургъ. Это городъ совсѣмъ въ другомъ родѣ. Петербургъ самой новой изъ всѣхъ городовъ, а Римъ самой старой. Въ Петербургѣ все убрано, все чистенько, стѣны выбѣлены; а здѣсь все

напротивъ: стѣны домовъ совсѣмъ темныя, похожія на Зимній или на нашъ Мраморный дворецъ, и иногда возлѣ новаго дому стоитъ такой, которому тысяча лѣтъ. Иногда въ стѣнѣ дома вдѣлана какая-нибудь колонна, которая еще была сдѣлана при римскомъ императорѣ Августѣ, — вся почернѣвшая отъ времени. Иногда — цѣлая площадь вся покрытая развалинами, и всѣ развалины эти покрыты плющемъ, и на нихъ ростутъ дикіе цвѣты, и все это дѣлаетъ прекраснѣйшій видъ, какой только можете себѣ вообразить. По всему городу бьютъ фонтаны, и всѣ они такъ хороши! Одни изъ нихъ представляютъ Нептуна, выѣзжающаго на колесницѣ, и всѣ лошади его мечутъ на воздухъ фонтаны. Въ другомъ мѣстѣ Тритоны, поднявши вверхъ раковину, бьютъ высоко вверхъ воду. Можетъ, вы не знаете, что ни въ какомъ городѣ въ мірѣ нѣтъ столько церквей, какъ въ Римѣ, и внутри онѣ такъ украшены, какъ не бываетъ ни (въ) одномъ дворцѣ. Колонны изъ мрамора, изъ порфира, изъ рѣдкаго голубого камня, котораго называютъ лаписомъ. Слоновая кость, статуи, словомъ — все великолѣпно. А что еще больше украшаетъ ихъ, такъ это картины. Вы, я думаю, слышали имена знаменитыхъ живописцевъ Рафаеля, Микель-Анджела, Кореджія, Тиціана и проч. и проч., которыхъ картины теперь стоятъ милліоны и которыхъ даже нельзя купить. Вообразите, что здѣсь всѣ эти картины. Кромѣ церквей, въ здѣшнихъ дворцахъ, которыхъ тутъ много и которые принадлежатъ лучшимъ римскимъ фамиліямъ, есть цѣлыя картинныя галереи, наполненныя произведеньями лучшихъ мастеровъ; такъ что хотя нѣсколько лѣтъ оставайся въ Римѣ, всегда останется что-нибудь смотрѣть. Ватиканъ [гдѣ живутъ папы] есть очень большой дворецъ, и въ немъ бездна комнатъ и галерей, и всѣ эти галереи наполнены статуями, тѣми статуями, которыя сдѣланы еще во времена древнихъ Грековъ и Римлянъ знаменитыми скульпторами, которыхъ имена вы, я думаю, читали въ исторіи. Словомъ — все то, что вы читаете въ книгахъ, вы видите здѣсь передъ собою.

»Я не знаю, писалъ ли я вамъ что-нибудь о карнавалѣ, — то, что называется у насъ масляницею. Это очень замѣчательное явленіе. Вообразите, что въ продолженіе всей недѣли всѣ ходятъ и ѣздятъ замаскированные по улицамъ во всѣхъ костюмахъ и маскахъ. Иной одѣтъ адвокатомъ — съ носомъ, величиною черезъ всю улицу; другой Туркомъ,

третій лягушкой; паяцомъ и чѣмъ ни попало. Кучера даже на козлахъ одѣты женщинами въ чепчикахъ. Всякой старается одѣться во что можетъ; кому не во что, тотъ просто выпачкаетъ себѣ рожу, а мальчишки выворотятъ свои куртки и изодранные плащи. У каждаго въ рукахъ по цѣлому мѣшку шариковъ, сдѣланныхъ изъ муки. Этими шариками они бросаютъ другъ въ друга и засыпаютъ совершенно всего мукою. Всѣ смѣются и хохочутъ. Иногда вмѣсто муки бросаютъ конфекты. Въ послѣдній вечеръ, который называется moccholetti, гасятъ масляницу, т. е. вездѣ, во всѣхъ окнахъ, показываются огни. Всѣ, которые ни ѣдутъ въ колясках [а въ колясках сидитъ человѣкъ по 12], всѣ держутъ на длинныхъ шестахъ огни, а другіе бѣгутъ за ними то же съ шестами, на которыхъ навязаны платки, и этими платками они стараются погасить свѣчи. Если имъ удастся это сдѣлать, тогда они смѣются отъ всей души. Во все продолженіе этого все сливается въ одинъ гулъ; всѣ до одного кричатъ: Senza moccolo, senza moccolo! Иные прибавляютъ: O che oscurita! т. е. »Какая темнота«! Дамы между тѣмъ изъ балконовъ домовъ протягиваютъ тоже длинные шесты съ огнями и зажигаютъ тѣ, у которыхъ погасли. Это продолжается до 11 часовъ ночи, и такимъ образомъ оканчивается карнавалъ. Но для этого, чтобы знать, нужно видѣть. Можетъ быть, когда-нибудь вамъ удастся побывать въ Италіи, въ этой землѣ, такъ непохожей на всѣ другія.

»Хотя въ Италіи обыкновенно всѣ иностранцы проводятъ зиму, но мнѣ лучше нравится въ Италіи лѣто. Это правда, что очень жарко; но зато природа въ Италіи въ это время во всемъ блескѣ. Два-три мѣсяца иногда продолжается, что небо ясное во весь день, и вы проснетесь и видите передъ собою небесный сводъ чистый, чистый — хоть бы лоскуточекъ облачка; такъ что вы позабудете, есть ли на свѣтѣ облака. Въ это время города и деревни около Рима чудо, какъ хороши. А еслибы вы увидѣли, какъ здѣсь одѣваюся крестьянки, обитательницы большихъ деревень и городовъ! Чудо, чудо! Иныя изъ нихъ есть совершенныя красавицы. Но я вамъ разскажу въ слѣдующемъ письмѣ. Можетъ быть, я найду случай прислать вамъ что-нибудь изъ Италіи италіянское. Цѣлую васъ много, много.«

Къ нимъ же.

»Римъ. 15 октября.

»Я получилъ твое письмо, душенька моя Анетъ, чрезъ кн. В***. При немъ была маленькая приписочка отъ Лизы, которая полѣнилась написать ко мнѣ подлиннѣе. Не грусти, моя милая; я пріѣду, я постараюсь пріѣхать къ вашему выпуску. Вы знаете, что я васъ очень люблю. Я васъ люблю столько, сколько вы себѣ не можете представить. Здоровье мое будетъ лучше — я въ этомъ увѣренъ; но я васъ прошу только не писать маминькѣ ничего о томъ, что я бывалъ иногда немного боленъ. Это ее слишкомъ огорчитъ. Душеньки мои, я о васъ очень часто вспоминаю и хотѣлъ бы васъ перецѣловать много разъ. Помните ли, какъ мы видѣлись съ вами въ этой узенькой, маленькой комнатѣ въ институтѣ, гдѣ стоитъ обыкновенно фортепіано и гдѣ г. Высоцкій съ нетерпѣніемъ ожидалъ своихъ учениць? Я помню, какъ теперь, какъ Лиза проситъ меня не позабыть о томъ, что скоро ея имянины и что нужно купить орѣховъ 4 фунта, конфектовъ два фунта, варенья двѣ банки, желе банку, пряниковъ, яблокъ, изюму и проч. и проч.; и все это не только на словахъ, но даже было написано съ чрезвычайною акуратностью на запискѣ; и все это сопровождается словами: »Да смотрите, не позабудьте; за день прежде купите и пришлите«. И въ слѣдъ за симъ ты, Лиза, бывало разскажешь — — — какой у тебя новый другъ, и о томъ, какъ у тебя хорошо въ пульпитрѣ — въ какомъ порядкѣ лежатъ книги, тетрадки и бонбоньерки, и какъ ты на дняхъ помѣнилась съ той-то, или другой. И при этомъ у тебя, Лиза, пальцы были въ чернилѣ, и на передникѣ было чернильное пятно, величиною въ мѣсяцъ. Все это я помню, и помню даже, какъ Анетъ была больна и лежала въ лазаретѣ, и я у васъ былъ; и потомъ помню, помню еще объ одномъ, но не хочу говорить....о, я все помню!

»Да скажите мнѣ, т. е. напишите, получили ли вы мое письмо, которое я писалъ къ вамъ чрезъ Данилевскаго Александра Семенов., вашего кузена, которому уже теперь пора быть въ Петербургѣ, и навѣщали ли васъ нѣкоторые мои знакомые, которыхъ я просилъ навѣщать

васъ, и кто именно. Напишите мнѣ объ этомъ всемъ. Я теперь представляю вамъ случай познакомиться и знаю, что вы очень рады будете знакомству съ Б*** М. П., молоденькой, почти однихъ лѣтъ съ вами, такой милой, такой доброй! Вамъ она очень, очень понравится. Я это знаю напередъ. Мнѣ сказывала княжна В***, что она васъ рекомендовала одной пріятельницѣ своей. Была ли она у васъ, или нѣтъ? напишите. Да вы мнѣ ничего не разсказываете о томъ, что̀ у васъ дѣлается. Вѣдь у васъ много перемѣнъ — не правда ли? Я думаю, новые учителя. Да разскажите мнѣ что-нибудь о Плетневѣ. Такъ же ли онъ бываетъ у васъ часто, и по прежнему ли любимъ всѣми?

»Мнѣ вамъ уже, вѣрно, нечего разсказывать о Римѣ. Вы все, я думаю, о немъ уже узнали отъ Поспикова. Вѣдь вы, я думаю, прошли давно уже Италію. Вы, я думаю, уже знаете, что Римъ — самый старинный городъ въ Европѣ, что построенъ онъ на семи холмахъ, что домы самые неровные между собою. Великолѣпные дворцы, и рядомъ съ ними почернѣвшіе запачканные домы. О, Петербургъ покажется вамъ щеголемъ послѣ Рима, покажется гладенькимъ, чистымъ, опрятнымъ, вымытымъ, вытертымъ! Зато въ Петербургѣ нѣтъ такихъ развалинъ, покрытыхъ плющемъ и цвѣтами, — самыхъ живописныхъ, какія только случалось видѣть (вамъ) на картинкахъ. Зато въ Петербургѣ нѣтъ кипарисовъ; зато въ Петербургѣ небо сѣрое и туманное, а здѣсь оно ясное и синее, и солнце обливаетъ все своимъ сіяніемъ такъ пріятно! Зато въ Петербургѣ вы уже мерзнете и топите печи, а здѣсь не закрываются никогда окна, и въ этотъ же самый день, въ который я пишу къ вамъ, тепло, какъ лѣтомъ.

»Случалось ли вамъ когда-нибудь глядѣть на улицу? Кого вы встрѣчали больше всего на улицѣ? Не правда ли — военныхъ и иногда чиновниковъ? Сколько въ Петербургѣ попадется на улицѣ офицеровъ военныхъ, столько въ Римѣ аббатовъ, поповъ и монаховъ. Видѣли ли вы, какъ одѣвается католическое духовенство? Священники и аббаты въ треугольныхъ шляпахъ, во фракахъ, въ черныхъ чулкахъ и башмакахъ. Или монахи? По монаховъ здѣсь множество разныхъ орденовъ. Одни Доминиканцы, совершенно одѣваются, какъ женщины, особливо старушки: въ темныхъ и черныхъ капотахъ, изъ-подъ которыхъ видно не-

поднее бѣлое платье, то же женское. Иные носятъ совершенныя ваши нелерники. Самъ папа очень похожъ на старуху. Если вы увидите его лицо на портретѣ, то подумаете, что это портретъ женщины.

»Я не знаю, писалъ ли я вамъ про церкви въ Римѣ. Онѣ очень богаты. Такихъ у насъ нѣтъ совсѣмъ церквей. Внутри все мраморъ разныхъ цвѣтовъ; цѣлыя колонны изъ порфира, изъ голубого, изъ желтаго камня. Живопись, архитектура — все это удивительно. Но вы еще ничего не знаете этого. Вы не знаете, что̀ такое живопись. Вы думаете, что это просто рисованіе и больше ничего. Вы еще не можете отличить, что̀ хорошо, что̀ дурно. Вы не знаете, что̀ такое картина Рафаеля, или Тиціана, или Кореджія. О, какъ много есть тото, чего вы не видали! Впрочемъ нельзя никакъ все видѣть и знать: для это(го) не достанетъ нашей жизни. Мнѣ бы теперь болѣе всего знаете ли, что желалось бы увидѣть? Вы, вѣрно, никакъ не догадаетесь, что̀ бы это было такое! Мнѣ бы хотѣлось теперь увидѣть васъ, поцѣловать васъ и поговорить съ вами. Пишите ко мнѣ чаще. Когда вамъ сдѣлается очень грустно на душѣ, сейчасъ берите въ руки перо и пишите ко мнѣ. Если вы на кого разсердитесь, или будетъ вамъ досадно — въ ту же минуту за перо и въ ту же минуту разскажите мнѣ. Пожалуйста, не думайте объ томъ, чтобы написать мнѣ хорошо письмо; пишите какъ попало. Я терпѣть не могу хорошихъ писемъ. Чѣмъ хуже письмо, чѣмъ болѣе чернильныхъ пятенъ и ошибокъ, тѣмъ для меня лучше. Я лучше люблю такія письма. Прощайте, мои миленькія.«

Къ ученицѣ.

»Римъ, 7 ноября 1838.

»Ваше письмо, Марья Петровна, получено мною очень исправно чрезъ Мг Паве. Я вамъ за него очень много благодаренъ. Вы мнѣ живо напоминаете все — и вашъ Петербургъ, и мой Римъ, то есть мои первыя впечатлѣнія и ваши первыя впечатлѣнія. Помните, во время первыхъ дней нашихъ въ Римѣ, когда съ Инбіемъ въ рукахъ, и проч. и проч.... То время уже далеко; уже другія впечатлѣнія объемлютъ мою душу; уже весьма часто прохожу я мимо тѣхъ памятниковъ и сѣ-

дыхъ, дряхлыхъ чудесъ, передъ которыми зѣвалъ по нѣскольку безмолвныхъ часовъ. Уже не съ готовымъ удивленіемъ новичка и чужестранца ищу ихъ.... Но до сихъ поръ какъ прекрасное сновидѣніе посѣщаетъ меня иногда воспоминаніе обо всемъ этомъ, и я тогда жажду повторить этотъ сонъ: спѣшу увидѣть вновь, что̀ видѣлъ прежде, и на минуту становлюсь опять новичкомъ. Опять мои чувства живы. Вы ихъ разбудили вашимъ письмомъ, вы ихъ пріятно разбудили. Я люблю очень читать ваши письма. Хотя въ нихъ надежи бываютъ иногда большіе либералы и иногда не слушаются вашей законной власти, но ваша мысль всегда ясна и иногда такъ выражена счастливо, что я завидую вамъ. Уже два мѣста, два цѣлыхъ періода я укралъ изъ нихъ, — какіе именно, я вамъ не скажу, потому что намѣренъ совершенно завладѣть ими.... Потому еще я люблю ваши письма, что въ нихъ мало того, что̀ бываетъ обыкновенно въ петербургскихъ письмахъ.

»Но обратимся къ первому пункту вашего письма. Вы мнѣ показались теперь очень привязанными къ Германіи. Конечно, не спорю, иногда находятъ минуты, когда хотѣлось бы изъ среды табачнаго дыма и нѣмецкой кухни улетѣть на луну, сидя на фантастическомъ плащѣ нѣмецкаго студента, какъ кажется, выразились вы. Но я сомнѣваюсь, та ли теперь эта Германія, какою ее мы представляемъ себѣ. Не кажется ли она намъ такою только въ сказкахъ Гофмана? Я по крайней мѣрѣ въ ней ничего не видѣлъ, кромѣ скучныхъ табльдотовъ и вѣчныхъ, на одно и тоже лицо состряпанныхъ кельнеровъ и безконечныхъ толковъ о томъ, изъ какихъ блюдъ былъ обѣдъ и въ которомъ городѣ лучше ѣдятъ; и та мысль, которую я носилъ въ умѣ объ этой чудной и фантастической Германіи, изчезла, когда я увидѣлъ Германію въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ исчезаетъ прелестный голубой колоритъ дали, когда мы приблизимся къ ней близко. Я знаю, есть эта земля, гдѣ все чудно и не такъ какъ здѣсь; но къ этой землѣ не всякіе знаютъ дорогу. Вы, кажется, теперь стараетесь отъискивать эту дорогу. Ахъ, Марья Петровна! что̀ это вы дѣлаете? Я не узнаю васъ. Не вы ли еще такъ недавно отвергали все то, что̀ иногда неугомонно бродитъ въ нашемъ воображеніи и увлекаетъ его далеко, далеко? Не вы ли готовились доказать — и доказать формально, на бумагѣ, ясно — что первое занятіе человѣка на

землѣ есть свинки? (1) Или эти свинки не такъ толсты, огромны и жирны въ Петербургѣ, какъ вы думали? Но, мнѣ кажется, этихъ животныхъ въ Петербургѣ весьма [увы!] достаточно. Тамъ же есть чухонцы, которые особенно славятся смотрѣніемъ за ними. Но я чувствую, я знаю, это сильная и вѣрная истина. Трудно, трудно удержать средину, трудно изгнать воображеніе и любимую прекрасную мечту, когда они существуютъ въ головѣ нашей; трудно вдругъ и совершенно обратиться къ настоящей прозѣ; но труднѣе всего согласить эти два разнородные предмета вмѣстѣ — жить вдругъ и въ томъ, и другомъ мірѣ. — — —

»Я радъ очень, что Петербургъ для васъ становится сносенъ; по крайней мѣрѣ вы находите теперь развлеченія, которыя васъ занимаютъ. Ваше описаніе желѣзной дороги и поѣздки по ней очень живо; стало быть, вамъ очень весело; стало быть, вы были довольны, и признаюсь, сказать вамъ нужно втайнѣ и по секрету, я крѣпко завидовалъ вамъ. Все-таки сердце у меня русское. Хотя при видѣ, то есть при мыслѣ о Петербургѣ, морозъ проходитъ по моей кожѣ и кожа моя проникается насквозь страшною сыростью и туманною атмосферою, но хотѣлось бы мнѣ сильно прокатиться по желѣзной дорогѣ и услышать это смѣшеніе словъ и рѣчей нашего вавилонскаго народонаселенія въ вагонахъ. Здѣсь много можно узнать того, чего не узнаешь обыкновеннымъ порядкомъ. Здѣсь бы, можетъ быть, я бы разсердился вновь — и очень сильно — на мою любезную Россію, къ которой гнѣвное расположеніе мое начинаетъ уже ослабѣвать, а безъ гнѣва — вы знаете — немного можно сказать: только разсердившись говорится правда. Когда я былъ въ школѣ и былъ юношей, я былъ очень самолюбивъ [не въ томъ смыслѣ самолюбивъ]; мнѣ хотѣлось смертельно знать, что́ обо мнѣ говорятъ и думаютъ другіе. Мнѣ казалось, что все то, что́ мнѣ говорили, было

---

(1) Намекъ на матеріяльную жизнь, которой лучшими представителями Гоголь почиталъ животныхъ, названныхъ въ этомъ письмѣ. Во время прогулокъ по Риму, онъ любилъ наблюдать за свинками среди античныхъ улицъ, говорящихъ о высокихъ идеалахъ искусства, и смѣяться надъ попираніемъ прекраснаго. Это чувство, забавляя умъ, мучило его душу; но онъ любилъ предаваться ему.

Н. М.

не то, что̀ обо мнѣ думали. Я нарочно старался завести ссору съ моимъ товарищемъ, и тотъ, натурально, въ сердцахъ высказывалъ мнѣ все то, что̀ во мнѣ было дурного. Мнѣ этого было только и нужно; я уже бывалъ совершенно доволенъ, узнавъ все о себѣ. Но въ сторону все прочее; поговоримъ о нашемъ любезномъ Римѣ. Вы его не позабыли; вы интересуетесь о немъ до сихъ поръ. Вы читаете теперь исторію Мишле: это страшный вздоръ; это совершенно русской Полевой. Но, къ счастію, вы не читали Полевого. Мишле какъ попугай повторяетъ Нибура; обокралъ оттуда и оттуда, у того и другого, умничаетъ не кстати, разсуждаетъ Богъ знаетъ какъ, и модный педантъ, всѣ какъ Французы.

»Вы спрашиваете на счетъ новооткрытыхъ мозаикъ въ катакомбахъ, чудесныхъ, какъ говорятъ газеты; однакожъ, вовсе нѣтъ. Отыскали мозаикъ, и очень много, но всѣ очень повреждены; даже не знаютъ до сихъ поръ, къ какому времени отнести. Антикваріи раздѣлились на двѣ партіи: одни относятъ къ временамъ христіянства, другіе — къ язычеству. Но найдена у Porta Maggiore гробница булочника, которую, [какъ объявляетъ самъ булочникъ въ надписи, имъ же сдѣланной], онъ воздвигъ себѣ и своей женѣ. Монументъ очень великъ [булочникъ былъ очень тщеславенъ]. На немъ барельефъ; на барельефѣ изображено печеніе хлѣба, гдѣ супруга его мѣситъ тѣсто. Прошлый годъ.... но, можетъ быть, вы слышали объ этомъ?... нашелся одинъ спекуляторъ, который взялся рыть, съ тѣмъ, чтобы найденными вещами дѣлиться пополамъ съ правительствомъ, а остальныя ему продавать. Онъ вырылъ нѣсколько гробницъ, множество золотыхъ и бронзовыхъ вещей; въ числѣ ихъ статуи четыре, скульптуры перваго и лучшаго вкуса. Они раздѣлились. Нашедшій взялъ на свою долю мало, но самыхъ отличныхъ. Правительство взяло много, но достоинствомъ хуже. Остальныя правительство оцѣнило и готовилось заплатить 5000 скуди; но когда пришло дѣло до платежа, сколько ни рылось оно по своимъ старымъ карманамъ, ничего не могло найти, кромѣ нѣсколькихъ медзонаоловъ, говорятъ, очень истертыхъ, и нашедшій продалъ почти все въ Англію, а лучшую изъ статуй купилъ король баварскій за нѣсколько сотъ тысячь и перевезъ въ Мюнхенъ.

»Но довольно о старинѣ. Въ Римѣ завелось очень много новостей.

Здѣсь происходятъ совершенные романы, и совершенно во вкусѣ среднихъ вѣковъ Италіи. Первый романъ... но героини его вамъ извѣстны. Это ваши пріятельницы, дѣвицы Конти, которыя, какъ вамъ извѣстно, очень плотны и толсты, и потому не любятъ ходить совершенно alla moda, и которыя всегда жаловались на самовластіе своей матушки, не пускавшей ихъ всякій день въ церковь Св. Петра, когда очень много форестьеровъ. Эти дѣвицы Конти влюбились страшнымъ образомъ въ двухъ жандармовъ; но такъ какъ, по причинѣ того же самаго самовластнаго правленія своей матушки, онѣ не могли видѣть часто своихъ любовниковъ, то [средство, какъ вы увидите, очень оригинальное] онѣ рѣшились задавать матушкѣ каждый день въ извѣстное время добрый пріемъ опіума и въ продолженіе того времени, какъ матушка спала, впускали къ себѣ своихъ жандармовъ. Одинъ разъ, когда матушка еще не успѣла совершенно вздремнуть, одна изъ этихъ героинь — которая именно, не помню — сгарая нетерпѣніемъ видѣть своего жандарма, полѣзла къ ней подъ подушку доставать ключи. Мать проснулась и съ этихъ поръ усилила присмотръ, а дочки рѣшились усилить пріемъ опіума. Старуха никакъ не могла понять, отъ чего у ней кружится голова. Пріемы опіума, видно, были довольно велики. Она уже давно подозрѣвала, что дочери что-то съ ней дѣлаютъ, и рѣшилась одинъ разъ прикинуться спящею. Дочери вели преспокойно въ своей комнатѣ бесѣду съ своими любовниками, какъ вдругъ стучатъ въ дверь, и голосъ матери приказываетъ имъ отворить. Дочери спрятали ихъ какъ могли; но, по разстроенному и испуганному ихъ виду, мать догадалась, что въ комнатѣ что-нибудь есть, начала искать, искать, и выташила изъ шкафа обоихъ жандармовъ. Выгнавши жандармовъ, мать заперла дочерей. Но дочери скоро нашли случай уйти и убѣжали въ монастырь. Оттуда онѣ написали письмо къ одному монсиньору, ихъ опекуну, жалуясь на деспотизмъ своей матери и требуя, чтобъ ихъ выдали замужъ за жандармовъ. Монсиньоръ изъявилъ свое разрѣшеніе, и теперь обѣ Конти — супруги; живутъ и питаются рѣшительно одною любовью, потому что у жандармовъ нѣтъ ни копѣйки, а мать съ своей стороны не хочетъ дать ни меццобайока.

»Другой романъ. Одинъ изъ фамиліи Доріевъ влюбился до безумія въ одну дѣвушку сироту, хорошей, впрочемъ, фамиліи, а главное — пре-

красную собою. Все дѣло было между ними улажено, и черезъ недѣлю свадьба, какъ вдругъ Дорія получаетъ извѣстія, заставляющія его ѣхать въ Геную. Онъ проситъ свою невѣсту переѣхать на время въ монастырь, потому что онъ не желалъ бы ее видѣть до тѣхъ поръ въ свѣтѣ. Уѣзжаетъ въ Геную; оттуда пишетъ письмо довольно страстное; жалуется на обстоятельства, которыя заставляютъ его пробыть немного долѣе; описываетъ ей великолѣпіе своего генуэзскаго дворца и пріуготовленія, которыя онъ дѣлаетъ къ принятію ея. Изъ Генуи Дорій поѣхалъ въ Парижъ и оттуда написалъ письмо, менѣе страстное, а наконецъ увѣдомилъ ее, что свадьба не можетъ между ними состояться, что она должна позабыть его, что дядя его не соглашается на этотъ союзъ. Бѣдная невѣста не сказала ни слова на это, никакихъ укоризнъ, но черезъ пять дней умерла. Тѣло ея было выставлено въ одной изъ римскихъ церквей. Она и мертвая была прекрасна.

»Третій романъ тоже съ Доріемъ, другимъ. Но не хочу болѣе сплетничать. Вы знаете о немъ, безъ сомнѣнія, изъ газетъ, потому что онъ былъ публикованъ. Въ Римѣ шумно, болѣе, нежели сколько бы желалось. Форестьеровъ гибель. Русскихъ, Англичей, Французовъ — хоть метлой мети. Это скучно. Вы знаете сами, что это скучно. Римъ мнѣ кажется теперь похожимъ на домъ, въ которомъ мы провели когда-то лучшее время нашей жизни и въ которой теперь пріѣзжаемъ, и находимъ, что домъ проданъ; изъ оконъ выглядываютъ какія-то глупыя лица новыхъ хозяевъ.... словомъ, грустно. Пишите ко мнѣ, не забывайте вашего обѣщанія. Пишите ко мнѣ не тогда, когда вамъ будетъ весело, но тогда, когда вамъ сдѣлается скучно, или, лучше, когда душа ваша пожелаетъ съ кѣмъ-нибудь раздѣлиться, когда вы почувствуете потребность передать именно кому-нибудь мысли. Будь онѣ самыя сокровенныя, пишите ихъ смѣло: я ихъ сохраню, какъ секретъ. Еще одна просьба къ вамъ, и я васъ попрошу, чтобы (вы) попросили отъ меня тоже вашу маменьку: будьте такъ добры, навѣстите когда-нибудь моихъ сестеръ въ Патріотическомъ институтѣ. Вы этимъ сдѣлаете имъ большое благодѣяніе. Можетъ быть, онѣ украдутъ что-нибудь изъ вашихъ прекрасныхъ качествъ; а это можетъ доставить имъ много радости въ жизни. Мнѣ часто становится грустно при мысли, что у нихъ никого нѣтъ изъ родныхъ близко.

Если жъ вамъ не будетъ времени и вы будете заняты, то отправьте имъ это письмо, которое я при семъ прилагаю.«

Къ ней же.

»Май 30, 1839. Римъ.

»Я получилъ ваше письмо и, распечатавъ, долго не вѣрилъ, ваше ли это письмо, вы ли пишете ко мнѣ. Какъ вы перемѣнились! Уже годъ, какъ я не получалъ отъ васъ писемъ, и вы въ этотъ одинъ годъ такъ выросли и образовались чувствами, мыслями и душой. Какая зрѣлость и быстрый ходъ! Даже почеркъ письма вашего измѣнился; даже русскій языкъ и падежи васъ слушаются. Я вижу теперь, это справедливо, что дѣвушка на 18-мъ году въ одинъ годъ проходитъ тотъ курсъ, который нашему брату едва дается въ нѣсколько лѣтъ. Вы писали ваше письмо, какъ сами говорите, подъ вліяніемъ записокъ Александрова, или Дуровой, которыя вы въ то время читали. Ваши сужденія объ этой книгѣ оригинальны и вмѣстѣ тонки и вѣрны. Ваши мысли тѣ же, какія я зналъ въ васъ и встрѣчалъ прежде. То же въ нихъ своеобразное выраженіе вашего характера, и я бы угадалъ ихъ, зная хорошо васъ, еще прежде, чѣмъ вы бы ихъ сказали. Но онѣ получили здѣсь такую зрѣлую оболочку, такую точность, такъ выразились ясно, отчетливо, что я вижу: это и вы, и не вы вмѣстѣ. Еслибы ваше письмо пришло нѣсколькими мѣсяцами раньше, я бы съ готовностію и живою, многорѣчивою охотою пустился бы соглашаться съ вами и поперечить вамъ, и судить, и спорить обо всѣхъ тѣхъ предметахъ, о которыхъ вы пишите; но чувствую, что теперь буду и тупъ, и вялъ, и глупъ. Мысли не лѣзутъ вовсе изъ моей головы; другія, совершенно непризванныя, являются на мѣсто призываемыхъ. Увы! я пишу къ вамъ то же подъ вліяніемъ книги, которую теперь читаю, но другой и какъ противоположной вашей! Печальны и грустно-краснорѣчивы ея страницы. Я провожу теперь безсонныя ночи у одра больного, умирающаго моего друга Іосифа Вьельгорскаго. Вы, безъ сомнѣнія, о немъ слышали, можетъ быть, даже видѣли его иногда; но вы, безъ сомнѣнія, не знали ни прекрасной души его, ни прекрасныхъ чувствъ его, ни его

сильнаго, слишкомъ твердаго для молодыхъ лѣтъ характера, ни необыкновеннаго, основательнаго ума его. И все это — добыча неумолимой смерти. И не спасутъ его ни молодыя лѣта, ни права на жизнь, безъ сомнѣнія, прекрасную и полезную. Я живу теперь его умирающими днями, ловлю минуты его. Его улыбка или на мгновеніе развеселившійся видъ уже для меня эпоха, уже происшествіе въ моемъ однообразно проходящемъ днѣ. Итакъ не вините меня, если я глупъ и не умѣю къ вамъ написать письмо такъ же умно, какъ вы написали его ко мнѣ. Бѣдный мой Іосифъ, одинъ единственно прекрасный и возвышенно благородный изъ вашихъ петербургскихъ молодыхъ людей, и тотъ.... Клянусь, непостижимо странна судьба всего хорошаго (на землѣ)! Едва только оно успѣетъ показаться — и тотъ же часъ смерть, безжалостная, неумолимая смерть! Я ни во что теперь не вѣрю, и если встрѣчаю что́ прекрасное, тотчасъ же жмурю глаза и стараюсь не глядѣть на него. Отъ него несетъ мнѣ запахомъ могилы. »Оно на краткій мигъ«, шепчетъ глухо внятный мнѣ голосъ. »Оно дается для того, чтобы существовала по немъ вѣчная тоска »сожалѣнія, чтобы глубоко и болѣзненно крушилась по немъ душа.« — —

»Зачѣмъ вы ни слова не написали мнѣ о вашемъ здоровьи, о его подробномъ, то есть, состояніи? Я бы вамъ далъ совѣтъ очень не хуже докторскаго. Знайте же: ваша болѣзнь излѣчима совершенно, и со мною согласны всѣ тѣ, которымъ я давалъ идею о вашей болѣзни. Вы должны лѣчиться холодною водою въ Грефенбергѣ. Слышали ли вы о чудесахъ, производимыхъ тамъ медикомъ, воспитаннымъ одною натурою, безъ помощи медицинскихъ академій и проч. и проч.? Я одинъ изъ числа самыхъ невѣрующихъ, какъ вы сами знаете, и всегда сомнительно качалъ головою, когда слышалъ, какъ вы внимали вздорамъ Фишера, или глотали ваши гомеопатическіе порошки и аллопатическія гадости въ видѣ микстуръ. Но, клянусь, я самъ своими глазами видѣлъ такія чудеса! Нѣтъ, я умоляю вашу маменьку всѣми силами небесными испытать это средство. Холодной водой лѣчатъ всѣ болѣзни, кромѣ грудныхъ, но болѣе всего лѣчатъ болѣзни вашего рода. — — — Если ваша болѣзнь даже просто только головной ревматизмъ, то ревматизмы цѣлятся удивительно. Словомъ, послушайте слова истины и поѣзжайте.

»Кстати о здоровьѣ и болѣзняхъ, если о нихъ уже мы заговорили.

Говорятъ, для больного нѣтъ бо́льшаго наслажденія, какъ встрѣтиться то же съ больнымъ и наговориться съ нимъ досыта о своихъ болѣзняхъ. Они говорятъ объ этомъ съ такимъ наслажденіемъ, съ какимъ говорятъ только обжоры о съѣденныхъ ими блюдахъ. Итакъ, вслѣдствіи этого, скажу вамъ о своемъ то же здоровьи. Здоровье мое non vale un fico (1), какъ говорятъ Итальянцы, — хуже нынѣшней русской литературы, о которой вы мнѣ доставили въ вашемъ письмѣ извѣстія. Лѣтомъ ѣду въ Маріенбадъ на одинъ мѣсяцъ. Вы не повѣрите, какъ грустно оставить на одинъ мѣсяцъ Римъ и мои ясныя, мои чистыя небеса, мою красавицу, мою ненаглядную землю. Опять я увижу эту Германію, гадкую, запачканную и закопченную табачищемъ.... Но я забылъ, что вы ее такъ любите, и чуть было не сказалъ еще нѣсколько приличныхъ ей эпитетовъ. Впрочемъ, совершенно не понимаю вашей страсти. Или, можетъ быть, для этого нужно жить въ Петербургѣ, чтобы почувствовать, что Германія хороша. И какъ вамъ не совѣстно! Вы, которыя такъ восхищались въ вашемъ письмѣ Шекспиромъ, этимъ глубокимъ, яснымъ, отражающимъ въ себѣ, какъ въ вѣрномъ зеркалѣ, весь огромный міръ и все, что́ составляетъ человѣка, и вы, читая его, можете въ то же время думать о нѣмецкой дымной путаницѣ! И можете ли сказать, что всякій Нѣмецъ есть Шиллеръ? Я согласенъ, что онъ Шиллеръ, но только тотъ Шиллеръ, о которомъ вы можете узнать, если будете когда-нибудь имѣть терпѣніе прочесть мою повѣсть: »Невскій проспектъ«. По мнѣ, Германія есть не что́ другое, какъ самая неблаговонная отрыжка гадчайшаго табаку и мерзѣйшаго пива. Извините маленькую неопрятность этого выраженія. Что́ жъ дѣлать, если предметъ самъ неопрятенъ, не смотря на то, что Нѣмцы издавна славятся опрятностью? Но вы, я думаю, на меня сердитесь за это ужаснымъ образомъ и, можетъ быть, даже имѣете маленькое желаніе поджарить меня за это на медленномъ огнѣ. Но полно! больше не буду васъ сердить.

»Вы меня очень заинтересовали новымъ романомъ, который вы читали и который вамъ понравился. Я вѣрю, онъ долженъ быть очень хорошъ, ибо всѣ ваши сужденія въ этомъ вашемъ послѣднемъ письмѣ такъ

(1) Т. е. не стоитъ фиги.

Н. М.

основательны, что я никакъ не смѣю имъ не вѣрить [отсюда исключается словъ нѣсколько о Нѣмцахъ]. Я говорю о романѣ Миклашевичевой(1), о которомъ вы пишете. Онъ точно рѣдкость у насъ на Руси. Порядочный романъ.... что-то очень....(2). У меня на языкѣ вертѣлось вставить здѣсь одно слово, которое чрезвычайно просилось на языкъ, но лучше повоздержаться. Не все то можно, что̀ хочется, особливо въ письмѣ; ибо есть очень много такихъ почтенныхъ людей, которые чрезвычайно любятъ [можетъ быть, даже изъ любви къ просвѣщенію] читать чужія письма и доставлять такимъ образомъ невинное утѣшеніе добродушной душѣ своей, а иногда выводить даже изъ этого невинныя сплетни. Въ вашемъ письмѣ, между прочимъ, еще теплятся слѣды восторга, чувствованнаго вами при представленіи »Гамлета«. Вы имъ полны. Впечатлѣнія ваши живы и сильны. Такъ они и должны быть. Вы его смотрѣли въ первый разъ, и актеръ, исполнявшій роль его, долженъ былъ вамъ нравиться безусловно, совершенно. Таковъ законъ, которому подвергается живая, исполненная чувства душа. Потомъ вы будете тоже восхищаться, но будете болѣе находить большихъ промаховъ въ актерѣ. Каратыгинъ есть одинъ изъ тѣхъ актеровъ, который вдругъ и съ перваго раза влечетъ къ себѣ, схватываетъ васъ въ охапку насильно и уноситъ съ собой, такъ что вы не имѣете даже времени очнуться и придти въ себя. Эти роли совершенно въ его родѣ. Но большая часть ролей, созданныхъ Шекспиромъ, и въ томъ числѣ Гамлетъ, требуютъ тѣхъ добродѣтелей, которыхъ недостаетъ въ Каратыгинѣ. Вы можете это увидать только послѣ, по долгомъ соображеніи и долгомъ изученіи характеровъ, созданныхъ Шекспиромъ, и потому я не хочу говорить вамъ объ этомъ. Лучше, если вы дойдете къ этому сами.

»Вы спрашиваете меня о новостяхъ: что̀ происходитъ новаго среди вѣчныхъ древностей? Все прекрасно, чудесно. Больше ничего не могу сказать. Цвѣтутъ розы, темнѣютъ кипарисы, ослѣпительно сіяетъ синій небесный сводъ, убраны по праздничному всѣ развалины и вашъ другъ Колизей. Но вы все это знаете и безъ моихъ словъ. Картина

(1) Онъ не былъ напечатанъ.

(2) Здѣсь слова два вырвано облаткою. *П. М.*

Бруни, о которой вы интересуетесь знать, кажется, стоитъ на томъ же, на чемъ стояла. Вѣкъ художника, кажется, оканчивается, когда онъ оставляетъ разъ Италію, и, дохнувъ холоднымъ дыханіемъ сѣвера, онъ, какъ цвѣтокъ юга, никнетъ головою. Бруни какъ-будтобы прихватило петербургскимъ морозомъ; по крайней мѣрѣ кисть его скользитъ лѣниво, а не работаетъ. Объ аббатѣ Ланчи не имѣю ни какого свѣдѣнія.

»Вы пишете и спрашиваете, когда я буду къ вамъ. Это задача для меня самаго, которую, признаюсь, я не принимался даже еще разрѣшать. Притомъ же вы подали совѣтъ моему двоюродному брату такой, который и мнѣ можетъ пригодиться. Прощайте. Будьте здоровы. Не оставьте совершенно безъ вниманія поданный мною вамъ совѣтъ на счетъ здоровья вашего; я имѣю хорошее предчувствіе, — и не сердитесь за глупость письма моего. Право, еслибы вы знали положеніе души моей, — о, вы бы извинили меня!«

Во время болѣзни графа Іосифа Вьельгорскаго, о которой упоминается въ этомъ письмѣ, Гоголь велъ родъ дневника, котораго сохранилось только двѣ осьмушки. Существовало ли продолженіе — не извѣстно; но въ этихъ листкахъ не достаетъ средины, какъ видно изъ того, что на одномъ листкѣ написано: »Ночь 1-ая«, а на другомъ: »Ночь 8-я«. Можетъ быть, это отрывокъ тѣхъ записокъ, о которыхъ упоминается въ письмѣ къ П. А. Плетневу отъ 2 ноября 1837 года. Какъ бы то ни было, но этотъ отрывокъ интересенъ въ высшей степени, какъ изліяніе нѣжной, можно сказать ангельской души поэта. Вотъ онъ.

»НОЧИ НА ВИЛЛѢ.

»Ночь 1-ая.

»Онѣ были сладки и томительны эти безсонныя ночи. Онъ сидѣлъ больной въ креслахъ. Я при немъ. Сонъ не смѣлъ касаться очей моихъ. Онъ безмолвно и невольно, казалось, уважалъ святыню ночного бдѣнія. Мнѣ было такъ сладко сидѣть возлѣ него! Уже двѣ ночи, какъ мы говорили другъ другу *ты*. Какъ ближе послѣ этого онъ сталъ ко мнѣ! Онъ сидѣлъ все тотъ же кроткій, тихій, покорный. Боже, съ какою радостью, съ какимъ бы веселіемъ я принялъ бы на себя его болѣзнь, еслибъ моя

смерть могла возвратить его къ здоровью! съ какою готовностью я бы кинулся тогда къ ней!

»Я не былъ у него въ эту ночь; я рѣшился наконецъ заснуть ее у себя. О, какъ пошла, какъ подла была эта ночь вмѣстѣ съ моимъ презрѣннымъ сномъ! Я дурно спалъ ее, не смотря на то, что всю недѣлю проводилъ ночи безъ сна. Меня терзали мысли о немъ; мнѣ онъ представлялся молящій, упрекающій. Я видѣлъ его глазами души. Я поспѣшилъ на другой день поутру и шелъ къ нему, какъ преступникъ. Онъ увидѣлъ меня, лежащій въ постелѣ. Онъ усмѣхнулся тѣмъ же смѣхомъ ангела, которымъ привыкъ усмѣхаться. Онъ далъ мнѣ руку, пожалъ ее любовно.

»— Измѣнникъ«! сказалъ онъ мнѣ: — ты измѣнилъ мнѣ.

»— Ангелъ мой! сказалъ я ему: — прости меня. Я страдалъ самъ твоимъ страданьемъ. Я терзался эту ночь. Не спокойствіе былъ мой отдыхъ. Прости меня!

»Кроткій! онъ пожалъ мою руку. Какъ я былъ полно вознагражденъ тогда за страданія, нанесенныя мнѣ моею глупо проведенною ночью!

»— Голова моя тяжела, сказалъ онъ.

»Я сталъ его обмахивать вѣткою лавра.

»— Ахъ, какъ свѣжо и хорошо! говоритъ онъ.

»Его слова были тогда... что они были!... что̀ бы я далъ тогда, какихъ бы благъ земныхъ, презрѣнныхъ, этихъ подлыхъ, этихъ гадкихъ благъ...! нѣтъ, о нихъ не стоитъ говорить. Ты, кому попадутся — если только попадутся — въ руки эти нестройныя, слабыя строки, блѣдныя выраженія моихъ чувствъ, — ты поймешь меня. Иначе они не попадутся тебѣ. Ты поймешь, какъ гадка вся груда сокровищъ и почестей, эта звенящая приманка деревянныхъ куколъ, названныхъ людьми. О, какъ бы тогда весело, съ какою бъ злостью растопталъ и подавилъ все — — — еслибы только зналъ, что за это куплю усмѣшку, знаменующую тихое облегченіе на лицѣ его!

»— Что̀ ты приготовилъ для меня такой дурной май? сказалъ онъ мнѣ, проснувшись, сидя въ креслахъ, услышавъ шумѣвшій по стекламъ оконъ вѣтеръ, срывавшій благовонія съ цвѣвшихъ дикихъ жасминовъ и бѣлыхъ акацій и клубившій ихъ вмѣстѣ съ листками розъ.

»Въ 10 часовъ я сошелъ къ нему. Я его оставилъ за 3 часа до этого времени, чтобъ отдохнуть немного и приготовить ему... чтобъ доставить какое-нибудь разнообразіе, чтобы мой приходъ потомъ былъ ему пріятнѣе. Я сошелъ къ нему въ 10 часовъ. Онъ уже болѣе часу сидѣлъ одинъ. Гости, бывшіе у него, давно ушли. Онъ сидѣлъ одинъ. Томленіе, скука выражались на лицѣ его. Онъ меня увидѣлъ; слегка махнулъ рукой.

»— Спаситель ты мой! сказалъ онъ мнѣ. Они еще донынѣ раздаются въ ушахъ моихъ, эти слова.

»— Ангелъ ты мой! ты скучалъ?

»— О, какъ скучалъ«! отвѣчалъ онъ мнѣ.

»Я поцѣловалъ его въ плечо. Онъ мнѣ подставилъ свою щеку. Мы поцѣловались. Онъ все еще жалъ мою руку.

»Ночь 8-ая.

»Онъ не любилъ и не ложился почти вовсе въ постель. Онъ предпочиталъ свои кресла и то же свое сидячее положеніе. Въ ту ночь ему докторъ велѣлъ отдохнуть. Онъ приподнялся неохотно и, опираясь на мое плечо, шелъ къ своей постелѣ. Душенька мой! его уставшій взглядъ, его теплый пестрый сертукъ, медленное движеніе шаговъ его... все это я вижу, все это предо мною. Онъ сказалъ мнѣ на ухо, прислонившись къ плечу и взглянувши на постель:

»— Теперь я пропавшій человѣкъ.

»Мы всего только полчаса останемся въ постелѣ, сказалъ я ему: потомъ перейдемъ вновь въ твои кресла.

»Я глядѣлъ на тебя, мой милый, нѣжный цвѣтъ, во все то время, какъ ты спалъ или только дремалъ на постелѣ и въ креслахъ; я слѣдилъ твои движенія и твои мановенья, прикованный непостижимою къ тебѣ силою.

»Какъ странно нова была тогда моя жизнь, и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ я читалъ въ ней повтореніе чего-то отдаленнаго, когда-то давно бывшаго! По мнѣ кажется, трудно дать идею о ней: ко мнѣ возвратился летучій, свѣжій отрывокъ моего юношескаго времени, когда молодая душа ищетъ дружбы и братства между молодыми своими сверстниками, и дружбы рѣшительно юношеской, полной милыхъ, почти младенческихъ

мелочей и наперерывъ оказываемыхъ знаковъ нѣжной привязанности, когда сладко смотрѣть очами въ очи, когда весь готовъ на пожертвованія, часто даже вовсе ненужныя.... И всѣ эти чувства, сладкія, молодыя, свѣжія, увы, жители невозвратимаго міра, всѣ эти чувства возвратились ко мнѣ. Боже! зачѣмъ? Я глядѣлъ на тебя, милый мой молодой цвѣтъ. Затѣмъ ли пахнуло на меня вдругъ это свѣжее дуновеніе молодости, чтобы потомъ вдругъ и разомъ я погрузился еще въ большую мертвящую остылость чувствъ, чтобы я вдругъ сталъ старѣе цѣлымъ десяткомъ, чтобы отчаяннѣе и безнадежнѣе увидѣлъ изчезающую мою жизнь. Такъ угаснувшій огонь еще посылаетъ на воздухъ послѣднее пламя, озарившее трепетно мрачныя стѣны, чтобъ потомъ скрыться на вѣки.«

Здѣсь я долженъ нарушить хронологическій порядокъ, чтобы дать мѣсто письму Гоголя къ князю В. Ѳ. О***, въ которомъ выражается тоска по родинѣ или по тѣмъ лицамъ, которыя служатъ представителями милой родины для души одиноко странствующаго путешественника.

»Римъ. 1838 года, марта 15.

»Любитъ ли меня князь О**ій такъ же, какъ прежде? вспоминаетъ ли онъ обо мнѣ? Я его люблю и вспоминаю. Воспоминаніе заключается въ талисманѣ, который ношу на груди своей. Талисманъ составленъ изъ немногихъ сладкихъ для сердца именъ, — именъ, унесенныхъ изъ родины. Но, переселенцы, они дышутъ тамъ не такъ, какъ цвѣты; нѣтъ, они живутъ живѣе, чѣмъ жили прежде. Талисманъ этотъ хранитъ отъ невзгодъ, и когда нечистое подобіе тоски или скуки подступитъ ко мнѣ, я ухожу въ мой талисманъ, и въ кругу, мнѣ сладкомъ, заочныхъ и вмѣстѣ присутствующихъ друзей нахожу свой якорь и пристань.

»Помнятъ ли меня мои родные, соединенные со мною святымъ союзомъ музъ? Никто ко мнѣ не пишетъ. Я не знаю, что̀ они дѣлаютъ, надъ чѣмъ трудятся. Но мое сердце всё еще болитъ донынѣ. Когда занесется сюда газетный листокъ, я напрасно силюсь отыскать въ немъ знакомое душѣ имя или что-нибудь, на чемъ бы можно остановиться.

»Все рынокъ да рынокъ, презрѣнный холодъ торговли, до ничтоже-

ства! Доселѣ всё жила надежда, что сошедетъ Іисусъ, гнѣвный и неумолимый, и безпощаднымъ бичомъ изгонитъ и очиститъ святой храмъ отъ торга и продажи, да свободнѣе возносится святая молитва.«

Къ сожалѣнію, я до сихъ поръ не имѣю въ своихъ рукахъ писемъ Гоголя къ Жуковскому и еще къ двумъ-тремъ лицамъ, съ которыми онъ переписывался, живя за границею, и потому долженъ дѣлать пробѣлы въ его біографіи, которые надѣюсь наполнить въ свое время. Теперь, чтобъ показать отношенія Гоголя къ Жуковскому, разскажу одинъ характеристическій анекдотъ, въ которомъ Гоголь является такимъ же баловнемъ маститаго поэта, какимъ былъ въ свое время и Пушкинъ. Когда Жуковскій жилъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, Гоголь прогостилъ у него довольно долго. Однажды — это было въ присутствіи графа А. К. Т*** — Гоголь пришелъ въ кабинетъ Жуковскаго и, разговаривая съ своимъ другомъ, обратилъ вниманіе на карманные часы съ золотой цѣпочкой, висѣвшіе на стѣнѣ.

— Чьи это часы? спросилъ онъ.

— Мои, отвѣчалъ Жуковскій.

— Ахъ, часы Жуковскаго! никогда съ ними не разстанусь!

Съ этими словами, Гоголь надѣлъ цѣпочку на шею, положилъ часы въ карманъ, и Жуковскій, восхищаясь его проказливостью, долженъ былъ отказаться отъ своей собственности.

Написавъ слово »проказливость«, я вспомнилъ слова С. Т. Аксакова объ этой чертѣ характера Гоголя, въ болѣе обширномъ смыслѣ. Съ его позволенія, я приведу здѣсь отрывокъ изъ письма его ко мнѣ.

»Въ натурѣ Гоголя была проказливость, шутка: онъ любилъ спроказить, подшутить, любилъ пуфъ. Онъ былъ не лгунъ, а выдумщикъ, и всегда готовъ былъ сочинить цѣлую сказку, чтобъ отдѣлаться какъ-нибудь отъ скучныхъ или непріятныхъ вопросовъ. По тѣмъ же причинамъ, онъ часто давалъ обѣщанія, которыя и не думалъ исполнять. Изъ множества примѣровъ, я разскажу вамъ два.

»Гоголь вздумалъ попробовать, можно ли путешествовать въ чужихъ краяхъ, не имѣя паспорта, и выдумалъ слѣдующую штуку. Когда на-

добно было предъявлять гдѣ-нибудь паспорты, Гоголь отбиралъ ихъ отъ пассажировъ и очень обязательно принималъ на себя хлопоты представить, кому слѣдуетъ. Собственнаго паспорта онъ не отдавалъ, а оставлялъ у себя въ карманѣ. Когда помѣченные паспорты возвращали Гоголю, онъ принималъ ихъ, разсматривалъ и вдругъ восклицалъ: »Да гдѣ же мой паспортъ? Я вамъ его отдалъ вмѣстѣ съ другими!« Начинали искать, но паспорта не находили. Тотъ, кто ихъ записывалъ, совѣстился, извинялся, а Гоголь мастерски разыгрывалъ сконфуженнаго путешественника. Между тѣмъ надобно было ѣхать, и Гоголь уѣзжалъ съ незаписаннымъ паспортомъ. Разумѣется онъ разнообразилъ свои выдумки. Дѣло только въ томъ, что я и другіе видѣли его паспортъ, возвратившимся изъ за границы почти бѣлымъ; а извѣстно, какъ бываютъ измараны замѣтками заграничные паспорты.

»Вотъ другой случай. Гоголь ѣхалъ изъ Петербурга въ Москву въ дилижансѣ и сидѣлъ въ одномъ купе съ моимъ знакомымъ, прекраснымъ человѣкомъ, П. И. П***. Замѣтя, что товарищъ очень обрадовался сосѣдству извѣстнаго писателя, онъ увѣрилъ его, что онъ не Гоголь, а *Гогель*, прикинулся смиреннымъ простачкомъ, и П*** оставилъ сосѣда въ покоѣ. Пріѣхавъ въ Москву, П*** немедленно посѣтилъ насъ. Рѣчь зашла о Гоголѣ, и петербургскій гость изъявилъ горячее желаніе его видѣть. Я сказалъ, что это очень немудрено, потому что Гоголь бываетъ у насъ почти каждый день. Черезъ нѣсколько минутъ входитъ Гоголь, своей тогда еще живой и бодрою походкой. Я познакомилъ его съ моимъ гостемъ, и что́ же? П*** узнаетъ въ Гоголѣ своего сосѣда Гогеля! Мы не могли удержаться отъ смѣха. Но П*** осердился. Онъ былъ правъ: за что́ Гоголь дурачилъ его трое сутокъ? Между тѣмъ Гоголь сдѣлалъ это рѣшительно для того, чтобы избавиться отъ докучныхъ вопросовъ, предлагаемыхъ обыкновенно писателю: »Что́ вы теперь пишете? когда подарите насъ новымъ произведеніемъ? для чего вы не напишите того-то?« и проч. и проч. Можно ли строго осудить за это Гоголя, который такъ любилъ уединеніе дороги? Невинная выдумка возвращала ему полную свободу, и онъ, поднявъ воротникъ шинели выше своей головы [это была его любимая поза], всю дорогу читалъ потихоньку Шекспира или предавался своимъ творческимъ фантазіямъ.«

Дорожныя приключенія Гоголя — еслибъ собрать ихъ побольше — представили бы очень занимательное чтеніе, потому что Гоголь во всемъ, что̀ съ нимъ случалось, выказывалъ часть своего оригинальнаго и разнообразнаго характера. Напримѣръ, однажды, остановясь во Франкфуртѣ на Маинѣ, въ гостинницѣ »Der weisse Schwan«, онъ вздумалъ ѣхать куда-то далѣе и, чтобы не встрѣтить остановки по случаю отправки вещей, велѣлъ наканунѣ отъѣзда гаускнехту (то, что̀ у насъ въ трактирахъ половой), уложить всѣ вещи въ чемоданъ, когда еще онъ будетъ спать, и отправить туда-то. Утромъ, на другой день послѣ этого распоряженія, посѣтилъ Гоголя графъ А. К. Т***, и Гоголь принялъ своего гостя въ самомъ странномъ нарядѣ — въ простынѣ и одѣялѣ. Гаускнехтъ исполнилъ приказаніе поэта съ такимъ усердіемъ, что не оставилъ ему даже во что̀ одѣться. Но Гоголь, кажется, былъ доволенъ своимъ положеніемъ и цѣлый день принималъ гостей въ своей пестрой мантіи, до тѣхъ поръ, пока знакомые собрали для него полный костюмъ и дали ему возможность уѣхать изъ Франкфурта.

XIII.

Письма Гоголя къ А. С. Данилевскому: о кофейныхъ домахъ по марсельской дорогѣ; — о разныхъ интересовавшихъ его пьесахъ и книгахъ; — о петербургскихъ пріятеляхъ; — о юбилеѣ Крылова; — о чайныхъ вечерахъ въ Римѣ; — о современномъ воспитаніи; — утѣшенія другу въ его потерѣ; — о разстройствѣ здоровья и порядкѣ жизни въ Римѣ; — о представленіи »Ревизора« въ Полтавѣ и нерасположеніи Полтавцевъ къ его автору; — объ утратѣ юношеской свѣжести чувствъ; — объ изученіи Рима съ Жуковскимъ; — о смерти графа Іосифа Вьельгорскаго. — Письма къ матери о замѣчательныхъ предметахъ за границею.

Каковы бы ни были письма Гоголя къ бывшей ученицѣ и къ сестрамъ, по своей полнотѣ и занимательности, но въ нихъ онъ не могъ высказаться со всѣхъ сторонъ своихъ. Переписка его съ другомъ дѣтства и товарищемъ по воспитанію А. С. Данилевскимъ заключаетъ въ себѣ новыя страницы изъ исторіи его заграничной жизни. Я не хотѣлъ, для соблюденія хронологическаго порядка, мѣшать ихъ съ предыдущими письмами: мнѣ кажется, что они больше скажутъ о Гоголѣ, будучи прочитаны безъ перемежки.

1.

»Lion. 28, воскресенье (1838).

»Хотябы вовсе не слѣдовало писать изъ Ліона, этого не извѣстно почему неприличнаго мѣста, но, покорный произнесенному слову въ минуту разставанья нашего, о мой добрый братъ и племянникъ! пишу. Хотя совсѣмъ нечего писать, но да будетъ это между нами обычаемъ извѣщать другъ друга даже о томъ, что не имѣется матеріи для письма. Я много, много кратъ досадов(алъ) на то, что взялъ эту подлую дорогу на Марсель. Ничего родного до самаго Рима — это, право, тоска. Тамъ хоть Женева съ мамзелями Фабръ и Каламъ, съ чаемъ въ Коронованной гостинницѣ и наконецъ съ вдохновеннымъ М***; что̀ мнѣ предоставляло не мало удовольствія. А здѣсь, вмѣсто всего этого, день безцвѣтный, тоскливой въ этомъ безличномъ Ліонѣ. Какъ я завидовалъ тебѣ всю дорогу, тебѣ, сѣдоку въ этомъ солнцѣ великолѣпія, въ Парижѣ! Вообрази, что по всей дорогѣ, по всѣмъ городамъ (caffés) бѣдные, (...) служеніе то же, жрецы невѣжи и неопрятно; благородная форма чашки въ видѣ круглаго колодца совершенно изчезла и мѣсто ея замѣ(ни)ла подлѣйшая форма суповой чашки, которая, къ тому же, показываетъ довольно скоро неопрятное дно свое. О вкусѣ и благоуханіи жертвъ нечего и говорить: на дубовые желуди похожъ и дѣлается изъ чистой цыкоріи; такъ что, признаюсь, по неволѣ находятъ вольнодушныя — — мысли, и чувствую, что ежеминутно слабѣютъ мои — — правила — — такъ что, еслибъ только нашлась другая съ искусными жрецами, а особенно жертвами, какъ напр. чай, или шеколадъ, то прощай и послѣдняя (ревность)! Счастливы монмартрскіе богомольцы! Много еще мнѣ предстоитъ пути. Ни Лафитъ, (н)и Notre Dame не имѣютъ тутъ своихъ дилижансовъ, и меня сдали такъ же, какъ назадъ тому было два года, какой-то преподлой компаніи. Ничего не случилось въ дорогѣ, кромѣ того только, что сегодня поутру — — на дорогѣ — — позабылъ — — моего итальянскаго Курганова, котораго купилъ случайно въ Парижѣ и который мнѣ до сихъ поръ служилъ въ дорогѣ утѣшеніемъ, и спохватился скоро, но безжалостный кондукторъ, который, впрочемъ, очень похожъ былъ лицомъ на Сосницкаго, никакъ не хотѣлъ подождать двухъ минутъ.

»Мнѣ кажется, я позабылъ мелкі(е) стихи Касти. Маленькая книжка. Ежели ее отыщешь, то перешли съ тѣмъ, кто поѣдетъ въ Италію прежде, — съ Квиткой, или съ кѣмъ другимъ.

»Если увидишь (А. И) Тургенева, то скажи ему, что я никакъ не успѣлъ передъ выѣздомъ отвѣчать на его записку, но что изъ Рима, тотчасъ по пріѣздѣ, пишу къ нему и пришлю требуемые имъ стихи *на пожаръ Зимняго Дворца.*«

2.

»Римъ. Апрѣля 2 (1838).

»Я пишу и отвѣчаю на твое письмо немножко позже, чѣмъ думалъ,— все оттого, что хотѣлъ писать къ тебѣ съ оказіей черезъ Ч***, котораго, безъ сомнѣнія, ты встрѣтишь въ Парижѣ, въ родѣ тѣхъ офицеровъ-лихачей, которые водятся только у насъ на Руси. Но такъ какъ Ч*** меня надулъ и, вмѣсто назначеннаго дня, уѣхалъ раньше, то я наконецъ долженъ писать по почтѣ.

»Письмо твое привезли довольно исправно и скоро пріятели твои Бодиско и Исаевъ и потомъ ушли, и, куда дѣлись, я никакъ не могъ догадаться. Въ первый разъ они меня не застали дома. Я вхожу къ себѣ и вижу — на столѣ лежитъ знакомая мнѣ палка. Этотъ сюрпризъ меня очень обрадовалъ: мнѣ показалось, какъ будто бы я увидѣлъ часть тебя самаго. Краски я тоже получилъ, хотя не всѣ изъ тѣхъ самыхъ колеровъ, которые я тебѣ назначилъ. Я не просилъ ни jaune d'or, ни кармину; по дареному коню въ зубы не смотрятъ. Благодарю тебя очень за все. Я хотѣлъ было просить....

»Въ эту самую минуту высунулся ко мнѣ въ дверь почталіонъ и подалъ мнѣ отъ тебя письмо новое. Это обстоятельство и чтеніе его совершенно выбили изъ головы моей, о чемъ я хотѣлъ было просить тебя. Да, письмо твое нѣсколько грустновато. Мнѣ самому даже будущность твоя не представляется въ заманчивомъ видѣ. Я бы тебѣ даже не совѣтовалъ ѣхать въ Петербургъ. Чортъ возьми! холодно и для тѣла, и для души. Мнѣ кажется, лучше было бы для тебя поселиться въ Москвѣ. Тамъ жить дешевле, люди привѣтливѣй; тамъ живутъ мои пріятели, которые любятъ меня непритворно, искренно: они полюбятъ то же тебя. Тамъ те-

бѣ будетъ радушнѣе. Мы объ этомъ поговоримъ съ тобою въ Маріенбадѣ, куда, я надѣюсь, будешь и ты. Я думаю даже, что въ Москвѣ ты скорѣе можешь найти какую-нибудь службу, или — пора тебѣ попробовать себя. Не будь упрямъ; можетъ быть, тебѣ Богъ далъ расположеніе и талантъ, котораго ты еще не знаешь. Примись за что-нибудь, пиши! Хоть изъ любви ко мнѣ, если не хочешь изъ любви къ себѣ. Тебѣ, вѣрно, пріятно исполнить мое приказаніе, такъ какъ мнѣ пріятно исполнять твое. Пиши, или переводи. Ты теперь языкъ французскій знаешь хорошо; безъ сомнѣнія, и италіянскій также. Или веди просто записки. Матеріалу у тебя для этого понабралось. Ты не мало уже видѣлъ и слышалъ: и хлопочущій Парижъ, и карнавальная Италія; право, много всего... и русскій человѣкъ въ серединѣ. Погодинъ и Шевыревъ примутся не шутя издавать настояще дѣльной журналъ; ты бы могъ трудиться для него то же. Съ первымъ днемъ 1840 года, кажется, должна выдти первая книжка. — — —«

3.

(23 апрѣля, 1838. Римъ). (1)

»Уже хотѣлъ я грянуть на тебя третьимъ и послѣднимъ письмомъ, исполненнымъ тѣхъ громовъ, которыми нѣкогда разилъ Ватиканъ коронованныхъ ослушниковъ; уже рука моя начертала даже нѣсколько тѣхъ привѣтствій, послѣ которыхъ дѣлается несвареніе въ желудкѣ и прочіе разные accidente, какъ вдругъ предсталъ передъ меня Золотаревъ съ веселымъ лицомъ и письмомъ въ рукѣ. Это появленіе его и это письмо въ рукѣ въ одну минуту ослабило мои перуны.

»Я получилъ твое письмо вчера, т. е. 10 апрѣля и пишу къ тебѣ сегодня, 11-го. Прежде всего тебѣ выговоръ, потому что въ самомъ дѣлѣ подозрѣнія твои непростительны. Ты ужъ, слава Богу, великъ, выросъ на красоту и на зависть мнѣ приземистому и невзрачному; тебѣ пора знать, что подобные фокусы, какъ-то: выставленіе писемъ заднимъ числомъ, просрочки, ложь и прочее и прочее употребляются только съ

(1) Эта дата взята изъ штемпеля, на внѣшней сторонѣ письма. *Н. М.*

людьми почтенными, которыхъ мы обязаны любить и почитать, и съ Рождествомъ ихъ поздравлять,

»Чтобъ остальное время года
О насъ не думали они.«

Итакъ ты самъ могъ бы знать, что это было бы очень смѣшно, еслибы что-нибудь тому подобное могло случиться между нами. Я къ тебѣ писалъ, пріѣхавши ту же минуту въ Римъ, и вижу, что на этотъ разъ дѣйствительно виновата почта, и я иду сей же часъ бранить почтмейстера сильно, на италіянскомъ діалектѣ, если только онъ пойметъ его, за то, что онъ жидовскимъ образомъ воспользовался пятью байоками. Второе же письмо я точно отдалъ на почту позже, нежели написалъ, но позже только тремя днями, и потому что хотѣлъ дождаться карнавала, чтобы написать тебѣ что-нибудь о немъ. Изъ всего этого я вижу, что есть на свѣтѣ одна только почта неисправная — наша римская.

»Ты спрашиваешь меня, куда я лѣтомъ. Никуда, никуда, кромѣ Рима. Посохъ мой странническій уже не существуетъ. Ты помнишь, что моя палка унеслася волнами Женевскаго озера. Я теперь сижу дома; никакихъ мучительныхъ желаній, влекущихъ вдаль, нѣтъ, развѣ проѣздиться въ Семереньки, то есть, въ Неаполь, и въ Толстое, то есть, во Фраскати, или въ Альбани.

»Я бы совѣтовалъ тебѣ отложить всякую идею о Нѣмеціи, гдѣ ты, Боже святой, какъ соскучишься! и объ этихъ мерзкихъ водахъ, которыя только разстроиваютъ желудки и приводятъ въ такое положеніе бѣдныя наши филейныя части, что впослѣдствіи не на чемъ сидѣть.

»Досадую на тебя очень, что не догадался списать для меня ни »Египетскихъ Ночей«, (и)и »Галуба«. Ни того, ни другого здѣсь нѣтъ. »Современникъ« въ Римѣ не получается, и даже ничего современнаго. Если »Современникъ« находится у Тургенева, то попроси у него моимъ именемъ. Если можно, привези весь; а не то — перешли стихи. Еще пожалуста купи для (меня) новую Поэму М***, — удивительную вещь: »П* Т***«. Она продается въ польской лавкѣ. Гдѣ эта польская лавка, ты можешь узнать у другихъ книгопродавцевъ. Еще: не отыщешь ли гдѣ-нибудь перваго тома Шекспира, — того изданія, которое въ

двухъ столбцахъ и въ двухъ томахъ? Я думаю въ тѣхъ лавочкахъ, что... въ Палероялѣ, весьма легко можно отыскать его. Еслибы былъ Ноэль, онъ славно исполнилъ бы эту комиссію. За него можно дать до 10 франковъ, ибо я за оба тома далъ 13 фран.

»Кстати о томъ, что въ Парижѣ лѣзутъ деньги. Я наконецъ совершенно начинаю понимать науку экономіи. Прошедшій мѣсяцъ былъ для меня верхъ торжества: я успѣлъ возвести издержки во все продолженіе его до 160 рублей нашими деньгами, включая въ это число плату за квартиру, жалованье учителю, bon gout, кафе grée и даже книги, купленныя на аукціонѣ.

»Дни чудные! на небѣ лучшихъ нѣтъ. Садись скорѣе въ дилижансъ и правь путь къ Средиземному морю. Да не смущаетъ зрѣнія твоего ни Рейнъ съ Коблецами, Биберихами и Крейценахами, ни да поражаетъ ушей твоихъ языкъ, на которомъ изъясняются враги христіянскаго рода. Обнимаю тебя и ожидаю.«

4.

»Римъ. 2588-й годъ отъ основанія города. 13 мая (1838).

»Я получилъ письмо твое вчера. Мнѣ было бы гораздо пріятнѣе вмѣсто него увидѣть высунувшееся изъ за дверей, улыбающееся лицо твое; но судьбамъ вышнимъ такъ угодно. Будь такъ, какъ должно быть лучше! Мысль твоя объ женѣ и свекловичномъ сахарѣ меня поразила. Если это намѣреніе обдуманное, крѣпкое, то оно конечно хорошо, потому что всякое *твердое* намѣреніе хорошо и достигаетъ непремѣнно своей цѣли. Существо, встрѣтившее тебя на лѣстницѣ, заставило меня задуматься. — — Но въ сторону такія смутныя мысли! О тебѣ въ моемъ сердцѣ живетъ какое-то пророческое, счастливое предвѣстіе.

»Я пишу къ тебѣ письмо, сидя въ гротѣ на виллѣ у кн. З. Волконской, и въ эту минуту грянулъ прекрасный проливной, лѣтній, роскошный дождь — на жизнь и на радость розамъ и всему нестрѣющему около мени прозябенію. Освѣжительный холодъ проникъ въ мои члены, утомленные утреннею, немного душною прогулкою. Бѣлая шляпа уже давно носится на головѣ моей, но блуза еще не надѣвалась. Прошлое вос-

кресеніе ей хотѣлось очень немного порисоваться на моихъ широкихъ и вмѣстѣ щедушныхъ плечахъ, по случаю предположенной было поѣздки въ Тиволи; но эта поѣздка не состоялась. Завтра же, если погода [а она теперь постоянно прекрасна], то блуза въ дѣло; ибо питторія вся отправляется, и ослы уже издали весело помаваютъ мнѣ. Да, я слышу посомъ ихъ. Все это заманчиво для тебя, и признаюсь, я бы много далъ за то, чтобы имѣть тебя выѣзжающаго объ руку мою на ослѣ. Но будь такъ, какъ угодно высшимъ судьбамъ! Отправляюсь помолиться за тебя въ одну изъ этихъ темныхъ, дышущихъ свѣжестью и молитвою церквей....

»Вообрази, что я получилъ недавно [мѣсяцъ назадъ; нѣтъ, три недѣли] письмо отъ Прокоповича съ деньгами, которыя я просилъ у него въ Женевѣ. Письмо это отправилось въ Женеву, тамъ пролежало мѣсяца два и оттуда, какимъ образомъ, ужъ, право, не могу дознаться, отправлено было къ Валентини; у Валентини оно пролежало то же мѣсяца два, пока наконецъ извѣстили объ этомъ меня. Прокоповичъ пишетъ, что онъ моей библіотеки не продалъ, потому что никто не хотѣлъ купить, но что онъ занялъ для меня деньги 1500 р. и проситъ ихъ возвратить ему по возможности скорѣе. Я этихъ денегъ не отсылалъ, ожидая тебя и думая, не понадобятся ли они тебѣ; но наконецъ, видя, что не ѣдешь, и разсудивши, что Прокоповичъ нашъ, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ стѣсненъ немного, я отправилъ ихъ къ нему чрезъ Валентини. Это мнѣ стало все около 20 скудъ почти издержки. Золотареву я заплатилъ не двѣстѣ франковъ, какъ ты писалъ, а только 150, потому что онъ сказалъ мнѣ, что вы какъ-то съ нимъ сдѣлались въ остальной суммѣ. Ты пожалуста теперь не затрудняйся высылать мнѣ твоего долга, потому что тебѣ деньги — я знаю — будутъ нужны слишкомъ на путь твой, но въ концѣ года или даже въ началѣ будущаго, когда ты пріѣдешь въ Петербургъ.

»Прокоповича письмо очень, очень коротенькое. Говоритъ, что онъ совершенно сжился съ своею незамѣтною и скромною жизнью, что педагогическія холодныя заботы ему даже какъ-то нравятся, что даже ему скучно, когда придутъ праздники, и что онъ теперь постигнулъ все значеніе словъ:

»Привычка свыше намъ дана —
Замѣна счастія она.«

Говоритъ, что на вопросъ твой о томъ, что́ дѣлаетъ кругъ нашъ, или его, можетъ отвѣчать только: что онъ — сокъ умной молодежи, и больше ничего; что новостей совершенно нѣтъ никакихъ, кромѣ того, что обломался какой-то мостъ, начали ходить паровозы въ Царское Село и К*** пьетъ мертвую. Отчего произошло послѣднее, я никакъ не могу догадаться. Я съ своей стороны могу допустить только то, что Б** — извѣстный пьяница, а К***, вѣроятно, желая тверже упрочить свой союзъ съ нимъ, ему началъ подтягивать, и, такъ какъ онъ натуры нѣсколько слабой, то, можетъ быть, и черезъ чуръ перелилъ.

»На дняхъ я получилъ письмо отъ С***. Онъ упоминаетъ, между прочимъ, объ обѣдѣ, данномъ Крылову по случаю его пятидесятилѣтней литературной жизни. Я думаю, уже тебѣ извѣстно, что Государь, узнавши объ этомъ обѣдѣ, прислалъ на тарелку Крылову Станислава 2-й степени. Но замѣчательно то, что Г* и Б*** отказались быть на этомъ обѣдѣ; но когда узнали, что Государь интересуется Самъ, прислали тотчасъ просить себѣ билетовъ. Но О***, одинъ изъ директоровъ, имъ отказалъ. Тогда они нагло пришли сами, говоря, что имъ приказано быть на обѣдѣ; но билетовъ больше не было, и они не могли быть и не были. С** прибавляетъ, что Б***, на возвратномъ пути въ Дерптъ, былъ кѣмъ-то, вѣроятно, изъ дерптскихъ студентовъ, такъ исправно поколоченъ, что недѣли двѣ пролежалъ въ постелѣ. Этого наслажденія я не понимаю; но мнѣ, поколотить Б**** такъ же гадко, какъ и поцѣловать его. — По случаю этого празденства, были написаны и читаны на немъ же стихи — одни Бенедиктова, незамѣчательны; другіе кн. Вяземскаго, очень милы, и очень умны, и остроумны. Они были пѣты. Музыку написалъ Вьельгорскій. (1)

»Ну, что еще тебѣ сказать? Только и хочется говорить о небѣ да о Римѣ. Золотаревъ пробылъ только полторы недѣли въ Римѣ и, осмотрѣвши, какъ папа моетъ ноги и благословляетъ народъ, отправился въ Неаполь осмотрѣть наскоро все, что́ можно осмотрѣть. Въ двѣ недѣли онъ хотѣлъ совершить все это и возвратиться въ Римъ досмотрѣть все

(1) Слѣдуетъ извѣстное стихотвореніе кн. Вяземскаго. *П. М.*

прочее, что ускользнуло отъ его неутомимыхъ глазъ: но вотъ уже больше двухъ недѣль, а его все еще нѣтъ.

»Что дѣлаютъ русскіе питторы, ты знаешь самъ: къ 12 и 2 часамъ къ Лепре, потомъ кафе грекъ, потомъ на Монте Пинчіо, потомъ къ bon goût, потомъ опять къ Лепре, потомъ на биліардъ. Зимою заводились было русскіе чаи и карты, но, къ счастію, то и другое прекратилось. Здѣсь — чай что-то страшное, что-то похожее на привидѣніе, приходящее пугать насъ. И притомъ мнѣ было грустно это подобіе вечеровъ, потому что оно напоминало наши вечера и другихъ людей, и другіе разговоры. Иногда бываетъ дико и странно, когда очнешься и вглядишься, кто тебя окружаетъ. Художники наши, особливо пріѣзжающіе вновь, что-то такое.... Какое несносное теперь у насъ воспитаніе! Дерзость и судить объ всемъ — это сдѣлалось девизомъ всѣхъ средственно воспитанныхъ у насъ теперь людей, а такихъ людей теперь множество. А судить и рядить о литературѣ — считается чѣмъ-то необходимымъ и патентомъ на образованнаго человѣка. Ты можешь судить, каковы сужденія литературныя людей, окончившихъ свое воспитаніе въ Академіи Художествъ и слушавшихъ П***. — Д** мнѣ надоѣлъ страшнымъ образомъ тѣмъ, что ругаетъ совершенно наповалъ все, что ни находится въ Римѣ. Но довольно взглянуть на небо и на Римъ, чтобы позабыть все это.

»Но что ты пишешь мнѣ мало о Парижѣ? Хоть напиши, по крайней мѣрѣ, какіе халаты теперь выставлены въ Passage Colbert, или въ Орлеанской Галереѣ, и здоровъ ли тотъ dindeaux въ 400 р., который нѣкогда насъ совершенно оболванилъ въ Rue Vivienne. Если, на случай, кто изъ Русскихъ или не-Русскихъ будетъ ѣхать въ Римъ, перешли мнѣ вмѣстѣ съ Тадеушемъ М****, коробочку съ pilules stomachiques, которую возьми въ аптекѣ Колберта, и вмѣстѣ съ нею возьми еще другую, подъ названіемъ pilules indiennes.«

5.

»Римъ. 30 іюня (1838).

»Я получилъ твое письмо отъ 4 іюня. Да, я знаю силу твоей потери. У меня самаго, еслибы я имѣлъ болѣе надежды на жизнь, у меня самаго

это печальное событіе омрачило бы много, много свѣтлыхъ воспоминаній. Я почти такимъ же образомъ получилъ объ этомъ извѣстіе, какъ и ты. Въ тотъ самый день, какъ я тебѣ написалъ письмо, которое ты получилъ, въ тотъ самый день уже лежало на почтѣ это извѣстіе. Маменька, вслѣдъ за письмомъ своимъ ко мнѣ, отправила на другой день другое, содержавшее эту вѣсть. Она только что ее услышала и также никакъ еще не успѣла узнать подробностей. Я къ тебѣ отправилъ объ этомъ письмо съ однимъ моимъ знакомымъ, который ѣхалъ въ Парижъ и, безъ сомнѣнія, туда прибылъ уже послѣ твоего отъѣзда. Вижу, что ты долженъ теперь дѣйствовать, идти рѣшительною и твердою походкою по дорогѣ жизни. Можетъ быть, это тотъ страшный переломъ, который высшія силы почли для тебя нужнымъ, и эти исполненныя сильной горести слезы были для оживленія твоей души. Во всякомъ случаѣ, твой старый, вѣрный, неразлучный съ тобою отъ временъ первой молодости другъ, съ которымъ, можетъ быть, ты не увидишься болѣе, заклинаетъ тебя такъ думать и поступать согласно съ этой мыслью. Эти слова мои должны для тебя быть священны и имѣть силу завѣщанія. По крайней мѣрѣ знай, что, если придется мнѣ разстаться съ этимъ міромъ, гдѣ такъ много довелось вкусить прекрасныхъ, божественныхъ минутъ, и болѣе половины съ тобою вмѣстѣ, то это будутъ послѣднія мои слова къ тебѣ.

»Въ эту минуту я болѣе, нежели когда-либо, жалѣлъ о томъ, что не имѣю никакихъ связей въ Петербургѣ, которыя могли бы быть совершенно полезны. Даю тебѣ письма къ тѣмъ, которые были полезны мнѣ въ другомъ отношеніи, менѣе существенномъ. Если они любятъ меня и если имъ сколько-нибудь дорога память о мнѣ, они, вѣрно, для тебя, сдѣлаютъ что̀ могутъ. Я написалъ къ Жуковскому, В**** и О****. Съ Плетневымъ ты самъ будешь знать объясниться. Еще отнеси это письмо къ Б***. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты познакомился съ этимъ домомъ. Пользы прозаической ты не извлечешь тамъ никакой, но ты найдешь ту простоту, ту непринужденность, ту прелесть и пріятность во всемъ.... Я много провелъ тамъ свѣтлыхъ минутъ, мнѣ бы хотѣлось, чтобы и ты наслѣдовалъ ихъ также. Отнеси маленькую эту записочку моимъ сестрамъ въ институтъ, а также и одной изъ классныхъ дамъ, Mlle М***, которая

введетъ тебя къ нимъ. Тебѣ довольно сказать только, что ты братъ мнѣ. Не совѣтую тебѣ хватать первую должность представившуюся; разсмотри прежде внимательно свои силы и попробуй еще, попытай себя въ другихъ занятіяхъ. Можетъ быть, настало время проснуться въ тебѣ способностямъ, о которыхъ ты прежде думалъ мало. Но во всякомъ случаѣ, руководи высшая сила тобою! Она, вѣрно, знаетъ лучше насъ и на этотъ разъ, вѣрно, укажетъ тебѣ опредѣлительнѣе путь. Только пожалуста не вздумай еще испытать себя на педагогическомъ поприщѣ: это, право, не идетъ тебѣ къ лицу. Я много себѣ повредилъ во всемъ, вступивши на него.

»Напиши мнѣ вѣрно и обстоятельно о пріемѣ, который тебѣ сдѣлаетъ родина, о чувствахъ, которыя пробудятся въ тебѣ при видѣ Петербурга, и обо всемъ томъ, что̀ намъ еще дорого съ тобою. Что̀ касается до меня — здоровье мое плохо. Мнѣ бы нужно было оставить Римъ мѣсяца три тому назадъ. Дорога мнѣ необходима: она одна развлекала и доставляла пользу моему бренному организму. На одномъ мѣстѣ мнѣ не слѣдовало бы оставаться такъ долго. Но Римъ, нашъ чудесный Римъ, рай, въ которомъ, я думаю, и ты живешь мысленно въ лучшія минуты твоихъ мыслей, этотъ Римъ увлекъ и околдовалъ меня. Не могу да и только изъ него вырваться. Другая причина есть существенная невозможность. Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы меня какой-нибудь (духъ) пронесъ черезъ подлую Германію, Швейцарію, горы, степи и потомъ, черезъ три-четыре мѣсяца, возвратилъ опять въ Римъ! Донынѣ вспоминаю мое возвращеніе въ Римъ. Какъ оно было прекрасно! какъ чудесна была Италія послѣ Сен-Плона! какъ прекрасенъ былъ италіянскій городъ Domo d'Onola!

»Прощай, мой милый, мой добрый! Цѣлую тебя безсчетныя количества, шлю о тебѣ нескончаемыя молитвы. Не забывай меня. Какъ мнѣ теперь прекрасно представляется пребываніе наше въ Женевѣ! Какъ умѣла судьба располагать наше путешествіе, доставляя намъ многія прекрасныя минуты даже въ тѣ времена и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы вовсе объ нихъ не думали! — —

»Прощай, мой ближайшій мнѣ! Не забывай меня; пиши ко мнѣ.«

6.

»31 декабря (1838). Римъ.

»Наконецъ, слава Богу, я получилъ твое письмо. Ну, ты, по крайней мѣрѣ, живъ. Трогаетъ меня сильно твое положеніе. Видитъ Богъ, съ какою готовностью и радостью помогъ бы тебѣ, и радость эта была бы мое большое счастіе, но, увы!... что̀ дѣлать? Дѣлюсь по крайней мѣрѣ тѣмъ, что̀ есть: посылаю тебѣ билетъ въ 100 франковъ, который у меня долго хранился. Я не трогалъ его никогда, какъ будто зналъ его пріятное для меня назначеніе. На дняхъ я перешлю тебѣ черезъ Валентини франковъ, можетъ быть, 200. Ты, по полученіи этого письма, навѣдайся къ банкиру Ружемонту; отъ него ихъ получишь. Я, пріѣхавши въ Римъ, нашелъ здѣсь для меня 2000 франковъ отъ добраго моего Погодина, который, не знаю, какимъ образомъ, пронюхалъ, что я въ нуждѣ, и прислалъ мнѣ ихъ. Они мнѣ были очень кстати, — тѣмъ болѣе, что дали возможность уплатить долгъ Валентини, который лежалъ у меня на душѣ, и переслать эту бездѣлицу къ тебѣ.

»Что̀ тебѣ сказать о Римѣ? Онъ такъ же прекрасенъ, обширенъ, такое же роскошное обиліе предметовъ для жизни духовной и всяко(й). Но, увы! притупляются мои чувства, не такъ живы мои... Здѣсь теперь гибель, толпа страшная иностранцевъ, и между ними немало Русскихъ. Изъ моихъ знакомыхъ здѣсь Шевыревъ, Чертковъ; прочіе незначительные, т. е для меня. На дняхъ пріѣхалъ Н***, а съ нимъ вмѣстѣ Жуковскій. Онъ всё такъ же добръ, такъ же любитъ меня. Свиданье наше было трогательно: онъ весь полонъ Пушкинымъ. Н***, какъ извѣстно тебѣ, имѣетъ добрую душу — — — Всѣ Русскіе были приглашены къ его столу на второй день его пріѣзда.

»Ты спрашиваешь о моемъ здоровьи — — Плохо, братъ, плохо; всё хуже, — чѣмъ дальше, всё хуже. Таковъ законъ природы. Болѣзненное мое расположеніе рѣшительно мѣшаетъ мнѣ заниматься. Я ничего не дѣлаю и часто не знаю, что̀ дѣлать съ временемъ. Я бы могъ проводить теперь время весело, но я отсталъ отъ всего и самимъ моимъ знакомымъ скучно со мною, и мнѣ тоже часто не о чемъ говорить съ ними. Въ брюхѣ, кажется, сидитъ какой-то дьяволъ, который рѣ-

шительно мѣшаетъ всему, то рисуя какую-нибудь соблазнительную картину неудобосваримаго обѣда, то.... Ты спрашиваешь, что̀ я такое завтракаю. Вообрази, что ничего. Никакого не имѣю апетита по утрамъ, и только тогда, когда обѣдаю, въ 5 часовъ, пью чай, сдѣланный у себя дома, совершенно на манеръ того, какой мы пивали въ кафе Anglais, съ масломъ и прочими атрибутами. Обѣдаю же я не въ Лепре, гдѣ не всегда бываетъ самый отличный матеріалъ, но у Фалкона, — знаешь, что у Пантеона? гдѣ жаренные бараны поспорятъ, безъ сомнѣнія, съ кавказскими, телятина болѣе сыта, а какая-то crostata съ вишнями способна произвесть на три дни слюнотеченіе у самаго отъявленнаго объѣдала. Но, увы! не съ кѣмъ дѣлить подобнаго обѣда. Боже мой! еслибы я былъ богатъ, я бы желалъ... чего бы я желалъ? чтобъ остальные дни мои я провелъ съ тобою вмѣстѣ, чтобы приносить въ одномъ храмѣ жертвы, чтобы сразиться иногда въ биліардъ послѣ чаю, какъ — помнишь? — мы игрывали не такъ давно.. и какое между нами вдругъ разстояніе! Я игралъ потомъ въ биліардъ здѣсь, но какъ-то не клеится, и я бросилъ. Ни съ кѣмъ не хочется, какъ только съ тобой. Чувствую, что ты бы наполнилъ дни мои, которые теперь кажутся пусты. Но зачѣмъ отчаяваться? Вѣдь мы сколько разъ почти прощались навсегда, а между тѣмъ встрѣчались таки и благодарили Бога. Богъ дастъ, еще встрѣтимся и еще проживемъ вмѣстѣ.

»Филиппъ, брошенный тобою невзначай въ твоемъ письмѣ, выглядываетъ оттуда очень пріятно. Но adieu великолѣпнѣйшій кафе въ необъятныхъ чашкахъ! Къ madame Hochard я рекомендовалъ многимъ Русскимъ. Одинъ изъ нихъ, Межаковъ, я думаю, уже вручилъ тебѣ мое письмо, исполненное самыхъ сильныхъ укоризнъ, которыхъ, впрочемъ, ты стоилъ, какъ и самъ сознался.

»Я получилъ письмо отъ маменьки. Она пишетъ — — что въ Полтавѣ дожидалась очень долго, съ тѣмъ чтобы дождаться, какъ будутъ давать »Ревизора« на какомъ-то тамошнемъ театрѣ, и что крѣпостный слухъ, посланный объ этомъ освѣдомиться, перевралъ и перепуталъ и ничего не добился, и что онѣ, вмѣсто этого, попали на Шекспирова Гамлета, котораго выслушали всего, и на другой день, къ несказанному удовольствію ихъ, т. е. маменьки и сестры, узнали,

что будутъ играть »Ревизора«, и отправились тотъ же вечеръ. Воображаю, что »Ревизоръ« долженъ быть во всѣхъ отношеніяхъ игранъ злодѣйскимъ образомъ, потому что даже сама маменька, женщина, какъ тебѣ извѣстно, очень снисходительная, говоритъ, что слугу играли изрядно, а прочіе, по способностямъ, какъ могли, чѣмъ богаты, тѣмъ были и рады. По нѣсколь(кимъ) нечаянно сказаннымъ словамъ въ письмѣ маменьки, я могъ также замѣтить, что мои соотечественники, т. е. Полтавской губерніи, терпѣть меня не могутъ.

»Но прощай. Цѣлую тебя несчетное множество разъ. Пожалуйста не забывай писать почаще. Клапяйся К*** и скажи однакожъ, что это неблагородно съ его стороны: я его просилъ, садясь въ дилижансъ, такъ убѣдительно, такъ сильно, и онъ мнѣ далъ слово провесть ту ночь въ моей комнатѣ и не оставлять тебя во весь тотъ вечеръ, а онъ... мелкая душонка, отправился къ себѣ, изъ мужицкаго чувства быть болѣе à son aise. Какъ въ одной чертѣ можетъ отразиться ничтожность характера и недостатокъ чувствъ, сколько-нибудь глубокихъ!«

7.

»5 февраля (1839). Римъ.

»Я получилъ письмо твое. Оно, по обыкновенію, принесло мнѣ много радости, потому что письма отъ тебя всегда приносятъ мнѣ радость. Но я вспоминаю и думаю чаще о тебѣ, нежели ты (о) мнѣ. Твое письмо начинается такъ: »Четыре или пять дней, какъ я получилъ письмо твое и деньги«, и проч. Я не такъ дѣлаю: я положилъ навсегда для себя правиломъ писать къ тебѣ того же дня по полученіи твоего письма, какія бы ни были препятствія. Нѣтъ нужды, что не наберется еще матеріаловъ для наполненія страницы. Она не должна наполняться вовсе, если только нужно искать, чѣмъ бы ее наполнить. Лучше пять или шесть строкъ, но именно тѣ, которыя родились чтеніемъ письма. А главное — не нужно запускать. Это вѣрно. Въ первую минуту, покамѣсть горячо, всегда больше и лучше, и путнѣе напишешь. Мы приближаемся съ тобою [высшія силы! какая это тоска!] къ тѣмъ лѣтамъ, когда уходятъ на дно глубже наши живыя впечатлѣнія и когда наши осла-

бѣвающія, деревянѣющія силы, увы! часто не въ силахъ вызвать ихъ наружу такъ же легко, какъ они прежде всплывали сами, почти безъ зазыву. Мы ежеминутно должны бояться, чтобы кора, насъ облекающая, не окрѣпла и не обратилась наконецъ въ такую толщу, сквозь которую имъ въ самомъ дѣлѣ никакъ нельзя будетъ пробиться. Употребимъ же, по крайней мѣрѣ, все, (чтобы) спасти ихъ хотя бѣдный остатокъ. Пусть мы будемъ имѣть хотя нѣсколько минутъ, въ которыя будемъ свѣжи и молоды. Пусть же мы встрѣтимъ нашу юность, наши живыя, молодыя лѣта, наши прежнія чувства, нашу прежную жизнь, — пусть же все это мы встрѣтимъ въ нашихъ письмахъ! Пусть хотя тамъ мы предадимся лирическому сердечному изліянію, котораго бѣднаго гонятъ, которому заклятые враги пошлость глупѣйшаго препровожденія времени, презрѣнная идея обѣда, рисующаяся со времени поднятія съ постели, роковые 30 лѣтъ, гнусный желудокъ и всѣ гадости потухающаго черстваго разсудка. Итакъ вотъ ужъ причина, по которой мы должны писать скоро, вдругъ свои письма, покамѣсть не простыла рысь.

»Я радъ, очень радъ, что тебѣ присланная мною небольшая помощь пришлась въ пору. Я точно въ разсужденіи этого всегда бывалъ счастливъ. Ко мнѣ Богъ бывалъ всегда особенно милостивъ и давалъ мнѣ чувствовать большія наслажденія. Сколько припомню, все посылаемое мною бывало какъ-то тебѣ кстати. Я радъ еще больше, что процессъ наконецъ выигранъ и что мерзавецъ Жидъ наконецъ таки наказанъ достойнымъ образомъ, и такимъ образомъ всё таки вышло на старый маперъ, что порокъ попранъ, а добродѣтель восторжествовала. Но дурно, что ты не пишешь, что̀ теперь предпринимаешь дѣлать, когда и въ какое время собираешься ѣхать; безъ сомнѣнія, не иначе какъ весною. Не встрѣтимся ли мы опять гдѣ-нибудь съ тобою? Я думаю ѣхать на воды въ Маріенбадъ. Еще одинъ разъ хочу попытаться. Желудокъ мой наконецъ меня совершенно вывелъ изъ терпѣнія. Право, нѣтъ мочи наконецъ. И теперь онъ наконецъ въ такомъ дурномъ состояніи, какъ никогда. Даже досадно, право: для Рима, для этого прекраснаго Рима, и вдругъ пріѣхать съ такимъ гнуснымъ желудкомъ! Слышишь, видишь, какъ вызываетъ все на жизнь, на чудное наслажденіе, а между тѣмъ у тебя

въ брюхѣ сидитъ дьяволъ. Римъ! прекрасный Римъ!... Ты помнишь ли его знойную Piazza di Spagna, кипарисы, сосны, Петра и дубъ Тасса, гдѣ мы простились, и тво(е) purificatione? Я начинаю теперь вновь чтеніе Рима, и, Боже! сколько новаго для меня, который уже въ четвертый разъ читаетъ его! Это чтеніе имѣетъ двойное наслажденіе, оттого, что у меня теперь прекрасный товарищъ. Мы ѣздимъ каждый день съ Жуковскимъ, который весь влюбился въ него и который, увы! черезъ два дни долженъ уже оставить его. Пусто мнѣ сдѣлается безъ него! Это былъ какой-то небесный посланникъ ко мнѣ, какъ тотъ мотылекъ, имъ описанный, влетѣвшій къ узнику, хотя Римъ ни въ какую минуту горя нельзя назвать темницею, хотябы бѣдствовать въ немъ въ томъ состояніи, какъ ты бѣдствовалъ въ Парижѣ, не имѣть байока въ карманѣ и имѣть процессъ за перехваченныя деньги съ Жидомъ. До сихъ поръ я больше держалъ въ рукѣ кисть, чѣмъ перо. Мы съ Жуковскимъ рисовали на лету лучшіе виды Рима. Онъ въ одну минуту рисуетъ ихъ по десяткамъ, и чрезвычайно вѣрно и хорошо.

»Я живу, какъ ты, вѣрно, знаешь, въ томъ же домѣ и той же улицѣ, via Eclice, № 126. Тѣ же самыя знакомыя лица вокругъ меня; тѣ же нѣмецкіе художники, съ узеньки(ми) рыженькими бородками, и тѣ же козлы, тоже съ узенькими бородками; тѣ же разговоры и о томъ(же) говорятъ, высунувшись изъ оконъ, мои сосѣдки. Такъ же раздаются крики и лепетанія Аннунціатъ, Розъ, Дыидъ, Нанцъ и другихъ, въ шерстяныхъ капотахъ и притоптанныхъ башмакахъ, не смотря на холодное время. Зима въ Римѣ холодна, какъ никогда; по утрамъ морозы, по днемъ солнце, и морозъ бѣжитъ прочь, какъ бѣжитъ отъ свѣта тьма. Я, однакожъ, теперь совершенно привыкъ къ холоду и даже въ комнатѣ не ставлю скальдины. Одно солнце ее нагрѣваетъ. Теперь начался карнавалъ; шумно, весело. Нашъ Е* В**** доволенъ чрезвычайно и, разъѣзжая въ блузахъ — — бросаетъ муку въ народъ корзинами и мѣшками, и во что ни попало.«

8.

»Римъ. Іюнь 5 (1839).

»Письмо твое пахнетъ уныніемъ, даже чтобы не сказать отчаяніемъ и припадками рѣшительной безнадежности. Мнѣ кажется только, что

послѣднимъ двумъ слишкомъ рано предаваться. Неужели тебѣ уже рѣшительно ничего не остается на свѣтѣ, которое бы тебя привязывало? Погоди, по крайней мѣрѣ, покамѣсть я умру; тогда уже можешь предаться имъ, — по крайней мѣрѣ, искать какой-нибудь предлогъ для нихъ, если они тебѣ такъ нравятся; а до того времени Богъ знаетъ.... Конечно я не имѣю теперь отъ себя никакихъ средствъ тебѣ помочь; но вѣдь я еще живу, стало быть я на что-нибудь тебѣ нуженъ. Впрочемъ я состояніе твое совершенно понимаю. Одиночество въ этомъ пустынно-многолюдномъ Парижѣ, и притомъ еще въ это время года, время томительныхъ жаровъ, которые вездѣ томительны, кромѣ Италіи, — это конечно страшно! Еслибъ ты зналъ, какъ мнѣ грустно покидать на два мѣсяца Римъ! Почти также грустно, какъ тебѣ оставаться въ Парижѣ. Я недавно еще чувствовалъ одну сильную, почти незнакомую для меня въ эти лѣта грусть, — грусть, живую грусть прекрасныхъ лѣтъ юношества, если не отрочества души. Я похоронилъ на дняхъ моего друга, котораго мнѣ дала судьба въ то время, въ ту эпоху жизни, когда друзья уже не даются. Я говорю объ моемъ Іосифѣ Вьельгорскомъ. Мы давно были привязаны другъ къ другу, давно уважали другъ друга, но сошлись тѣсно, неразлучно и рѣшительно братски только, увы! во время его болѣзни. Ты не можешь себѣ представить, до какой степени была это благородно-высокая, младенчески-ясная душа. Выскочки ума и таланта мы видимъ часто у людей; но умъ и талантъ и вкусъ, соединенные съ такою строгою основательностью, съ такимъ твердымъ, мужественнымъ характеромъ, — это явленіе, рѣдко повторяющееся между людьми. И все было у него на 23 году возраста. И при твердости характера, при стремленіи дѣйствовать полезно и великодушно, такая дѣвственная чистота чувствъ! Это былъ бы мужъ, который бы украсилъ одинъ будущее царствованіе Александра Николаевича. — — И прекрасное должно было погибнуть, какъ гибнетъ все прекрасное у насъ — —

»Ты опять сидишь безъ вѣстей о домѣ. — — — тебѣ средства есть. Нельзя, чтобы ихъ не было. На то данъ человѣку умъ и даже простой инстинктъ. Но на тебя странно дѣйствуетъ нужда. Она тебя не подстрекаетъ на изобрѣтеніе, какъ обыкновенно бываетъ, а подавляетъ тебя всего собою. Твой умъ меньше всего — я замѣчалъ —

дѣйствуетъ въ это время; на него находитъ летаргическое усыпленіе, и ты самъ идешь навстрѣчу отчаянію, съ распростертыми руками и объятіями, тогда какъ ему слѣдовало бы иногда вмѣсто этого дать под(затыльника).

»Но довольно объ этомъ предметѣ. Мнѣ очень жаль, что ты мало сошелся и сблизился съ своими гостями. Впрочемъ, и то сказать, что пріѣхавшій въ Парижъ новичекъ худой товарищъ обжившемуся Парижанину. Первый еще жаждетъ и ищетъ; другой уже усталъ и утомленъ. Имъ трудно сойтиться, и особливо, когда времени всего только одинъ мѣсяцъ. Жаль! они были бы для тебя полезны. Впрочемъ, я надѣюсь, они будутъ еще полезны тебѣ послѣ.

»О, какъ бы я желалъ быть сію же минуту въ состояніи... впрочемъ, напиши по крайней мѣрѣ, сколько тебѣ нужно, что бы уѣхать изъ Парижа и переѣхать на воды, чтобы (ничто) тебя не задерживало. Я не потому спрашиваю тебя, чтобъ имѣлъ возможность тебѣ сейчасъ помочь, но потому, чтобы знать, чтобы имѣть въ виду, чтобы вѣдать, какъ при случаѣ нужно иногда дѣйствовать, чтобы иногда хоть по крайней мѣрѣ жестомъ помочь тебѣ, или выраженіемъ рожи, какъ дѣлаетъ человѣкъ, когда видитъ, что другому больно.«

Письма Гоголя къ матери изъ Германіи, Франціи, Швейцаріи и Италіи отличаются простотою языка и изложенія, которая у другого писателя была бы сухостью. Онъ, можно сказать, только называетъ, а не рисуетъ, предметы, но воображеніе читателя возбуждается и самою его номенклатурою: въ ней слышна сдержанная сила изобразительности. Этихъ писемъ очень много. Я приведу изъ нихъ только тѣ мѣста, которыя по чему-либо выдаются сильнѣе прочихъ.

Іюля 5-го, 1836, изъ Ахена. »Изъ Кельна предстоитъ мнѣ самое пріятное путешествіе на пароходѣ по рѣкѣ Рейну. Это — совершенная картинная галерея: съ обѣихъ сторонъ города, горы, утесы, деревни, словомъ — виды, которые вы рѣдко даже на эстампахъ встрѣчали. Очень жаль, что вы не можете видѣть всего этого. Когда-нибудь, подъ старость лѣтъ, когда поправятся ваши и мои обстоятельства, отправимся мы поглядѣть на это.«

Августа 11-го, 1836, изъ Женевы. »Альпійскія горы вездѣ почти сопровождали меня. Ничего лучшаго я не видывалъ. Изъ-за сихъ горъ вдали показываются ледяныя и снѣговыя вершины Альпъ. Во время захожденія солнца, снѣга Альпъ покрываются тонкимъ, розовымъ и огненнымъ свѣтомъ. Часто, когда солнце уже совсѣмъ скроется и все уже темно — — Альпы однѣ сіяютъ на небѣ, какъ будто транспарантныя.«

Оттуда же, сентября 24. ».... Наконецъ, когда подимешься еще выше, — одинъ мохъ, и потомъ прекращаются всѣ произрастенія, начинаются снѣга, и вы совершенно очутитесь среди зимы. Передъ вами снѣга, надъ вами снѣга, вокругъ васъ снѣга. Внизу земли нѣтъ; вы видите, вмѣсто нея, въ нѣсколько рядовъ облака. Цѣлыя ледяныя стѣны сквозь которыя просвѣчиваетъ солнце, висятъ вокругъ....«

Марта 16-го, 1837, изъ Рима. »Вся земля пахнетъ и дышетъ художниками и картинами.«

XIV.

Записки С. Т. Аксакова о Гоголѣ: возвращеніе въ Москву; перемѣна въ наружности; поѣздка въ Петербургъ; повѣсть »Аннунціата«; выѣздъ за границу. — Заботы о семействѣ. — Письма: къ П. Н. Р—ой о приготовленіи сестры къ жизни; къ А. С. Данилевскому о домашнихъ обстоятельствахъ и пріѣздѣ матери въ Москву; къ матери объ архимандритѣ Макаріи; къ С. Т. Аксакову объ удобствахъ лѣченія; къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ о переводахъ съ иностранныхъ языковъ; къ М. С. Щепкину о передѣлкѣ итальянской комедіи для русской сцены.

Гоголь въ первую (не-фантастическую) свою поѣздку за границу прожилъ въ Италіи, и большею частью въ Римѣ, съ мая 1836 по 27 сентября 1839 года. Въ 1839 году онъ пріѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ М. П. Погодинымъ, въ домѣ котораго остановился и жилъ до новаго выѣзда заграницу, въ 1840 году.

Объ этомъ и дальнѣйшихъ временахъ его жизни въ Москвѣ С. Т. Аксаковъ сообщилъ мнѣ »Краткія Свѣдѣнія и Выписки для Біографіи Гоголя«, извлеченныя изъ подробной исторіи его знакомства съ поэтомъ,

написанной не для печати. Принося ему за это глубокую благодарность, я буду вносить въ мое повѣствованіе мѣста изъ его рукописи, безъ всякой перемѣны.

»Здоровье Гоголя (говоритъ почтенный авторъ упомянутыхъ записокъ) поправилось послѣ перваго его путешествія въ чужихъ краяхъ; онъ былъ очень веселъ и шутливъ. Тутъ (въ Москвѣ) составились его близкія дружескія связи съ людьми, съ которыми прежде онъ не былъ знакомъ коротко. Объ »Мертвыхъ Душахъ« онъ ни съ кѣмъ не говорилъ и на вопросы о нихъ отвѣчалъ съ неудовольствіемъ, что »у него ничего готового нѣтъ«. 26 октября того же года онъ уѣхалъ вмѣстѣ съ однимъ близкимъ ему семействомъ въ Петербургъ, для того, чтобъ взять двухъ своихъ сестеръ изъ Патріотическаго института. Въ Петербургѣ онъ остановился сначала у Плетнева, а черезъ двѣ недѣли переѣхалъ къ Жуковскому, который жилъ тогда во дворцѣ. Въ продолженіе дороги въ Петербургъ, Гоголь былъ очень веселъ и заставлялъ хохотать своихъ спутниковъ, но въ Петербургѣ совершенно перемѣнился, встрѣтивъ какія-то неудачи, которыя привели его опять въ затруднительное положеніе на счетъ денегъ. 22 декабря, вмѣстѣ съ тѣмъ же семействомъ и двумя своими сестрами, возвратился онъ въ Москву.

»Въ Петербургѣ онъ, между прочимъ, говорилъ мнѣ, что, кромѣ труда, завѣщаннаго ему Пушкинымъ, совершеніе котораго онъ считаетъ задачею своей жизни, то есть, »Мертвыхъ Душъ«, у него составлена въ головѣ трагедія изъ исторіи Запорожья, въ которой все готово, даже до послѣдней нитки въ одеждѣ дѣйствующихъ лицъ, — что это его давнишнее, любимое дитя, — что онъ считаетъ, что эта піеса будетъ лучшимъ его произведеніемъ, и что ему будетъ слишкомъ достаточно двухъ мѣсяцевъ, чтобы переписать ее на бумагу.

»Я забылъ вамъ сказать (продолжаетъ С. Т. Аксаковъ), что въ 1839 году Гоголь воротился совсѣмъ уже не тѣмъ франтикомъ, какимъ уѣхалъ за границу въ 1836 году и какимъ изображенъ на портретѣ, рисованномъ Венеціановымъ. Наружность Гоголя такъ перемѣнилась, что его можно было не узнать: прекрасные бѣлокурые густые волосы лежали у него почти по плечамъ, красивые усы, эспаньолка довершали перемѣну; черты лица получили совсѣмъ другое значеніе. Когда онъ

говорилъ, въ глазахъ выражалась доброта и такъ сказать благорасположенность ко всѣмъ (1); когда же онъ задумывался, то сейчасъ изображалось въ нихъ серьезное устремленіе къ чему-то высокому. Сюртукъ въ родѣ пальто замѣнилъ фракъ, который Гоголь надѣвалъ только въ крайности: вся фигура его, въ сюртукѣ, сдѣлалась благообразнѣе.

»По возвращеніи, Гоголь началъ читать у насъ »Мертвыя Души« и въ разное время прочелъ шесть главъ. Читалъ также отрывки изъ комедіи »Тяжба« и начало итальянской повѣсти »Аннуціанта«, которое потомъ было нѣсколько передѣлано и составило статью »Римъ« (2), напе-

---

(1) Эти слова напомнили мнѣ, что на одной изъ рукописей Гоголя, найденныхъ въ чемоданѣ за границею, написано его рукою въ разныхъ мѣстахъ: »Благорасположеніе. Благодарность всѣмъ и всему за все. Благодарность всѣмъ и всему за все». Рукопись относится еще ко времени петербургской его жизни. Въ первой книгѣ черновыхъ сочиненій также написано, на листѣ, предшествующемъ повѣсти »Ночь передъ Рождествомъ«: «благорасполож.« *И. М.*

(2) Намѣреніе написать повѣсть »Аннуціата« было брошено. Вѣроятно, къ этой повѣсти относится слѣдующій отрывокъ, написанный на одной сторонѣ осьмушки почтовой бумаги и найденный въ чемоданѣ Гоголя, оставшемся въ квартирѣ Жуковскаго за границею.

»Клянусь, этакихъ очей нельзя представить и вообразить! Ихъ тоже немощна предать кисть художника: такъ они черны; а изъ нихъ льются молніи. А чело, плечи.... это солнечное сіяніе, облившее бѣлыя стѣны каменныхъ домовъ. А волосы, Боже, какіе волосы! темная громовая ночь, и всѣ въ лоскѣ. О, нѣтъ! такой женщины не сыскать въ Европѣ; объ нихъ только живутъ преданія, да блѣдные, безчувственные портреты ихъ иногда являются въ правильныхъ созданіяхъ художниковъ. У, какъ смѣло, какъ ловко обхватило платье ея могучіе, прекрасные члены! Но лучше, еслибъ оно не обхватило ея вовсе. Покровы прочь, и тогда бы увидѣли всѣ, что это богиня. А попробуйте покровы прочь съ Нѣмки, или Англичанки, или Француженки, и выйдетъ чортъ знаетъ что̀: цыпленокъ! Вотъ повернулась картинная голова. Коса кольцомъ. Сверкнулъ затылокъ и тонкая снѣжная шея. Еще движеніе, и уже видны благородная прямая линія носа, тонкій конецъ брови и три длинныя иглы рѣсницъ. А что̀ же далѣе?.... Но нѣтъ, не гляди, не наноси своихъ моній....«

Въ 1839 году у него, по свидѣтельству С. Т. Аксакова, была новая комедія: »Владиміръ 3-й Степени«, но онъ не дописалъ ея, признавая ее, вѣроятно, въ полномъ составѣ неудобною для печати, а можетъ быть, онъ былъ недоволенъ ею, какъ взыскательный художникъ.

чатанную въ »Москвитянинѣ«. Великимъ постомъ пріѣхала къ Гоголю мать и жила вмѣстѣ съ нимъ и дочерьми также у Погодина. 9 мая, въ день имянинъ Гоголя, обѣдали у него всѣ его пріятели и знакомые въ саду, что повторялось всякій разъ, когда Гоголю случалось проводить этотъ день въ Москвѣ. Гоголь уже собирался ѣхать въ Римъ, откуда обѣщалъ непремѣнно черезъ годъ воротиться. Онъ не любилъ быть въ дорогѣ одинъ и искалъ себѣ спутника, котораго на ту пору не было. Одинъ молодой человѣкъ изъ числа нашихъ пріятелей, только что кончившій курсъ въ университетѣ, В. А. Пановъ, который хотѣлъ ѣхать за границу года черезъ два, рѣшился перемѣнить всѣ свои планы и вызвался ѣхать съ Гоголемъ. Послѣдній отъ этого былъ въ восхищеніи. 18 числа (1840) я, сынъ мой Константинъ, М. П. Погодинъ, М. С. Щепкинъ и еще двое друзей Гоголя проводили ихъ до первой станціи. Пановъ умеръ въ 1849 году. Это былъ достойнѣйшій и пандобрѣйшій изъ людей.«

«Гоголь прощался съ нами нѣжно, особенно со мной и съ моимъ сыномъ Константиномъ, былъ очень разстроенъ, но не хотѣлъ этого показать. Онъ сѣлъ въ тарантасъ съ нашимъ добрымъ Пановымъ, и мы стояли на улицѣ до тѣхъ поръ, пока тарантасъ не пропалъ изъ глазъ.

»Я, Щепкинъ, Погодинъ и Константинъ сѣли въ коляску, а прочіе— на дрожки. На половинѣ дороги вдругъ откуда ни взялись, потянулись съ сѣверовостока черныя, страшныя тучи и очень быстро и густо заволокли половину неба и весь край западнаго горизонта. Сдѣлалось очень темно, и какое-то зловѣщее чувство нашло на насъ. Мы грустно разговаривали, примѣняя къ будущей судьбѣ Гоголя мрачныя тучи, потемнившія солнце. Но не болѣе, какъ черезъ полъ-часа, мы были поражены внезапною перемѣною горизонта. Сильный сѣверозападный вѣтеръ рвалъ на клочки и разгонялъ черныя тучи; въ четверть часа небо совершенно прояснилось, солнце явилось во всемъ блескѣ своихъ лучей и великолѣпно склонялось къ западу. Радостное чувство наполнило наши сердца. Не трудно было составить благопріятное толкованіе небеснаго знаменья. Какихъ блистательныхъ успѣховъ, какихъ великихъ созданій и какого полнаго торжества его славы мы не могли ожидать въ будущемъ! Это явленіе произвело на насъ съ Константиномъ, особенно на меня, такое сильное впечатлѣніе, что я во всю остальную

жизнь Гоголя никогда не смущался черными тучами, которыя не только затемняли его путь, но даже грозили пересѣчь его существованіе, не давъ ему кончить великаго труда. До самаго послѣдняго, страшнаго извѣстія, я былъ убѣжденъ, что Гоголь не можетъ умереть, не совершивъ дѣла, свыше ему предназначеннаго.«

Во время пребыванія Гоголя въ Москвѣ, судьба сестеръ и матери, занимала его, можетъ быть, сильнѣе прежняго, по многимъ причинамъ, которыя отчасти высказаны уже въ помѣщенныхъ выше его письмахъ. Но его сердечныя заботы были облегчены сближеніемъ съ одной добродѣтельной женщиной, которая предложила ему свои труды для дальнѣйшаго воспитанія его сестры Елисаветы Васильевны и приняла ее на извѣстное время къ себѣ въ домъ. Прилагаю письмо къ ней по этому случаю, писанное изъ-за границы.

»Вѣна. 25 іюня (1840).

»Еслибы вы знали, какъ грустно мнѣ, что такъ поздно сблизился съ вами и узналъ васъ, Парасковія Ивановна! Въ душѣ моей какое-то неполное, странное чувство; я теперь нѣсколько похожъ на того путешественника, которому случай, играющій надъ людьми, судилъ встрѣтиться нечаянно на дорогѣ съ старымъ другомъ, давнимъ товарищемъ; они вскрикнули, подняли шапки и промчались быстро одинъ мимо другого, не успѣвши сказать другъ другу ни одного слова. Послѣ уже одинъ изъ нихъ опомнился и, полный грустью, произноситъ самому себѣ пѣни: зачѣмъ онъ не остановилъ своей походной телеги? Зачѣмъ не пожертвовалъ временемъ, зачѣмъ не бросилъ въ сторону свои важныя дѣла? Почти такое же положеніе души моей. Вы повѣрите моимъ искреннимъ чувствамъ. Неправда ли? Я не умѣю лгать. И вѣкъ бы ни простилъ себѣ, еслибы въ чемъ-нибудь солгалъ передъ вами. Но интересна ли для васъ любовь человѣка, котораго вы едва знаете? Много, слишкомъ много времени нужно для того, чтобы узнать человѣка и полюбить его, и не всякому посланъ даръ узнавать вдругъ. Сколько было людей обманувшихся! А сколько, можетъ быть, изчезло съ лица земли такихъ, которые таили въ душѣ прекрасныя чувства, но они не знали ихъ высказать; на ихъ лицахъ не выражались эти чувства, и жребій ихъ былъ умереть

неузнанными. Много печальнаго заключено для меня въ этой истинѣ. И только, какъ воображу себѣ вашъ тихій, свѣтлый, весь проникнутый душевною добротою взглядъ, мнѣ становиться легче. Ни слова не скажу вамъ о своей благодарности: здѣсь мы совершенно понимаемъ другъ друга, и вы можете знать, какъ она велика. Положеніе сестры моей было для меня невыносимою тяжестью. И сколько ни прибиралъ я въ умѣ своемъ, гдѣ бы найти ей уголъ такой, гдѣ бы характеръ ея нашелъ хорошую дорогу и укрѣпился на ней, я не могъ, однакоже, и потерялся было совершенно. И вдругъ Богъ ниспослалъ мнѣ болѣе, чѣмъ я ожидалъ. Въ вашемъ домѣ я нашелъ все. Первое и самое главное — вы и, что̀ уже рѣдкость неслыханная, все окружающее васъ. Точно я никого вокругъ васъ не видѣлъ, кто бы не былъ совершенно доброе существо и на лицѣ котораго не отражалась бы душа. Отъ васъ ли это все сообщилось, или они заключали все это въ себѣ. Во всякомъ случаѣ, это изумительно. Я поздравилъ себя внутренно, и душа моя нашла успокоеніе. Вотъ почему, когда вы меня спросили, какъ я хочу, чтобы была ведена и къ чему готовлена сестра моя, я не сказалъ ничего, потому что главное было найдено. Если она утвердится въ одномъ хорошемъ и душа ея пріобрѣтаетъ хоть часть того, что находится въ окружающемъ ее обществѣ, то вездѣ, гдѣ бы она потомъ ни была, куда бы ни бросила судьба ее, она будетъ вездѣ счастлива. Къ тому же, что̀ бы я могъ вамъ сказать? Вы, женщины, лучше можете знать, что̀ нужно женщинѣ. Съ моей стороны, я бы пожелалъ, чтобы моя сестра выучилась вотъ чему: 1-е, умѣть быть довольной совершенно всѣмъ; 2-е, быть знакомой болѣе съ нуждою, нежели съ обиліемъ; 3-е, знать, что̀ такое терпѣніе и находить наслажденіе въ трудѣ. Собственно же къ какому званію ее готовить, я объ этомъ не заботился, — это временное; я думалъ болѣе о вѣчномъ. Притомъ, гувернанткой ли, или чѣмъ другимъ быть, все это односторонне и можетъ научить только одному чему-нибудь. Я видѣлъ много гувернантокъ, выходившихъ замужъ, которыя, казалось, какъ-будто только что вышли изъ института, также невинны и также мало знакомы съ тѣмъ, что̀ мы называемъ прозой жизни, и безъ которой прозы нельзя, однакожь, жить. Гувернанткой можно сдѣлаться всегда, или лучше, никогда, если нѣтъ для этого особенныхъ способ-

ностей природныхъ. Назначеніе женщины — семейная жизнь, а въ ней много обязанностей разнородныхъ. Здѣсь женщина является гувернанткою и нянькою, и домоводкою, и казначейшею, и распорядительницею, и рабою, и повелительницею: словомъ, обязанности, которыхъ съ перваго разу покажется невозможно всѣхъ узнать, но которыя узнаются нечувствительно нами собою, безъ всякой системы. Вы же имѣете къ тому всѣ средства. Напримѣръ, вы можете поручать ей иногда какія-нибудь отдѣльныя части домашняго хозяйства, особенно что-нибудь такое, что бы доставляло моціонъ, потому что по своей волѣ и прогуливаться для того, чтобы прогуливаться, молодыя дѣвушки не любятъ; да оно впрочемъ и лучше. Вы, вѣрно, проживете лѣто въ деревнѣ, а въ деревнѣ столько разныхъ хозяйственныхъ занятій, требующихъ и бѣготни, и хлопотъ. Мое всегдашнее желаніе было, чтобы у нея былъ одинъ какой-нибудь трудъ постоянный, который бы занималъ у нея часа полтора, но рѣшительно всякій день и въ одно и то же время. Это — переводить: занятіе, которое въ будущемъ ей можетъ очень прислужиться и даже дать средства жить, если другихъ не найдется. Я же, по своему отношенію литературному, могу нѣкоторымъ образомъ доставить ей выгодный сбытъ и приличную цѣну. Нѣтъ нужды, что она теперь переведетъ еще плохо; нужно, чтобы переводила, и переводила рѣшительно всякій день. Переводъ не требуетъ большого таланта: это дѣло привычки и навыка. Кто сначала переводитъ дурно, тотъ послѣ будетъ переводить хорошо. Еще необходимо нужно разнообразить занятіе. Это оживляетъ трудъ, не даетъ мѣста скукѣ, а между тѣмъ очень полезно для здоровья. Окончивши, напримѣръ, переводъ свой, она не должна заниматься заботой, тоже требующей сидѣнія. Ей, напротивъ, нужно дать послѣ этого такое занятіе, чтобы она вставала съ своего мѣста, побѣжала и опять бы возвратилась, и опять побѣжала, — словомъ, находилась бы безпрерывно на ногахъ. Тогда ей послѣ этого опять покажется пріятною работа, требующая сидѣнія, и будетъ ей уже не работою, а отдохновеніемъ. Кромѣ возложенной на нее одной какой-нибудь части домашняго хозяйства, не мѣшало бы ей давать разныя порученія: купить что-нибудь, расплатиться, или расчитаться, свести приходъ и расходъ. Она дѣвушка бѣдная, у ней нѣтъ ничего. Если она выйдетъ замужъ, то это ей будетъ

вмѣсто приданаго, и, вѣрно, мужъ ея, если только онъ будетъ человѣкъ не глупой, будетъ за него больше благодарить, чѣмъ за денежной капиталъ. Но еслибы даже сестра моя не была дѣвушка бѣдная и ей бы предстояла блистательная участь, то и тогда къ воспитанію ея я бы, можетъ быть, прибавилъ одинъ, или два языка лишнихъ, да кое-что для гостиныхъ, но, вѣрно бы, не выключилъ ни одной изъ означенныхъ статей. Въ состояніи богатомъ онѣ такъ же нужны, какъ и въ бѣдномъ, и сохранить пріобрѣтенное едвали не труднѣе, чѣмъ пріобрѣсть.

»Но мнѣ смѣшно, что я пустился въ такія длинныя инструкціи и говорю вамъ то, что̀ вы знаете въ двадцать разъ лучше меня. Но васъ не огорчитъ это, я знаю. Вы выслушаете меня съ тою же снисходительностью, которой такъ исполнена кроткая ваша душа. Вы не укорите меня въ моемъ маломъ познаніи, но поправите великодушно, въ чемъ я ошибся; ибо человѣку суждено ошибаться, и совершенство ему дается для того только, чтобы онъ яснѣе видѣлъ свое несовершенство.«

Въ дополненіе этого письма, сдѣлаю выписки изъ письма къ А. С. Данилевскому, отъ 29-го декабря 1839-го года.

»Да, я въ Россіи. Послѣднюю нужно принести жертву. Присутствіе мое было необходимо. Мнѣ нужно было обстроить дѣло хотя одно изъ всѣхъ нашихъ семейственныхъ — — Я былъ въ Петербургѣ и взялъ оттуда сестеръ. Онѣ будутъ жить въ Москвѣ; гдѣ-нибудь я ихъ пристрою, хотя у кого-нибудь изъ моихъ знакомыхъ — — — Имѣніе наше во всякомъ отношеніи можно назвать хорошимъ. Мужики богаты; земли довольно; въ годъ четыре ярмарки, изъ которыхъ скотная, въ мартѣ, одна изъ важнѣйшихъ въ нашей губерніи. Всѣ средства для сбыта. Купцы платятъ мужикамъ за наемъ загоновъ, хлѣвовъ и почлеговъ, не говоря уже о мелочахъ за доски, за лѣсъ для постройки и наконецъ за всѣ тѣ потребности, которыя раждаетъ стеченіе народа. Все это, не говоря уже о выгодахъ экономическихъ и удобствѣ сбывать на мѣстѣ хозяйственныя произведенія, доставляетъ возможность крестьянину быть болѣе состоятельнымъ, нежели въ другомъ мѣстѣ, и съ крестьянъ же ничего не берется за это — никакихъ пошлинъ, и вообще нигдѣ такъ не облегчены крестьяне, какъ у насъ. — — —

»Я не буду въ Малороссіи и не имѣю никакой возможности (это) сдѣлать; но, желая исполнить сыновній долгъ, то есть, доставить случай маменькѣ меня видѣть, приглашаю ее въ Москву, на двѣ недѣли. Мнѣ же предстоитъ, какъ самъ знаешь, путь немалый въ мой любезный Римъ; тамъ только найду успокоеніе. Духъ мой страдаетъ. — — Еще лучше ты сдѣлаешь, если пріѣдешь вмѣстѣ съ маменькой моей въ Москву: и ей въ дорогѣ будетъ лучше, и тебѣ дешевле, и мнѣ пріятнѣе, потому что я буду имѣть случай тебя еще разъ обнять. Въ деревнѣ тебѣ жить не вижу необходимости. Ужъ тебѣ врядъ ли поправить хозяйство.«

Письмо о сестрахъ къ матери изъ Москвы (отъ 25-го января, 1840) заключаетъ въ себѣ нѣсколько строкъ, показывающихъ, какъ уже и въ то время душа Гоголя была расположена къ религіозному самоуглубленію, которое въ послѣдствіи сдѣлалось главною чертою его нравственнаго образа. Вотъ эти строки:

»Къ счастію моему, сюда пріѣхалъ архимандритъ Макарій, мужъ, извѣстный своею святою жизнью, рѣдкими добродѣтелями и пламенною ревностью къ вѣрѣ. Я просилъ его, и онъ такъ добръ, что, не смотря на неимѣнье времени и кучу дѣлъ, пріѣзжаетъ къ намъ и научаетъ сестеръ моихъ великимъ истинамъ христіянскимъ. Я самъ по нѣсколькимъ часамъ останавливаюсь и слушаю его, и никогда не слышалъ я, чтобы пастырь такъ глубоко, съ такимъ убѣжденіемъ, съ такою мудростью и простотою говорилъ.«

Младшая изъ сестеръ Гоголя, воспитывавшихся въ Патріотическомъ институтѣ, возвратилась съ матерью въ деревню. Гоголь заботился о ней столько же, какъ и о старшей, и писалъ къ ней большія письма, изъ которыхъ, однакожъ, я могу помѣстить здѣсь только немногія, и то съ большими пропусками.

Первыя письма Гоголя къ друзьямъ его, изъ Варшавы, Вѣны и Венеціи, были такъ же веселы и шутливы, какъ и его разговоры во

время пребыванія его въ Москвѣ. Вотъ выписки изъ одного письма къ С. Т. Аксакову изъ Вѣны, отъ 7 іюля, 1840.

»— — — Въ Вѣнѣ еще надѣюсь пробыть мѣсяца полтора, попить водъ и отдохнуть. Здѣсь спокойнѣе, чѣмъ на водахъ, куда съѣзжается слишкомъ скучный для меня свѣтъ. Тутъ все ближе, подъ рукой, и свобода во всемъ. Нужно знать, что послѣдняя давно убѣжала изъ деревень и маленькихъ городовъ Европы, гдѣ существуютъ воды и съѣзды. Парадно — мочи нѣтъ! Къ тому жъ у меня такая скверная натура, что, при взглядѣ на эту толпу, пріѣхавшую со всѣхъ сторонъ лѣчиться, уже нѣсколько тошнитъ; а на водахъ это не идетъ, нужно напротивъ — — Какъ вспомню Маріенбадъ и лица, изъ которыхъ каждое насильно и нахально влѣзло въ память, попадаясь разъ по сорока на день, и несносныхъ Русскихъ, съ вѣчнымъ и непреложнымъ вопросомъ: »А который стаканъ вы пьете?« вопросъ, отъ котораго я улепетывалъ по проселочнымъ дорожкамъ. Этотъ вопросъ мнѣ казался на ту пору роднымъ братцомъ другого извѣстнаго вопроса: »Чѣмъ вы подарите насъ новенькимъ?« Ибо всякое слово, само по себѣ невинное, по повторенное двадцать разъ, дѣлается пошлѣе добродѣтельнаго Ц*** или романовъ Б****, что̀ все одно и то же.... Я замѣчаю, что я, кажется, не кончилъ періода. Но вонъ его! Былъ ли когда-нибудь какой толкъ въ періодахъ? Я только вижу и слышу толкъ въ чувствахъ и душѣ. Итакъ я на водахъ въ Вѣнѣ: и дешевле, и покойнѣе, и веселѣе. Я здѣсь одинъ; меня не смущаетъ никто. На Нѣмцевъ я гляжу, какъ на необходимыхъ насѣкомыхъ во всякой русской избѣ. Они вокругъ меня бѣгаютъ, лазятъ, но мнѣ не мѣшаютъ; а если который изъ нихъ взлѣзетъ мнѣ на носъ, то щелчокъ — и былъ таковъ.

»Вѣна приняла меня царскимъ образомъ. Только теперь всего два дни, прекратилась опера чудная, невиданная. Въ продолженіе цѣлыхъ двухъ недѣль, первые пѣвцы Италіи мощно возмущали, двигали и производили благодѣтельное потрясеніе въ моихъ чувствахъ. Велики милости Бога! Я живу еще — —«

По хронологическому порядку, слѣдуетъ теперь помѣстить письмо Гоголя къ А. П. Е—ой, съ которой онъ сблизился всего больше по слу-

чаю помѣщенія сестры его къ П. И. Р—ой. Интересенъ разсказъ ея о нерѣшимости, овладѣвшей Гоголемъ (это была одна изъ слабостей его характера), когда нужно было ѣхать къ А. П. Р—ой съ матерью, чтобы поблагодарить ее за доброе дѣло, которое она для него сдѣлала. Заѣхавъ къ А. П. Е—ой на минуту, онъ долго медлилъ у нея, не смотря на напоминанія матери, что пора ѣхать; наконецъ положилъ руки на столъ, оперся на нихъ головою и предался раздумью. »Не поѣхать ли мнѣ за васъ, Николай Васильевичъ?« сказала тогда А. П. Е—на. Гоголь съ радостью на это согласился. Вотъ его письмо къ этой особѣ, показывающее, какъ онъ высоко цѣнилъ ея вниманіе.

»Вѣна. Іюнь 28.

»Никакимъ образомъ не могу понять, какъ это случилось, что я не былъ у васъ передъ самымъ моимъ отъѣздомъ. Не понимаю, не понимаю, клянусь — не понимаю! Каждый день я навѣдывался къ Араба(тскимъ) воротамъ, къ дому, внизу котораго живетъ башмашникъ, носящій такую граціозную фамилію, не пріѣхали ли вы и когда вы будете въ городъ, и всякій разъ слуга, выходившій отворять мнѣ дверь, встрѣчалъ меня тѣмъ же отвѣтомъ, что вы не пріѣхали и что не извѣстно, когда вы будете въ городъ. Этотъ слуга и сертукъ его выучены мною наизусть, такъ что я знаю даже, гдѣ пятно на немъ и которой пуговицы недостаетъ. Три или четыре раза я спросилъ у него обстоятельно вашъ адресъ, все это я передалъ очень обстоятельно моему кучеру и, при всемъ томъ, я у васъ не былъ. Дорогою только я щупалъ безпрестанно у себя во всѣхъ карманахъ. Мнѣ казалось все, что я позабылъ какую-то самую нужную вещь, но какую именно — не могъ припомнить, и только на другой день я вспомнилъ, что я лошадь, и хватилъ себя по лбу; но это рѣшительно ничего не помогло. Поправить дѣла нельзя было: повозка, въ которой я сидѣлъ, уже добиралась до Вязьмы. Что вы, можетъ быть, не сердитесь на меня за это — этимъ я могу еще потѣшить себя: отъ вашей доброты можно всего ожидать. Но мнѣ нужно было васъ видѣть, мнѣ хотѣлось, чтобы вы видѣли меня отъѣзжающаго, — меня, у котораго на душѣ легко. У васъ, въ вашихъ мысляхъ, я остался съ черствою физіогноміей, съ скучнымъ выраженіемъ лица. Еще мнѣ нужно было вамъ сказать многое,

очень многое, — что̀ такое, не знаю, но знаю, что я сказалъ бы его вамъ и что мнѣ было бы пріятно. Словомъ, мнѣ сдѣлалось такъ досадно, что я готовъ былъ тогда вытереть рожу свою самою гадкою тряпкою и публично при всѣхъ поднести себѣ кукишъ, примолвивъ: »Вотъ, на̀ тебѣ, дуракъ!« Но всей публики былъ на ту пору станціонный смотритель, который бы, вѣроятно, принялъ это на свой счетъ, да котъ, который сидѣлъ въ его шапкѣ и который, безъ всякаго сомнѣнія, не обратилъ бы на это никакого вниманія. Утѣшительно въ этомъ непрощаніи моемъ съ вами, натурально, то, что мы увидимся скоро; по крайней мѣрѣ нужно вывести это заключеніе. Но Бога ради, будьте здоровы! Что̀ вамъ за охота забаливать такъ часто? Еслибъ вы знали, какъ мнѣ это грустно! Мнѣ такъ и представляетесь вы сидящей на диванѣ, съ вашимъ ангельскимъ терпѣніемъ, старающеюся не подать виду, что у васъ какое-нибудь страданіе. Исполните же мою просьбу, если меня хоть каплю любите; а не то — вѣдь я опять вытру себѣ рожу гадкою тряпкою, то есть, до такой степени гадкою, что буду чихать до самаго Рима. Кстати на счетъ послѣдняго обстоятельства. Я распростился съ предметами, возбуждающими чиханіе, на русской границѣ. Какой воздухъ! святые небеса, какой воздухъ! Въ немъ есть что-то принесшееся изъ Италіи. Носъ мой слышитъ даже хвостикъ широкка. И откуда это? Какіе благодатные вѣтры принесли? Мнѣ ли нарочно навстрѣчу? Если мнѣ, то, право, стоитъ. Конечно, я не генералъ, но кто же можетъ такъ любить?.... Такъ и упиваешься, и жмуришь глаза, и только жалѣешь на то, что носъ всё еще малъ и коротокъ. Что̀ бы хотя крошку подлиннѣе!

»Къ вамъ одна маленкая просьба. Я послалъ сестрѣ въ деревню Шиллера и сказалъ ей, что это вы посылаете. Почему я это сказалъ, вы догадаетесь. — — И потому вы не удивитесь, если Annette вздумаетъ васъ благодарить, а примите на свой счетъ.«

Къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ.

»Вѣна. Августъ 7 (1840).

»Я получилъ твое письмо отъ 12 іюля вмѣстѣ съ маменькинымъ, адресован(нымъ) прямо ко мнѣ въ Вѣну. Неужели это первое твое письмо

изъ дому? Итакъ ты мнѣ ни слова не сказала о томъ, какъ ты пріѣхала, какъ и гдѣ была въ Полтавѣ, какъ наконецъ увидѣла свою деревню, и кто тебя встрѣтилъ, и какъ тебя встрѣтили, и кто тебя узналъ, и кого ты узнала, и какія были твои первыя впечатлѣнія, словомъ — ничего изъ того, что̀ прежде всего должно занять. — — — И французской переводъ и нѣмецкой, тотъ и другой нуженъ, но нѣмецкой нужнѣе, ибо нужно, чтобъ къ новому году перевести полторы книжки маленькія, которыя я тебѣ купилъ. — — Заведи непремѣнно, какъ часы — въ извѣстный часъ утра за переводъ. Посиди за нимъ всего только часъ, меньше даже, но чтобы это было регулярно. Ты увидишь, какъ это раздѣлитъ хорошо твой день, и тебѣ не будетъ скучно никогда, если у тебя время будетъ размѣренно. — — Не лѣнись; помни, что это одно можетъ доставить тебѣ деньги и дастъ со временемъ возможность помогать даже маменькѣ. — — —

»Сей часъ только я получилъ второе твое письмо и спѣшу попросить у тебя извиненія за выговоръ. Этимъ письмомъ я доволенъ вполнѣ. Ты пишешь довольно подробно и какъ слѣдуетъ. Ну, слава Богу, ты здорова; это главное. Потомъ я очень радъ, что тебѣ не скучно. Впрочемъ человѣку, который сколько-нибудь уменъ, никогда не можетъ быть скучно. Нужно только имѣть побольше занятій, и будетъ все хорошо. Только совершенно глупые скучаютъ.«

Въ первое время новаго своего путешествія по Европѣ, Гоголь занятъ былъ, между прочимъ, передѣлкой для русской сцены комедіи Джіованни Жиро: »Дядька въ затруднительномъ Положеніи« (l' Ajo nell' Imbarazzo). Изъ Венеціи онъ написалъ о ней къ М. С. Щепкину письмо, въ которомъ является художникомъ, страстно привязаннымъ къ своему искусству, какъ это читатель увидитъ самъ. Вотъ оно:

»Ну, Михаилъ Семеновичъ, любезнѣйшій моему сердцу! половина заклада выиграна: комедія готова. Въ нѣсколько дней русскіе наши художники перевели. И какъ я поступилъ добросовѣстно! Всю отъ начала до конца выправилъ, перемаралъ и переписалъ собственною рукою. — Въ афишкѣ вы должны выставить два заглавія: русское и итальянское

Можете даже прибавить тотчасъ послѣ фамиліи автора: »перваго итальянскаго комика нашего времени«. Первое дѣйствіе я прилагаю при письмѣ вашемъ, второе будетъ въ письмѣ къ С. Т., а за третьимъ отправьтесь къ Погодину. Велите ее тотчасъ переписать, какъ слѣдуетъ, съ надлежащими пробѣлами, и вы увидите, что она довольно толста. Да смотрите, до этого не потеряйте листковъ: другого экземпляра нѣтъ: черновой исчезъ. Комедія должна имѣть успѣхъ; по крайней мѣрѣ въ итальянскихъ театрахъ и во Франціи она имѣла успѣхъ блестящій. Вы, какъ человѣкъ, имѣющій тонкое чутье, тотчасъ постигните комическое положеніе вашей роли. Нечего вамъ и говорить, что ваша роль — самъ дядька, находящійся въ затруднительномъ положеніи. Роль ажитаціи сильной. Человѣкъ, который совершенно потерялъ голову: тутъ сколько есть комическихъ и истинныхъ сторонъ! Я видѣлъ въ ней актера съ большимъ талантомъ, который, между прочимъ, далеко ниже васъ. Онъ былъ прекрасенъ, и такъ въ немъ все было натурально и истинно. Слышенъ былъ человѣкъ, не рожденный для интриги, а попавшій невольно въ оную, — и сколько натурально комическаго! Этотъ гувернеръ, котораго я назвалъ дядькой, потому что первое, кажется, не совсѣмъ точно, да и не русское, долженъ быть одѣтъ весь въ черномъ, какъ одѣваются въ Италіи донынѣ всѣ эти люди: аббаты, ученые и проч.: въ черномъ фракѣ не совсѣмъ по модѣ, а такъ, какъ у стариковъ, въ черныхъ панталонахъ до колѣнъ, въ черныхъ чулкахъ и башмакахъ, въ черномъ суконномъ жилетѣ, застегнутомъ плотно снизу до верху, и въ черной пуховой шляпѣ, трехъ-угольной, — не той, что̀ носятъ у насъ, а въ той, въ какой нарисованъ блудный сынъ, пасущій стада, то есть, съ пригнутыми немного полями на три стороны. — Два молодые маркиза точно также должны быть одѣты въ черныхъ фракахъ, только помоднѣе, и шляпы вмѣсто трехъ-угольныхъ, круглыя, черныя пуховыя, или шолковыя, какъ носимъ мы всѣ, грѣшные люди; черные чулки, башмаки и панталоны короткіе. Вотъ все, что̀ вамъ нужно замѣтить о костюмахъ. Прочія лица одѣты, какъ ходитъ весь свѣтъ.

»Но о самихъ роляхъ нужно кое-что. Роль Джильды лучше всего, если вы дадите которой-нибудь изъ вашихъ дочерей. Вы можете тогда болѣе дать ее почувствовать во всѣхъ ея тонкостяхъ. Если же кому дру-

гому, то, ради Бога, слишкомъ хорошей актрисѣ. Джильда умная, бойкая; она не притворяется; если жъ притворяется, то это притворное у ней становится уже истиннымъ. Она произноситъ свои монологи, которые, говоритъ, набрала изъ романовъ, съ одушевленіемъ истиннымъ; а когда въ самомъ дѣлѣ проснулось въ ней чувство матери, тутъ она не глядитъ ни на что̀ и вся женщина. Ея движенія просты и развязны, а въ минуты одушевленія картинны она становится какъ-то вдругъ выше обыкновенной женщины, что̀ удивительно хорошо исполняютъ Итальянки. Актриса, игравшая Джильду, которую я видѣлъ, была свѣжая, молодая, проста и очаровательна во всѣхъ своихъ движеніяхъ, забывалась и одушевлялась, какъ природа. Француженка убила бы эту роль и никогда бы не выполнила. Для этой роли, кажется, какъ-будто нужна воспитанная свѣжимъ воздухомъ деревни и степей.

»Играющему роль Пиппето никакъ не нужно сказывать, что Пиппето немного приглуповатъ: онъ тотчасъ будетъ выполнять съ претензіями. Онъ долженъ выполнить ее совершенно невинно, какъ роль молодого, довольно неопытнаго человѣка; а глупость явится сама собою, такъ, какъ у многихъ людей, которыхъ вовсе никто не называетъ глупыми.

»Больше, кажется, не нужно говорить ничего... Да! маркиза дайте какому-нибудь хорошему актеру. Эта роль энергическая: бѣшенный, взбалмошный старикъ, неслушающій никакихъ резоновъ. Я думаю, коли нѣтъ другого, отдайте Мочалову; его же имя имѣетъ магическое дѣйствіе на московскую публику. Да не судите по первому впечатлѣнію и прочитайте нѣсколько разъ эту пьесу, — непремѣнно нѣсколько разъ. Вы увидите, что она очень мила и будетъ имѣть успѣхъ.«

XV.

Болѣзнь Гоголя въ Римѣ. — Письма къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ и къ П. А. Плетневу. — Взглядъ на натуру Гоголя. — Письмо къ С. Т. Аксакову въ новомъ тонѣ. — Замѣчаніе С. Т. Аксакова по поводу этого письма. — Другое письмо къ С. Т. Аксакову: высокое мнѣніе Гоголя о »Мертвыхъ Душахъ«. — Письма къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ. — Письма къ Н. Н. Ш*****.

Осенью 1840 года Гоголь сдѣлался очень боленъ, но трудно опредѣлить время его болѣзни по тѣмъ письмамъ, которыя находятся въ мо-

емъ распоряженіи. Отъ 13-го октября (1840) онъ пишетъ изъ Рима къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ еще какъ человѣкъ здоровый, а отъ 30-го того же мѣсяца увѣдомляетъ П. А. Плетнева о перенесенной имъ опасной болѣзни. Остается думать, что болѣзнь его была сильна, но кратковременна. Помѣщаю оба упомянутыя письма.

Къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ.

»Римъ. Октября 13. (1840.)

«Я вчера получилъ твое письмо. Что я былъ ему радъ, объ этомъ нечего и говорить. Ты этому, безъ сомнѣнія, повѣришь, потому что знаешь, что я тебя люблю. Я былъ радъ, что ты совершенно здорова [такъ по крайней мѣрѣ стоитъ въ письмѣ твоемъ]. Я совершенно радъ, что у тебя завелась охота бѣгать. Даже радъ тому, что ты теперь ничего не дѣлаешь и ничѣмъ не занимаешься, потому что придетъ зима, и ты, вѣрно, присядешь и вознаградишь за все. Но... теперь наконецъ приходится сказать, чему я не былъ радъ. — — Ты, приводя причины, отвлекающія тебя отъ занятій — — сказала, что у васъ было много праздниковъ и что приняться за иглу въ праздникъ здѣсь [т. е. въ Васильевкѣ] считается за ужасный грѣхъ. — — — А для чего дается человѣку характеръ? Чтобы онъ могъ презрѣть толки и пересуды, слѣдовалъ тому, что̀ велитъ ему благоразуміе, и, какъ сказалъ самъ Спаситель, не глядѣть на людей. Люди суетны. Нужно въ примѣръ себѣ брать прекрасный, святой образецъ, высшую натуру человѣка, а не обыкновенныхъ людей. Итакъ я тебѣ приказываю работать и заниматься именно въ праздникъ, натурально только не въ тѣ часы, которые посвящены Богу. И если кто-нибудь станетъ тебѣ замѣчать, что это не хорошо, ты не входи ни въ какія разсужденія и не старайся даже убѣждать въ противномъ, а скажи прямо коротко и твердо: »*Это желаніе моего брата. Я люблю своего брата, и потому всякое малѣйшее его желаніе для меня законъ*«. И послѣ этого, вѣрно, тебѣ не станутъ докучать. И такимъ образомъ поступай и въ другомъ случаѣ, гдѣ только собственное твое благоразуміе чего-нибудь не одобритъ. Нужно быть тверду и непреклонну. Безъ твердости характеръ человѣка — нуль. И

признаюсь, грусть бы, сильная грусть обняла бы мою душу, еслибы я увѣрился, что у сестры моей нѣтъ ни характера, ни великодушія. — — —

»Наконецъ поговоримъ еще объ одномъ довольно важномъ предметѣ. — — Слушай, моя душа. Тебя должно непремѣнно тронуть положеніе маменьки, на которой лежитъ столько заботъ и такая сильная обуза, что весьма немудрено, если и у человѣка сильнаго закружится голова и кончится тѣмъ, что онъ наконецъ ничего не будетъ дѣлать. Слушай. Нужно, чтобъ и ты, и Оля взяли на долю свою какія-нибудь маленькія части хозяйства и чтобы уже аккуратно вели дѣла свои. Напримѣръ, ты возьми на долю свою молошню, то есть, смотри, чтобъ при тебѣ набиралось молоко, дѣлалось масло, сыръ, и замѣчай внимательно, сколько чего должно быть, чтобы потомъ не могли тебя ни обмануть, ни украсть. Натурально, этого еще немного для тебя. Ты возьми на свою долю еще овецъ. Пусть къ тебѣ приходитъ каждый день овчаръ и рапортуетъ тебѣ подробно. Ты отправляйся почаще туда сама, лучше, если пѣшкомъ, и повѣряй почаще все на дѣлѣ. Нѣсколько разъ заставь, чтобы доили при тебѣ, чтобы знать, сколько навѣрное могутъ давать молока. Записывай родившихся вновь, отправленныхъ на столъ, прибывшихъ и убывшихъ. Послѣ того, когда ты увидишь, что съ этимъ всѣмъ управляешься хорошо, можешь присоединить къ этому и что-нибудь другое. Безъ этого никогда не будетъ никакого толка въ хозяйствѣ, если сами хозяева не будутъ входить во все. А такъ какъ одному человѣку нельзя входить во все, то по этому самому и должно непремѣнно раздѣлить труды. Иначе — ключницы, домоводки и управители, хоть какъ бы ни казались надежны съ виду, всегда кончится тѣмъ, что будутъ наконецъ обкрадывать, или, еще хуже, нерадѣть и неглижировать. Олинькѣ тоже выбери на долю какую-нибудь часть по силамъ. Ты увидишь потомъ, какую окажешь этимъ пользу хозяйству и какъ облегчишь труды маменьки, — тѣмъ болѣе, что у ней столько главныхъ статей хозяйства: уборка и посѣвъ хлѣба, льну, гумно, винокурня и мало ли чего еще? Страшно и подумать даже. Желалъ бы я очень знать, что́ ты на это скажешь и какое это произведетъ на тебя дѣйствіе; и потому жду не.....« (1)

---

(1) Конецъ письма потерянъ. *П. М.*

Къ П. А. Плетневу.

»30 октября. Римъ.

»Здраствуйте, безцѣнный Петръ Александровичъ! Напишите мнѣ хоть одну строчку. Я не имѣю никакихъ, совершенно никакихъ извѣстій изъ Петербурга. Пишу къ вамъ потому, что я васъ видѣлъ третьяго-дня во снѣ въ такомъ необыкновенномъ и грустномъ положеніи, что испугался и не могу быть спокоенъ до тѣхъ поръ, пока не услышу чего-нибудь о васъ.

»Увѣдомьте меня также, какъ мое дѣло. Можно ли мнѣ подняться на то мѣсто въ Римѣ, о которомъ я писалъ къ вамъ? Мнѣ нужно теперь знать это, и тѣмъ болѣе теперь. Я заболѣлъ жестоко, и, Боже, какъ заболѣлъ! Я самъ виноватъ. Я обрадовался моимъ проснувшимся силамъ, освѣженнымъ послѣ водъ и путешеств(ія), и сталъ работать изо всѣхъ силъ, почуя просыпающееся вдохновеніе, которое давно уже спало во мнѣ. Я перешелъ черезъ край и за напряженіе не во время, когда мнѣ нужно было отдохновеніе, заплатилъ страшно. Не хочу вамъ говорить и разсказывать, какъ была опасна болѣзнь моя. Геморроидъ мнѣ бросился на грудь, и нервическое раздраженіе, котораго я въ жизнь никогда не зналъ, произошло во мнѣ такое, что я не могъ ни лежать, ни сидѣть, ни стоять. Уже медики было махнули рукой: но одно лѣкарство меня спасло неожиданно. Я велѣлъ себя положить ветурину въ дорожную коляску, — дорога спасла меня. Три дни, которые я провелъ въ дорогѣ, меня нѣсколько возстановили. Но я самъ не знаю, вышелъ ли я еще совершенно изъ опасности. Малѣйшее какое-нибудь движеніе, незначащее усиліе, и со мной дѣлается не знаю что̀. Страшно, просто страшно! Я боюсь. И такъ было хорошо началось дѣло. Я началъ такую вещь, какой, вѣрно, у меня до сихъ поръ не было, — и теперь изъ-подъ самыхъ облаковъ да въ грязь!

»Медику натурально простительно меня успокоивать и говорить, что это совершенно пройдетъ, и что мнѣ нужно только успокоить(ся). Но мнѣ весьма простительно тоже не вѣрить этому, и мое положеніе вовсе не такого рода, чтобы оставаться, тѣмъ больше, что вотъ мѣсяцъ, и я не чуть не лучше. Еслибъ я зналъ, что изъ меня рѣшительно ничего не можетъ быть [страшнѣе чего конечно ничего не можетъ быть на

свѣтѣ], тогда бы, натурально, дѣло кончено. У меня нѣтъ никакой охоты увеличивать всемірное населеніе своею жалкою фигурою, и за жизнь свою я не далъ бы гроша и не сталъ бы изъ-за нея биться. Но, клянусь, мое положеніе слишкомъ, если даже не черезъ-чуръ. Больной, разстроенный душей и тѣломъ, и никакихъ средствъ... Увѣдомьте меня. Можетъ быть, можно какъ-нибудь узнать одно изъ этихъ двухъ словъ: *да* или *нѣтъ*?

»Но, клянусь, мнѣ такъ же, если даже не больше, теперь хочется имѣть извѣтія о васъ самихъ. Послѣ видѣннаго мною сна, я не могу успокоиться о васъ. Теперь въ моемъ больномъ, грустномъ, часто лишенномъ надежды душевномъ состояніи у меня единствен(но), что доставляетъ мнѣ похожее на радость, это — перебирать въ мысляхъ моихъ немногихъ, но любящихъ, прекрасныхъ друзей, вычислять всѣ случаи въ жизни, гдѣ дружба ихъ обнаруживалась ко мнѣ, и сердце у меня тогда такъ начинаетъ сильно биться, какъ можетъ только у ребенка, который не изумляется отъ радости, но остается какъ-будто перепуганъ радостью. Знаю, что это происходитъ отъ моего нервическаго разстройства и что движеніе потрясаетъ меня, но всё какъ это сладко! И я тогда едва дышу. — Римъ Via Felice. № 126.«

Въ этой-то Via Felice (счастливая улица) поэтъ нашъ велъ такую несчастную жизнь! »Изъ подъ самихъ облаковъ да въ грязь!« Слабое тѣло его не выносило порывовъ духа: это былъ сильный аэростатъ изъ тонкой и бренной ткани. Общество, въ которомъ онъ провелъ свое дѣтство и юношескіе годы, заключая въ себѣ много пищи для его таланта, всё, однако же, не могло вполнѣ организовать поэта съ такимъ огромнымъ запасомъ природныхъ началъ творчества, какимъ одаренъ былъ Гоголь. Достигнувъ той эпохи умственнаго развитія, когда передъ писателемъ открывается самый обширный горизонтъ духовнаго міра, онъ долженъ былъ дѣлать надъ собой усилія сверхъ-естественныя, чтобы создать выраженіе для отвлеченныхъ рѣчей своихъ, и изнемогалъ подъ бременемъ непомѣрнаго труда. Потому-то умственное »напряженіе«, производящее въ другомъ только усталость и отвращеніе къ работѣ, въ немъ разрушало почти въ конецъ хилый организмъ и рождало одно сожалѣніе о той высотѣ, на которой онъ не въ силахъ былъ удержаться.

»Первое письмо Гоголя въ Москву послѣ болѣзни, отъ 28 декабря (говоритъ въ своихъ запискахъ С. Т. Аксаковъ) поразило всѣхъ серьезностью, торжественностью тона и открытымъ выраженіемъ религіознаго направленія, которое было въ Гоголѣ всегда, но о которомъ онъ прежде не говорилъ и даже скрывалъ. Этотъ тонъ продолжался до его смерти. Вотъ выписки изъ этого письма:

»Декабря 28 (1840). Римъ.

»Я много передъ вами виноватъ, другъ души моей С. Т., что не писалъ къ вамъ тотчасъ послѣ вашего мнѣ такъ всегда пріятнаго письма. Я былъ тогда боленъ. О моей болѣзни мнѣ не хотѣлось писать къ вамъ, потому что это бы васъ огорчило — — —

»Теперь я пишу къ вамъ, потому что здоровъ, благодаря чудной силѣ Бога, воскресившаго меня отъ болѣзни, отъ которой, признаюсь, я не думалъ уже встать. Много чуднаго совершилось въ моихъ мысляхъ и жизни! Вы, въ вашемъ письмѣ, сказали, что вѣрите въ то, что мы увидимся опять. Какъ угодно будетъ всевышней силѣ! Можетъ быть, это желаніе, желаніе сердецъ нашихъ сильное обоюдно, исполнится. По крайней мѣрѣ обстоятельства идутъ какъ-будтобы къ тому. Я, кажется, не получу мѣста, о которомъ, помните, мы хлопотали и которое могло бы обезпечить мое пребываніе въ Римѣ. — — —

»Но Богъ съ нимъ: я радъ всему, всему, что̀ ни случается со мною въ жизни и, какъ погляжу я только, къ какимъ чуднымъ пользамъ и благамъ вело меня то, что̀ называютъ въ свѣтѣ неудачами, то растроганная душа моя не находитъ словъ благодарить невидимую руку, ведущую меня. — — —

»Другое обстоятельство, которое можетъ дать надежду на возвратъ мой — мои занятья. Я теперь приготовляю къ совершенной очисткѣ первой томъ »Мертвыхъ Душъ«. Перемѣняю, перечищаю, много переработываю вовсе и вижу, что печатаніе ихъ не можетъ обойтись безъ моего присутствія. Между тѣмъ дальнѣйшее продолженіе его выясняется въ головѣ моей чище, величественнѣе, и теперь я вижу, что можетъ быть со временемъ кое-что колосальное, если только позволятъ слабыя

мои силы. По крайней мѣрѣ, вѣрно, немногіе знаютъ, на какія сильныя мысли и глубокія явленія можетъ навести незначущій сюжетъ, котораго первыя, невинныя и скромныя главы вы уже знаете. Болѣзнь моя много отняла у меня времени, но теперь, слава Богу, я чувствую даже по временамъ свѣжесть, мнѣ очень нужную. Я это приписываю отчасти холодной водѣ, которую я сталъ пить по совѣту доктора, котораго за это благослови Богъ и который думаетъ, что мнѣ холодное лѣченіе должно помочь. Воздухъ теперь чудный въ Римѣ, свѣтлый. Но лѣто, лѣто — это я ужъ испыталъ, — мнѣ непремѣнно нужно провести въ дорогѣ. Я повредилъ себѣ много, что зажился въ душной Вѣнѣ. Но что́ жъ было дѣлать? признаюсь, у меня не было средствъ тогда предпринять путешествіе; у меня слишкомъ было все расчитано. О, еслибъ я имѣлъ возможность всякое лѣто сдѣлать какую-нибудь дальнюю, дальнюю дорогу! Дорога удивительно спасительна для меня, Но обратимся къ началу. Въ моемъ пріѣздѣ къ вамъ (1), котораго значенія я даже не понималъ въ началѣ, заключалось много, много для меня. Да, чувство любви къ Россіи, слышу, во мнѣ сильно. Многое, что́ казалось мнѣ прежде непріятно и невыносимо, теперь мнѣ кажется опустившимся въ свою ничтожность и незначительность, и я дивлюсь, ровный и спокойный, какъ я могъ ихъ когда-либо принимать близко къ сердцу. — — —

»Но довольно; сокровенныя чувства какъ-то становятся пошлыми, когда облекаются въ слова. Я хотѣлъ было обождать (съ) этимъ письмомъ и послать вмѣстѣ съ нимъ перемѣненныя страницы въ »Ревизорѣ« и просить васъ о напечатаніи его вторымъ изданіемъ, и не успѣлъ. Никакъ не хочется заниматься тѣмъ, что́ нужно къ спѣху, а всё бы хотѣлось заняться тѣмъ, что́ не къ спѣху. А между тѣмъ оно было бы очень нужно скорѣе. — — —

»Пановъ молодецъ во всѣхъ отношеніяхъ, и Италія ему много принесла пользы, какой бы онъ никогда не пріобрѣлъ въ Германіи, въ чемъ онъ совершенно убѣдился. Это не мѣшаетъ довести, между прочимъ, до свѣдѣнія кое-кого. А впрочемъ, если разсудить по правдѣ, то я не

---

(1) То есть, въ Москву. *Н. М.*

знаю, почему вообще молодымъ людямъ не развернуться въ полнотѣ силъ и въ Русской землѣ. Но почему, — можетъ увлечь въ длинное разсужденіе. Покамѣсть, прощайте.«

»Очевидно, (продолжаетъ С. Т. Аксаковъ), что это письмо написано уже совсѣмъ въ другомъ тонѣ, чѣмъ всѣ предъидущія. Этотъ тонъ сохранился уже навсегда. Должно повѣрить, что *много чуднаго совершилось* съ Гоголемъ, потому что онъ съ этихъ поръ измѣнился въ нравственномъ существѣ своемъ. Это не значитъ, что онъ сдѣлался другимъ человѣкомъ, чѣмъ былъ прежде; внутренняя основа всегда лежала въ немъ, даже въ самыхъ молодыхъ годахъ; но она скрывалась, такъ сказать, наружностью внѣшняго человѣка. Отсюда начинается постоянное стремленіе Гоголя къ улучшенію въ себѣ духовнаго человѣка и преобладаніе религіознаго направленія, достигшаго въ послѣдствіи, по моему мнѣнію, такого высокаго настроенія, которое уже несовмѣстимо съ тѣлеснымъ организмомъ человѣка. Я не спрашивалъ Гоголя въ подробности, что̀ съ нимъ случилось, частью изъ деликатности, не желая насиловать его природной скрытности, а частью потому, что боялся дотрогиваться до такихъ предметовъ и явленій, о которыхъ одно воспоминаніе могло его разстроить. Слова самаго Гоголя въ этомъ письмѣ утверждаютъ меня въ томъ мнѣніи, что онъ началъ писать »Мертвыя Души«, какъ любопытный и забавный анекдотъ, — что только впослѣдствіи онъ узналъ, говоря его словами, »на какія сильныя мысли и глубокія явленія можетъ навести незначащій сюжетъ«, — что впослѣдствіи мало-по-малу составилось это колоссальное созданіе, наполнившееся болѣзненными явленіями нашей общественной жизни, — что впослѣдствіи почувствовалъ онъ необходимость исхода изъ этого страшнаго сборища человѣческихъ уродовъ, необходимость примиренія..... Возможно ли было исполненіе этой задачи и могъ ли ее исполнить Гоголь? это вопросъ другой.

»Отъ 5 марта 1841 года я получилъ отъ него письмо, изъ котораго дѣлаю выписки:

»Да, другъ мой, я глубоко счастливъ. Не смотря на мое болѣзненное состояніе, которое опять немного увеличилось, я слышу и знаю

дивныя минуты. Созданіе чудное творится и совершается въ душѣ моей, и благодарными слезами не разъ теперь полны глаза мои. Здѣсь явно видна мнѣ святая воля Бога: подобное внушеніе не происходитъ отъ человѣка; никогда не выдумать ему такого сюжета. О, еслибы еще три года съ такими свѣжими минутами! Столько жизни прошу, сколько нужно для окончанія труда моего; больше ни часу мнѣ не нужно. Теперь мнѣ нужны необходимо дорога и путешествіе: они одни, какъ я уже говорилъ, возстановляютъ меня — —

»Теперь я вашъ; Москва моя родина. Въ началѣ осени я прижму васъ къ моей русской груди. Все было дивно и мудро расположено высшею волею — и мой пріѣздъ въ Москву, и мое нынѣшнее путешествіе въ Римъ, все было благо. Никому не говорите ничего ни о томъ, что я буду къ вамъ, ни о томъ, что я тружусь, словомъ, ничего. Но я чувствую какую-то робость возвращаться одному. Мнѣ тягостно и почти невозможно теперь заняться дорожными мелочами и хлопотами. Мнѣ нужно спокойствіе и самое счастливое, самое веселое, сколько можно, расположеніе души; меня теперь нужно беречь и лелѣять. Я придумалъ вотъ что: пусть за мною пріѣдутъ Михаилъ Семеновичъ и Константинъ Сергѣевичъ: имъ же нужно, — Михаилу Семеновичу для здоровья, Конст. Сергѣевичу для жатвы, за которую уже пора ему приняться. А милѣе душѣ моей этихъ двухъ, которые бы могли за мною пріѣхать, не могло бы для меня найтиться никого. Я бы ѣхалъ тогда съ тѣмъ же молодымъ чувствомъ, какъ школьникъ въ каникулярное время ѣдетъ изъ надоѣвшей школы домой подъ родную крышу и вольный воздухъ. Меня теперь нужно лелѣять не для меня, нѣтъ. Они сдѣлаютъ не безполезное дѣло. Они привезутъ съ собой глиняную вазу. Конечно эта ваза теперь вся въ трещинахъ, довольно стара и еле держится, но въ этой вазѣ теперь заключено сокровище. Стало быть, ее нужно беречь. Жду вашего отвѣта; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Если бы вы знали, какъ я теперь жажду обнять васъ! До свиданья. Какъ прекрасно это слово!«

»Это письмо (замѣчаетъ С. Т. Аксаковъ) привело въ восхищеніе всѣхъ друзей Гоголя: изъ него можно было заключить, что Гоголь переѣзжалъ въ Москву навсегда, о чемъ онъ и самъ говорилъ въ первое

время по возвращеніи своемъ изъ Рима. Какъ слышна искренность убѣжденія Гоголя въ великость своего труда, какъ въ благую, свыше назначенную цѣль всей его жизни! Поѣхать къ Гоголю, такъ сказать, навстрѣчу, чтобы привезть его въ Москву, никто не могъ. Сыну моему Константину нельзя было ѣхать по особеннымъ семейнымъ обстоятельствамъ, а Щепкинъ не имѣлъ никакихъ средствъ для этого путешествія, да и получить заграничный отпускъ было бы для него затруднительно.

»Послѣднее письмо ко мнѣ отъ Гоголя изъ Рима, въ 1841 году, не имѣетъ числа, но по содержанію можно догадаться, что оно написано довольно скоро послѣ предыдущаго письма отъ 5-го марта. Вотъ изъ него выписки:

»Едва только я успѣлъ отправить письмо мое къ вамъ, съ приложеньями къ »Ревизору«, какъ получилъ вслѣдъ за тѣмъ ваше. Оно было для меня тѣмъ пріятнѣе, что мнѣ казалось уже, будто я отъ васъ Богъ знаетъ когда не получалъ вѣсти. Цѣлую васъ нѣсколько разъ, въ задатокъ поцѣлуевъ личныхъ. »Ревизора«, я полагаю, не отложить ли до осени? Время близится къ лѣту; въ это время книги сбываются плохо и вообще торговля не движется. Отпечатать можно теперь, а выпускомъ повременить до осени. По крайней мѣрѣ такъ говоритъ благоразуміе и опытность — —

»Теперь на одинъ мигъ оторваться мыслью отъ святого труда своего для меня уже бѣда — — Трудъ мой великъ, мой подвигъ спасителенъ. Я умеръ теперь для всего мелочного — — Богъ милостивъ. Дорога, дорога! Я сильно надѣюсь на дорогу. Она же такъ теперь будетъ для меня вдвойнѣ прекрасна. Я увижу моихъ друзей, моихъ родныхъ друзей. Не говорите о моемъ пріѣздѣ никому, и Погодину скажите, чтобъ онъ также не говорилъ; если же прежде объ этомъ проговорились, то теперь говорите, что это не вѣрно еще. Ничего также не сказывайте о моемъ трудѣ — —

»Вы, можетъ быть, дивитесь, что я вызываю Константина Сер. и Михаила Семеновича, но я дѣлалъ это въ томъ предположеніи, что Конст. Серг. нужно было и безъ того ѣхать, а Мих. Сем. тоже хотѣлъ ѣхать къ водамъ, что̀ ему принесло бы значительную пользу. Я бы ихъ

ожидалъ хоть въ самомъ первомъ за нашею границею нѣмецкомъ городѣ. Вы знаете этому причины изъ письма моего, которое вы уже получили — —

»Въ маѣ мѣсяцѣ я полагаю выѣхать изъ Рима, мѣсяцы жаркіе провесть гдѣ-нибудь въ холодныхъ углахъ Европы, — можетъ быть, въ Швейцаріи, и къ началу сентября въ Москву обнять и прижать васъ сильно.«

»Желаніе Гоголя (пишетъ С. Т. Аксаковъ) не исполнилось. Я давно уже не занимался никакими дѣлами, и »Ревизоръ« былъ напечатанъ Погодинымъ со всѣми приложеніями, которыя, кажется, предварительно были помѣщены въ »Москвитянинѣ«.

Домашнихъ своихъ Гоголь не увѣдомлялъ о своей опасной болѣзни, не желая, вѣроятно, тревожить ихъ безполезно. Онъ продолжалъ преподавать своимъ сестрамъ науку жизни, стараясь сдѣлать ихъ какъ можно довольнѣе ихъ положеніемъ. Помѣщаю здѣсь три письма къ старшей сестрѣ, Аннѣ Васильевнѣ.

1.

»Мартъ 25. Римъ. (1841.)

»— — —Я тебѣ благодаренъ за письмо, благодаренъ именно за (то), что оно написано такъ, а не иначе, — что ты написала его прямо, въ первомъ движеніи души, и сказала все, что̀ чувствовала въ это время. И по этому одному оно для меня дороже всѣхъ другихъ твоихъ писемъ. Никогда и никакъ не удерживайся въ письмахъ твоихъ отъ тѣхъ выраженій и мыслей, которыя почему-нибудь тебѣ покажутся, что огорчатъ меня, или не понравятся. Ихъ-то именно скорѣе на бумагу, ихъ я желаю знать. Какъ духовнику мы желаемъ прежде всего объявить то, что̀ тягостнѣе лежитъ на душѣ нашей, такъ и мнѣ прежде всего ты должна сказать то, что̀ почему-либо тебѣ покажется тягостно говорить мнѣ. Ты должна помнить, что сердечное изліяніе ты передаешь другу, который придумаетъ средство, какъ поправить, а не станетъ расточать суровые и жестокіе упреки. — —

»Ты описала мнѣ день своихъ занятій. Имъ я не совершенно доволенъ. — — Я не хочу, чтобы ты переводила болѣе часу въ день. Луч-

ше оставлять работу тогда, когда еще хочется немного заняться, а не тогда, когда уже вовсе не хочется. Потомъ ты принимаешься сейчасъ за работу, за вышиваніе. Это тоже и рѣшительно не хорошо. Я желалъ бы, напротивъ, чтобъ ты по крайней мѣрѣ часъ дѣлала движеніе и была безпрестанно на ногахъ, — если даже не цѣлыхъ два. Вотъ для чего еще я хотѣлъ вселить въ тебѣ расположеніе къ домашнему хозяйству. Я зналъ, что трудно для тебя придумать какое-нибудь движеніе, особенно зимою, — что ты непремѣнно будешь сидѣть на одномъ мѣстѣ, а насильно трудно заставить себя бѣгать по комнатѣ. Я думалъ, что хлопоты и заботы заставятъ тебя перейти изъ комнаты въ кладовую, изъ кладовой въ какое-нибудь другое мѣсто, словомъ — что ты невольно такимъ образомъ будешь дѣлать движеніе, которое бы тягостно было тебѣ дѣлать нарочно. — — Итакъ ты видишь, что все, что ни требовалъ я, когда-либо отъ тебя, все это обдумывалось къ добру твоему. Я даже немножко далѣе вижу въ душу твою, чѣмъ ты думаешь, но не хочу иногда показать тебѣ этого. Я хочу, чтобъ ты сама обнаружила всѣ движенья ея простодушно, съ чистосердечьемъ ребенка, и въ этомъ есть тоже цѣль моя, которую ты узнаешь, можетъ, и сама послѣ, и возблагодаришь того, который думалъ о тебѣ и почти невидимо устраивалъ и дѣйствовалъ для тебя. Я желаю также, чтобы и письма твои писались ко мнѣ только тогда, когда тебѣ слишкомъ захочется писать ко мнѣ, а не тогда, когда тебѣ придется придумывать, о чемъ бы писать ко мнѣ.«

2.

»Христосъ воскресе!

»Твои чувства, временами тобою ощущаемыя, довольно вѣрны, милая сестра Анна. Что тебѣ кажется, будто *ты здѣсь мимоѣздомъ*, это такъ. Мы всѣ здѣсь мимоѣздомъ, и всѣ не долго пробудемъ. Но дѣло въ томъ, что мы здѣсь мимоѣздомъ не по своенравному случаю, не для какого-либо пустяка. У Бога нѣтъ пустяковъ. Мы присланы сюда затѣмъ, чтобы исполнить порученье, возложенное на насъ Пославшимъ, безъ чего не можемъ получить ни награды, ни права на будущую жизнь. Только на слова твои, что *тебѣ не хочется даже выкладываться*, замѣчу, что это даже не въ нашей волѣ. И хотѣлъ бы выложить все

изъ своего дорожнаго экипажа, но какъ это сдѣлать, когда и самъ не знаешь, что̀ въ тебѣ положено и гдѣ. Несчастія, скорби, потрясенья, удары всякаго рода, вотъ что̀ заставляетъ иногда выступить изъ насъ то, что̀ дремлетъ въ душевномъ хранилищѣ нашемъ. На нихъ, какъ на оселкѣ, мы пробуемся, испытываемся, обнаруживаемъ себя самимъ себѣ и наконецъ узнаемъ, что̀ лежитъ въ насъ. Но блаженъ тотъ, кто, не дожидаясь скорбей (и) испытаній, исполняетъ просто заповѣдь, данную Богомъ по изгнаньи изъ рая: въ трудѣ и въ потѣ снѣсть хлѣбъ свой. Его отъ многаго спасетъ эта заповѣдь. Его силы укрѣпятся, его способности разовьются. Дѣятельность покажетъ ему, что̀ дѣйствительно лежитъ въ немъ; ибо только на дѣлѣ можетъ узнать человѣкъ свои дѣйствительныя силы. Безъ него и мысли о самомъ себѣ мечтательны и ошибочны. Воображеніе же такъ любитъ поддѣвать насъ!... Что *тебѣ жаль самой себя*, это такъ же понятно, равно какъ и *хотѣнье быть счастливой*. Мы всѣ должны хотѣть этого. Счастье отъ насъ. Насъ Богъ зоветъ къ счастью ежеминутно, но мы сами счастье отталкиваемъ. Вотъ мой совѣтъ. Молись Ему о томъ, чтобъ Онъ самъ внушилъ тебѣ совѣтъ. Онъ милосердъ; Онъ сказалъ: »Толците, и отверзется вамъ«. А покуда, займись огородомъ. Въ приложенной книжкѣ найдешь полное наставленье для всякой зелени порознь. Учись всякую порученность исполнять добросовѣстно и честно, даже самую ничтожную, такъ какъ-бы на тебя возложилъ ее самъ Богъ и ты Ему должна дать отвѣтъ. Тогда и большія обязанности станутъ тебѣ легки и удобоисполнительны. Помни, что для твоего здоровья нужно быть безпрестанно на воздухѣ. Прогулка еще не такъ полезна, какъ занятье на воздухѣ, особенно руками. Отъ этого кровь обращается правильнѣй и въ тѣлѣ устанавливается равновѣсіе. Пріучайся понемногу копать заступомъ легенькимъ на рыхлой землѣ, чтобъ не очень уставать. Земля, которая идетъ у васъ подъ огородъ, въ мѣстахъ, гдѣ были прежде скотный дворъ и конюшня, слишкомъ жирна отъ множества навозу. Понемножку можно подмѣшивать песку, но очень немного. Не забывай сама съ лейкой, до восхожденья солнца и по захожденьи его, ходить къ пруду за водой и поливать. Въ это время можешь прочитать свои утреннія и вечернія молитвы. Богъ какъ-то особенно любитъ молитвы во время труда, и потому особенно

успѣвается во всемъ и удается, кто во всякомъ дѣлѣ ограждаетъ себя крестомъ и говоритъ внутренно: »Господи, помоги!« Но довольно съ тебя. Гони прочь уныніе, которое есть грѣхъ, и будь весела.«

3.

»Франкфуртъ. 16 іюня.

»Куражъ! впередъ! и никакъ не терять присутствія духа! Письмо твое — добрый знакъ. Прежде всего ты должна поблагодарить Бога за ту тоску, которая на тебя находитъ. Это предвѣстникъ скораго прихода веселья въ душу твою. Тоска эта — слѣдствіе пустоты, слѣдствіе безплодности твоего прежняго веселья. Веселье лучшее, веселье полное, вовсе незнакомое тебѣ доселѣ, ждетъ тебя. Письма твои будутъ выражать теперь всю твою душу, и все, что̀ хотѣло прежде высказаться и не умѣло, изольется теперь свободно. Я думаю, ты уже прочла и вникнула въ длинное письмо мое, которое я послалъ вамъ три дни тому назадъ. Пойми его хорошенько. Если ты поймешь его, то бодрость почувствуешь въ душѣ. Если не поймешь, то предашься унынію, и въ такомъ случаѣ сильно согрѣшишь; потому что болѣе всего грѣшитъ предъ Богомъ тотъ, кто предается унынію: онъ, значитъ, не вѣритъ ни милосердію Божію, ни любви Его, ни самому Богу. И потому веселѣй и отважнѣй за дѣло! Брось всѣ тѣ занятія, которыя заставляютъ тебя сидѣть на мѣстѣ и въ комнатѣ. Это занятія *мертвыя*. Они еще болѣе способны усилить только скучное расположеніе духа. Замѣни ихъ занятіями *живыми*. Дѣлай частыя прогулки, но старайся, чтобы имъ назначить какую-нибудь цѣль. Безъ того онѣ наскучатъ тебѣ и будутъ похожи на что-нибудь заказное и принужденное. Употребляй піеніе воды, но только прежде ходьбы, а не послѣ. Не пренебрегай даже и прежними увеселеніями, но взгляни на нихъ съ лучшей точки. Старайся какъ ихъ, такъ и все, что̀ ни дѣлаешь, обратить въ какую-нибудь пользу, потому что все создано на то, чтобъ употреблять его въ пользу. Заведи такъ, чтобъ въ разныхъ мѣстахъ были у тебя дѣла, чтобы нужно было проходить большія разстоянія, чтобы живо и дѣятельно отъ одного дѣла приниматься за другое. Займись хозяйствомъ не вещественнымъ, но хозяйствомъ души человѣческой. Тамъ только найдешь счастіе. Но ты не

безъ ума и смекнешь сама собою многое. Въ письмѣ твоемъ я вижу счастливые признаки и повторяю тебѣ вновь: Впередъ! все будетъ хорошо.

»Олинькѣ скажи, чтобъ она написала мнѣ, что̀ такое въ самомъ дѣлѣ есть дочь Катерины Ивановны, Марья Николаевна — какихъ качествъ. Пусть она также напишетъ, какъ проводила у нея время всякой день, каковъ ея мужъ и какъ вообще идутъ у нихъ дѣла хозяйственныя и всякія. Прибавь къ этому и свое мнѣніе. Если ей чрезъ-чуръ хочется имѣть какое-нибудь мое письмо, то отдайте ей то, гдѣ я вамъ писалъ, что нужно повсюду вносить примиреніе? Если жъ вамъ оно будетъ по чему-либо (нужно), то можете для себя оставить съ него копію. Съ тѣмъ, однакожъ, ей отдайте, чтобъ она никому его не показывала.«

Помѣщу теперь девять писемъ Гоголя къ Н. П. Ш*****, старушкѣ, отличавшейся высокимъ христіянскимъ благочестіемъ. Такъ какъ она перешла уже въ иную жизнь, то мы можемъ, не оскорбляя ея добродѣтельной скромности, обнаружить передъ свѣтомъ ея духовное общеніе съ авторомъ »Мертвыхъ Душъ«. Эти письма не нуждаются въ объясненіяхъ: содержаніе ихъ составляютъ чувства и помыслы, обнявшіе душу Гоголя послѣ произшедшаго съ нимъ таинственнаго пересозданія, о которомъ онъ ни одному изъ друзей своихъ не могъ разсказать вполнѣ удовлетворительно. Предварю только читателя, что въ нихъ онъ долженъ видѣть не только Гоголя, но и его корреспондентку. Да не сольетъ читатель этихъ двухъ личностей въ одну и не приметъ Гоголя въ частности за Гоголя вообще. Онъ и самъ иногда, кажется, этого опасался и просилъ нѣкоторыхъ изъ искреннѣйшихъ друзей своихъ не показывать его писемъ никому. »Они будутъ чужды для всякаго (говорилъ онъ), ибо *писаны на языкѣ того, къ кому относятся.*« Замѣчу еще, что, независимо отъ влеченія доброй и благочестивой души къ другой подобной душѣ, Гоголю нужны были короткія отношенія со всякаго рода людьми, имѣющими нравственное вліяніе на общество, какъ это онъ и самъ обнаруживаетъ въ просьбахъ своихъ къ Н. П. Ш***** — извѣщать его о всѣхъ христіянскихъ подвигахъ, кѣмъ бы они ни были совершены. Кромѣ того — и это, можетъ быть, было главною причиной сближенія поэта съ

благочестивой старушкой — извѣстно, что Гоголь участвовалъ денежными пожертвованіями въ христіянскихъ попеченіяхъ покойной Ш***** о бѣдныхъ и нуждающихся. Въ письмахъ его къ ней объ этомъ не упоминяется, но я слыхалъ отъ людей, достойныхъ вѣры, что онъ не разъ ввѣрялъ въ ея распоряженіе деньги, откладываемыя имъ для помощи бѣднымъ.

1. (1)

»Благодарю васъ за ваши три письма. Мы должны были сойтись и сблизиться душой. Въ томъ высшая воля Бога. Самое это ваше участье и влеченье ко мнѣ, и молитвы обо мнѣ — все говоритъ о сей волѣ. Не стану вамъ говорить ничего болѣе. Вы чувствуете въ глубинѣ вашей души, каковы должны быть отношенія мои къ вамъ. Въ минуты торжественныхъ минутъ моихъ я вспомню о васъ! А вы — вы помолитесь обо мнѣ... не объ удачахъ и временныхъ успѣхахъ молитесь [мы не можемъ судить, что̀ удача, или неудача, счастье, или несчастье], но молитесь о томъ, чтобы съ каждымъ днемъ и часомъ, и минутой была чище и чище душа моя. Мнѣ нужно быть слишкомъ чисту душой. Долгое воспитанье еще предстоитъ мнѣ, великая, трудная лѣстница. Молитесь же о томъ, да ниспошлются съ небесъ мнѣ неслабнущія силы. Посылаю вамъ душевное объятіе мое.«

2.

»Письмо ваше, добрый другъ мой Надежда Николаевна, я получилъ уже въ Петербургѣ. Въ Москвѣ я ожидалъ вашего пріѣзда или отвѣта отъ васъ, потому что Шевыревъ посылалъ вамъ дать знать о моемъ пріѣздѣ. Мнѣ было жалко выѣхать изъ Москвы, васъ не видавши, но такъ какъ я надѣялся чрезъ три недѣли возвратиться назадъ, то и не предпринялъ поѣздки въ Рузу для свиданія съ вами. Душевно благодарю за строки письма вашего, исполненныя по прежнему любви и участія. Скоро надѣюсь поблагодарить васъ лично за все.«

---

(1) Точнаго порядка этихъ писемъ я немогъ опредѣлить. Они относятся, вѣроятно, къ разнымъ годамъ.

3.

»Апрѣля $\frac{15}{3}$.

»Сію минуту получилъ я ваше письмо отъ 13-го марта, безцѣнный другъ мой, и отвѣчаю на него сію минуту. Благодарю васъ за него. Оно такъ же было пріятно душѣ моей, какъ и всѣ другія ваши письма, и, кажется, даже больше, чѣмъ другія. Благодарю васъ за ваши поздравленія съ грядущимъ прекраснымъ праздникомъ для всѣхъ насъ. Вы не обманулись, вы первыя поздравили меня съ имъ. Еще недѣля остается до него, но душа моя жаждетъ мысленно похристосоваться съ вами первыми въ ту высокую минуту, когда произнесется: »Христосъ воскресе!« Итакъ будьте увѣренны, что поздравленіе мое понесется навстрѣчу вашему, и встрѣча эта во Христѣ будетъ глубоко радостна душамъ нашимъ. Прощайте, будьте свѣтлы этимъ свѣтлымъ воскресеньемъ весь годъ до новаго свѣтлаго воскресенья. Я говѣлъ на первой недѣлѣ еще поста, и это было прекрасное время. Богъ неисчетно, сугубо награждаетъ насъ за самое даже мгновенное пребываніе въ Немъ. И много новаго излилось съ тѣхъ поръ въ мою душу, за что̀ несу Ему вѣчное благодареніе.«

4.

»Гастейнъ, 18 мая.

»Всѣ ваши письма были получаемы мною въ исправности, почтенный другъ мой Надежда Николаевна. Но теперь на нѣсколько времени мы должны прекратить переписку, — во первыхъ, потому, что у меня начинается впродолженіи лѣта разъѣздная жизнь, и я не могу еще сказать навѣрно, гдѣ доведется мнѣ провести какое время, а во вторыхъ, потому, что скоро приближается время, когда я засяду крѣпко за работу, а въ то время я ни къ кому не пишу. И потому не дивитесь, если получите отъ меня иногда одну только строчку впродолженіи какихъ-нибудь шести мѣсяцевъ. Да и что̀ въ словахъ, когда мы уже знаемъ другъ о другѣ во всякую душевную минуту?«

5.

»Благодарю васъ отъ всего сердца за память обо мнѣ, и за молитвы. Здоровье мое, слава Богу, кое-какъ плетется. Тружусь, работаю съ мо-

литвою и стараюсь не быть свободнымъ ни минуты. Испытавъ на опытѣ, что въ праздныя минуты къ намъ ближе искуситель, а Богъ далѣе, я теперь занятъ такъ, что не бываетъ даже времени написать письмо къ близкому человѣку. Знаю, что близкій человѣкъ проститъ, потому и не извиняюсь. Работать нужно много, особенно тому, кто пропустилъ лучшее время своей юности и мало сдѣлалъ запасовъ на старость. Богъ да хранитъ васъ и да наградитъ васъ за то, что не забываете меня своими молитвами.«

6.

»Дюссельдорфъ. Сентябрь.

»Благодарю васъ, Надежда Николаевна, за ваше рукописаніе, которое всегда пріятно душѣ моей, и за вашъ шнурокъ, который вы послали съ Валуевымъ. Онъ будетъ у меня храниться и береженъ въ цѣлости. Носить его не буду, потому что ношу прежній, который вы сами лично мнѣ дали. Онъ хотя и *заносился,* но не *износился* и, вѣроятно, будетъ носиться долго, пока не изорвется вовсе. Что̀ же касается до образа, которымъ вы хотите надѣлить меня, то я не совѣтую вамъ посылать его по почтѣ.«

7.

»26 октября.

»Не сѣтуйте на меня, добрый другъ мой, за то, что давно не писалъ къ вамъ. Ко мнѣ также долго не пишутъ. Вотъ уже больше полугода, какъ я не получалъ писемъ отъ Аксаковыхъ. Отъ другихъ также давно не имѣю извѣстій, хотя вообще моимъ пріятелямъ слѣдовало бы больше писать писемъ, чѣмъ мнѣ, по многимъ причинамъ, — во первыхъ, уже потому, что у нихъ меньше переписки, чѣмъ у меня. Вы одни меня не оставляете и не считаетесь со мной письмами. Виноватъ: мой добрый Языковъ умѣетъ также быть великодушнымъ, и, послѣ васъ, онъ одинъ пишетъ, не останавливаясь тѣмъ, что на иное письмо нѣтъ отвѣта. Образа вашего я не получилъ. Б**** мнѣ его не доставилъ, и его самаго я не видалъ и не знаю, гдѣ онъ. По этимъ нечего сокрушаться. Не въ видимой вещи дѣло. Образъ вашъ я возложилъ мысленно на грудь

свою, принялъ благодарно ваше благословеніе и помолился Богу, да и возложенный мысленно, онъ возымѣетъ ту силу, какъ-бы возложенъ былъ видимымъ образомъ. А васъ прошу, безцѣнный другъ мой, помолиться о мнѣ сильно и слезно, помолиться о томъ, чтобы ниспослалъ Онъ, милосердый Отецъ нашъ, освѣженье моимъ силамъ, которое мнѣ очень нужно для нынѣшняго труда моего и котораго не достаетъ у меня, и святое вдохновенье на то, чтобы совершить его такимъ образомъ, чтобы онъ доставилъ не минутное удовольствіе нѣкоторымъ, но душевное удовольствіе многимъ, и чтобы всѣхъ равно болѣе приблизилъ къ тому, къ чему мы всѣ ежеминутно должны болѣе и болѣе приближаться, то есть, къ Нему самому, небесному Творцу нашему. Объ этомъ молю Его теперь безпрестанно и прошу васъ, какъ братъ проситъ брата, соединить ваши молитвы съ моими и силою вашихъ моленій помочь безсилію моихъ.«

8.

»Благодарю васъ, добрый другъ мой Надежда Николаевна, за вашу посылку. Образъ и молитвы я наконецъ получилъ. То и другое пришло весьма кстати наканунѣ великаго поста, наканунѣ моего говѣнья. Богъ удостоилъ меня пріобщиться святыхъ таинъ. Хотябы и лучше мнѣ хотѣлось говѣть, хотябы и болѣе хотѣлось выполнить высокій обрядъ, хотябы, наконецъ, желалось и сколько-нибудь болѣе быть достойнымъ Его милостей; но благодареніе и за то, что помогъ привести духъ мой даже и въ такое состояніе. Безъ Его милости и того бы нельзя было мнѣ сдѣлать, и я въ нѣсколько разъ былъ бы недостойнѣе. О, молитесь обо мнѣ! Молитесь обо мнѣ, другъ мой, да поможетъ Онъ мнѣ избавиться отъ всей мерзости душевной, да поможетъ мнѣ избавиться отъ низкаго малодушія, отъ недостатка твердой вѣры въ Него, да проститъ мнѣ за все ея безсиліе и не отвратитъ лице Свое отъ меня, чтобъ не одолѣла моя худость и злоба Его небеснаго милосердія. Молитесь о томъ, чтобы Онъ все простилъ мнѣ, сподобилъ бы меня послужить Ему такъ, какъ стремится и хочетъ душа моя. Но для такого подвига, увы! надобно быть слишкомъ чисту и слишкомъ прекрасну. Другъ мой, молитесь о томъ. Молитесь также о томъ, чтобъ Онъ далъ силы мнѣ великодушно перено-

сить мои недуги тѣлесные и, все побѣждая — всю боль и страданія, возноситься еще выше отъ того душой и пріобрѣтать еще больше способностей для совершенія труда моего, который да потечетъ отнынѣ успѣшно, разумно и быстро. Другъ мой, молитесь объ этомъ. Богъ да спасетъ васъ! Возношу и о васъ молитву моими грѣшными устами.«

9.

»Октября 30.

»Увѣдомляю васъ, добрый другъ мой Надежда Николаевна, что я пріѣхалъ въ Римъ благополучно. Молитвы молившихся обо мнѣ услышаны милосердымъ Богомъ: мнѣ гораздо лучше, и не нахожу словъ, чѣмъ выразить Ему благодарность. Все было во благо, и страданіе, и болѣзни. А васъ благодарю также: своихъ грѣшныхъ молитвъ не достало бы. Молитесь же, другъ мой, теперь о томъ, чтобы вся жизнь моя была Ему служеніе, чтобы дана была мнѣ высокая радость служить Ему и чтобы воздвигнуты были Его всемогущею десницею во мнѣ силы на такое дѣло.«

Читатель сохранилъ въ памяти характеръ переписки Гоголя съ его »ближайшимъ«, какъ онъ самъ называлъ А. С. Данилевскаго. Въ ней Гоголь является юношею, жаднымъ прекрасныхъ впечатлѣній, предающимся влеченію полнаго любви сердца и ужасающимся, подобно Пушкину, рокового перевала за тридцать лѣтъ, за эту дѣйствительно страшную грань, отдѣляющую насъ отъ самодѣятельнаго развитія въ насъ нравственныхъ силъ, и за которою мы остаемся внѣ попеченій матери-природы и должны сами, собственными усиліями идти къ совершенству. Слѣдующее письмо къ тому же другу, писанное съ небольшимъ черезъ два года послѣ послѣдняго (намъ извѣстнаго) отклика къ нему изъ Рима, поражаетъ высотою воззрѣнія поэта на жизнь и на собственный путь жизни. Гоголю было тогда отъ роду немного менѣе тридцати лѣтъ съ половиною.

»Римъ. Via Felice. 1841, авг. 7.

Письмо твое попалось наконецъ въ мои руки вчера ровно три мѣсяца послѣ написанія. Гдѣ оно странствовало, подобно многимъ другимъ письмамъ, изрѣдка получаемымъ мною изъ Россіи, это извѣстно Богу.

»Какъ ни пріятно было мнѣ получить его, но я читалъ его болѣзненно. Въ его лѣниво влекущихся строкахъ присутствуютъ хандра и скука. Ты все еще не схватилъ въ руки кормила своей жизни, все еще носится она безцѣльно и праздно, ибо о другомъ грезитъ дремлющій кормчій: не глядитъ онъ внимательными и ясными глазами на плывущія мимо и вокругъ его берега, острова и земли, и всё еще стремитъ усталый, безсмысленный взоръ на то, что̀ мерещится въ туманной дали, хотя давно уже потерялъ вѣру въ обманчивую даль. Оглянись вокругъ себя и протри глаза: все лучшее, что̀ ни есть, все вокругъ тебя, какъ оно находится вездѣ вокругъ человѣка и какъ одинъ мудрый узнаетъ это, и часто слишкомъ поздно. Неужели до сихъ поръ не видишь ты, во сколько разъ кругъ дѣйствія въ Семеренькахъ можетъ быть выше всякой должностной и ничтожно видной жизни, со всѣми удобствами, блестящими комфортами, и проч. и проч., — даже жизни, невозмущенно-праздно протекшей въ пресмыканьяхъ по великолѣпнымъ парижскимъ кафе! Неужели до сихъ поръ ни разу не пришло тебѣ въ умъ, что у тебя цѣлая область въ управленіи, что здѣсь, имѣя одну только крупицу, ничтожную крупицу ума и сколько-нибудь занявшись, можно произвесть много для себя-внѣшняго и еще болѣе для себя-внутренняго? и неужели до сихъ поръ страшатъ тебя дѣтски повторяемыя мысли на счетъ мелюзги, ничтожности занятій, неспособности приспособить, примѣнить, завести что-нибудь хорошее, и проч. и проч., — все, что̀ повторяется безпрестанно людьми, кидающимися съ жаромъ за хозяйство, за улучшенія и перемѣны и притомъ плохо видящими, въ чемъ дѣло? Но слушай: теперь ты долженъ слушать моего слова, ибо вдвойнѣ властно надъ тобою мое слово, и горе кому бы то ни было неслушающему моего слова! Оставь на время все, все, что̀ ни шевелитъ иногда въ праздныя минуты мысли, какъ бы ни заманчиво и ни пріятно оно шевелило ихъ. Покорись и займись годъ, одинъ только годъ своею деревней. Не заводи, не усовершенствуй, даже не поддерживай, а войди во все — слѣдуй за мужиками, за прикащикомъ, за работниками, за плутнями, за ходомъ дѣлъ, хотя-бы для того только, чтобы увидѣть и узнать, что все въ неисправимомъ безпорядкѣ, — одинъ годъ! и этотъ годъ будетъ вѣчно памятенъ въ твоей жизни. Клянусь, съ него начнется заря твоего счастья! Итакъ

безропотно и безпрекословно исполни сію мою просьбу. Не для себя одного, — ты сдѣлаешь для меня великую, великую пользу. Не старайся узнать, въ чемъ заключена именно эта польза: тебѣ не узнать ее, но, когда придетъ время, возблагодаришь ты Провидѣнье, давшее тебѣ возможность оказать мнѣ услугу. Ибо первое благо въ жизни есть возможность оказать услугу. И это первая услуга, которую я требую отъ тебя — не ради чего-либо: ты самъ знаешь, что я ничего не сдѣлалъ для тебя, но ради любви моей къ тебѣ, которая много, много можетъ сдѣлать. О, вѣрь словамъ моимъ! Властью высшею облечено отнынѣ мое слово. Все можетъ разочаровать, обмануть, измѣнить тебѣ, но не измѣнитъ мое слово.

»Прощай! Шлю тебѣ братской поцѣлуй мой и молю Бога, да снидетъ вмѣстѣ съ нимъ на тебя хотя часть той свѣжести, которою объемлется нынѣ душа моя, восторжествовавшая надъ болѣзнями хвораго моего тѣла.

»Ничего не пишу къ тебѣ о римскихъ происшествіяхъ, о которыхъ ты меня спрашиваешь. Я уже ничего не вижу передъ собою, и во взорѣ моемъ нѣтъ животворящей внимательности новичка. Все, что̀ мнѣ нужно было, я забралъ и заключилъ въ себѣ въ глубину души моей. Тамъ Римъ, какъ святыня, какъ свидѣтель чудныхъ явленій, совершившихся надо мною, пребываетъ вѣченъ. И, какъ путешественникъ, который уложилъ уже всѣ свои вещи въ чемоданъ и, усталый, но спокойный, ожидаетъ только подъѣзда кареты, понесущей его въ далекій, вѣрный, желанный путь, такъ я, перетерпѣвъ урочное время своихъ испытаній, изготовясь внутреннею, удаленною отъ міра жизнью, покойно, неторопливо по пути, начертанному свыше, готовъ идти, укрѣпленный и мыслью, и духомъ.«

XVI.

Второй пріѣздъ Гоголя въ Москву. — Еще большая перемѣна въ немъ. — Чтеніе »Мертвыхъ Душъ«. — Статья »Римъ«. — Грустное письмо къ М. А. Максимовичу. — Мрачно-шутливое письмо къ ученицѣ. — Безпокойства и переписка по случаю изданія »Мертвыхъ Душъ«. — Гоголь опредѣляетъ самъ себя, какъ писателя. — Письмо къ ученицѣ о его болѣзненномъ состояніи. — Продолженіе записокъ С. Т. Аксакова: Гоголь объявляетъ, что ѣдетъ ко Гробу Господню; — прощальный обѣдъ; — отъѣздъ изъ Москвы. — Воспоминанія А. О. С — ой. — Чтеніе отрывковъ изъ печатныхъ »Мертвыхъ Душъ« и комедіи »Женидьба«.

Обращаюсь опять къ запискамъ С. Т. Аксакова.

»Гоголя мы уже давно ждали (говоритъ онъ) и даже ждать перестали. Наконецъ 18 октября 1841 года внезапно Гоголь явился у насъ въ домѣ. Въ этотъ годъ послѣдовала новая, бо́льшая перемѣна въ Гоголѣ, не въ отношеніи къ наружности, а въ отношеніи къ его нраву и свойствамъ. Впрочемъ и по наружности онъ сталъ худъ, блѣденъ, и тихая покорность волѣ Божіей слышна была въ каждомъ его словѣ. Гастрономическаго направленія и прежней проказливости какъ-будто никогда и не бывало. Иногда — очевидно, безъ намѣренія — слышался юморъ и природный его комизмъ; но смѣхъ слушателей, прежде непротивный ему или незамѣчаемый имъ, въ настоящее время сейчасъ заставлялъ его перемѣнить тонъ разговора.

»Покуда переписывались первыя шесть главъ »Мертвыхъ Душъ«, Гоголь прочелъ мнѣ, моему сыну Константину и М. П. Погодину остальныя пять главъ. Онъ читалъ ихъ у себя на квартирѣ, т. е. въ домѣ Погодина, и ни за что не согласился, чтобъ кто-нибудь слышалъ ихъ, кромѣ насъ троихъ. Онъ требовалъ отъ насъ критическихъ замѣчаній. Я не могъ ихъ дѣлать и сказалъ Гоголю, что, слушая »Мертвыя Души« въ первый разъ, никакой въ свѣтѣ критикъ, если только онъ способенъ принимать поэтическія впечатлѣнія, не въ состояніи будетъ замѣчать недостатковъ его поэмы; — что, если онъ хочетъ моихъ замѣчаній, то пусть дастъ мнѣ чисто переписанную рукопись въ руки, чтобъ я на свободѣ прочелъ ее, и, можетъ быть, не одинъ разъ. Тогда дѣло другое. Но Гоголь не могъ этого сдѣлать. Рукопись поспѣшно переписывалась и немедленно была отослана въ цензуру, въ Петербургъ.

»Въ 3-мъ нумерѣ »Москвитянина« 1842 года была напечатана большая статья Гоголя, подъ названіемъ »Римъ«. Предварительно онъ прочелъ ее у меня въ домѣ, а потомъ на литературномъ вечерѣ у князя Дм. Вл. Галицына, который просилъ объ этомъ Гоголя, но черезъ кого — не помню. У Гоголя не было фрака, и онъ долженъ былъ надѣть чужой.«

Къ этому времени относится послѣднее письмо Гоголя къ М. А. Максимовичу. Въ то время г. Максимовичъ надѣялся основать въ Кіевѣ родъ періодическаго изданія, подъ заглавіемъ »Кіевлянинъ«, и просилъ Гоголя украсить это изданіе своимъ именемъ. Отвѣчая на эту просьбу, поэтъ нашъ высказалъ своему старинному другу жалкое разстройство своего здоровья и глубокую скорбь объ утратѣ лучшей поры жизни и лучшихъ душевныхъ силъ. Вотъ его письмо:

»Москва. Генваря 10 (1840).

»Письмо твое металось и мыкалось по свѣту и почтамтамъ изъ Петербурга въ Москву, изъ Москвы въ Петербургъ, и наконецъ нашло меня здѣсь. Очень радъ, что увидѣлъ твои строки, и очень жалѣю, что не могу исполнить твоей просьбы. Погодинъ слилъ пулю, сказавши тебѣ, что у меня есть много написаннаго. У меня есть, это правда, романъ, изъ котораго я не хочу ничего объявлять до времени его появленія въ свѣтъ; притомъ отрывокъ не будетъ имѣть большой цѣны въ твоемъ сборникѣ, а цѣльнаго ничего нѣтъ, ни даже маленькой повѣсти. Я уже хотѣлъ было писать и принимался ломать голову, но ничего не вылѣзло изъ нея. Она у меня одеревянѣла и ошеломлена такъ, что я ничего не въ состояніи дѣлать, — не въ состояніи даже чувствовать, что ничего не дѣлаю. Еслибъ ты зналъ, какъ тягостно мое существованіе здѣсь въ моемъ отечествѣ. Жду и не дождусь весны и поры ѣхать въ мой Римъ, въ мой рай, гдѣ я почувствую вновь свѣжесть и силы, охладѣвающія здѣсь.... О! много, много пропало, много уплыло. Напиши мнѣ, что̀ ты дѣлаешь и что̀ хочешь дѣлать; потомъ, когда сбросишь съ плечь все то, что̀ тяжело лежало на нихъ, пріѣзжай когда-нибудь, хоть подъ закатъ дней въ Римъ, на мою могилу, если не станетъ уже меня въ живыхъ. Боже, какая земля! какая земля чудесъ! и какъ тамъ свѣжо душѣ!...«

Коротенькое письмо его къ ученицѣ, съ которою онъ переписывался въ первую поѣздку за границу покажетъ еще яснѣе, въ какомъ болѣзненномъ расположеніи духа былъ онъ въ это время.

»Хотя нѣсколько строкъ пишу къ вамъ. А не хотѣлъ, — право, не хотѣлъ браться за перо. Изъ этой ли снѣжной берлоги выставлять носъ, и еще писать? Медвѣди обыкновенно въ это время заворачиваютъ свой носъ поглубже въ шубу и спятъ. Вы уже знаете, какую глупую роль играетъ моя странная фигура въ нашемъ родномъ омутѣ, куда я не знаю, за что̀ попалъ. Съ того времени, какъ только ступила моя нога въ родную землю, мнѣ кажется, какъ-будто я очутился на чужбинѣ. Вижу знакомыя, родныя лица; но они, мнѣ кажется, не здѣсь родились, а гдѣ-то ихъ въ другомъ мѣстѣ, кажется, видѣлъ; и много глупостей, непонятныхъ мнѣ самому, чудится въ моей ошеломленной головѣ. Но что̀ ужасно — что въ этой головѣ нѣтъ ни одной мысли, и если вамъ нуженъ теперь болванъ, для того, чтобы надѣвать на него вашу шляпку, или чепчикъ, то я весь теперь къ вашимъ услугамъ. Вы на меня можете надѣть и шляпку, и все, что̀ хотите, и можете сметать съ меня пыль, мести у меня подъ носомъ щеткой, и я не чихну, и даже не фыркну, не пошевелюсь.«

Можетъ быть, это мрачное расположеніе духа происходило въ немъ отчасти потому, что спокойствіе его было нарушено нѣкоторыми обстоятельствами при изданіи »Мертвыхъ Душъ«. Еще въ январѣ 1842 года получено въ Москвѣ извѣстіе, что изъ Петербурга первый томъ »Мертвыхъ Душъ«, одобренный къ напечатанію, отправленъ въ Москву; но Гоголь не получалъ его цѣлый мѣсяцъ, — почему? до сихъ поръ остается тайною. Это странное обстоятельство такъ его встревожило, что онъ готовъ былъ самъ ѣхать въ Петербургъ. Но это, по разнымъ причинамъ, было не возможно. Онъ ограничился письмами къ своимъ повѣреннымъ, въ которыхъ безпрестанно выражалъ новыя жалобы и новыя безпокойства. Въ изнуреніи отъ долгихъ ожиданій и тайной скорби, Гоголь ужъ самъ готовъ отложить печатаніе задушевнаго труда своего, находя, что уже прошло къ тому время и что его твореніе еще не

совсѣмъ обработано. Онъ ограничивается желаніемъ представить его на судъ публики, состоящей изъ пяти преданныхъ ему друзей, и готовъ снова уѣхать въ Римъ и снова приняться за отдѣлку своего великаго созданія. Но лучше заставимъ его самаго говорить объ этомъ.

Вотъ что писалъ онъ къ П. А. Плетневу, отъ 6 Февраля 1842 года, еще не зная о разнесшемся въ Москвѣ слухѣ, что »Мертвыя Души« пропущены цензурою.

»Февраля 6-го (1840, изъ Москвы).

»Изъ письма Прокоповича я узналъ, между прочимъ, что вы хотите отдать У***; отсовѣтуйте это дѣлать. У*** былъ всегда противъ меня, хотя я совершенно не знаю, чѣмъ возбудилъ его нерасположеніе. Оно, казалось, началось со временъ »Ревизора«. Иначе дѣйствовать при теперешнихъ обстоятельствахъ тоже, кажется, нельзя; и потому прекратите это дѣло. Я вижу, не судьба моему творенью явиться теперь. Да къ тому, прошло и время. Я умѣю покориться. Я попробую еще выносить нужду, бѣдность, терпѣть. А ваше великодушное участье не потеряло чрезъ то ни мало цѣны; скажите это всѣмъ: Александрѣ Осиповнѣ (1), графу В****, кн. О****, князю В****. Я умчу это движенье душъ ихъ въ нѣдрѣ моего признательнаго сердца всюду, куда бы ни завлекла меня моя скитающаяся судьба. Оно будетъ вѣчно свѣжить меня и пробуждать любовь къ прекраснымъ сокровищамъ, хранящимся въ Россіи. Нѣтъ, отчаянье не взойдетъ въ мою душу. Непостижимъ вышній произволъ для человѣка, и то, что̀ кажется намъ гибелью, есть уже наше спасенье. Отложимъ до времени появленіе въ свѣтъ труда моего. И теперь уже я начинаю видѣть многіе недостатки, а когда сравню сію первую часть съ тѣми, которыя имѣются быть впереди, вижу, что и нужно многое облегчить, другое заставить выступить сильнѣе, третье углубить. О, какъ бы мнѣ нуженъ былъ теперь тихій мой уголъ въ Римѣ, куда не доходятъ до меня никакія тревоги и волненья! Но что жъ дѣлать? У меня больше никакихъ не оставалось средствъ. Я думалъ, что устрою здѣсь дѣла и могу возвратиться; вышло не такъ. Но я твердъ. Пере-

(1) Г-жѣ С—ой. *Н. М.*

силиваю, сколько могу, и себя, и болѣзнь свою. Неотразима вѣра моя въ свѣтлое будущее, и невѣдомая сила говоритъ мнѣ, что дадутся мнѣ средства окончить трудъ мой. Передайте мою признательность, мою сильную признательность всѣмъ. Успокойте ихъ, скажите имъ, что они уже много сдѣлали для меня. Клянусь, это знаетъ и чувствуетъ одно только мое сердце. Ихъ великодушіе, можетъ быть, мнѣ понадобится еще впереди. Ради Бога, успокойте ихъ, а рукопись возвратите мнѣ. Но прежде — самое главное — прочтите ее вмѣстѣ, т. е. впятеромъ, и пусть каждый изъ васъ тутъ же карандашемъ на маленькомъ лоскуткѣ бумажки напишетъ свои замѣчанія, отмѣтитъ всѣ погрѣшности и несообразности. Грѣхъ будетъ тому, кто этого не сдѣлаетъ. Мнѣ все должно говорить; мнѣ больше, нежели кому другому, нужно указывать мои недостатки. Но вы сами можете понять все это. Пусть всѣ эти лоскуточки они передадутъ вамъ, а вы ихъ немедленно препроводите ко мнѣ. Эту небольшую записку вручите Александрѣ Осиповнѣ. Да хранитъ васъ всѣхъ небо! Оно сохранитъ васъ за благородную прелесть вашихъ душъ.

»*P. S.* Будетъ ли въ »Современникѣ« мѣсто для статьи около семи печатныхъ листовъ, и согласитесь ли вы замедлить выходъ этой книжки — выдать ее не въ началѣ, а въ концѣ апрѣля, т. е. къ празднику? Если такъ, то я вамъ пришлю въ первыхъ числахъ апрѣля. Увѣдомьте.«

Это письмо написано сгоряча, но потомъ удержано у себя Гоголемъ, какъ это видно изъ слѣдующаго посланія:

»Февраля 17 (1842, изъ Москвы).

»Я получилъ ваше увѣдомленіе о томъ, что дѣло идетъ на ладъ. Дай Богъ, чтобъ это было такъ, но я еще не получилъ рукописи, хотя три дни уже прошло послѣ полученья вашего письма. Я — — — не смѣю еще предаваться надеждѣ, пока вовсе не окончится дѣло. Дай Богъ, чтобъ оно было хорошо. Я уже ко всему приготовился и чуть не послалъ было къ вамъ письма, которое нарочно прилагаю вамъ при семъ. Вы можете во всякомъ случаѣ прочесть его всѣмъ, къ кому

оно имѣетъ отношеніе. — — — Добрый графъ В***! какъ я понимаю его душу. Но изъявить какимъ бы то ни было образомъ чувства мои — было бы смѣшно и глупо съ моей стороны. Онъ слишкомъ хорошо понимаетъ, что̀ я долженъ чувствовать. Хорошо бы было, еслибъ на дняхъ я получилъ мою поэму. Время уходитъ. Въ другомъ письмѣ моемъ вы начитаете просьбу о позволеніи въѣхать въ вашъ »Современникъ«. Извините, что такъ дурно пишу; перо подчинено ножницами, а не ножикомъ, который неизвѣстно куда запропастился.«

Извиненіе Гоголя въ томъ, что онъ пишетъ небрежнымъ почеркомъ, показалось мнѣ сперва очень страннымъ. Онъ вообще не отличался тогда каллиграфическимъ искусствомъ, и всѣ письма его (кромѣ одного или двухъ, которыя онъ переписалъ по особеннымъ причинамъ набѣло) писаны крайне небрежно, чѣмъ бы перо ни было очинено, ножикомъ или ножницами. Но потомъ смыслъ этихъ словъ объяснился для меня какъ нельзя удовлетворительнѣе. Трудясь надъ своимъ перевоспитаніемъ, онъ не оставилъ безъ вниманія и своего почерка. Послѣднія письма его къ П. А. Плетневу и другимъ лицамъ, обнаруживаютъ уже явное подраженіе почерку прописей и даже попытку на щеголеватость буквъ, и кромѣ того въ его бумагахъ найдено множество выписокъ изъ разныхъ книгъ, изумляющихъ терпѣливою тщательностью почерка.

Но обращаюсь къ его перепискѣ по поводу изданія первой части »Мертвыхъ душъ«.

Вотъ что писалъ онъ, въ порывѣ раздраженнаго нетерпѣнія къ С. С. У—ву, не означивъ, въ разсѣянности, а можетъ быть, и по какой-нибудь другой причинѣ, ни года, ни числа, ни города, изъ котораго писано письмо.

»— — — Все мое имущество и состояніе заключено въ трудѣ моемъ. Для него я пожертвовалъ всѣмъ, обрекъ себя на строгую бѣдность, на глубокое уединеніе, терпѣлъ, переносилъ, переносливалъ, сколько могъ, свои болѣзненные недуги, въ надеждѣ, что, когда совершу его, отечество не лишитъ меня куска хлѣба и просвѣщенные соотечественники приклонятся ко мнѣ участіемъ, оцѣнятъ посильный даръ, который стремится всякій Русскій принести своей отчизнѣ — — — И между

тѣмъ никто не хочетъ взглянуть на мое положеніе, никому нѣтъ нужды, что я нахожусь въ послѣдней крайности, что проходитъ время, въ которое книга имѣетъ сбытъ и продается, и что такимъ образомъ я лишаюсь средствъ продлить свое существованіе, необходимое для окончанія труда моего, для котораго одного я только живу на свѣтѣ. Неужели и вы не будете тронуты моимъ положеніемъ? Неужели и вы откажете мнѣ въ вашемъ покровительствѣ? Подумайте: я не предпринимаю дерзости просить вспомоществованія и милости; я прошу правосудія, я своего прошу. — — Почему знать, можетъ быть, не смотря на мой трудный и тернистый жизненный путь, суждено бѣдному имени моему достигнуть потомства. И ужели вамъ будетъ пріятно, когда правосудное потомство, отдавъ вамъ должное за ваши прекрасные подвиги — — скажетъ въ тоже время, что вы были равнодушны къ созданьямъ русскаго слова и не тронулись положеньемъ бѣднаго, обремененнаго болѣзнями писателя, немогшаго найти себѣ угла и пріюта въ мірѣ, тогда какъ вы первые могли бы быть его заступникомъ и меценатомъ? Нѣтъ, вы не сдѣлаете этого, вы будете великодушны: у русскаго вельможи должна быть русская душа. Вы дадите мнѣ рѣшительный отвѣтъ на сіе письмо, излившееся прямо изъ глубины сердца.«

Въ письмѣ къ князю М. А. Д.—К—ву онъ еще сильнѣе выражаетъ болѣзненность своего нетерпѣнія:

»Къ величайшему сожалѣнію, мнѣ не удалось быть у васъ въ бытность вашего сіятельства въ Москвѣ. Одинъ разъ Ч** Александр. Дм., съ которымъ мы условились ѣхать вмѣстѣ, не заѣхалъ за мною по причинѣ какого-то помѣшательства, а потомъ овладѣла мною моя обыкновенная періодическая болѣзнь, во время которой я остаюсь почти въ неподвижномъ состояніи въ своей комнатѣ иногда въ продолженіи двухъ-трехъ недѣль. Впрочемъ, какъ я разсудилъ потомъ, пріѣздъ мой къ вамъ былъ бы лишнимъ. Дѣло мое уже вамъ извѣстно. Я знаю, душа у васъ благородна, и вы, вѣрно, будете руководствоваться однимъ глубокимъ чувствомъ справедливости; дѣло мое право, и вы никогда не захотите обидѣть человѣка, который въ чистомъ порывѣ души сидѣлъ нѣсколько лѣтъ

за своимъ трудомъ, для него пожертвовалъ всѣмъ, терпѣлъ и перенесъ много нужды и горя и который ни въ какомъ случаѣ не позволилъ бы себѣ написать ничего противнаго правительству, уже и такъ меня глубоко облагодѣтельствовавшему. Итакъ, и теперь я не прилагаю къ вамъ никакихъ просьбъ моихъ; но если дѣло уже кончено, моя рукопись послана ко мнѣ и вы были моимъ справедливымъ и вмѣстѣ великодушнымъ заступникомъ, то много, много благодарю васъ. Вы не можете взвѣсить всей моей благодарности къ вамъ; но еслибы вы снизошли въ глубину моей души, еслибы вы увидѣли тамъ всѣ томленія — — тогда бы вы поняли, какъ велика (моя) благодарность. Это чувство всегда глубже всѣхъ другихъ я чувствовалъ въ моемъ сердцѣ, а теперь болѣе нежели когда-либо.«

Перечитывая эти письма, значительно мною сокращенныя, удивляешься простодушію поэта и его незнанію самыхъ обыкновенныхъ пріемовъ въ сношеніяхъ съ людьми такого рода, по такому дѣлу и при такихъ обстоятельствахъ. Не думаю, однакожъ, чтобы эти недостатки понижали Гоголя хотя однимъ градусомъ во мнѣніи истинно благороднымыслящаго человѣка. Нѣтъ, зная ничтожество его въ жизни практической, неловкости въ сношеніяхъ съ людьми, мелочные причуды характера; или какіе бы то ни было нравственные недостатки, мы тѣмъ больше должны почитать пламень его таланта. Глядя такимъ образомъ на поэта, мы не оскорбимъ его памяти своимъ любопытствомъ, доискивающимся его высокихъ поступковъ, или мыслей и самыхъ мелкихъ его слабостей. Въ слѣдующемъ письмѣ къ П. А. Плетневу высказываются, въ дивномъ смѣшеніи, тѣ и другіе.

»17 марта (1842). Москва.

»Вотъ уже вновь прошло три недѣли послѣ письма вашего, въ которомъ вы извѣстили меня о совершенномъ окончаніи дѣла, а рукописи нѣтъ какъ нѣтъ. Уже постоянно каждыя двѣ недѣли я посылаю каждый день освѣдомиться на почту, въ университетъ, и во всѣ мѣста, куда бы только она могла быть адресована, — и нигдѣ никакихъ слуховъ. Боже, какъ истомили, какъ измучили меня всѣ эти ожиданья и

тревоги! А время уходитъ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ менѣе вижу возможности успѣть съ ея печатаньемъ. Увѣдомьте меня, ради Бога, что̀ случилось, чтобы я хотя по крайней мѣрѣ зналъ, что она не пропала на почтѣ, чтобы зналъ, что̀ мнѣ предпринять.

»Я силился написать для »Современника« статью, во многихъ отношеніяхъ современную, мучилъ себя, терзалъ всякій день, и не могъ ничего написать, кромѣ трехъ безпутныхъ страницъ, которыя тотъ же часъ истребилъ. Но какъ бы то ни было, вы не скажете, что я не сдержалъ своего слова. Посылаю вамъ повѣсть мою »Портретъ«. Она была напечатана въ »Арабескахъ«, но вы этого не пугайтесь. Прочитайте ее: вы увидите, что осталась одна только канва прежней повѣсти, что все вышито по ней вновь. Въ Римѣ я ее передѣлалъ вовсе, или, лучше, написалъ вновь, вслѣдствіе сдѣланныхъ въ Петербургѣ замѣчаній. Вы, можетъ быть, даже увидите, что она болѣе, чѣмъ какая другая, соотвѣтствуетъ скромному направленію вашего журнала. Да, вашъ журналъ не долженъ заниматься тѣмъ, чѣмъ занимается торопящійся, шумный современный свѣтъ. Его цѣль другая: это — благоуханье цвѣтовъ, растущихъ уединенно на могилѣ Пушкина. Рыночная толпа не должна знать къ нему дороги; съ нея довольно славнаго имени поэта. Но только одни сердечные друзья должны сюда сходиться, съ тѣмъ, чтобы безмолвно пожать другъ другу руку и предаться хоть разъ въ годъ тихому размышленію. Вы говорите, что я бы могъ достославно подвизаться на журнальномъ поприщѣ, но что у меня для этого нѣтъ терпѣнья. Нѣтъ! у меня нѣтъ для этого способностей. Отвлеченный писатель и журналистъ такъ же не могутъ соединиться въ одномъ человѣкѣ, какъ не могутъ соединить(ся) теоретикъ и практикъ. Притомъ, каждый писатель уже означенъ своеобразнымъ выраженіемъ таланта, и потому никакъ нельзя для нихъ вывести общаго правила. Одному данъ умъ быстрый схватывать мгновенно всѣ предметы міра въ минуту ихъ представленія; другой можетъ сказать свое слово, только глубоко обдумавъ: иначе — его слово будетъ глупѣе всякаго обыкновеннаго слова, произнесеннаго самымъ обыкновеннымъ человѣкомъ. Ничѣмъ другимъ не въ силахъ я заняться теперь, кромѣ одного постояннаго труда моего. Онъ важенъ и великъ, и вы не судите о немъ по той части, которая готовится теперь

предстать на свѣтъ [если только будетъ конецъ ея непостижимому странствію]. Это больше ничего, какъ только крыльцо къ тому дворцу, который во мнѣ строится. Трудъ мой занялъ меня совершенно всего, и оторваться отъ него на минуту — есть уже мое несчастіе. Здѣсь, во время пребыванія моего въ Москвѣ, я думалъ заняться отдѣльно отъ этого труда, написать одну-двѣ статьи, потому что заняться чѣмъ-нибудь важнымъ я здѣсь не могу. Но вышло напротивъ: я даже не въ силахъ собрать себя.

»Притомъ уже въ самой природѣ моей заключена способность только тогда представлять себѣ живо міръ, когда я удалился отъ него. Вотъ почему о Россіи я могу писать только въ Римѣ. Только тамъ она предстаетъ мнѣ вся, во всей своей громадѣ. А здѣсь я погибъ и смѣшался въ ряду съ другими. Открытаго горизонта нѣтъ предо мною. Притомъ здѣсь, кромѣ могущихъ смутить меня внѣшнихъ причинъ, я чувствую физическое препятствіе писать. Голова моя страдаетъ всячески: если въ комнатѣ холодно, мои мозговые нервы поютъ и стынутъ, и вы не можете себѣ представить, какую муку чувствую я всякій разъ, когда стараюсь въ то время пересилить себя, взять власть надъ собою и заставить голову работать. Если же комната натоплена, тогда этотъ искуственный жаръ меня душитъ совершенно; малѣйшее напряженіе производитъ въ головѣ такое страшное сгущеніе всего, какъ-будтобы она хотѣла треснуть. Въ Римѣ я писалъ предъ открытымъ окномъ, обвѣваемый благотворнымъ и чудотворнымъ для меня воздухомъ. Но вы сами въ душѣ вашей можете чувствовать, какъ сильно могу я иногда страдать въ то время, когда другому никому не видны мои страданья. Давно остывъ и угаснувъ для всѣхъ волненій и страстей міра я живу своимъ внутреннимъ міромъ, и тревога въ этомъ мірѣ можетъ нанести мнѣ несчастіе выше всѣхъ мирскихъ несчастій. Участіе ваше мнѣ дорого: не оставьте письма моего безъ отвѣта, напишите сейчасъ вашу строчку.

»Повѣсти не раздѣляйте на два нумера, но помѣстите ее всю въ одной книжкѣ и отпечатайте для меня десятокъ экземпляровъ. Скажите, какъ вы нашли ее? [мнѣ нужно говорить откровенно.] Если встрѣтите погрѣшности въ слогѣ, поправьте. Я не въ силахъ былъ прочесть ее

теперь внимательно. Голова моя глупа, душа не спокойна. Боже, думалъ ли я вынести столько томленій въ этотъ пріѣздъ мой въ Россію!«

Немного раньше этого времени, Гоголь писалъ о себѣ изъ Москвы къ своей ученицѣ, о которой было говорено выше. Какъ непохоже это письмо на его прежнія къ ней письма! Но въ біографіи оно тѣмъ не менѣе интересно:

»Мнѣ Плетневъ сдѣлалъ за васъ выговоръ, что я не отвѣчалъ вамъ на ваше письмо. Но я вамъ писалъ. Правда, это было не письмо, а маленькая записочка; но другого я ничего не въ силахъ былъ тогда сдѣлать: я былъ тогда боленъ и слишкомъ разстроенъ. Но господинъ, съ которымъ я послалъ ее въ Петербургъ, вѣроятно, гдѣ-нибудь плотно пообѣдавши, выронилъ ее на улицѣ и не посмѣлъ предстать къ вамъ съ извиненіемъ. Иначе я не могу себѣ изъяснить, почему вы ея не получили. Я былъ боленъ, очень боленъ, и еще боленъ донынѣ внутренно. Болѣзнь моя выражается такими странными припадками, какихъ никогда со мною еще не было; но страшнѣе всего мнѣ показалось то состояніе, которое напомнило мнѣ ужасную болѣзнь мою въ Вѣнѣ, а особливо, когда я почувствовалъ то подступившее къ сердцу волненіе, которое всякій образъ, пролетавшій въ мысляхъ, обращало въ исполина, всякое незначительно-пріятное чувство превращало въ такую страшную радость, какую не въ силахъ вынести природа человѣка, и всякое сумрачное чувство претворяло въ печаль, тяжкую, мучительную печаль, и потомъ слѣдовали обмороки, наконецъ совершенно сомнамбулистическое состояніе. И нужно же, въ довершеніе всего этого, когда и безъ того болѣзнь моя была невыносима, получить еще непріятности, которыя и въ здоровомъ состояніи человѣка бываютъ потрясающи! Сколько присутствія духа мнѣ нужно было собрать въ себѣ, чтобы устоять! И я устоялъ; я крѣпилось, сколько могу; выѣзжаю даже изъ дому, не жалуюсь и никому не показываю, что я боленъ, хотя часто, часто бываетъ не подъ силу. Теперь я вижу, что мнѣ совсѣмъ не слѣдовало пріѣзжать къ вамъ, что почти не нужно было моего личнаго присутствія: и безъ меня вѣрно бы все такъ же было; а главное — что̀ хуже всего — я не въ силахъ здѣсь за-

ниматься трудомъ, который для меня есть все. Зато съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаю весны! Но, однакожъ, до отъѣзда моего я буду у васъ, буду веселѣе, лучше, нежели былъ у васъ въ прошломъ году, — не такъ безтолковъ, не такъ страненъ, не такъ глупъ. Но покамѣсть я все еще нездоровъ. Меня томитъ и душитъ все, и самый воздухъ. Я былъ такъ здоровъ, когда ѣхалъ въ Россію; думалъ, что теперь удастся прожить въ ней поболѣе, узнать тѣ стороны ея, которыя были доселѣ мнѣ не такъ коротко знакомы. Все пошло какъ кривое колесо, по словамъ пословицы. Скажите вашей маменькѣ, что мнѣ было передано ея участіе, изъявленное ею въ письмѣ къ одной пріятельницѣ, что оно было мнѣ очень кстати: оно пролило какое-то тихое утѣшеніе въ мои трудныя минуты; оно мнѣ показалось чѣмъ-то похожимъ на свѣтлое предвѣстіе яснаго будущаго. Я очень, очень много благодаренъ за него. Можетъ быть, самое длинное письмо ко мнѣ не было бы мнѣ такъ утѣшительно тогда, какъ тѣ коротенькія слова. Итакъ вотъ вамъ покамѣсть извѣстіе обо мнѣ и о припадкахъ моей болѣзни, вѣроятно, не похожей на вашу, если только вы до сихъ поръ хвораете, отъ чего да избавитъ васъ Богъ. Вамъ пора быть здоровымъ, и я хочу васъ застать не за Жанъ-Поль-Рихтеромъ, а за Шекспиромъ и Пушкинымъ, которые читаются только въ здоровомъ расположеніи духа. Но эту пѣсню, я думаю, вы слышите часто и безъ меня. Я вамъ сдѣлаю одинъ вопросъ: приходило ли вамъ когда-нибудь желаніе, непреодолимое, сильное желаніе читать Евангеліе? Я не разумѣю то желаніе, которое похоже на долгъ и которое всякій положилъ себѣ имѣть, — нѣтъ, сердечный порывъ...? Но оставляю неоконченною мною рѣчь. Есть чувства, о которыхъ не слѣдуетъ говорить, и произносить о нихъ что-нибудь уже значитъ профанировать ихъ.

»Посовѣтуйте вашему брату В. П. не оставлять живописи. У него есть рѣшительный талантъ. Талантъ есть Божій даръ, и горе тому, кто пренебрежетъ имъ! Посовѣтуйте ему, непремѣнно сдѣлать копіи съ Каналета, находящагося въ Эрмитажѣ, а потомъ и съ Клодъ-Лоррена, если будетъ возможность. Эти двѣ противоположности сильно разовьютъ его и введутъ его во многія тайны искусства. Извините, что я рѣшаюсь перенесть строки письма моего съ этой почтительной четвертушки на

сію короткую и дружескую осьмушку. Впрочемъ, мы съ вами, кажется, очень коротки, то есть, я разумѣю — оба невысокаго роста. Надобно вамъ сказать, что начало письма этого писалось совершенно въ другомъ расположеніи духа и начато было уже недѣлю назадъ. Теперь, сегодня я получилъ письмо отъ Плетнева, съ извѣстіемъ, что дѣло мое идетъ, кажется, лучше. Дай Богъ! Но я уже былъ ко всему приготовленъ — и къ удачѣ, и къ неудачѣ, благодаря Провидѣнію, ниспославшему мнѣ чудную силу и твердость.«

Еще и еще одна жалоба бѣднаго поэта.

»27 марта (1842, изъ Москвы).

»Голова моя совершенно пошла кругомъ. Вчера я получилъ письмо отъ Прокоповича, которымъ онъ увѣдомляетъ меня, что вы получили рукопись еще четвертаго марта, въ среду на первой недѣлѣ поста. Ради Бога, увѣдомьте, съ кѣмъ вы послали ее, и точно ли она была принята на почту и кѣмъ. Боже, какая страшная участь! Думалъ ли я, что буду такимъ образомъ оставленъ безъ всего? Время ушло, и я безъ копѣйки, безъ состоянія выплатить самые необходимые долги, которыхъ не выплатить безчестно, безъ возможности собрать сколько-нибудь на дорогу. Непостижимое стеченіе бѣдъ! Я не знаю даже, гдѣ отъискивать слѣды моей рукописи. Разрѣшите хотя это по крайней мѣрѣ, чтобы я зналъ навѣрное, пропала ли она, или нѣтъ.«

Наконецъ Гоголь получилъ рукопись.... Но здѣсь я опять уступаю мѣсто драгоцѣннымъ запискамъ С. Т. Аксакова.

»По полученіи рукописи, немедленно приступили къ печатанію 2500 экземпляровъ. Обертка была нарисована самимъ Гоголемъ.

»Не смотря на то, что Гоголь былъ сильно занятъ изданіемъ »Мертвыхъ Душъ«, очевидно было, что онъ часъ отъ часу болѣе разстроивался духомъ и даже тѣломъ: онъ почувствовалъ головокруженіе, и одинъ разъ впалъ въ такой сильный обморокъ, что долго лежалъ безъ чувствъ и безъ всякой помощи, потому что это случилось на верху, въ мезонинѣ, гдѣ онъ жилъ и гдѣ у него на ту пору никого не было. Вдругъ дошли

до насъ слухи стороной, что Гоголь сбирается уѣхать за границу и очень скоро. Мы сначала не повѣрили и спросили самаго Гоголя, который отвѣчалъ неопредѣленно: »Можетъ быть«; но вскорѣ сказалъ рѣшительно, что онъ ѣдетъ, что онъ не можетъ долѣе оставаться, потому что не можетъ писать и потому что такое положеніе разрушаютъ его здоровье. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого объясненія, часовъ въ 7 послѣ обѣда, вдругъ вошелъ къ намъ Гоголь, съ образомъ Спасителя въ рукахъ, съ сіяющимъ и просвѣтленнымъ лицомъ. Онъ сказалъ: »Я всё ждалъ, что кто-нибудь благословитъ меня образомъ; но никто не сдѣлалъ этого. Наконецъ Иннокентій благословилъ меня, и теперь я могу объявить, куда я ѣду: я ѣду ко Гробу Господню.« Гоголь провожалъ преосвященнаго Иннокентія, и тотъ на прощаніе благословилъ его образомъ. Иннокентію, какъ архіерею, весьма естественно было такъ поступить, но Гоголь видѣлъ въ этомъ указаніе свыше. Всѣ распросы объ отъѣздѣ за границу были Гоголю непріятны. Одинъ разъ спросили его: »Съ какимъ намѣреніемъ онъ пріѣзжалъ въ Россію: съ тѣмъ ли, чтобъ остаться въ ней навсегда, или съ тѣмъ, чтобъ скоро уѣхать?« Гоголь съ досадою отвѣчалъ: »Съ тѣмъ, чтобъ проститься.« Но это была не правда: и письменно, и словесно онъ высказывалъ прежде совсѣмъ другое намѣреніе. На вопросъ: »На долго ли онъ ѣдетъ?« Гоголь отвѣчалъ различно. Сначала сказалъ, что уѣзжаетъ на два года, потомъ — на шесть лѣтъ, а одинъ разъ сказалъ, что ѣдетъ на десять лѣтъ. Послѣдній отвѣтъ, вѣроятно, вырвался у него въ досадѣ на скучные вопросы. Одна пожилая женщина, любимая и уважаемая Гоголемъ, сказала ему, что она будетъ ожидать отъ него описанія Святыхъ Мѣстъ. Гоголь отвѣчалъ: »Да, я опишу вамъ ихъ, но для этого мнѣ надобно очиститься и быть достойнымъ«.

»Въ первыхъ числахъ мая пріѣхала мать Гоголя съ его сестрой Анной Васильевной, чтобы взять съ собой Елисавету Васильевну, которая почти два года жила у г-жи Р***, и чтобъ проститься съ сыномъ, который, вѣроятно, увѣдомилъ ее, что уѣзжаетъ надолго. Она остановилась также у М. П. Погодина.

»9-го мая сдѣлалъ Гоголь такой же обѣдъ для своихъ друзей въ саду у Погодина, какъ и въ 1840 году. Погода стояла прекрасная. Я былъ

здоровъ, а потому присутствовалъ, вмѣстѣ со всѣми, на этомъ обѣдѣ. На немъ были нѣкоторые изъ московскихъ профессоровъ и много другихъ литераторовъ. Обѣдъ былъ шумный и веселый, и Гоголь самъ казался оживленнымъ.

»Печатанье »Мертвыхъ Душъ« приходило къ концу, и къ отъѣзду Гоголя успѣли переплести десятк адва экземпляровъ, которые ему нужно было раздарить въ Москвѣ и взять съ собою въ Петербургъ. Первые совсѣмъ готовые экземпляры были получены 21-го мая прямо къ намъ въ домъ, къ обѣду. Упасъ было довольно гостей, по случаю имянинъ моего сына Константина, и всѣ обѣдали въ саду. Это былъ въ то же время прощальный обѣдъ съ Гоголемъ. Здѣсь онъ въ третій разъ обѣщалъ, что черезъ два года будетъ готовъ второй томъ »Мертвыхъ Душъ«, вдвое толще перваго, но пріѣхать для его напечатанія уже не обѣщалъ. 23-го мая, въ полдень, послѣ завтрака, Гоголь уѣхалъ изъ нашего дома. Кромѣ нашихъ семействъ, была на этомъ прощаньи одна достопочтенная старушка Н. Н. Ш*****, которую Гоголь очень любилъ. Я съ сыновьями и М. С. Щепкинъ съ сыномъ провожали его до первой станціи, т. е. до Химокъ, гдѣ расположились отобѣдать и дожидаться дилижанса, въ которомъ Гоголь долженъ былъ отправиться въ Петербургъ и мѣсто въ которомъ было взято имъ заранѣ. Гоголь убѣдительно просилъ меня старательно вслушиваться во всѣ сужденія и отзывы о »Мертвыхъ Душахъ«, предпочтительно дурныя записывать изъ слова въ слово и всѣ безъ исключенія сообщать ему въ Италію. Онъ увѣрялъ меня, что это для него необходимо, просилъ, чтобы я не пренебрегалъ мнѣніями и замѣчаніями людей, самыхъ глупыхъ и ничтожныхъ, особенно людей, расположенныхъ къ нему враждебно. Онъ думалъ, что злость, напрягая и изощряя умъ самаго пошлаго человѣка, можетъ открыть въ сочиненіи такія недостатки, которые ускользали не только отъ пристрастныхъ друзей, но и отъ людей, равнодушныхъ къ личности автора, хотя бы они были очень умные и образованные. Мы сидѣли еще за столомъ, хотя уже давно отобѣдали, когда пріѣхалъ дилижансъ. Увидавъ его, Гоголь торопливо всталъ, началъ собираться и простился съ нами не съ такимъ чувствомъ, какого можно было ожидать.

»Товарищемъ Гоголя въ купе случился военный съ иностранной фа-

миліей, кажется, нѣмецкой, — человѣкъ, замѣчательный по необыкновенной толщинѣ. Гоголь и тутъ, для предупрежденія разныхъ объясненій и любопытства, назвалъ себя *Гополемъ* и даже записался такъ въ конторѣ дилижансовъ, предполагая, что не будутъ справляться съ его паспортомъ.«

Слѣдуя вновь за Гоголемъ въ далекій и нескончаемый путь, оглянемся здѣсь назадъ, чтобъ не потерять изъ виду его сношеній съ его »ближайшимъ«, къ которому онъ не писалъ семъ мѣсяцевъ послѣ торжественнаго своего письма отъ 7-го августа 1841-го года. Вотъ его письмо къ нему изъ Москвы, отъ 4-го апрѣля 1842-го.

»Прости меня! я не писалъ къ тебѣ. Не въ силахъ. Ничего я не могу дѣлать. Еслибы ты зналъ, какъ тяжело здѣсь мое существованіе! Я ужъ нѣсколько разъ задавалъ себѣ вопросъ: Зачѣмъ я сюда пріѣхалъ, и не надѣлалъ ли я въ двадцать разъ хуже, желая поправить дѣло и сдѣлать лучше. Покоя нѣтъ въ душѣ моей. Я не знаю даже, обрадовался ли бы я тебѣ.

»Я толковалъ здѣсь объ твоихъ дѣлахъ, и всѣ говорятъ въ одно: что за глаза это не дѣлается, что для этого нужно тебѣ пріѣхать и жить здѣсь, и мнѣ кажется, ты сдѣлалъ точно дурно, что не пріѣхалъ; но лѣтомъ нельзя этого сдѣлать — нужно ожидать зимы. Я былъ бы уже много счастливъ, еслибы по крайней мѣрѣ ты былъ счастливъ.«

Въ 1841 году Гоголь пріѣхалъ изъ-за границы въ Москву черезъ Петербургъ. Онъ сперва намѣренъ былъ печатать »Мертвыя Души« здѣсь, но потомъ раздумалъ. Въ этотъ пріѣздъ, онъ, между прочимъ, явился у А. О. С—ой, въ собственномъ домѣ ея на Мойкѣ; былъ въ хорошемъ расположеніи духа, но о »Мертвыхъ Душахъ« не было и помину. Тутъ она узнала, что онъ находится въ короткихъ отношеніяхъ съ семействомъ графовъ В—хъ: это, впрочемъ, было для нея понятнымъ: ибо она знала о его тѣсной дружбѣ съ покойнымъ графомъ Іосифомъ. Весной она получила отъ него изъ Москвы очень длинное письмо, съ горькими жалобами на его неудачи въ Москвѣ по предмету

изданія »Мертвыхъ Душъ«. Къ письму была приложена просьба къ въ Бозѣ почивающему Государю Императору, которую А. О. должна была подать, въ случаѣ надобности. Просьба была коротка, но написана съ полнымъ довѣріемъ къ милостивому вниманію Государя и къ Его высокому разуму. Она, впрочемъ, была удержана графомъ М. Ю. В—мъ, который горячо взялся за дѣло изданія »Мертвыхъ Душъ« и устроилъ его къ удовольствію автора вмѣстѣ съ попечителемъ С. Петербургскаго учебнаго округа княземъ Д— К—мъ.

Во время обратнаго переѣзда черезъ Петербургъ, Гоголь останавливался у. П. А. Плетнева, часто бывалъ у. А. О. С—ой и очень сблизился съ ея братомъ А. О. Р—и. Онъ читалъ имъ тогда у князя П. А. В—го отрывки изъ напечатанныхъ »Мертвыхъ Душъ«, и особенно хорошъ выходилъ въ его чтеніи разговоръ двухъ дамъ. Но, по словамъ А. О., никто тогда не подозрѣвалъ еще тайнаго смысла поэмы; самъ же Гоголь не обнаруживалъ ничего.

Послѣ этого онъ предложилъ А. О. прочитать ей комедію »Женитьба«. Она пригласила къ обѣду, по назначенію Гоголя, князя П. А. В—го, П. А. Плетнева, А. Н. и В. П. К—хъ и брата своего А. О. Р—и. Послѣ обѣда всѣ собрались въ кабинетѣ. Швейцару приказано было никого не принимать. Гоголь началъ чтеніе. Вдругъ неожиданно взошелъ князь М. А. Г—нъ, который долго жилъ за границею, почти тамъ воспитывался и мало зналъ русскій языкъ. Съ Гоголемъ онъ былъ почти незнакомъ. Это появленіе смутило хозяйку. Она подошла къ князю и разсказала, въ чемъ дѣло. Онъ извинялся и убѣдительно просилъ позволенія остаться. Къ счастью, Гоголь не обратилъ на помѣху никакого вниманія и продолжалъ чтеніе. Послѣ чтенія всѣ его благодарили, и въ особенности князь Г—нъ, который сознавался, что никогда не испытывалъ такого удовольствія. Гоголь казался очень доволенъ произведеннымъ впечатлѣніемъ, былъ веселъ и ушелъ домой.

Тутъ кстати замѣтить, что смѣхъ, возбужденный чтеніемъ »Мертвыхъ Душъ« производилъ на него совсѣмъ не то впечатлѣніе, какъ смѣхъ во время чтенія комедіи. Ему, очевидно, дѣлалось грустно.

XVII.

Письмо къ С. Т. Аксакову изъ Петербурга. — Заботы о матери (Письмо къ Н. Д. Бѣлозерскому). — Письма къ С. Т. Аксакову о пособіяхъ для продолженія »Мертвыхъ Душъ«; — о первомъ томѣ »Мертвыхъ Душъ«; — о побужденіяхъ къ задуманному путешествію въ Іерусалимъ. — Письмо къ матери о томъ, какая молитва дѣйствительна.

Гоголь пробылъ въ Петербургѣ не долго. Онъ такъ торопился отъѣздомъ, что нѣкоторыя дѣла свои оставилъ неконченными, какъ это видно отчасти изъ слѣдующаго письма его къ С. Т. Аксакову.

»Спб. Іюня 4 (1842).

»Я получилъ ваше письмо еще въ началѣ моего пріѣзда въ Петербургъ, милый другъ мой. Теперь пишу къ вамъ нѣсколько строкъ передъ выѣздомъ. Хлопотъ было у меня довольно. Никакъ нельзя было на здѣшнемъ безтолковьи сдѣлать всего вдругъ. Кое-что я оставилъ оканчивать Прокоповичу. Онъ уже занялся печатаніемъ (¹). Дѣло, кажется, пойдетъ живо. Типографіи здѣшнія набираютъ въ день до шести листовъ. Всѣ четыре тома къ октябрю выйдутъ непремѣнно. Экземпляръ »М. Д.« еще не поднесенъ Ц**. Все это уже будетъ сдѣлано по моемъ отъѣздѣ. Обнимаю васъ нѣсколько разъ. Крѣпки и сильны будьте душой, ибо крѣпость и сила почіетъ въ душѣ пишущаго сіи строки, а между любящими душами все передается и сообщается отъ одной къ другой, и потому сила отдѣлится отъ меня несомнѣнно въ вашу душу. Вѣрующіе во свѣтлое увидятъ свѣтлое; темное существуетъ только для невѣрующихъ.«

Оставляя снова отечество, Гоголь позаботился, какъ умѣлъ, о спокойствіи своей матери. Письмо его, по этому случаю, къ Н. Д. Бѣлозерскому, еще изъ Москвы, исполнено трогательнаго интереса; но я долженъ былъ выключить изъ него нѣкоторыя подробности, неважныя для читателя.

(Апрѣля 12, 1842,)

»Благодарю васъ, добрый другъ мой Николай Даниловичъ, за ваше письмо. Я его вовсе не ожидалъ. Объ васъ я нигдѣ не могъ узнать,

(¹) Говорится о »Сочиненіяхъ Н. Гоголя«, въ четырехъ томахъ. *Н. М.*

что̀ вы и гдѣ вы. Словомъ, ваше письмо меня обрадовало. Все въ немъ относившееся до васъ было прочтено съ участіемъ; но въ этомъ вы не сомнѣваетесь. Благодарю васъ также за выписку о раздачѣ земель (1). Мнѣ бы очень хотѣлось обнять васъ, но нѣтъ для этого мнѣ возможности. Черезъ двѣ недѣли я ѣду. Здоровье мое и я самъ уже не гожусь для здѣшняго климата, а главное — моя бѣдная душа: ей нѣтъ здѣсь пріюта, или, лучше сказать, для ней нѣтъ такого пріюта здѣсь, куда бы не доходили до нея волненья. Я же теперь больше гожусь для монастыря, чѣмъ для жизни свѣтской. Вы въ письмѣ вашемъ сказали, хотя вскользь и хотя не иначе, какъ на условіяхъ, что, можетъ быть, когда-нибудь побываете въ моей родинѣ, то есть, въ деревнѣ. Теперь я буду васъ просить объ этомъ серьёзно. Ради Бога, если случиться вамъ быть въ Полтавѣ, пріѣзжайте ко мнѣ въ деревню Васильевку, въ тридцати-пяти верстахъ отъ Полтавы. Вы мнѣ сдѣлаете великую услугу и благодѣяніе. Вотъ въ чемъ дѣло: разсмотрите ее и положеніе, въ какомъ она находится, и напишите объ этомъ мнѣ, а также и чѣмъ можно поправить обстоятельства. Дѣла запущены мною. — — Вы человѣкъ умный и знающій: вы замѣтите тотчасъ то, чего я самъ никакъ не замѣчу, ибо я, признаюсь, теперь едва даже могу замѣтить, что существую. Сдѣлайте мнѣ эту милость. Въ Полтавѣ вы узнаете, гдѣ наша деревня и какъ до нея доѣхать, отъ Ивана Васильевича Капниста, который живетъ постоянно въ Полтавѣ. Маменька нѣсколько разъ слышала объ васъ отъ меня и будетъ рада вамъ несказанно. Сестры мои, изъ которыхъ двѣ на дняхъ вышли изъ института и вамъ нѣсколько знакомы, предобрыя дѣвушки и еще, безъ сомнѣнія, не успѣли выучиться ничему дурному. Вы поживите денька два или три, что̀ васъ заставятъ сдѣлать непременно. Если вы не хотите дать виду, или вамъ покажется неловкимъ показать маменькѣ, что вы ревизуете имѣніе, то скажите, пожалуй, что я васъ просилъ осо-

---

(2) Раздача земель въ Южной Россіи началась въ началѣ 1764 года, по плану о заселеніи Новороссійскаго края, съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы земли не были раздаваемы свыше 12,000 десятинъ одному лицу, и проч. Г. Бѣлозерскій доставилъ Гоголю записку, подъ заглавіемъ: »Историко-статистическія Свѣдѣнія о Раздачѣ Земель въ Южной Россіи«, составленную Н. Д. Мизко. *Н. М.*

бенно изслѣдовать почву земли и годность ея для саду, а маменька знаетъ, что я всегда хотѣлъ развести садъ. Это ее обрадуетъ, какъ знакъ, что я, безъ сомнѣнія, собираюсь самъ пожить скоро въ деревнѣ. А потомъ, между прочимъ, рѣчь и о хозяйствѣ и о любопытствѣ вашемъ все видѣть, что́ все очень натурально, а я, между прочимъ, отъ себя предувѣдомилъ маменьку, что вы большой охотникъ до саду и большой охотникъ хозяйничать и знатокъ. Итакъ, не откажите въ этой просьбѣ, которою вы не можете себѣ представить, какъ меня обяжете. Вамъ, вѣрно, выберется время по уборкѣ хлѣба и окончаніи работъ, прекраснымъ сентябремъ, осенью, или, еще лучше, прежде. Впрочемъ, какъ вамъ удобнѣе. — — Я не извиняюсь передъ вами въ томъ, что налагаю на васъ такую коммиссію. Я знаю ваше доброе сердце и дружбу нашу.«

Удалясь изъ Россіи, Гоголь былъ полонъ думами о Россіи. Еще не добравшись до своего »тихаго угла« въ Римѣ, онъ ужъ просилъ матеріаловъ для продолженія своей работы. Очень любопытно знать, въ какихъ пособіяхъ нуждался Гоголь для созданія въ умѣ своемъ второго тома »Мертвыхъ Душъ«. Вотъ письмо его къ С. Т. Аксакову, съ просьбами объ этихъ пособіяхъ.

»Гастейнъ. Іюля $\frac{27}{15}$ (1842).

»Здоровы ли вы, и что́ дѣлаете со всѣми вашими? Напишите мнѣ объ этомъ двѣ-три строчки. Это мнѣ нужно. Вѣрно, знаете и чувствуете, что я объ васъ думаю часто. Изъ Москвы никто не догадался написать въ Гастейнъ, и я слышу черезъ то какую-то пустоту, которая мнѣ нѣсколько мѣшаетъ вдыхать въ себя полную жизнь. Я пробуду въ Гастейнѣ вмѣстѣ съ Языковымъ еще недѣли три, а въ концѣ августа хотимъ ѣхать въ Венецію, гдѣ пробудемъ недѣли двѣ, если не больше; и потому вы адресуйте, если почувствуете благодатное желаніе писать, прямо въ Венецію, poste restante. Напишите мнѣ все, какъ вы проводите время, хороша ли дача, хороша ли рыбная ловля, веселы ли какъ слѣдуетъ ваши дѣти. О* С* скажу, что буду писать къ ней, что предметъ письма очень свѣтелъ, и потому прошу ее быть какъ можно свѣтлѣе до самого полученія письма. Да, кстати о письмахъ. Пошлите кого-нибудь на квартиру

Пащокина [у Стараго Пимена, въ домѣ Ивановой] узнать, получено ли имъ письмо мое. Письмо это очень нужно и касается прямо его дѣла, а потому мнѣ хотѣлось бы, что-бы оно было получено во всей исправности. А моему милому Константину Сергѣевичу пишу тоже письмо, нѣсколько нужное для насъ обоихъ. Сдѣлайте милость обнимите всѣхъ, кого увидите изъ моихъ знакомыхъ. Если точно ѣдутъ, то вы мнѣ сдѣлаете большую услугу присланьемъ черезъ нихъ нѣкоторыхъ книгъ, а именно: »Памятникъ Вѣры«, такой совершенно, какъ у О* С* и »Статистику Россіи« Андросова, и еще, если есть какое-нибудь замѣчательное сочиненіе статистическое о Россіи вообще, или относительно частей ея, вышедшее въ послѣднихъ годахъ, то хорошо бы очень присовокупить его къ нимъ. Кажется, вышелъ какой-то толстый томъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ. А Григорія Сергѣевича попрошу присылать мнѣ реестръ всѣхъ сенатскихъ дѣлъ за прошлый годъ, съ одной простой отмѣткой, между какими лицами завязалось дѣло и о чемъ дѣло. Тотъ реестръ можно присылать частями при письмахъ вашихъ. Это мнѣ очень нужно. Да чуть было не позабылъ еще попросить о книгѣ Кошихина, при Ц. Алексѣѣ Михайловичѣ.«

»Надобно признаться (замѣчаетъ С. Т. Аксаковъ въ своихъ запискахъ), что почти всѣ порученія Гоголя на счетъ присылки статистическихъ и другихъ книгъ, а также выписокъ изъ дѣлъ и дѣловыхъ регистровъ, исполнялись очень плохо; а между тѣмъ очевидно, что все это было ему очень нужно для второго тома »Мертвыхъ Душъ«. Н—вы не поѣхали за границу, да и не думали ѣхать, а Гоголь счелъ ихъ слова за настоящее намѣреніе. Конечно отъѣзжающихъ за границу и кромѣ ихъ было довольно; но мы плохо вѣрили ихъ акуратности. Не помню, съ кѣмъ-то были посланы одинъ разъ бумаги и книги, но онѣ совсѣмъ не дошли до Гоголя и пропали. Не смотря на такія уважительныя причины, должно сознаться, что всѣ мы безъ исключенья были недовольно внимательны къ просьбамъ Гоголя. Я долженъ къ этому присовокупить, что такого рода свѣдѣнія, какихъ требовалъ Гоголь, мнѣ казались не только недостаточными для узнанія настоящаго дѣла, но даже вредными, потому что сообщали невѣрныя понятія.«

Теперь слѣдуетъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ и длинныхъ пи-

семъ Гоголя. Гоголь отвѣчалъ этимъ письмомъ на вопросъ С. Т. Аксакова: зачѣмъ онъ ѣдетъ въ Іерусалимъ?

»Гастейнъ $\frac{18}{6}$ августа (1842).

»Я получилъ ваше милое письмо и уже нѣсколько разъ перечиталъ его. Вы уже знаете, что я уже было соскучилъ, не имѣя отъ васъ никакой вѣсти, и написалъ вамъ формальный запросъ; но теперь, слава Богу, письмо ваше въ моихъ рукахъ. Что же сдѣлалось съ тѣмъ, что писала, какъ видно изъ словъ вашихъ, О* С* — я никакъ не могу понять; оно не дошло ко мнѣ. Всѣ ваши извѣстія, все, что́ ни заключалось въ письмѣ вашемъ, все до послѣдняго слова и строчки, было для меня любопытно и равно пріятно, начиная съ вашего препровожденія времени, уженья въ прудахъ и рѣкахъ, и до извѣстій вашихъ о »Мертвыхъ Душахъ«. Первое впечатлѣніе ихъ на публику совершенно то, какое подозрѣвалъ я заранѣ. Неопредѣленные толки; поспѣшность быстрая прочесть и ненасыщенная пустота послѣ прочтенья; досада на видимую безпрерывную мелочь событій жизни, которая становится невольно насмѣшкой и упрекомъ; — все это я зналъ заранѣ. Бѣдный читатель съ жадностью схватилъ въ руки книгу, чтобы прочесть ее, какъ занимательный, увлекательный романъ и, утомленный, опустилъ руки и голову, встрѣтивши никакъ непредвидѣнную скуку. Все это я зналъ. Но при всемъ этомъ подробныя извѣстія обо всемъ этомъ мнѣ всегда слишкомъ интересно слышать. Многія замѣчанія, вами приведенныя, были сдѣланы не безъ основанія тѣми, которые ихъ сдѣлали. Продолжайте сообщать и впредь, какъ бы они ни казались ничтожны. Мнѣ все это очень нужно. Само по себѣ разумѣется, что пріятнѣе всего было мнѣ читать отчетъ вашихъ собственныхъ впечатлѣній, хотя они были мнѣ отчасти извѣстны. Богъ одарилъ меня проницательностью, и я прочелъ въ лицѣ вашемъ во время чтенія почти все, что́ мнѣ было нужно. Я не разсердился на васъ за неоткровенность (1). Я зналъ, что у всякаго человѣка есть внутренняя нѣжная застѣнчивость, воспрещающая ему сдѣлать за-

(1) Гоголь рѣшительно ошибался. При первыхъ чтеніяхъ, я не былъ еще способенъ замѣчать недостатки »Мертвыхъ Душъ«. *Примѣч. С. Т. Аксакова.*

мѣчанія на счетъ того, что̀, по мнѣнію его, касается слишкомъ тонкихъ чувствительныхъ струнъ, прикосновеніе къ которымъ, какъ бы то ни было, но все же сколько-нибудь раздражаетъ самое простительное самолюбіе. Самая искренняя дружба не можетъ совершенно изгладить этой застѣнчивости. Я знаю, что много еще протечетъ времени, пока узнаютъ меня совершенно, пока узнаютъ, что мнѣ можно все говорить и болѣе всего то, что̀ болѣе всего трогаетъ чувствительныя струны, —такъ же какъ я знаю и то, что придетъ наконецъ такое время, когда всѣ почуютъ, что нужно мнѣ сказать и то, что (заключается) въ собственныхъ душахъ, не скрывая ни одного изъ движеній, хотя эти движенія не ко мнѣ относятся. Но отнесемъ будущее къ будущему и будемъ говорить о настоящемъ. Вы говорите, что молодое поколѣніе лучше и скорѣе пойметъ. Но горе, еслибы не было стариковъ! У молодого слишкомъ много любви къ тому, что̀ восхитило его; а гдѣ жаркая и сильная любовь, тамъ уже невольное пристрастіе. Старикъ прежде глядитъ очами разсудка, чѣмъ чувства, и чѣмъ меньше подвигнуто его чувство, тѣмъ яснѣй его разсудокъ, и можетъ сказать всегда частную, но видимому маловажную и простую, но тѣмъ не менѣе истинную правду. Еслибы сочиненье мое произвело равный успѣхъ и эффектъ на всѣхъ, въ этомъ была бы бѣда. Толковъ бы не было. Всякой, увлеченный важнѣйшимъ и главнымъ, считалъ бы неприличнымъ говорить о мелочахъ, считалъ бы мелочами замѣчанія о незначительныхъ уклоненіяхъ, о всѣхъ проступкахъ, повидимому ничтожныхъ. Но теперь, когда еще не раскусили, въ чемъ дѣло, когда не узнали важнаго и главнѣйшаго, когда сочиненіе не получило опредѣленнаго, недвижнаго опредѣленія, теперь нужно ловить толки и замѣчанія: послѣ ихъ не будетъ. Я знаю, что самые близкіе люди, которые болѣе другихъ чувствуютъ мои сочиненія, я знаю, что и они всѣ почти ощутятъ разныя впечатлѣнія. Вотъ почему прежде всего я положилъ прочесть вамъ, Погодину и Константину, какъ тремъ различнымъ характерамъ, разнородно примущимъ первыя впечатлѣнія. То, что̀ я увидѣлъ въ замѣчаніи ихъ, въ самомъ молчаніи и въ легкомъ движеньи недоумѣнья, испарокомъ и мелькомъ проскальзывающаго по лицамъ, то принесло мнѣ уже на другой день пользу, хотябы оно принесло мнѣ несравненно большую пользу, еслибы застѣнчивость не помѣшала каждому расказать вполнѣ характеръ

своего впечатлѣнья. Человѣкъ, который отвѣчаетъ на вопросъ ограждающими словами: »Не смѣю сказать утвердительно, не могу судить по первому впечатлѣнію«, дѣлаетъ хорошо: такъ предписываетъ правдивая скромность; но человѣкъ, который высказываетъ въ первую минуту свое первое впечатлѣніе, не опасаясь ни компрометировать себя, ни оскорбить нѣжной разборчивости и чувствительныхъ струнъ друга, тотъ человѣкъ великодушенъ. Такой подвигъ есть верхъ довѣрія къ тому, которому онъ ввѣряетъ свои сужденія и которому вмѣстѣ съ тѣмъ (ввѣряетъ), такъ сказать, самого себя. Иными людьми овладѣваетъ просто боязнь показаться глупѣе; но мы позабыли, что человѣкъ уже такъ созданъ, чтобы требовать вѣчной помощи другихъ. У всякаго есть что-то, чего нѣтъ у другого. У всякаго чувствительнѣе не та нерва, чѣмъ у другого, и только дружный размѣнъ и взаимная помощь могутъ дать возможность всѣмъ увидѣть съ равной ясностью и со всѣхъ сторонъ предметъ. Я былъ увѣренъ, что Кон. С. глубже и прежде пойметъ, и увѣренъ, что критика его точно опредѣлитъ значеніе поэмы. Но, съ другой стороны, чувствую заочно, что Погодинъ былъ отчасти правъ, не помѣстивъ ее. Не смотря на несправедливость этого дѣла, я думаю просто, что ей рано быть напечатанной теперь. Молодой человѣкъ можетъ встрѣтить слишкомъ сильную оппозицію въ старыхъ. Уже вопросъ: почему многіе не могутъ понять »Мертвыхъ Душъ« съ перваго раза? оскорбитъ многихъ. Мой совѣтъ напечатать ее зимою, послѣ двухъ или трехъ ктритикъ (¹). Недурно также разсмотрѣть, не слышится ли явно: *Я первый понялъ*. Этого слова не любятъ, и вообще лучше, чтобы не слышалось большого преимущества на сторонѣ прежде понявшихъ. Люди не понимаютъ, что въ этомъ нѣтъ никакого грѣха, что это можетъ случиться съ самымъ глубоко образованнымъ человѣкомъ, какъ случается всякому, въ минуты хлопотъ и мыслей о другомъ, подслушать замѣчательное слово. Лучше всего, еслибы Кон. Сер. прислалъ эту критику мнѣ въ Римъ, переписавши ее на тоненькой бумажкѣ для удобнаго вложенія въ письмѣ. Я слишкомъ любопытенъ читать ее. Ваше мнѣніе: нѣтъ человѣка, который бы понялъ съ перваго разу »Мертвыя Души«, совершенно справедливо,

(¹) Критика была уже напечатана отдѣльно. *Н. М.*

и должно распространиться на всѣхъ, потому что многое можетъ быть понятно одному только мнѣ. Не пугайтесь даже вашего перваго впечатлѣнія, что восторженность во многихъ мѣстахъ казалась вамъ доходившею до смѣшного излишества (¹). Это правда, потому что полное значеніе лирическихъ намековъ можетъ изъясниться только тогда, когда выйдетъ послѣдняя часть. — — —

»Васъ устрашаетъ мое длинное и трудное путешествіе. Вы говорите, что не можете понять ему причины, вы говорите, что нѣсколько разъ хотѣли спросить меня и всё останавливались, не рѣшаясь навязываться самому на довѣренность. Зачѣмъ же вы не спросили? Никогда душевная жажда вопросить не должна оставаться въ груди. Никогда сердечный вопросъ не можетъ быть докученъ, или не у мѣста. Самое большее было бы то, что я отвѣчалъ бы вамъ на это молчаніемъ. Но, если молчаніе это свѣтло и выражаетъ спокойствіе душевное, то стало быть оно уже отвѣтъ и ничѣмъ другимъ не могъ выразиться этотъ отвѣтъ. А вопросъ вашъ всё-таки былъ бы мнѣ пріятенъ, потому что онъ вопросъ друга. И что̀ бы могъ я вамъ отвѣчать? развѣ произнесъ бы слова только: »Такъ должно быть«. Разсмотрите меня и мою жизнь среди васъ. Что̀ вы нашли во мнѣ похожаго на ханжу, или хотя на это простодушное богомольство, или набожность, которою дышетъ наша добрая Москва, не думая о томъ, чтобы быть лучшею? Развѣ нашли вы во мнѣ слѣпую вѣру во всѣ безъ различія обычаи предковъ, не разбирая, на лжи, или на правдѣ они основаны, или увлеченье новизной, соблазнительной для многихъ современностью и модой? Развѣ вы замѣтили во мнѣ юношескую незрѣлость, или живость въ мысляхъ? Развѣ открыли во мнѣ что-нибудь похожее на фанатизмъ и жаркое, вдругъ раждающееся увлеченіе чѣмъ-нибудь? И если въ душѣ такого человѣка, уже по самой природѣ своей болѣе медлительнаго и обдумывающаго, чѣмъ быстраго и торопящагося, который притомъ хоть сколько-нибудь умудренъ и опытомъ, и жизнью, и познаньемъ людей и свѣта, если въ душѣ такого

(¹) Не понимаю, какъ пришла въ голову Гоголю эта мысль! Никогда лирическія мѣста не казались мнѣ смѣшными. Это недоразумѣніе. *Прим. С. Т. Аксакова.*

человѣка родилась подобная мысль предпринять это отдаленное путешествіе, то, вѣрно, она уже не есть слѣдствіе мгновеннаго порыва, вѣрно, уже слишкомъ благодѣтельна она, вѣрно, далеко оглянута она, вѣрно, и умъ, и душа, и сердце соединились въ одно, чтобы послужить такой мысли. Но еслибъ даже и не могло заключиться въ ней никакой обширной цѣли, никакого подвига во имя любви къ братьямъ, никакого дѣла во имя Христа; то развѣ вся жизнь моя не стóитъ благодарности? развѣ небесныя минуты тѣхъ радостей, которыя я слышу, не вызываютъ благодарности? развѣ прекрасная жизнь тѣхъ прекрасныхъ душъ, съ которыми встрѣтилась душа моя, не вызываетъ благодарности? развѣ любовь, обнявшая мою душу и возвращающаяся въ ней болѣе и болѣе съ каждымъ днемъ, не стоитъ благодарности? Развѣ въ сихъ небесныхъ торжественныхъ минутахъ не присутствуетъ Христосъ? Развѣ эта любовь не есть уже самъ Христосъ? Развѣ все, чтò отрывается отъ земли и земного, не есть уже Христосъ? Развѣ въ любви, сколько-нибудь отдѣлившейся отъ чувственной любви, уже не слышится мелькнувшій край божественной одежды Христа? И сіе высокое стремленіе, которымъ стремятся прекрасныя души одна къ другой, влюбленныя въ одни свои божественныя качества, а не земныя, не есть ли уже стремленіе ко Христу? »Гдѣ васъ двое, тамъ и церковь моя« (¹). Или никто не слышитъ сихъ божественныхъ словъ? Только любовь, рожденная землей и привязанная къ землѣ, только чувственная любовь, привязанная къ образамъ человѣка, къ лицу, къ видимому, стоящему передъ нами человѣку, та любовь только не зритъ Христа. Зато она временна, подвержена страшнымъ несчастьямъ и утратамъ. И да молится вѣчно человѣкъ, чтобы спасли его небесныя силы отъ сей ложной, превратной любви. Но любовь душъ — это вѣчная любовь. Тутъ нѣтъ утраты, нѣтъ разлуки, нѣтъ несчастій, нѣтъ смерти. Прекрасный образъ, встрѣченный на землѣ, тутъ утверждается вѣчно; все, чтò на землѣ умираетъ, то живетъ здѣсь вѣчно, то воскрешается ею, сей любовью, въ ней же, въ любви, и она безконечна, какъ безконечно небесное блаженство. Какъ же вы хотите, чтобы въ груди того, который услышалъ высокія минуты небесной жи-

(¹) Матѳ. XVIII, 20.

зни, который услышалъ любовь, не возродилось желаніе взглянуть на ту землю, гдѣ проходили стопы Того, Кто первый сказалъ слова любви сей человѣкамъ, откуда истекла она на міръ? Мы движемся благодарностью къ поэту, подарившему намъ наслажденья души своими произведеніями, мы спѣшимъ принесть ему дань уваженія, спѣшимъ посѣтить его могилу, и никто не удивляется такому поступку, чувствуя, что стóитъ уваженія и самый великій прахъ его. Сынъ спѣшитъ на могилу отца, и никто не спрашиваетъ его о причинѣ, чувствуя, что дарованіе жизни и воспитанье стóятъ благодарности. Одному только Тому, Кто рай блаженства низвелъ на землю, Кто виной всѣхъ высокихъ движеній, Тому только считается какъ-то страннымъ поклониться въ самомъ мѣстѣ Его земного странствія. По крайней мѣрѣ, если кто изъ среди насъ предприметъ такое путешествіе, мы уже какъ-то съ изумленіемъ таращимъ на него глаза, мѣряемъ его съ ногъ до головы, какъ-будтобы спрашивая: не ханжа ли онъ, не безумный ли онъ? Признайтесь: вамъ странно показалось, когда я въ первый разъ объявилъ вамъ о такомъ намѣреніи? Моему характеру, наружности, образу мыслей, складу ума и рѣчей, и жизни, однимъ словомъ — всему тому, чтò составляетъ мою природу, кажется неприличнымъ такое дѣло. Человѣку, неносящему ни клобука, ни митры, смѣшливому и смѣшащему людей, считающему и донынѣ важнымъ дѣломъ выставить неважныя дѣла и пустоту жизни, такому человѣку — неправда ли? — странно предпринять такое путешествіе. Но развѣ не бываетъ въ природѣ странностей? Развѣ вамъ не странно было въ сочиненіи, подобномъ »Мертвымъ Душамъ«, встрѣтить лирическую восторженность? не смѣшною ли она вамъ показалась вначалѣ, и потомъ не примирились ли вы съ нею, хотя не вполнѣ еще узнали (ея) значеніе? Такъ, можетъ быть, вы примиритесь потомъ и съ симъ лирическимъ движеніемъ самого автора. И какъ мы можемъ сказать, чтобы то, которое кажется намъ минутнымъ вдохновеніемъ, нежданно налетѣвшимъ съ небесъ откровеньемъ, чтобы оно не было вложено всемогущей волею Бога уже въ самую природу нашу и не зрѣло бы въ насъ невидимо для другихъ? Какъ можно знать, что нѣтъ, можетъ быть, тайной связи между симъ моимъ сочиненіемъ, которое съ такими погремушками вышло на свѣтъ изъ темной низенькой калитки, а не изъ побѣдоносныхъ тріумфальныхъ воротъ, въ

сопровожденіи трубнаго грома и торжественныхъ звуковъ, и между симъ отдаленнымъ моимъ путешествіемъ? И почему знать, что нѣтъ глубокой и чудной связи между всѣмъ этимъ и всей моей жизнью, и будущимъ, которое незримо грядетъ къ нимъ и котораго никто не слышитъ? Благоговѣнье же къ Промыслу! Это говоритъ вамъ вся глубина души моей. Помните, что въ то время, когда мельче всего становится міръ, когда пустѣе жизнь, въ эгоизмъ и холодъ облекается все и никто не вѣритъ чудесамъ, — въ то время именно можетъ совершиться чудо, чудеснѣе всѣхъ чудесъ. Подобно какъ буря самая сильная настаетъ только тогда, когда тише обыкновеннаго станетъ морская поверхность. Душа моя слышитъ грядущее блаженство и знаетъ, что одного только стремленья нашего къ нему достаточно, чтобы всевышней милостью Бога оно ниспустилось въ наши души. Итакъ свѣтлѣй и свѣтлѣй да будутъ съ каждымъ днемъ и минутой ваши мысли, и свѣтлѣй всего да будутъ неотразимая вѣра ваша въ Бога, и да не дерзнете вы опечалиться ничѣмъ, что́ безумно называетъ человѣкъ несчастіемъ. Вотъ что вамъ говоритъ человѣкъ, смѣшащій людей. Прощайте, это письмо пусть будетъ для васъ и для О* С* вмѣстѣ, но не показывайте его другимъ. Лирическіе движенія души нашей!... неразумно ихъ сообщить кому бы то ни было. Одна только всемогущая любовь питаетъ къ нимъ тихую вѣру и умѣетъ беречь какъ святыню во глубинѣ души душевное слово любящаго человѣка. Впрочемъ помните, что путешествіе мое еще далеко. Раньше окончанія моего труда оно не можетъ быть предпринято ни въ какомъ случаѣ, и душа моя для него не въ силахъ быть готова. А до того времени нѣтъ никакой причины думать, чтобы не увидѣлись опять, если только это будетъ нужно. Пишите мнѣ все, что́ ни дѣлается съ вами и что́ ни дѣлается вокругъ васъ. Все, что̀ ни касается жизни, уже жизнь моя. Толковъ объ »Мертвыхъ Душахъ«, я думаю, до зимы вы не услышите. Но если, на случай, кто-нибудь будетъ вамъ писать объ нихъ, вы выпишите эти строки въ письмѣ ко мнѣ.«

Чтобъ показать постепенность развитія въ душѣ Гоголя религіозныхъ убѣжденій, помѣщаю здѣсь выписку изъ письма его къ матери, отъ 19-го августа 1842 года, изъ Гастейна:

»Молитва — святое дѣло, но помните, что она ничтожна, если не сопровождена святыми дѣлами. Молитвы дѣлъ, а не молитвы словъ требуетъ отъ насъ Іисусъ. Не думайте, чтобы вы были бѣдны для того, чтобы помогать другимъ. Для этого не можетъ быть бѣденъ человѣкъ. Не богатствомъ, не деньгами мы можемъ помогать другимъ, но гораздо болѣе, мы можемъ помогать сердечнымъ участьемъ, душевнымъ словомъ, воздвигая, ободряя падшій духъ. И потому, если вы услышите, что гдѣ-нибудь страждетъ благородный душою человѣкъ, терпитъ горе жизни и готовъ предаться отчаянью, то спѣшите къ нему первыя на помощь. Скажите ему прежде всего: Онъ долженъ благословить свою бѣдность и несчастья; они ставятъ человѣка ближе къ Богу; они доставляютъ ему случай совершить тѣ подвиги добродѣтели, которыя рѣдко доводится совершать человѣку; ибо среди бѣдности, среди угнетеній стать твердо, не упасть и совершить благородный подвигъ — несравненно выше, чѣмъ совершить таковый же подвигъ среди богатства и довольства, хотябы для этого вздумалъ даже человѣкъ истратить все свое богатство. Пусть и въ мысль не приходитъ ему, что подвигъ его можетъ быть безотвѣтенъ и не найдетъ отголоска. Вездѣ найдется благородная душа, которая откликнется ему и освѣтится сама силой его подвига; ибо прекрасные подвиги сообщаются, и есть много тайнъ въ глубинѣ души нашей, которыхъ еще не открылъ человѣкъ, и которыя могутъ подарить ему чудныя блаженства. Если вы почувствуете, что слово ваше нашло доступъ къ сердцу страждущаго душою, тогда идите съ нимъ прямо въ церковь и выслушайте божественную литургію. Какъ прохладный лѣсъ среди палящихъ степей, тогда приметъ его молитва подъ сѣнь свою, и *Тотъ*, Кто умѣлъ все въ жизни претерпѣть за насъ, Тотъ вооружитъ твердостью и силой его душу, о которыя разлетятся земныя несчастія. — Сдѣлавши такое дѣло, укрѣпивши изнемогшаго и обративши его къ Богу, вы возсылайте смѣло ваши молитвы. Онѣ будутъ крылаты и возлетятъ прямо на небо.«

XVIII.

Письмо къ А. С. Данилевскому о »Мертвыхъ Душахъ. — Продолженіе переписи съ М. С. Щепкинымъ о постановкѣ на сцену пьесъ: »Утро Дѣлового Человѣка«, »Тяжба«, »Игроки«, »Лакейская« и »Ревизоръ съ Развязкой«. — Письма къ Н. А. Плетневу о денежныхъ дѣлахъ, о критикѣ »Мертвыхъ Душъ« и о запрещеніи брать изъ нихъ для передѣлки на сцену. — Письмо къ бывшей ученицѣ о сообщеніи толковъ касательно »Мертвыхъ Душъ«.

Въ самомъ концѣ сентября 1842 года Гоголь былъ опять въ Римѣ, и опять поселился въ Via Felice, № 126, 3 piano, гдѣ онъ, какъ мы знаемъ изъ одного письма его къ А. С. Данилевскому, былъ окруженъ идиллическими сценами, изображенными имъ въ статьѣ »Римъ«. Читатель, конечно, помнитъ »Ессо Ерре! ессо Ерре!« и проч.... Вотъ его письма изъ этого уголка, въ который, какъ думалъ онъ въ Россіи, »до него не доходили волненія.«

Къ А. С. Данилевскому.

»Римъ. Октября $\frac{23}{11}$ (1842).

»Наконецъ я дождался отъ тебя письма. Двѣ недѣли, какъ живу уже въ Римѣ, всякій день навѣдываюсь на почту, и только вчера получилъ первое письмо изъ Россіи. Это письмо было отъ тебя. Благодарю тебя за него. Благодарю также за твой отзывъ о моей поэмѣ. Онъ былъ мнѣ очень пріятенъ, хотя въ немъ слишкомъ много благосклонности, точно какъ-будто бы ты боялся тронуть какую-нибудь чувствительную струну. Еще прежде позволительно было щадить меня, но теперь это грѣшно: мнѣ нужно скорѣй указать всѣ мои слабыя стороны; это(го) я требую больше всего отъ друзей моихъ.

»Но въ сторону все это, и поговоримъ прежде всего о тебѣ. — — Тебя Петербургъ манитъ прошедшими воспоминаніями. Но развѣ ты не чувствуешь, что чрезъ это самое онъ станетъ теперь еще печальнѣе въ глазахъ твоихъ? Прежній кругъ довольно разсѣялся; остальные от-

дѣлились другъ отъ друга и уже предались скучному уединенію. Новый нынѣшній петербургскій людъ слишкомъ отзывается эгоизмомъ, пустымъ стремленіемъ. Тебѣ холодно, черство покажется въ Петербургѣ. Послѣ пятилѣтняго твоего скитанія по міру и невольно чрезъ то пріобрѣтенной независимой жизни, тебѣ будетъ труднѣе привыкнуть къ Петербургу, чѣмъ къ другому мѣсту. Притомъ ядовитый климатъ его — не будетъ ли онъ теперь чувствительнѣй для тебя, чѣмъ прежде, когда ты и въ Малороссіи болѣешь? Я думалъ обо всемъ этомъ, и мнѣ приходило на мысль, не лучше ли тебѣ будетъ въ Москвѣ, чѣмъ въ Петербургѣ? Тамъ болѣе теплоты и въ климатѣ, и въ людяхъ. Тамъ живутъ большею частью такіе друзья мои, которые примутъ тебя радушно и съ открытыми объятіями. Тамъ меньше разсчетовъ и денежныхъ вычисленій.—— Но, ради Бога, будь свѣтлѣй душой. Въ минуты грустныя припоминай себѣ всегда, что я живу еще на свѣтѣ, что Богъ бережетъ жизнь мою, стало быть, она, вѣрно, нужна друзьямъ души и сердца моего, и потому гони прочь уныніе и не думай никогда, чтобы безъ руля и вѣтрила неслася жизнь твоя. Все, что ни дается намъ, дается въ благо: и самые безплодные роздыхи въ нашей жизни, можетъ быть, уже суть сѣмена плодороднаго въ будущемъ.

»Увѣдоми меня сколько-нибудь о толкахъ, которые тебѣ случится слышать о »Мертвыхъ Душахъ«, какъ бы они пусты и незначительны ни были, съ означеніемъ, изъ какихъ устъ истекли они. Ты не можешь вообразить себѣ, какъ все это полезно мнѣ и нужно и какъ для меня важны всѣ мнѣнія, начиная отъ самыхъ необразованныхъ до самыхъ образованныхъ.«

М. С. Щепкину.

»Михаилъ Семеновичъ! пишу къ вамъ это письмо нарочно для того, чтобы оно служило документомъ въ томъ, что всѣ мои драматическія сцены и отрывки, заключающіеся въ четвертомъ томѣ моихъ сочиненій, принадлежатъ вамъ, и вы можете давать ихъ, по усмотрѣнію вашему, въ свои бенефисы. Относительно же комедіи »Женитьба«, вы устройте, по взаимному соглашенію, съ Сосницкимъ такимъ образомъ, чтобы она

шла въ одинъ и тотъ же день въ бенефисы вамъ обоимъ, на петербургскомъ и на московскомъ театрахъ. — Римъ. Ноября 26, 1842 года.«

Къ нему же.

»Римъ. Ноября 28 (1842).

»Здравствуйте, Михаилъ Семеновичъ! Послѣ надлежащаго лобзанія, поведемъ вотъ какую рѣчь. Вы уже имѣете »Женитьбу«; не довольно ли этого на одинъ спектакль? Я говорю это въ разсужденіи того, что мнѣ хочется, чтобы вамъ что-нибудь осталось на будущіе разы; а впрочемъ вы распоряжайтесь, какъ вамъ лучше. Вы тутъ полный господинъ. Всѣ драматическіе отрывки и сцены, заключающіеся въ четвертомъ томѣ моихъ сочиненій [ихъ числомъ пять], всѣ исключительно принадлежатъ вамъ. Объ этомъ я уже написалъ къ издателю моихъ сочиненій, Прокоповичу, и просилъ Плетнева объявить Гедеонову, а вамъ прилагаю нарочно при семъ письмецо, которое бы вы могли показать всякому, кто вздумаетъ оспаривать ваше право. Только послѣдняя пьеса: »Театральный Разъѣздъ«, остается неприкосновенною, потому что ей не прилично предстать на сценѣ. Сосницкому вы напишите, что вслѣдствіе моего прежняго желанія, »Женитьба«, вамъ идетъ обоимъ, но съ тѣмъ только, чтобы въ одинъ день былъ бенефисъ обоихъ васъ. А между тѣмъ, займитесь серьезно постановкою »Ревизора«. Живокини, за похвальное поведеніе, можно будетъ уступить который-нибудь изъ драматическихъ кусочковъ. Впрочемъ, объ этомъ всемъ вы потолкуйте прежде съ Сергѣемъ Тимофѣевичемъ и поступите, какъ найдете приличнымъ. Для успѣшнаго произведенія нѣмой сцены, въ концѣ »Ревизора«, одинъ изъ актеровъ долженъ скомандовать, невидимо для зрителя. Это долженъ сдѣлать Жандармъ, произнеся, по окончаніи рѣчи, тотъ самый звукъ, который издается женщинами, — натурально, не открывая рта; попросту — пикнуть. Это будетъ сигналъ для всѣхъ. »Женитьбу«, я думаю, вы уже знаете, какъ повести; потому что, слава Богу, человѣкъ вы не холостой; а Живокини, который будетъ женить васъ, вы можете внушить все, что слѣдуетъ, — тѣмъ болѣе, что вы слышали меня, читавшаго эту роль. Да, вотъ исправьте одну ошибку въ словахъ Кочкарева, гдѣ говоритъ онъ о плеваніи: »Значится такъ, какъ-будто бы ему

»плевали въ лицо«. Это ошибка, происшедшая отъ нерасторопности писца, перепутавшаго строки и пропустившаго. Монологъ долженъ начаться вотъ какъ:

»Да что жъ за бѣда? вѣдь инымъ нѣсколько разъ плевали, ей Богу! »Я знаю, тоже одного... прекраснѣйшій собою мужчина; румянецъ во »всю щеку; егозилъ онъ и надоѣдалъ онъ до тѣхъ поръ своему началь»нику, покамѣсть тотъ не вынесъ и плюнулъ ему въ самое лицо.« и т. д.

»Напишите Сосницкому, что я очень просилъ его, чтобы онъ пріискалъ хорошаго Жениха, потому что эта роль, хотя не такъ, по видимому, значительна, какъ Кочкарева, но требуетъ таланта, и скажите ему, что мнѣ бы очень желалось, чтобы вы съиграли вмѣстѣ въ этой піэсѣ: онъ Кочкарева, а вы Подколесина; тогда будетъ славный спектакль.«

Къ нему же.

»Только что получилъ ваше письмо, Михаилъ Семеновичъ, отъ 24 октября. Отвѣчать мнѣ теперь на него нечего, потому что вы уже знаете мои распоряженія. Три дни тому назадъ, я отправилъ къ вамъ письмо, которое вы уже, безъ сомнѣнія, получили. Не стыдно ли вамъ быть такъ неблагоразумну! вы хотите все повѣсить на одномъ гвоздѣ, прося на пристяжку къ »Женитьбѣ«, новую, какъ вы называете, комедію »Игроки«. Во первыхъ, она не новая, потому что написана давно; во вторыхъ, не комедія, а просто комическая сцена; а въ третьихъ, для васъ даже тамъ нѣтъ роли. И кто васъ толкаетъ непремѣнно наполнить бенефисъ моими піэсами? Какъ не подумать хотя сколько-нибудь о будущемъ, которое сидитъ у васъ почти на самомъ носу, — напримѣръ, хоть бы о спектаклѣ вашемъ, по случаю исполненія вамъ двадцатилѣтней службы? Развѣ вы не чувствуете, что теперь вамъ стоитъ одинъ только какой-нибудь клочекъ мой дать въ свой бенефисъ, да пристегнуть двѣ-три самыя изношенныя піэсы, и театръ уже будетъ биткомъ набитъ. Понимаете ли вы это, понимаете ли вы, что имя мое въ модѣ, что я сдѣлался теперь моднымъ человѣкомъ, до тѣхъ поръ, покамѣсть меня не сгонитъ съ моднаго поприща какой-нибудь

Боско, Тальони, а, можетъ быть, и новая нѣмецкая опера съ машинами и нѣмецкими пѣвцами. Помните себѣ хорошенько, что ужъ отъ меня больше ничего не дождетесь. Я не могу и не буду писать ничего для театра. И такъ распорядитесь поумнѣе. Это я вамъ такъ совѣтую: возьмите на первый разъ изъ моихъ только »Женитьбу« и »Утро Дѣлового Человѣка«, а на другой разъ, у васъ остается вотъ что: »Тяжба«, въ которой вы должны играть роль тяжущагося (¹); »Игроки« и »Лакейская«, гдѣ вамъ предстоитъ Дворецкій, — роль хотя и маленькая, но которой вы можете дать большое значеніе. Все это вы можете перемѣшивать другими піэсами, которыя вамъ Богъ пошлетъ. Старайтесь только, чтобы піэсы мои не слѣдовали непосредственно одна за другою, но чтобы промежутокъ былъ занятъ чѣмъ-нибудь инымъ. Вотъ какъ я думаю и какъ бы, мнѣ казалось, надлежало поступить сообразно съ благоразуміемъ; а впрочемъ ваша воля. За письмо ваше всё-таки много васъ благодарю, потому что оно письмо отъ васъ. А на театральную дирекцію не сѣтуйте. Она дѣло свое хорошо дѣлаетъ. Москву потчивали уже всякимъ добромъ; почему жъ не попотчивать ее нѣмецкими пѣвцами? Что́ же до того, что вамъ-де нѣтъ работы, это стыдно вамъ говорить. Развѣ вы позабыли, что есть старыя заграннныя, заброшенныя пьесы? Развѣ вы забыли, что для актера нѣтъ старой роли, — что онъ повъ вѣчно? Теперь-то именно, въ минуту, когда горько душѣ, теперь-то вы должны показать въ лицѣ свѣту, что̀ такое актеръ. Переберите-ка въ памяти вашей старый репертуаръ да взгляните свѣжими и нынѣшними очами, собравши въ душу всю силу оскорбленнаго достоинства. Заманить же публику на старыя пьесы вамъ теперь легко. У васъ есть приманка, — именно, мои клочки. Смѣшно думать, чтобы вы могли быть у кого нибудь во власти. Дирекція всё таки правится публикою, а публикою правитъ актеръ. Вы помните, что публика почти то же, что́ застѣнчивая и неопытная кошка, которая до тѣхъ поръ, пока ее, взявши за уши, не натолчешь мордою въ соусъ и покамѣсть этотъ соусъ не вымазалъ ей и

(¹) «Помните, что онъ нѣсколько похожъ на охотника, атукающаго на зайца, что, при разсказѣ дѣла, его мечется изъ угла въ уголъ, потому что дѣло слишкомъ близко къ его рубашкѣ, или тѣлу.« *Примѣч. Гоголя.*

носа и губъ, она до тѣхъ поръ не станетъ ѣсть соуса, какихъ ни читай ей наставленій. Смѣшно думать, чтобъ нельзя было наконецъ заставить ее войти глубже въ искуство комическаго актера, — искуство, такое сильное и такъ ярко говорящее всѣмъ въ очи. Вамъ предстоитъ долгъ заставить, чтобъ не для автора піэсы и не для піэсы, а для актера-автора ѣздили въ театръ. Вы спрашиваете въ письмѣ о костюмахъ. Но вѣдь клочки мои не изъ среднихъ же вѣковъ. Одѣньже ихъ прилично, сообразно и чтобы ничего не было каррикатурнаго — вотъ и все. Но объ этомъ въ сторону. Позаботьтесь больше всего о хорошей постановкѣ »Ревизора«. Слышите ли? я говорю вамъ это очень сурьезно. У васъ, съ позволенія вашего, ни въ комъ ни на копѣйку нѣтъ чутья. Да, еслибы Ж**** былъ крошку поумнѣй, онъ бы у меня выманилъ на бенефисъ себѣ »Ревизора«, и ничего бы другого вмѣстѣ съ нимъ не давалъ, а объявилъ бы только, что будетъ »Ревизоръ« въ новомъ видѣ, совершенно передѣланный, съ перемѣнами, прибавленіями, новыми сценами, а роль Хлестакова будетъ играть самъ бенефиціантъ. Да у него биткомъ бы набилось народу въ театръ. Вотъ же я вамъ говорю — и вы вспомните потомъ мое слово, что на возобновленнаго Ревизора гораздо будутъ ѣздить больше, чѣмъ на прежняго. И зарубите еще одно мое слово, что въ этомъ году, именно въ нынѣшнюю зиму, гораздо болѣе разнюхаютъ и почувствуютъ значеніе истиннаго комическаго актера. Еще вотъ вамъ слово. Вы напрасно говорите въ письмѣ, что старѣетесь: вашъ талантъ не такого рода, чтобы старѣться. Напротивъ, зрѣлыя лѣта ваши только что отняли часть того жару, котораго у васъ было слишкомъ много и который ослѣплялъ ваши очи и мѣшалъ взглянуть вамъ ясно на вашу роль. Теперь вы стали въ нѣсколько разъ выше того Щепкина, котораго я видѣлъ прежде. У васъ теперь есть то высокое спокойствіе, котораго прежде не было; вы теперь можете царствовать въ вашей ролѣ, тогда какъ прежде вы все еще какъ-то метались. Если вы этого не слышите и не замѣчаете сами, то повѣрьте же сколько-нибудь мнѣ, согласясь, что я могу знать сколько-нибудь въ этомъ толкъ. И еще вотъ вамъ слово. Благодарите Бога за всякія препятствія: они необыкновенному человѣку необходимы. Вотъ тебѣ бревно подъ ноги — прыгай, а не то — подумаютъ, что у тебя куриный шагъ и не могутъ вовсе растопыриться ноги.

Увидите, что для васъ настанетъ еще такое время, когда будутъ ѣздить въ театръ для того, чтобы не проронить ни одного слова, произнесеннаго вами, и когда будутъ взвѣшивать это слово. Итакъ съ Богомъ за дѣло. Прощайте и будьте здоровы. Обнимаю васъ. За репетиціями хорошо смотрите и все-таки что-нибудь напишите мнѣ о томъ, что́ первое скажется у васъ на сердцѣ.«

Опять Гоголь въ Римѣ, и снова проза жизни отвлекаетъ его мысли отъ предметовъ его творчества. Вотъ его письмо къ П. А. Плетневу, отъ 2 ноября 1842 года:

»Я къ вамъ съ корыстолюбивой просьбой, другъ души моей Петръ Александровичъ! Узнайте, что́ дѣляютъ экземпляры »Мертвыхъ Душъ«, назначенные мною къ представленію Г****, Г***** и Н****, и оставленные мною для этого у гр. В****. Въ древнія времена, когда былъ въ Петербургѣ Жуковскій, мнѣ обыкновенно что-нибудь слѣдовало. Это мнѣ теперь очень, очень было бы нужно. Я сижу на совершенномъ безденежьи. Всѣ выручаемыя деньги за продажу книги идутъ до сихъ поръ на уплату долговъ моихъ. Собственно для себя я еще долго не могу получить. А у меня же, какъ вы знаете, кромѣ меня, есть кое-какія довольно сильныя обязанности. Я долженъ иногда помогать сестрамъ и матери, не вслѣдствіе какого-нибудь великодушія, а вслѣдствіе совершенной ихъ невозможности обойтись безъ меня. Конечно, я не имѣю никакого права, основываясь на этихъ причинахъ, ждать вспоможенія, но прошу, чтобы меня не исключили изъ круга другихъ писателей, которымъ изъявляется Царская милость за подносимые экземпляры. Ради дружбы нашей, присоедините ваше участье. Теперь другая просьба, также корыстолюбивая. Вы, вѣрно, будете писать разборъ »Мертвыхъ Душъ«; по крайней мѣрѣ мнѣ бъ этого очень хотѣлось. Я дорожу вашимъ мнѣніемъ. У васъ много внутренняго глубоко-эстетическаго чувства, хотя вы не брызжете внѣшнимъ, блестящимъ фейерверкомъ, который слѣпитъ очи большинства. Пришлите мнѣ листки вашего разбора въ письмѣ. Мнѣ теперь больше, чѣмъ когда-либо нужна самая строгая и основательная критика. Ради нашей дружбы, будьте взыскательны, какъ только можно, и постарайтесь отыскать во мнѣ побольше недостатковъ, хотябы даже они вамъ самимъ каза-

лись неважными. Не думайте, чтобъ это могло повредить мнѣ въ общемъ мнѣніи. Я не хочу мгновеннаго мнѣнія. Напротивъ, я бы желалъ теперь отъ души, чтобъ мнѣ указали сколько можно болѣе моихъ слабыхъ сторонъ. Тому, кто стремится быть лучше, чѣмъ есть, не стыдно признаться въ своихъ проступкахъ предъ всѣмъ свѣтомъ. Безъ этого сознанья, не можетъ быть исправленья. Но вы меня поймете, вы поймете, что есть годы, когда разумное безстрастіе воцаряется въ душу и когда возгласы, шевелящіе юность и честолюбіе, не имѣютъ власти надъ душою. Не позабудьте же этого, добрый, старый другъ мой! Я васъ сильно люблю. Любовь эта, подобно нѣкоторымъ другимъ сильнымъ чувствамъ, заключена на днѣ души моей, и я не стремлюсь ее обнаруживать знаками. Но вы сами должны чувствовать, что съ воспоминаніемъ о васъ слито воспоминаніе о многихъ свѣтлыхъ и прекрасныхъ минутахъ моей жизни.«

Въ слѣдующемъ письмѣ къ тому же лицу представлены довольно интересныя мелочи изъ матеріальнаго быта Гоголя.

»Римъ, 28 ноября (1842).

»Въ догонку за первымъ моимъ письмомъ, пишу къ вамъ другое. Если вы еще не употребляли вашего участія и заботъ относительно подарка за поднесенные экземпляры книги, то это дѣло можно оставить, — во первыхъ, уже потому, что съ моей стороны какъ-то неприлично это все же нѣсколько корыстное исканье, а во вторыхъ — зачѣмъ тормошить бѣднаго В****, которому, можетъ быть, вовсе неловко? Яже, пока, занялъ денегъ у Языкова, которому прислали. А въ началѣ будущаго года авось Богъ дастъ мнѣ изворотиться, очиститься отъ долговъ вовсе и получить кое-что для себя. И потому, вмѣсто прежней моей просьбы, исполните вотъ какую просьбу. До меня дошли слухи, что изъ »Мертвыхъ Душъ« таскаютъ цѣлыми страницами на театръ. Я едва могъ вѣрить. Ни въ одномъ просвѣщенномъ государствѣ не водится, чтобы кто осмѣлился, не испрося позволенія у автора, перетаскивать его сочиненія на сцену. [А я тысячи имѣю, какъ нарочно, причинъ не желать, чтобы изъ Мертвыхъ Душъ«, что-либо было переведено на сцену.] Сдѣлайте милость, постарайтесь какъ-нибудь увидѣться съ Г***** и объясните ему,

что я не давалъ никакого позволенія этому корсару, котораго я даже не знаю и имени. Это очень нужно сдѣлать, потому что въ выходящемъ изданіи моихъ сочиненій (1) есть нѣсколько драматическихъ отрывковъ, которые какъ разъ могутъ очутиться на сценѣ, тогда какъ на нихъ законное право имѣетъ одинъ только Щепкинъ. Сдѣлайте милость, объясните ему это. Скажите, что вы свидѣтель, что находящееся у Щепкина письмо, которымъ я передаю ему право на постановку этихъ пьесъ на сцену, писано именно мною и есть неподдѣльное. Что́ я, въ самомъ дѣлѣ, за беззащитное лицо, котораго можно обижать всякому? Ради Бога, вступитесь за это дѣло: оно слишкомъ близко моему сердцу. Прощайте. Я слышалъ, что въ »Современникѣ« есть очень дѣльная статья о »Мертвыхъ Душахъ« (2). Нельзя ли какимъ-нибудь образомъ переслать мнѣ ее? я бы страшно хотѣлъ прочесть.

П. А. Плетневъ писалъ къ директору Императорскихъ театровъ о томъ, что̀ такъ непріятно было для Гоголя, и получилъ отъ него, отъ 11 декабря 1842 года, отвѣтъ, что дѣйствительно сцены изъ »Мертвыхъ Душъ« поступили въ Санктпетербургскую Дирекцію отъ режиссёра Куликова, а въ Московскую — отъ актера Самарина, и были играны въ ихъ бенефисы, но что не удержались больше на репертуарѣ. При этомъ онъ прибавляетъ:

»Самъ не могу я къ нему писать, потому что на дняхъ дана была его комедія »Женитьба«, и ежелибы пришлось упомянуть объ ней, то, къ сожалѣнію, ничего не могъ бы сообщить ему удовлетворительнаго.«

---

(1) Въ четырехъ томахъ. С. П.-б. 1842.

(2) Гоголь не зналъ, что эта статья принадлежитъ самому г. Плетневу. Имѣя нѣсколько закоренѣлыхъ антагонистовъ между пишущею братіею, г. Плетневъ не хотѣлъ вводить ихъ въ искушеніе — искать въ его обширной критической статьѣ однихъ недостатковъ и подписалъ подъ нею буквы *С. Ш.* и городъ *Житомиръ*. Этими буквами онъ намекнулъ нѣкоторымъ изъ нихъ на человѣка, о которомъ Гоголь писалъ, что съ нимъ никогда не бываетъ скучно, никогда! и который служилъ тогда въ Житомирѣ. Въ литературныхъ кружкахъ статью прочитали безъ предубѣжденія, и въ самыхъ непріязненныхъ къ г. Плетневу журналахъ отозвались о ней съ большими похвалами. А статья-то написана была тѣмъ, въ комъ они не хотѣли признавать ни изящнаго вкуса, ни свѣтлаго ума. *Н. М.*

Гоголь остался неизмѣннымъ къ прежнимъ друзьямъ своимъ, но уже не могъ удѣлять много времени на письма къ нимъ. Его занимали новые душевные вопросы, для разрѣшенія которыхъ онъ не щадилъ ни труда, ни времени. Въ прочихъ своихъ сношеніяхъ съ людьми онъ замѣтно старался быть какъ можно короче, какъ это покажетъ слѣдующее письмо его къ одной изъ любимѣйшихъ женщинъ, къ которой онъ, бывало, писалъ такъ много и такъ охотно.

»Римъ. Ноября 2-го 1842.

»Я къ вамъ пишу, и это потребность души. Не думайте, чтобъ я былъ лѣнивъ. Это правда, мнѣ тяжело бываетъ приняться за письмо; но когда я чувствую душевную потребность, тогда я не откладываю. Послѣдніе дни пребыванія моего въ Петербургѣ, при разставаньи съ вами, я замѣтилъ, что душа ваша сильнѣй развилась и глубже чувствуетъ, чѣмъ когда-либо прежде, и потому вы теперь не имѣете никакого права не быть со мной вполнѣ откровенны и не передавать мнѣ все. Вспомните, что вы пишете вашему искреннѣйшему другу, который въ силахъ оцѣнить и понять васъ и который награжденъ отъ Бога даромъ живо чувствовать въ собственной душѣ радости и горе, чувствуемыя другими, что̀ другіе чувствуютъ только вслѣдствіе одного тяжелаго опыта. Прежде всего извѣстите меня о состояніи вашего здоровья и помогло ли вамъ холодное лѣченіе; потомъ извѣстите меня о состояніи души вашей: что̀ вы думаете теперь и чувствуете, и какъ все, что̀ ни есть вокругъ васъ, вамъ кажется. Это первая половина вашего письма. Теперь слѣдуетъ вторая. Извѣстите меня обо мнѣ: записывайте все, что̀ когда-либо вамъ случится услышать обо мнѣ, — всѣ мнѣнія и толки обо мнѣ и объ моихъ сочиненіяхъ, и особенно, когда бранятъ и осуждаютъ меня. Послѣднее мнѣ слишкомъ нужно знать. Хула и осужденія для меня слишкомъ полезны. Послѣ нихъ мнѣ всегда открывался яснѣе какой-нибудь мой недостатокъ, дотолѣ мною незамѣченный; а увидѣть свой недостатокъ — это уже много значитъ: это значитъ — почти исправить его. Итакъ, не позабудьте записывать все. Просите также вашихъ братцевъ — въ ту же минуту, какъ только они услышатъ какое-нибудь сужденіе обо мнѣ, справедливое, или несправедливое, дѣльное, или ничтожное, въ ту

же минуту его на лоскуточекъ бумажки, покамѣсть оно еще не простыло, и этотъ лоскуточекъ вложите въ ваше письмо. Не скрывайте отъ меня также имени того, который произнесъ его; знайте, что я не въ силахъ ни на кого въ мірѣ теперь разсердиться, и скорѣй обниму его, чѣмъ разсержусь.«

XIX.

1843-й годъ. — Воспоминанія Ѳ. В. Чижова. — Письма къ Н. Н. Ш*****, къ С. Т. Аксакову — о »Мертвыхъ Душахъ«, къ П Д. Бѣлозерскому — о сообщеніи свѣдѣній для продолженія »Мертвыхъ Душъ« и къ П. А. Плетневу — о внутреннемъ актѣ творчества.

О заграничной жизни Гоголя въ 1843 году, кромѣ его писемъ, я имѣю прекрасный мемуаръ одного изъ его товарищей по службѣ въ университетѣ, Ѳ. В. Чижова.

»Разставшись съ Гоголемъ въ университетѣ, (говоритъ г. Чижовъ), мы встрѣтились съ нимъ въ Римѣ въ 1843 году и прожили здѣсь цѣлую зиму въ одномъ домѣ, на Via Felice, № 126. Во второмъ этажѣ жилъ покойный Языковъ, въ третьемъ Гоголь, въ четвертомъ я. Видались мы едвали не ежедневно. Съ Языковымъ мы жили совершенно побратски, какъ говорится, душа въ душу, и остались истинными братьями до послѣдней минуты его; съ Гоголемъ никакъ не сходились. Почему? я себѣ опредѣлить не могъ. Я его глубоко уважалъ, и какъ художника, и какъ человѣка. Передъ пріѣздомъ въ Римъ, я много говорилъ объ немъ съ Жуковскимъ и отъ него отъ перваго получилъ »Мертвыя Души«. Вечера наши въ Римѣ сначала проходили въ довольно натянутыхъ разговорахъ. Не помню, какъ-то мы заговоривши о М—вѣ, написавшемъ »Путешествіе къ Святымъ Мѣстамъ« и проч. Гоголь отзывался объ немъ рѣзко, не признавалъ въ немъ рѣшительно никакихъ достоинствъ и находилъ въ немъ отсутствіе языка. Съ большею частію этого я внутренно соглашался, но странно рѣзкій тонъ заставилъ меня съ нимъ спорить. Оставшись потомъ наединѣ съ Языковымъ, я началъ говорить, что нельзя не отдать справедливости М—ву за то, что онъ познакомилъ нашъ читающій людъ

со многимъ въ нашемъ богослуженіи и вообще въ нашей церкви. Языковъ отвѣчалъ:

»— М—ва терпѣть не могъ Пушкинъ. Ну, а чего не любилъ Пушкинъ, то у Гоголя дѣлается уже заповѣдцею и едва только не ненавистью.

»Не смотря, однакожъ, на наши довольно сухія столкновенія, Гоголь очень часто показывалъ ко мнѣ много расположенія. Тутъ, по какому-то непонятному для самого меня внутреннему упрямству, я, въ свою очередь, отталкивалъ Гоголя. Все это, разумѣется, было въ мелочахъ. Напримѣръ, бывало онъ чуть не насильно тащитъ меня къ С—ой; но я не иду и не познакомился съ нею [очемъ теперь искренно сожалѣю] именно потому, что ему хотѣлось меня познакомить. Такимъ образомъ мы съ нимъ не сходились. Это, пожалуй, могло случиться очень просто: Гоголь могъ не полюбить меня, да и все тутъ. Такъ нѣтъ же: едва бывало мы разъѣдемся, не пройдетъ и двухъ недѣль, какъ Гоголь пишетъ ко мнѣ и довольно настойчиво проситъ съѣхаться, чтобъ потолковать со мной о многомъ... Сходились мы въ Римѣ по вечерамъ постоянно у Языкова, тогда уже очень больного,—Гоголь, Ивановъ и я. Наши вечера были очень молчаливы. Обыкновенно кто-нибудь изъ насъ троихъ — чаще всего Ивановъ — приносилъ въ карманѣ горячихъ каштановъ; у Языкова стояла бутылка алоатино, и мы начинали вечеръ каштанами, съ прихлебками вина. Большею частью содержаніемъ разговоровъ Гоголя были анекдоты, почти всегда довольно сальные. Молчаливость Гоголя и странный выборъ его анекдотовъ не согласовались съ уваженіемъ, которое онъ питалъ къ Иванову и Языкову и съ тѣмъ вниманіемъ, котораго онъ удостоивалъ меня, зазывая на свои вечернія сходки, если я не являлся безъ зову. Но это можно объяснить тѣмъ, что тогда въ душѣ Гоголя была сильная внутренняя работа, поглотившая его совершено и овладѣвшая имъ самимъ. Въ обществѣ, которое онъ, кромѣ нашего, посѣщалъ изрѣдка, онъ былъ молчаливъ до послѣдней степени. Не знаю впрочемъ, каковъ онъ былъ у А. О. С—ой, которую онъ очень любилъ и о которой говаривалъ всегда съ своимъ Гоголевскимъ восхищеніемъ: »Я вамъ совѣтую пойти къ ней: она очень милая женщина«. Съ художниками онъ совершенно разошелся. Всѣ они припоминали, какъ Гоголь бывалъ въ ихъ

обществѣ, какъ смѣшилъ ихъ анекдотами; но теперь онъ ни съ кѣмъ не видался. Впрочемъ онъ очень любилъ Ѳ. И. I—на и часто, на нашихъ сходкахъ, сожалѣлъ, что его не было съ нами. А надобно замѣтить, что I—нъ очень умный человѣкъ, много испытавшій и отличающійся большою наблюдательностію и еще бо́льшею оригинальностью въ выраженіяхъ. Однажды я тащилъ его почти насильно къ Языкову.

»— Нѣтъ: душа моя, говорилъ мнѣ I—нъ: — не пойду, тамъ Николай Васильевичъ. Онъ сильно скупъ, а мы всё народъ бѣдный, день деньской трудился, работаемъ, — давать намъ не изъ чего. Намъ хорошо бы такъ вечерокъ провести, чтобъ дать и взять, а онъ всё только брать хочетъ.

«Я былъ очень занятъ въ Римѣ и смотрѣлъ на вечернюю бесѣду, какъ на истинный отдыхъ. Поэтому у меня почти ничего не осталось въ памяти отъ нашихъ разговоровъ. Помню я только два случая, показавшіе мнѣ пріемъ художественныхъ работъ Гоголя и понятіе его о работѣ художника. Однажды, передъ самимъ его отъѣздомъ изъ Рима, я собирался ѣхать въ Альбано. Онъ мнѣ сказалъ:

»— Сдѣлайте одолженіе, поищите тамъ моей записной книжки, въ родѣ истаскапнаго простого альбома; только я просилъ бы васъ не читать.

»Я отвѣчалъ: — Однакожъ, чтобъ увѣриться, что точно это ваша книжка, я долженъ буду взглянуть въ нее. Вѣдь вы сказали, что сверху на переплетѣ нѣтъ на ней надписи.

»— Пожалуй, посмотрите. Въ ней нѣтъ секретовъ; только мнѣ не хотѣлось бы, чтобъ кто-нибудь читалъ. Тамъ у меня записано все, что̀ я подмѣчалъ гдѣ-нибудь въ обществѣ.

»Въ другой разъ, когда мы заговорили о писателяхъ, онъ сказалъ:

»— Человѣкъ пишущій такъ же не долженъ оставлять пера, какъ живописецъ кисти. Пусть что-нибудь пишетъ непремѣнно каждый день. Надобно, чтобъ рука пріучилась совершенно повиноваться мысли.

»Въ Римѣ онъ, какъ и всѣ мы, велъ жизнь совершенно студентскую: жилъ безъ слуги, только обѣдалъ всегда вмѣстѣ съ Языковымъ, а мы всѣ въ трактирѣ. Мы съ Ивановымъ всегда неразлучно ходили обѣдать въ тотъ трактиръ, куда прежде ходилъ часто и Гоголь, именно, какъ

мы говорили, къ Фалькону [al Falcone]. Тамъ его любили, и лакей [camerière] намъ разсказывалъ, какъ часто signor Niccolo надувалъ ихъ. Въ великой постъ до Ave Maria, т. е. до вечерни, начиная съ полудня, всѣ трактиры заперты. Ave Maria бываетъ около шести часовъ вечера. Вотъ, когда случалось, что Гоголю сильно захочется ѣсть, онъ и стучитъ въ двери. Ему обыкновенно отвѣчаютъ: »Нельзя отпереть«. Но Гоголь не слушается и гогоритъ, что забылъ платокъ, или табакерку, или что-нибудь другое. Ему отворяютъ, а онъ тамъ уже остается и обѣдаетъ.

»Въ какомъ сильномъ религіозномъ напряженіи была тогда душа Гоголя, покажетъ слѣдующее. Въ то время одна дама, съ которою я былъ очень друженъ, сдѣлалась сильно больна. Я посѣщалъ ее иногда по нѣскольку разъ на день и обыкновенно приносилъ извѣстія о ней въ нашу бесѣду, въ которой всѣ ее знали — Ивановъ лично, Языковъ по знакомству ея съ его родными, Гоголь по наслышкѣ. Однажды, когда я опасался, чтобъ у нея не было антонова огня въ ногѣ, Гоголь просилъ меня зайти къ нему. Я захожу, и онъ, послѣ коротенькаго разговора, спрашиваетъ:

»— Была ли она у Святителя Митрофана?

»Я отвѣчалъ: — Не знаю.

»— Если не была, скажите ей, чтобъ она дала обѣтъ помолиться у его гроба. Сегодняшнюю ночь за нее здѣсь сильно молился одинъ человѣкъ, и передайте ей его убѣжденіе, что она будетъ здорова. Только пожалуста не говорите, что это отъ меня.

»По моимъ соображеніямъ, этотъ человѣкъ, должно было, былъ самъ Гоголь, потому что изъ всѣхъ знакомыхъ больной, тогда былъ въ Римѣ кромѣ меня, еще одинъ только Р—нъ, человѣкъ весьма добрый, благородный, но, кажется, не изъ молящихся. Онъ очень любилъ эту даму; но все-таки не до такой степени, чтобъ за нее усердно молиться.

»Вотъ все, что могу на этотъ разъ припомнить о нашей римской жизни. Общій характеръ бесѣдъ нашихъ съ Гоголемъ можетъ обрисоваться изъ слѣдующаго воспоминанія. Однажды мы собрались, по обыкновенію, у Языкова. Языковъ, больной, молча, повѣсивъ голову и опустивъ ее почти на грудь, сидѣлъ въ своихъ креслахъ; Ивановъ

дремалъ, подперши голову руками; Гоголь лежалъ на одномъ диванѣ, я полулежалъ на другомъ. Молчаніе продолжалось едвали не съ часъ времени. Гоголь первый прервалъ его.

»— Вотъ, говоритъ: — съ насъ можно сдѣлать этюдъ воиновъ, спящихъ при Гробѣ Господнемъ.

»И послѣ, когда уже намъ казалось, что время расходиться, онъ всегда говаривалъ:

»— Что̀, господа? не пора ли намъ окончить нашу шумную бесѣду?

»Жуковскій, какъ извѣстно, очень любилъ Гоголя, но журилъ его за небрежность въ языкѣ; а уважая и высоко цѣня его талантъ, никакъ не былъ его поклонникомъ. Проживая въ Дюссельдорфѣ, я бывалъ у Жуковскаго раза три-четыре въ недѣлю, часто у него обѣдалъ, и мнѣ не разъ случалось говорить съ нимъ о Гоголѣ. Прочтя наскоро »Мертвыя Души«, я пришелъ къ Жуковскому. Признаюсь, съ перваго разу я очень мало раскусилъ ихъ. Я былъ восхищенъ художническимъ талантомъ Гоголя, лѣпкою лицъ, но, какъ я ожидалъ содержанія въ самомъ событіи, то, на первый разъ, въ рядѣ лицъ, для которыхъ разсказъ о мертвыхъ душахъ былъ только внѣшнимъ соединеніемъ, видѣлъ какое-то отсутствіе внутренней драмы. Я объ этомъ сообщилъ Жуковскому и изъ словъ его увидѣлъ, что ему не былъ извѣстенъ полный планъ Гоголя. На замѣчаніе мое объ отсутствіи драмы въ »Мертвыхъ Душахъ«, Жуковскій отвѣчалъ мнѣ:

»— Да и вообще въ драмѣ Гоголь не мастеръ. Знаете ли, что онъ написалъ было трагедію? [Не могу утверждать, сказалъ ли мнѣ Жуковскій ея имя, содержаніе и изъ какого быта она была взята; только, какъ-то при воспоминаніи объ этомъ, мнѣ представляется, что она была изъ русской исторіи] (¹). Читалъ онъ мнѣ ее во Франкфуртѣ. Сначала я

(¹) Вѣроятно, это была та драма, которою онъ хвалился С. Т. Аксакову въ 1839 году. Послѣ онъ не хотѣлъ слышать отъ него и напоминанія о ней. Въ первый пріѣздъ свой въ Москву, Гоголь сказалъ однажды М. С. Щепкину: »Ну, М. С., будетъ вамъ славная работа. У меня есть драма за выбритый усъ, въ родѣ »Тараса Бульбы«. Я скоро ее окончу«. М. С. имѣлъ неосторожность спросить у Гоголя объ этой драмѣ при свидѣтеляхъ. Гоголь отперся и отвѣчалъ, что никогда не говорилъ ничего подобнаго; но, выходя изъ комнаты, шепнулъ г. Щепкину на ухо: »Болтунъ! ничего больше не скажу.« *П. М.*

слушалъ; сильно было скучно; потомъ рѣшительно не могъ удержаться и задремалъ. Когда Гоголь кончилъ и спросилъ, какъ я нахожу, я говорю: »Ну, братъ Николай Васильевичъ, прости, мнѣ сильно спать захотѣлось«. — »А когда спать захотѣлось, тогда можно и сжечь ее«, отвѣчалъ онъ, и тутъ же бросилъ въ каминъ. Я говорю: »И хорошо братъ, сдѣлалъ«.

Помѣщу теперь письма, отражающія внѣшнюю и внутреннюю жизнь Гоголя въ 1843 году.

*Къ И. И. Ш*****.*

Генваря 5 / Декабря 24 Римъ.

»Я вамъ не могу выразить всей моей благодарности за ваше благодатное письмо отъ 21 октября. Скажу только, великодушный и добрый другъ мой, что всякій разъ благодарю Небо за нашу встрѣчу и что письмо это будетъ вѣчно неразлучно со мною. Аксаковы сказали вамъ не совсѣмъ справедливо. Я писалъ имъ въ отвѣтъ на ихъ безпокойства, что долго меня не увидятъ и что мнѣ предстоитъ такое длинное, и по мнѣнію ихъ, соединенное съ такими опасностями путешествіе. Я писалъ имъ въ отвѣтъ на это, чтобъ ихъ нѣсколько успокоить, что не нужно предаваться заранѣе безпокойствамъ, что путешествіе мое предпримется еще не скоро и что нѣтъ причинъ думать, чтобы до того времени мы какъ-нибудь не увидѣлись; но я не писалъ ни слова о томъ, что я буду, или имѣю желаніе быть въ Москвѣ. И признаюсь, только чрезъ Іерусалимъ желаю я возвратиться въ Россію, и сего желанія не измѣнялъ. А что я не отправляюсь теперь въ путь, то это не потому, чтобы считалъ себя до того недостойнымъ. Такая мысль была бы вполнѣ безумна, ибо человѣку не только невозможно быть достойнымъ вполнѣ, но даже невозможно знать мѣру и степень своего достоинства. Но я потому не отправляюсь теперь въ путь, что не приспѣло еще для того время, мною же самимъ въ глубинѣ души моей опредѣленное. Только по совершенномъ окончаніи труда моего, могу я предпринять этотъ путь. Такъ мнѣ сказало чувство души моей, такъ говоритъ мнѣ

внутренній голосъ, смыслъ и разумъ, Его же милосердымъ всемогуществомъ мнѣ внушеные. Окончаніе труда моего предъ путешествіемъ моимъ такъ необходимо мнѣ, какъ необходима душевная исповѣдь предъ святымъ причащеніемъ. Вотъ вамъ въ немногихъ словахъ все. Не думайте же, великодушный другъ мой, чтобы вы меня не увидѣли, какъ вы упомянули въ письмѣ вашемъ. Еслибъ вы вдвое были старѣе теперешняго, то и тогда вы не могли бы сказать этого. Все отъ Бога. Вы проводили меня за Московскую заставу, вы, вѣрно, и встрѣтите меня у Московской заставы. Такъ по крайней мѣрѣ мнѣ хочется вѣрить, такъ мнѣ сладко вѣрить, и о томъ я возсылаю всегдашнія мои молитвы.«

Къ С. Т. Аксакову.

»Баденъ. 24 іюля.

»Благодарю васъ за книги, которыя я получилъ отъ кн. Мещер. въ исправности. Мнѣ жаль, что не дали знать Шевыреву: онъ бы тоже прислалъ мнѣ свою рѣчь о воспитаніи и взглядъ на русскую словесность за прошлый годъ. Можетъ быть, даже накопились и кой-какіе критики и разборы моихъ сочиненій. — — —

»Слухи, которые дошли до васъ о »М. Д.«, все ложъ и пустяки. Никому я не читалъ ничего изъ нихъ въ Римѣ, и, вѣрно, нѣтъ такого человѣка, который бы сказалъ, что я читалъ ему что-нибудь вамъ неизвѣстное. Прежде всего я бы прочелъ Жуковскому, еслибъ что-нибудь было готоваго. Но, увы, ничего почти не сдѣлано мною во всю зиму, выключая немного умственныхъ матеріаловъ, забранныхъ въ голову. Дѣла, о которыхъ я писалъ къ вамъ и которыя просилъ васъ взять на себя, слишкомъ много у меня отняли времени (¹) — — — Но, вѣрно, такъ было нужно, чтобъ время было употреблено на другое. Можетъ быть, и болѣзненное мое расположеніе во всю зиму и мерзѣйшее время, которое стояло въ Римѣ во время моего пребыванія тамъ, нарочно отдалили отъ меня трудъ, для того, чтобы я взглянулъ на дѣло свое съ дальняго разстоянія и почти чужими глазами.«

(¹) Дѣла денежныя. *Н. М.*

Слѣдующее письмо къ П. Д. Бѣлозерскому замѣчательно въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ Гоголь допытывался у своихъ корреспондентовъ различныхъ мелочей практической жизни, изъ которыхъ потомъ строилъ свой громадный »дворецъ«, какъ называетъ онъ продолженіе своего сочиненія. Надобно полагать, что онъ писалъ множество подобныхъ писемъ, къ кому только могъ. Помѣщаю это письмо здѣсь безъ сокращеній.

»Августа 30. Дюссельдорфъ. 1843.

»Мнѣ хочется знать, что̀ съ вами дѣлается, мой добрый Николай Даниловичъ. Отвѣчайте мнѣ на всѣ слѣдующіе вопросы. Я ихъ всѣ занумеровываю, потому, что у людей есть всегда охота увиливать и не отвѣчать на все. 1) Какъ ваше здоровье и всѣхъ васъ, то есть, вашего брата и проч.? 2) Отправляете ли вы донынѣ судейскую вашу должность, и что̀ удалось вамъ въ ней сдѣлать хорошаго и полезнаго? 3) На сколько вообще уѣздный судья можетъ сдѣлать добраго и на сколько дурного? 4) Какъ идетъ ваше хозяйство? 5) Сколько, получаете доходовъ, за уплатой всякихъ повинностей? 6) Какія главныя и доходливыя статьи вашего хозяйства? 7) Что̀ вамъ удалось, или вашему брату, сдѣлать хорошаго по этой части въ продолженіе вашей жизни въ деревнѣ? 8) Каковы ваши сосѣди и кто замѣчательнѣе вообще изъ борзенскаго дворянства и чѣмъ? 9) Чѣмъ каждый среди ихъ полезенъ себѣ и другимъ и чѣмъ вреденъ себѣ, или другимъ? 10) Что̀ говорятъ у васъ о »Мертвыхъ Душахъ« и о моихъ сочиненіяхъ? [экземпляра я вамъ не послалъ потому, что съ трудомъ даже получилъ для себя.] Не пренебрегайте въ этомъ дѣлѣ ни чьимъ мнѣніемъ и кто какъ ни говоритъ, пишите мнѣ, хотябы это были совершенныя глупости. Итакъ, вотъ вамъ запросы! Ихъ всѣхъ числомъ десять. Я ихъ нарочно записалъ у себя въ книгѣ, чтобы вы котораго-нибудь изъ нихъ не пропустили. Хоть коротко, но на каждый вы должны отвѣчать нумерно.«

Къ П. А. Плетневу Гоголь писалъ о прозаическихъ дѣлахъ, но не замѣтно перешелъ отъ нихъ къ высшимъ понятіямъ о художествѣ и къ душевнымъ признаніямъ.

»Октября 6. Дюссельдорфъ. 1843.

»Началомъ письма уже просьба. Шевыревъ изъ Москвы извѣстилъ

меня — — что Прокоповичу предстоитъ тяжба [Прокоповичъ не далъ мнѣ до сихъ поръ никакого обстоятельнаго увѣдомленія о положеніи дѣлъ моихъ], и потому я прошу васъ помочь, сколько можно, вашимъ участьемъ, если точно дѣло въ плохомъ положеніи. Денегъ я не получаю ни откуда; вырученныя за »М. Д.« пошли всѣ почти на уплату долговъ моихъ. За сочиненія мои тоже я не получилъ еще ни гроша, потому что все платилось въ — — типографію, взявшую страшно дорого за напечатаніе; и притомъ продажа книгъ идетъ, какъ видно, тупо. Если придется къ тому потерять экземпляры, то и впереди не предстоитъ никакой возможности на пропитаніе тщедушныхъ дней моихъ. И потому, что́ можно сдѣлать — сдѣлайте. Въ теперешнихъ моихъ обстоятельствахъ мнѣ бы помогло отчасти вспомоществованіе — — Прежде, признаюсь, я не хотѣлъ бы даже этого, но теперь, опираясь на стѣсненное положеніе моихъ обстоятельствъ, я думаю, можно прибѣгнуть къ этому. — — Впрочемъ, вы сдѣлаете, что́ только будетъ въ вашей возможности, потому что видите сами мое положеніе, и потому, что раздѣляете его душевно. Важность всего этого тѣмъ болѣе значительна, что нескоро придется мнѣ выдать что-нибудь въ свѣтъ. Чѣмъ болѣе торопимъ себя, тѣмъ менѣе подвигаемъ дѣло. Да и трудно это сдѣлать, когда уже внутри тебя заключился твой неумолимый судья, строго требующій отчета во всемъ и поворачивающій всякій разъ назадъ при необдуманномъ стремленіи впередъ. Теперь мнѣ всякую минуту становится понятнѣй, отъ чего можетъ умереть съ голода художникъ, тогда какъ кажется, что онъ можетъ большія набрать деньги. Я увѣренъ, что не одинъ изъ близкихъ даже мнѣ людей, думая обо мнѣ, говоритъ: »Ну, что́ бы могъ сдѣлать этотъ человѣкъ, еслибы захотѣлъ! Ну, издавай онъ всякій годъ по такому тому, какъ »Мертвыя Души«, — онъ бы могъ доставить себѣ двадцать тысячь годового дохода.« А того никто не разсмотритъ, что этотъ томъ, со всѣми его недостатками и грѣхами непростительными, сто́итъ почти пятилѣтней работы, стало быть, можетъ назваться вполнѣ выработаннымъ кровью и по́томъ. *Я знаю, что послѣ буду творить полнѣй и даже быстрѣе; но до этого еще нескоро мнѣ достигнуть. Сочиненія мои такъ связаны тѣсно съ духовнымъ образованіемъ меня самого и такое мнѣ нужно до того времени*

вынести внутреннее сильное воспитаніе душевное, глубокое воспитаніе, *что нельзя и надѣяться на скорое появленіе моихъ сочиненій*. Признайтесь: не показался ли я вамъ страннымъ въ наше послѣднее свиданіе, неоткровеннымъ и необщительнымъ, — словомъ, страннымъ? Не могъ я вамъ показаться иначе, какъ такимъ: захлопотанный собою, занятый мыслію объ одномъ себѣ, о моемъ внутреннемъ хозяйствѣ, объ управленіи моими непокорными слугами, находящимися во мнѣ, надъ которыми всѣми слѣдовало вознестись — иначе какъ разъ очутиться въ ихъ власти — занятый всѣмъ этимъ, я не могъ быть откровеннымъ и свѣтлымъ: это принадлежности безмятежной души. А моей душѣ еще далеко до этого. Не потому я молчу теперь, чтобы не хотѣлъ говорить, но потому молчу, что не умѣю говорить, и не нашелъ бы словъ даже, какъ разсказать то, что̀ захотѣлъ бы разсказать. Но я заговорился, кажется.... Впрочемъ это слово изъ моей душевной исповѣди. А душевная исповѣдь должна быть доступна всегда сердцу близкаго намъ друга.«

Приписка на сторонѣ:

»Получили ли »Матео Фальконе« отъ Жуковскаго? я интересуюсь знать о немъ; хоть это и не мое дитя, но я его воспринималъ отъ купѣли и торопилъ къ появленію въ свѣтъ. Вы замѣтили, я думаю, что онъ переписанъ моею рукою.«

Это черта совершенно художническая: артистъ, изъ любви къ искусству, принимаетъ на себя смиренный трудъ переписчика, для того только, чтобы поскорѣе сдѣлать доступнымъ для другихъ произведеніе, которое восхитило его.

Слова, напечатанныя мною въ этомъ письмѣ курсивомъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Въ нихъ заключается зерно одного изъ интереснѣйшихъ психологическихъ вопросовъ: какимъ образомъ литературный геній, освободясь изподъ опеки вдохновляющей на творчество природы, становится самъ на ея мѣсто и образуетъ изъ себя свободно творящую и сомообладающую силу? Внимательный читатель встрѣтитъ эту тему во многихъ письмахъ Гоголя, въ болѣе, или менѣе

полномъ ея развитіи; но здѣсь она высказана впервые, и мы остановимся надъ нею, для того, чтобы подвести одинъ знаменатель во всѣмъ раздробленьямъ великой мысли, которая обняла, съ нѣкотораго времени, духъ Гоголя и до тѣхъ поръ держала его въ своихъ предѣлахъ, пока онъ не пріобрѣлъ высшихъ силъ творчества, или — сказать проще — для того, чтобы потомъ, гдѣ бы ни встрѣтилъ читатель въ письмахъ Гоголя строки и страницы, выражающія эту мысль, онъ бы соединялъ ихъ въ умѣ своемъ подъ одной общей замѣткой.

Переходное время отъ естественнаго вдохновенія къ творчеству — къ творчеству самоизвлекаемому — бываетъ въ жизни каждаго литературнаго таланта, но только не каждый талантъ просвѣтляетъ, подобно Гоголю, свою оболочку, скрывающую отъ насъ его внутреннюю переработку. Притомъ же каждый писатель одаренъ своеобразнымъ способомъ самовоспитанія, и отъ этого — замѣчу мимоходомъ — геній на генія такъ не похожъ въ своихъ внѣшнихъ чертахъ, хотя между ихъ натурами существуетъ глубоко скрытое внутреннее сходство. У однихъ самовоспитаніе совершается столь послѣдовательно и спокойно, что извнѣ почти незамѣтны признаки переворотовъ, совершающихся во внутреннемъ строеніи геніальной натуры; другіе, напротивъ, подобно образующимся планетамъ, ясно обнаруживаютъ кажущійся безпорядокъ, или волненіе своихъ стихій, въ ихъ смутной для самого генія борьбѣ между собою; наконецъ, нѣкоторые впадаютъ, по видимому, въ летаргическое состояніе, относительно творчества, — отвращаютъ глаза отъ внѣшняго міра и живутъ долгое время внутри себя. По какимъ бы превращеніямъ ни подвергалась геніальная натура, въ какія бы отступленія отъ общихъ, извѣстныхъ каждому законовъ жизни ни впадала она, путь ея всё одинъ и тотъ же, дѣло ея всё одно и то же, какъ говоритъ о себѣ Гоголь. И напрасно мы стали бы опредѣлять относительныя достоинства талантовъ по гармоническому, или безпорядочному, быстрому, или медленному ихъ самоорганизованію. Каждый изъ нихъ, взятый отдѣльно, представитъ проницательному наблюдателю міръ чудесъ, устремляющій душу къ ихъ источнику; и всѣ они вмѣстѣ, сколько ни внесло ихъ человѣчество въ книгу своего разумѣнія, творятъ всё болѣе и болѣе увлекательную исторію духа, — исторію, которой конца не предвидится, но которая

каждой новой своей страницей дѣлается для насъ еще драгоцѣннѣе. Здѣсь-то скрывается причина, почему сборникъ писемъ поэта, безъ всякаго даже объяснительнаго текста, равняется по своему интересу съ лучшими созданіями его таланта, и почему мы, сколько бы ни говорили о геніальныхъ натурахъ, никогда не можемъ достаточно наговориться. Все въ нихъ, уже извѣстное и поступившее въ сумму нашихъ знаній, кажется свѣжимъ и обѣщаетъ для мысли новые пути, отъ одного поворота ихъ въ ту, или въ другую сторону, отъ сравненія ихъ между собою и объясненія одного другимъ. Напримѣръ, возьмите вы эти немногія курсивныя строки, надъ которыми мы остановились, и поставьте ихъ рядомъ съ тѣмъ, что̀ было высказано Шиллеромъ по тому же психологическому вопросу: они засіяютъ новымъ свѣтомъ, и самъ Шиллеръ какъ-будто скажетъ вамъ что-то еще несказанное.

»Критика теперь сама должна отплатить мнѣ за все, что̀ я потерялъ черезъ нее. А потерялъ я очень многое; ибо бойкость и оживленный огонь, которые были во мнѣ, прежде нежели мнѣ было извѣстно хоть одно правило искусства, уже нѣсколько лѣтъ ко мнѣ болѣе не являлись. Теперь я самъ присутствую при рожденіи и развитіи моихъ созданій, самъ наблюдаю въ себѣ игру одушевленія, и моя фантазія дѣйствуетъ не такъ свободно съ тѣхъ поръ, какъ знаетъ, что у нея есть свидѣтели. Но, какъ скоро я дойду до того, что соблюденіе законовъ искусства сдѣлается моей природой, какъ воспитаніе дѣлается природой образованнаго человѣка, то и фантазія моя обрѣтетъ свою прежнюю свободу и будетъ стѣсняться только произвольными узами.«

Въ тѣхъ же словахъ Гоголя, кромѣ эстетическаго смысла, заключается другой, чисто человѣческій смыслъ. Гоголя не могло удовлетворить развитіе въ себѣ одного художественнаго таланта, что̀ для многихъ геніевъ служитъ конечною цѣлью всѣхъ стремленій. Въ его натурѣ заключена была особенная тоска по иной жизни, никогда недававшая ему успокоиться надолго. Эту тоску онъ чувствовалъ, не зная ей имени, уже въ четырехъ-лѣтнемъ возрастѣ, и она же томила его душу потомъ, въ минуты высочайшихъ художественныхъ созерцаній. Изъ этихъ двухъ началъ — ясновидѣнія земной жизни и стремленія къ жизни лучшей — развивается вся исторія существованія Гоголя. Здѣсь скрывается причи-

на задачъ, на разрѣшеніе которыхъ онъ потратилъ лучшіе свои годы, годы успѣховъ литературныхъ, годы любви и дружбы. И чѣмъ выше становился взглядъ его на искусство, тѣмъ строже былъ онъ къ себѣ, какъ къ человѣку; ибо искусство было для него только средствомъ къ устремленію ближняго туда, куда онъ самъ стремился. Потому-то онъ часто, сознавая всю силу своего таланта, оставлялъ его надолго въ бездѣйствіи и, вмѣсто творческой работы, воспитывалъ свою душу въ любви и разумѣ христіянскомъ. Никто не подозрѣвалъ, съ какого юнаго возраста пробудилось въ немъ сознаніе высшаго его назначенія. Въ своей »Авторской Исповѣди« онъ говоритъ, что »задумываться о будущемъ онъ началъ рано, — въ ту пору, когда всѣ его сверстники думали еще объ играхъ«, и ему »всегда казалось, что его ожидаетъ просторный кругъ дѣйствій и что онъ сдѣлаетъ даже что-то для общаго добра«. Въ бесѣдахъ съ своей матерью, еще задолго до переѣзда въ Петербургъ, онъ объявилъ ей однажды, что »не будетъ жить для себя, а для страждущихъ ближнихъ, и если удостоитъ его Богъ быть полезнымъ своему отечеству, то почтетъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ; но если вообразитъ, что, можетъ быть, не допустятъ его къ тому обстоятельства, то чувствуетъ, что холодный потъ выступаетъ у него на лбу«. Конечно, не одинъ Гоголь имѣлъ въ отрочествѣ такіе страстные порывы къ добру и благу ближняго, но многіе ли остались вѣрны имъ до конца? Въ то время, когда въ Петербургѣ никто еще его не зналъ и ему предстояло пробивать себѣ дорогу въ жизни собственными, неиспытанными еще силами, онъ отказался, въ пользу своего семейства, отъ наслѣдственнаго имѣнія. »Я сдѣлалъ все, что́ могъ« (для сестеръ), писалъ онъ къ друзьямъ своимъ въ 1843 году, отвѣчая на упрекъ одного изъ нихъ: »отдалъ имъ свою половину имѣнья, сто душъ, и отдалъ, будучи самъ нищимъ и не получая достаточнаго для своего собственнаго пропитанья. Наконецъ, я одѣвалъ и платилъ за сестеръ, и это дѣлалъ не отъ доходовъ и излишествъ, а занимая и надѣлавъ долговъ, которые долженъ уплачивать.« Въ томъ же письмѣ онъ говоритъ, что уже давно все его состояніе заключается въ крохотномъ чемоданѣ и четырехъ парахъ бѣлья. Дальнѣйшее обнаруженіе его поступковъ, изъ его переписки, покажетъ, какъ искренни были слова его, что онъ »возлюбилъ свою бѣдность«, и какъ

мало душа его склонялась къ земному. Гоголь, какъ писатель, имѣетъ достоинства и значеніе, которыя каждый цѣнитъ сообразно съ своимъ вкусомъ и понятіями о литературѣ; но тотъ еще немного узналъ, кто изучилъ его, какъ писателя. Человѣкъ въ немъ былъ выше всего, и дѣйствіе его, какъ человѣка, на общество — когда онъ объяснится весь, когда онъ дастъ себя почувствовать каждому свѣжему сердцу — будетъ, можетъ быть, несравненно важнѣе по своимъ послѣдствіямъ, нежели дѣйствіе его литературныхъ произведеній. »Значенье писемъ моихъ (говоритъ онъ въ одномъ письмѣ къ матери) (1), можетъ быть, узнается послѣ. — Старайтесь лучше видѣть во мнѣ христіанина и человѣка (писалъ онъ къ ней же) (2), чѣмъ литератора«.

---

(1) Отъ 6-го апрѣля, 1844.
(2) Отъ 15-го іюня, 1844.

Конецъ перваго тома.

1-50
Котко
Магазин 28
Д.
Котко
Магазин 28
50

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*строка*	*напечатано*	*слѣдуетъ*
18	14	рѣчи	рѣчки
22	30	Васильевскѣ	Васильевкѣ
36	24	дома; въ это время	дома въ это время.
55	6	Скалозубу	Салогубу
56	21	сице намъ	легце нашъ
—	25	пакстъ	паки
99	9	совершенный	современный
133	31	Иоая	Нечая.
189	13	загададно	загадочно
207	16	говоритъ	говорилъ
212	8	премеленькая	премиленькая
234	20	вольнодушныя	вольнодумныя
248	18	Eelice	Felice